Шри Ауробиндо

Синтез Йоги

Введение
УСЛОВИЯ СИНТЕЗА

ГЛАВА I
Жизнь и Йога

Существует две настоятельности в работах Природы, которые всегда вплетаются в более значимые формы человеческой активности, принадлежат ли они нашим обычным областям движения или ищут тех исключительных сфер и реализаций, которые кажутся нам высокими и божественными. Каждая такая форма тяготеет к гармонизованной комплексности и тотальности, которая снова разваливается на разнообразные каналы усилий и тенденций, лишь чтобы снова объединиться в большем и более мощном синтезе. Кроме того, развитие в формы является императивным правилом эффективной манифестации; и всё же вся истина и практика, слишком строго сформулированная, становится устаревшей и теряет многое из своего достоинства, если не всё достоинство; она должна постоянно обновляться свежими потоками духа, оживляющими мертвый или умирающий носитель, и меняющими его, если ему суждено обрести новую жизнь. Постоянное возрождение является условием материального бессмертия. Мы живем в век, полный мучительной работы, когда все формы мышления и действия, имеющие в себе какую-либо сильную мощь полезности или какое-либо тайное достоинство выносливости, подвергаются всевышнему испытанию и получили свою возможность возрождения. Современный мир напоминает гигантский котел Медеи, в которой бросается всё, разбивается на куски, экспериментируется, комбинируется и перекомпоновывается, чтобы исчезнуть и предоставить материал для новых форм или выйти омоложенным и измененным для нового срока существования. Индийская Йога, в своей сущности являющаяся особым действием или формулировкой определенных великих сил Природы, сама специализированная, поделенная и разнообразно сформулированная, является в своем потенциале одним из этих динамических элементов будущей жизни человечества. Ребенок древних веков, сохранившийся благодаря своей витальности и истине до наших дней, она теперь появляется из тайных школ и аскетических убежищ, в которых находила свой приют, и ищет теперь свое место в будущем итоге человеческих сил и средств. Но сначала она должна вновь обрести себя, вынести на поверхность глубочайшую причину своего существования в той общей и истине и той непрестанной цели Природы, которую она представляет, и благодаря этому новому самознанию и само-пониманию найти собственный восстановленный и больший синтез. Реорганизуя себя, она легче и мощнее войдет в реорганизованную жизнь расы с её процессами, претендующими на то, чтобы вести внутрь к самому тайному святилищу и вверх к высочайшим высотам собственного существования и личности.

С истинной точки зрения на жизнь и Йогу вся жизнь является Йогой, будь то сознательно или подсознательно.Ибо под этим словом мы подразумеваем методическое усилие к само-совершенству путем выражения потенциальностей, скрытых в существе, а также объединение человеческого индивида с универсальным и трансцендентным Существованием, которое мы видим частично выраженным в человеке и Космосе. Но когда мы смотрим за внешние видимости, вся жизнь предстает обширной Йогой Природы, пытающейся реализовать свое совершенство во всегда растущем выражении своих потенциальностей, а также стремящейся объединиться с собственной божественной реальностью. В человеке, ее мыслителе, она впервые на этой Земле разрабатывает само-сознательное средство и намеренное устройство деятельности, благодаря чему эта великая цель может быть быстрее и могущественнее достигнута. Как говорил Свами Вивекананда, Йогу можно рассматривать как средство сжатия собственной эволюции в одну жизнь или несколько лет или даже несколько месяцев телесного существования. Значит, данная система Йоги может быть не более чем выбором или сжатием, в более узкие, но более энергичные формы интенсивности, общих методов, которые уже использовались свободно, обильно, в неспешном движении, с выглядящей чрезмерной тратой материала и энергии, но с более полной комбинацией, осуществляемой великой Матерью в ее обширном труде, направленном вверх. Именно эта точка зрения на Йогу может одна сформировать основу для прочного и рационального синтеза Йогических методов. Ибо тогда Йога перестает казаться чем-то мистическим и ненормальным, не имеющим связи с обычным процессом Мировой Энергии или целью, которую она имеет в виду в своих двух великих движениях субъективного и объективного самоисполнения; наоборот, она раскрывает себя в качестве интенсивного и исключительного использования сил, которые она уже проявила или постепенно организует в своих менее возвышенных, но более общих операциях.

Йогические методы имеют примерно такое же отношение к обычным психологическим работам человека, какое научное овладение силой электричества или пара имеет к обычным действиям электричества или пара. Йогические методы тоже основаны на знании, развитом и подтвержденном регулярными экспериментами, практическим анализом и неизменными результатами. Например, Раджа-йога опирается на то восприятие и переживание, что наши внутренние элементы, комбинации, функции, силы могут быть отделены или растворены, могут быть заново скомбинированы и направлены на новую и ранее невозможную работу или они могут быть трансформированы и вылиться в новый общий синтез с помощью постоянных внутренних процессов. Аналогично, Хатха-йога опирается на то восприятие и переживание, что витальными силами и функциями, которым наша жизнь обычно подчинена и чьи обычные операции кажутся установившимися и непреложными, можно овладеть, а их операции можно изменить или приостановить, так что иначе результаты были бы невозможны и казались бы чудесными тем, кто не уловил подоплеку процесса. И если в некоторых других своих формах этот характер Йоги менее виден, поскольку они более интуитивны и менее механистические, ближе,

подобно Йоги Поклонения, к небесному экстазу или, подобно Йоги Знания, к небесной бесконечности сознания и бытия, всё же они тоже стартуют с использования некоей принципиальной способности в нас путями и на цели, не видные из их повседневных спонтанных работ. Все методы, сгруппированные под общим именем Йоги, являются специальными психологическими процессами, основанными на неизменной истине Природы, и развивающими, из нормальных функций, силы и результаты, которые всегда были латентными, но которые ее обычные движения не легко или не часто проявляют.

Но, подобно тому, как в области физического знания умножение научных процессов имеет свои недостатки, поскольку ведет, например, к развитию победоносной искусственности, подавляющей нашу естественную человеческую жизнь грузом машинерии, а также к приобретению определенных форм свободы и господства ценой увеличившегося служения машинерии, так и поглощенность Йогическими процессами и их исключительными результатами может иметь свои недостатки и упущения. Йогин имеет тенденцию отходить от общего существования и терять свою опору на него; он имеет тенденцию приобретать богатства духа за счет истощения своих человеческих действий и обретать внутреннюю свободу путем внешней смерти. Если он обретает Бога, то теряет жизнь; либо, если он направляет свои усилия вовне для завоевания жизни, он рискует потерять Бога. Поэтому мы видим в Индии созданную несовместимость между жизнью в мире и духовным ростом и совершенством, и хотя остается традиция и идеал победоносной гармонии между внутренним тяготением и внешним, это слабо подтверждено примерами. В действительности, когда человек поворачивает свое зрение и энергию внутрь и вступает на путь Йоги, обычно предполагается, что он неизбежно теряется для великого потока нашего коллективного существования и мирского усилия человечества. Это представление преобладало настолько сильно и настолько это подчеркивалось в широко распространенных философиях и религиях, что бегство из жизни теперь обычно считается не только необходимым условием, но и общей целью Йоги. Не может быть удовлетворительным никакой синтез Йоги, который в своей цели не воссоединяет Бога и Природу в освобожденной и совершенной человеческой жизни, а в своем методе не только допускает, но и поддерживает гармонию внутренних и внешних действий и переживаний в божественном единении обоих. Ибо человек – это точно тот термин и символ высшего Существования, который спустился в материальный мир, в котором низшее может трансформироваться и надевать на себя природу высшего, а высшее может раскрыться в формах низшего. Уход от жизни, данной ему для реализации этой возможности, не может быть ни обязательным условием, ни всей окончательной целью его верховного стремления или его самой мощным средством самоисполнения. Уход от жизни может быть лишь временной необходимостью при определенных условиях или специальным крайним усилием, наложенным на индивида, чтобы подготовить большую общую возможность для расы. Истинная и полная цель и польза Йоги может быть достигнута лишь в том случае, когда сознательная Йога в человеке становится, по-

добно подсознательной Йоге в Природе, созвучной самой жизни, и мы можем, глядя как на путь, так и достижение, сказать в более совершенном и светлом ощущении: «Вся жизнь – Йога».

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА I
Объект Знания

Весь духовный поиск движется к объекту Знания, к которому мир обычно не обращает взор разума, к кому-то или чему-то Вечному, Бесконечному, Абсолютному, что не является временными вещами или силами, чувствуемыми нами, хотя этот некто или нечто может быть в них или за ними, либо быть их источником и творцом. Этот поиск нацеливается на состояние знания, благодаря которому мы можем коснуться, войти или узнать посредством тождества это Вечное, Бесконечное и Абсолютное, сознание, отличное от нашего обычного сознания идей, форм и вещей, и это не то знание, которое мы обычно называем знанием, а нечто самосуществующее, вечное, бесконечное. И хотя оно может или даже обязательно должно, поскольку человек является ментальным творением, стартовать с наших обычных инструментов познания, все же оно также обязательно должно идти за их пределы и использовать супрачувственные и супраментальные средства и способности, ведь оно ищет нечто, что само по себе является супрачувственным и супраментальным и находится за пределами охвата разума и чувств, даже если через разум и чувство может придти его проблеск и отраженный образ.

Все традиционные системы, сколь бы они ни отличались, стартуют с той веры или восприятия, что только Вечное и Абсолютное может быть или, по крайней мере, может населять чистое трансцендентное состояние не-космического существования или же не-существования. Все космическое существование или все, что мы называем существованием, является состоянием неведения. Даже высочайшее индивидуальное совершенство, даже блаженное космическое состояние не более чем высочайшее неведение. Все индивидуальное, все космическое должно быть строго отвергнуто искателем абсолютной Истины. Всевышнее спокойное *Я* или же абсолютный Ноль является единственной Истиной, единственным объектом духовного знания. То состояние знания, сознания, которое отличается от этого временного и которое мы должны достичь, является Нирваной, угасанием эго, прекращением всей ментальной, витальной и физической деятельности, вообще всякой деятельности, является всевышним озаренным спокойствием, чистым блаженством безличностной безмятежности, само-поглощенной и неописуемой. Средствами достижения этого являются медитация, концентрация, исключающая все иное, полная потеря разума в его объекте. Действие допустимо только на первых стадиях этого поиска, чтобы очистить искателя и сделать его морально и темпераментно пригодным сосудом для знания. Но даже это действие должно быть либо

ограничено исполнением ритуалов поклонения и предписанными службами жизни, строго установленными индусскими Шастрами, либо, как в буддистской дисциплине, должно направляться по восьмикратному пути ко всевышней практике работ сострадания, что ведет к практическому растворению *я* в благе других. В конце концов, в любой строгой и чистой Джняна-йоге, все работы должны быть оставлены ради полного молчания. Действие может подготовить освобождение, но не может его дать. Любая продолжающаяся приверженность к действию не совместима с высочайшим прогрессом и может стать непреодолимым препятствием к достижению духовной цели. Всевышнее состояние спокойствия и молчания в корне противоположно действию и не может быть достижимо теми, кто продолжает работать. И даже поклонение, любовь, духовная служба являются дисциплинами незрелой души, являются, в лучшем случае, лучшими методами Неведения. Ведь они предназначаются нечто иному, более высокому и более великому, чем мы сами; но во всевышнем знании не может быть такого, поскольку там либо есть только одно *я*, либо нет *я* вообще, и поэтому либо некому служить и преподносить любовь и поклонение, либо некому получать все это. Даже мыслительная деятельность должна растворить в единственном сознании тождества или сознания пустоты, и своим молчанием вызвать молчание всей природы. Должно остаться абсолютное Тождество или вечный Ноль.

Чистая Джняна-йога приходит путем интеллекта, хотя она и заканчивается в превосхождении интеллекта и его работ. Мыслитель в нас отдаляет себя от всего остального, чем мы феноменально являемся, отвергает сердце, отходит от жизни и ее чувств, отделяет себя от тела, чтобы иметь возможность достичь собственного исключительного исполнения в том, что находится за пределами даже его самого и его функции. Есть истина, которая лежит в основе этой позиции, как и есть переживание, которое, по-видимому, оправдывает эту же позицию. Есть Сущность, являющаяся по своей природе покоем, всевышним Молчание в Существе, что находится за пределами собственного развития и изменений, неизменное и поэтому высшее по отношению ко всем активностям, для которых оно, самое большее, является Свидетелем. И в иерархии наших психологических функций Мышление ближе всего находится к этому *Я*, ближе всего, по крайней мере, к его аспекту все-сознающего знатока, который обозревает все активности, но может отойти назад ото всех них. Сердце, воля и другие силы в нас фундаментально активны, естественным образом повернуты к действию, находят через него свое исполнение, — хотя они также могут автоматически достигать определенного покоя путем полноты удовлетворения их активностей, либо путем обратного процесса истощения через постоянное разочарование и неудовлетворение. Мышление также является активной силой, но оно более способно к достижению покоя при помощи собственного сознательного выбора и воли. Мышление легче соглашается с озаренным интеллектуальным восприятием этого молчаливого Свидетельствующего *Я*, этого недвижимого Духа, и готово, считая свою миссию нахождения истины выполненной, впасть в покой и самому стать недвижимым. Ведь в своем самом характерном движении

оно само более склонно быть незаинтересованным свидетелем, судьей, наблюдателем вещей, чем быть активным участником и страстным работником, и может очень легко достичь духовного или философского покоя и беспристрастной отчужденности. И поскольку люди являются ментальными существами, то мышление является их, если не по-настоящему лучшим и высочайшим, то, по крайней мере, самым постоянным, обычным и эффективным средством освещения их неведения. Вооруженное своими функциями сбора и отражения, медитации, фиксированного созерцания, поглощенного пребывания разума на своем объекте, *сравана*, *манана*, *нидихьясана*, оно стоит на нашей вершине как совершенно необходимый помощник для нашей реализации того, что мы преследуем, и не удивительно, что оно должно претендовать на то, чтобы быть лидером путешествия и единственно доступным руководителем или, по крайней мере, непосредственной и самой внутренней дверью храма.

В действительности мышление является только разведчиком и пионером; оно может вести, но не может распоряжаться или совершать. Лидером путешествия, капитаном марша, первым наиболее древним жрецом нашей жертвы является Воля. Воля — это не желание сердца или требование или предпочтение разума, что мы обычно называем Волей. Воля – это самая сокровенная, доминирующая и зачастую завуалированная сознательная сила нашего существа и всего существа, это Тапас, Шакти, Шрадха, которая суверенно определяет нашу ориентацию и по отношению к которой интеллект и сердце являются более или менее слепыми и автоматическими слугами и инструментами. *Я*, молчаливое, находящееся в покое, без вещей и событий, является опорой и фоном существования, молчаливым каналом или ипостасью чего-то Всевышнего: это не само одно полностью реальное существование, не сам Всевышний. Вечный, Всевышний является Господином и все-зачинающим Духом. Превосходящий все активности и не связанный ни одной из них, он является источником, санкцией, материалом, действующей силой, мастером всех активностей. Все активности проистекают из этого всевышнего *Я* и определяются им; все является его операциями, процессами его собственной сознательной силы, а не чего-то чуждого *Я*, некой силой, отличной от Духа. В этих активностях выражается сознательная Воля Шакти Духа, движимая проявить свое бытие бесчисленными способами, Воля или Мощь, не невежественная, а единая с собственным само-знанием и знанием всего того, что выдвинуто для выражения. И тайная духовная воля и душа-вера в нас, выдвинутая из этой Мощи, доминирующая скрытая сила нашей природы, является индивидуальным инструментом, находящимся в более близком сообщении со Всевышним, более надежным проводником и осветителем, если мы можем сразу же взять и удержать ее, потому что она более глубоко и более сокровенно близка к Тождественному и Абсолюту, чем поверхностные активности наших сил мышления. Знать эту волю в нас самих во вселенной и следовать ей к ее божественным окончательностям, какими бы они ни были, должно, несомненно, быть высочайшим способом и самой верной кульминацией знания как для работ, так и для искателя в жизни и для искателя в Йоге.

Мышление, поскольку оно не является самой высокой или самой сильной частью природы, и даже не единственным или глубочайшим указателем на Истину, не должно следовать собственному исключительному удовлетворению или принимать его за знак своего достижения всевышнего Знания. До определенной точки мышление является руководителем сердца, жизни и других членов, но оно не может заменить их; оно должно видеть не только то, что является его собственным окончательным удовлетворением, но и смотреть на то, что явилось бы окончательным удовлетворением и для других членов. Исключительный путь абстрактного мышления был бы оправдан только в том случае, если бы целью Всевышней Воли во вселенной было бы не более, чем нисхождение в деятельность неведения, приводимого в действие разумом как слепым инструментом и надсмотрщиком посредством ложной идеи и ощущения, и восхождения в спокойствие знания, приводимого в действие тем же разумом, но уже как освещенным инструментом и спасителем и посредством правильного мышления. Но в мире есть цель менее абсурдная и менее бесцельная, есть менее сухой и менее абстрактный импульс к Абсолюту, есть более широкая и комплексная истина мира, есть более богатая и бесконечная высота Бесконечного. Конечно, абстрактная логика всегда должна приходить к бесконечному пустому Отрицанию или к бесконечному и равным образом пустому Утверждению, как к этому и приходили древние системы; ведь абстрактная логика движется к абсолютной абстракции, и есть только две абстракции, являющиеся совершенно абсолютными. Но ключом к божественному супрачеловеческому знанию скорее будет конкретная, вечно углубляющаяся мудрость, ожидающая все больших богатств бесконечного переживания, чем самоуверенная абстрактная логика узкого и некомпетентного человеческого разума. Сердце, воля, жизнь и даже тело ничуть не меньше, чем мышление, являются формами божественного Сознательного Бытия и указателями великой важности. Они тоже являются силами, с помощью которых душа может вернуться к своему полному самоосознанию, или средствами, с помощью которых она может наслаждаться ими. Целью Всевышней Воли может также быть кульминация, в которой все существо намеревается получить свое божественное удовлетворение, высоты, освещающие глубины, материальное Несознательное, раскрывшееся для себя как Божественное с помощью касания всевышнего Сверхсознания.

Традиционный Путь Знания идет путем устранения, последовательно отвергая тело, жизнь, чувства, сердце, само мышление, чтобы слиться с молчаливым *Я*, либо всевышним Нулем или бесконечным Абсолютом. Путь интегрального знания предполагает, что мы намереваемся достичь интегрального само-исполнения, и единственной вещью, которую надо устранить, является наше собственное несознание, Неведение и результаты Неведения. Устранить ложность существа, которая представляется как эго; тогда в нас сможет проявиться наше истинное существо. Устранить ложность жизни, которая представляется как простое витальное желание и механический круг нашего телесного существования; наша истинная жизнь появится в мощи Божества и радости Бесконечного. Устранить

ложность чувств с их подчиненностью материальным показам и дуальным ощущениям; в нас есть большее чувство, которое может открыться через все это к Божественному в вещах и божественно отвечать на это. Устранить ложность сердца с его мутными страстями и желаниями и его дуальными эмоциями; в нас может открыться более глубокое сердце с его божественной любовью ко всем творениям и его бесконечной страстью и желанием откликов Божественного. Устранить ложность мышления с его несовершенными ментальными построениями, его самонадеянными утверждениями и отрицаниями, его ограниченными и исключительными концентрациями; за всем этим находится большая способность Знания, которая может открыться настоящей Истине Бога, души, Природы и вселенной. Интегральное само-исполнение, — абсолют, кульминация переживаний сердца, его инстинкта любви, радости, поклонения и служения; абсолют, кульминация чувств, их преследование божественной красоты, блага и восторга в формах вещей; абсолют, кульминация жизни, ее преследование работ, божественной мощи, мастерства и совершенства; абсолют, кульминация мышления за пределами его границ, его поиска истины, света, божественной мудрости и знания. Конечной целью этих вещей в нашей природе является не нечто отличное от них самих, от чего они будут отброшены, а нечто всевышнее, в чем они одновременно превосходят самих себя и находят собственные абсолюты и бесконечности, свои безвременные гармонии.

За традиционным путем Знания, оправдывая его процесс устранения и отхода, стоит господствующее духовное переживание. Глубокое, интенсивное, убедительное, общее для всех, кто переступил через определенный предел активной зоны разума и вступил в безбрежное внутреннее пространство, это является великим переживанием освобождения, сознания нечто вокруг нас, что находится за и вне вселенной и всех ее форм, интересов, целей и событий, это спокойный, незатрагиваемый, беспристрастный, неограничиваемый, недвижимый, свободный взгляд вверх на нечто над нами, неописуемое и неохватываемое, во что мы можем войти путем аннулирования нашей личности, это присутствие вездесущего вечного свидетельствующего Пуруши, ощущение Бесконечности или Безвременности, которая смотрит вниз на нас с августейшего отрицания всего нашего существования, и только она является единственно Реальной вещью. Это переживание является высочайшим возвышением одухотворенного разума, решительно смотрящего за пределы собственного существования. Никто, кто не прошел через это освобождение, не может быть полностью свободным от разума и его сетей, но никто не принуждается вечно задерживаться на этом переживании. Великое, как оно есть, это только ошеломляющее переживание Разумом того, что находится за его пределами и всего, что он может постичь. Это всевышнее негативное переживание, но за его пределами есть весь грандиозный свет бесконечного Сознания, неограничиваемого Знания, утверждающего абсолютное Присутствие.

Объектом духовного знания является Всевышнее, Божественное, Бесконечное и Абсолютное. Всевышнее имеет свои связи с нашим инди-

видуальным существом и со вселенной и превосходит как душу, так и вселенную. Ни вселенная, ни индивид не являются тем, чем они кажутся, ведь отчет, который дает о них наш разум и наше чувство, является, пока они не освещены способностью более высокого супраментального и сверхчувственного знания, ложным отчетом, несовершенным построением, ослабленным и ошибочным образом. И все же то, чем кажутся вселенная и индивид, являются образом того, чем они на самом деле являются, образом, указывающим за свои границы к реальности за ним. Истина вырабатывается путем исправления значений, которые дают нам наш разум и чувства, и сначала при помощи действия высшего интеллекта, который освещает и выправляет, насколько возможно, заключения невежественного чувственного разума и ограниченного физического интеллекта; таков метод всего человеческого познания и науки. Но за пределами этого есть знание, Сознание Истины, которое превосходит наш интеллект и вводит нас в истинный свет, преломленным лучом которого оно является. Абстрактные термины чистого разума и построения ума исчезают там или преобразуются в конкретное видение души и потрясающую реальность духовного переживания. Это знание может отвернуться к абсолютному Вечному и потерять видение души и вселенной; но оно также может видеть из Вечного это существование. Когда это сделано, мы обнаруживаем, что неведение разума и чувств и вся кажущаяся тщетность человеческой жизни были не бесполезной экскурсией сознательного существа, не ненужной грубой ошибкой. Они планировались здесь как грубая почва для само-выражения Души, которая приходит из Бесконечного, как материальное основание ее само-развертывания и само-обладания в терминах вселенной. Верно, что они сами по себе и все, что есть здесь, не имеет значение, и строить для них отдельное значение — значит, жить в неведении, в Майе; но они имеют всевышнее значение во Всевышнем, Абсолютную Мощь в Абсолютном и именно это приписывает им их сегодняшние относительные ценности и соотносит их с той Истиной. Таково всеобъединяющее переживание, которое является основанием глубочайшего интегрального и самого сокровенного само-знания и знания мира.

По отношению к индивидуальному Всевышнее является нашим истинным и высочайшим *я*, тем, чем мы, в конечном счете, являемся в нашей сущности, тем, чем мы являемся в нашей непроявленной природе. Духовное знание, движимое достичь истинного *Я* в нас, должно отвергать все сбивающие с толку видимости, как это делает традиционный путь знания. Оно должно открыть, что тело не является нашим *я*, нашим основанием существования; это чувственная форма Бесконечного. Переживание Материи как единственного основания мира и переживание физического мира, нервов, клеток и молекул как единственной истины всех вещей в нас, тяжеловесный неадекватный базис материализма, является заблуждением, полу-взглядом, принятым за целое, темным дном или тенью вещей, неправильно понятых в качестве светлой субстанции, действенным образом нуля вместо Целого. Материалистическая идея принимает творение за созидательную Мощь, а средство выражения — за То, что выражено и выражается. Материя и наш физический мозг, нервы и тело являются

полем и основанием для единого действия витальной силы, которая стремится связать *Я* с формой его работ и поддерживает их своей прямой динамикой. Материальные движения являются внешней символикой, с помощью которой душа представляет свои восприятия определенных истин Бесконечного и делает их действенными в терминах Субстанции. Эти вещи являются языком, символикой, начиненной тайным смыслом, системой обозначения, но сами они не являются тем глубочайшим самым истинным смыслом вещей, на который они намекают.

А также и Жизнь, витальность, энергия, играющая в мозге, нервах и теле, не является нашим *Я*; это некая сила, но не вся сила Бесконечного. Переживание жизненной силы, опосредующей Материю, в качестве основания, источника и настоящего итога всех вещей, вибрирующий неустойчивый базис витализма является заблуждением, полу-взглядом, принятым за целое, волной возле берега, неправильно посчитавшейся за весь океан и его волны. Виталистическая идея принимает за сущность нечто мощное, но внешнее. Жизненная сила является динамизацией сознания, которое превосходит ее. Это сознание чувствуется и действует, но не становится для нас действенным в интеллекте до тех пор, пока мы не достигаем высочайшего выражения Разума, нашего сегодняшнего верха. Разум кажется здесь творением Жизни, но на самом деле, он является скрытым чувством — не окончательным — самой Материи и того, что стоит за ней и является более сознательной формулировкой ее секрета; Разум является выражением не Жизни, а того, что сама Жизнь выражает менее светлым образом.

И все же и наш Разум, наша ментальность, наша думающая, понимающая часть не является нашим *Я*, не является Тем, не является концом или началом: это полусвет, брошенный из Бесконечного. Переживание Разума как творца форм и вещей и переживание существования этих форм и вещей только в Разуме, этот тонкий базис идеализма также является заблуждением, половинчатым взглядом, принимаемым за целое, бледным преломленным светом, идеализированным как пылающее тело солнца и его великолепие. Видение идеалиста также не достигает сущности бытия, касается не ее, а только низшей моды Природы. Разум является сомнительным внешним полусветом сознательного существования, которое не ограничено ментальностью, а превосходит ее. Метод традиционного пути познания, устраняя все эти вещи, достигает представления и реализации чистого сознательного существования, само-осознающего, самоблаженного, необусловленного разумом, жизнью и телом, и для его окончательного позитивного переживания это является Атманом, *Я*, изначальной и сущностной природой нашего существования. Здесь, наконец, есть нечто центрально истинное, но в своей спешке достичь этого знания он предполагает, что нет ничего между мыслящим разумом и Высочайшим, *будхи паратасту са*, и, закрывая глаза в Самадхи, пытаться прорваться через все то, что действительно находится в промежутке, даже не видя эти великие и светлые царства Духа. Возможно, он достигает своей цели, но только для того, чтобы заснуть в Бесконечном. Или, если самоаннулирующий Разум остается пробужденным, он может войти в высо-

чайшее переживание Высочайшего, а не во всевышнего Всевышнего, *Паратпару*. Разум может осознавать *Я* только в ментализированной духовной разреженности, осознавать Сатчитананду, только отраженную в нем. Высочайшая истина, интегральное само-знание обретается не этим самослепым прыжком в Абсолют, а терпеливым переходом за пределы разума в Сознание Истины, где Бесконечное может быть известным, может чувствоваться, видеться, переживаться во всей полноте своих нескончаемых богатств. И там мы открываем, что это *Я* не обязательно является только статическим, призрачным пустым Атманом, но и великим динамическим Духом, индивидуальным, универсальным и трансцендентным. Это *Я* и Дух не может быть выражен с помощью абстрактных обобщений разума; все вдохновленные описания провидцев и мистиков не могут исчерпать его содержимого и его великолепий.

По отношению ко вселенной Всевышний является Брахманом, одной Реальностью, которая является не только духовной, материальной и сознательной субстанцией всех идей, сил и форм вселенной, но и их истоком, поддержкой и обладателем, космическим и супракосмическим Духом. Все последние термины, к которым мы можем свести вселенную, Сила и Материя, Имя и Форма, Пуруша и Пракрити, все еще являются полностью тем, чем вселенная действительно является в себе и в своей природе. Подобно тому, как то, чем мы являемся, является игрой и формой, ментальным, психическим, витальным и физическим выражением всевышнего *Я*, не обусловленного разумом, жизнью и телом, так и вселенная является игрой и формой и космическим выражением души и выражением природы всевышнего существования, которое не обусловлено силой и материей, не обусловлено идеей и именем и формой, не обусловлено фундаментальным различием Пуруши Пракрити. Наше всевышнее *Я* и всевышнее Существование, которое стало вселенной, является одним духом, одним *я* и одним существованием. В природе индивид является одним выражением вселенского Бытия, в духе — эманацией Трансцендентного. Ведь если он находит свое *я*, он также находит, что его собственное истинное *я* является не этой природой личности, этой сотворенной индивидуальности, а вселенским существом в его связях с другими и с Природой, и в своем восходящем выражении — частью или живым фронтом всевышнего трансцендентного Духа.

Всевышнее существование не обусловлено индивидом или вселенной. Поэтому духовное знание может превзойти или даже устранить две эти мощности Духа и достичь представления о нечто совершенно Трансцендентном, нечто, что не называемо и ментально не познаваемо, о крайнем Абсолюте. Трансцендентный путь знания устраняет индивида и вселенную. Абсолют, которого оно ищет, лишен черт, неопределим, без связей, не то, не это, *нети нети*. И все же мы можем сказать о нем, что это Одно, это Бесконечное, это Невыразимое Блаженство, Сознание, Существование. И хотя это не познаваемо с помощью разума, но все же через наше индивидуальное существо и через имена и формы вселенной мы можем приблизиться к той реализации всевышнего *Я*, что это есть Брахман, и с помощью этой реализации *Я* мы приходим также и к определенной

реализации этого крайнего Абсолюта, по отношению к которому наше истинное *Я* является сущностной формой в нашем сознании (*сваруна*). Это те приспособления, которые вынужден использовать человеческий разум, если ему вообще суждено суммировать для себя некое представление о трансцендентном и необусловленном Абсолюте. Эта система отрицания совершенно необходима для него, чтобы избавиться от собственных определений и ограниченного опыта; он принужден убегать в Бесконечное через смутное Неопределимое. Ведь он живет в закрытой тюрьме построений и представлений, которые необходимы для его действия, но не является само-существующей истиной ни Материи, ни Жизни, ни Разума, ни Духа. Но если мы сможем один раз пересечь границу полумрака Разума и выйти на необъятный план супраментального Знания, тогда эти приспособления перестают быть совершенно необходимыми. Сверхразум имеет совершенно другое, позитивное и прямое и живое переживание всевышней Бесконечности. Абсолют находится за пределами личности и безличности, и все же он — это одновременно Безличностное, Личность и все личности. Абсолют находится за пределами различения единства и множественности, и все же он — это Одно и неисчерпаемое Множество во всех вселенных. Абсолют находится за пределами всякого ограничения качествами, и все же он не ограничен бескачественной пустотой и является также всеми бесконечными качествами. Абсолют — это индивидуальная душа и все души и даже больше; он — это бесформенный Брахман и вселенная. Это космический и супракосмический дух, всевышний Господь, всевышнее *Я*, всевышний Пуруша и всевышняя Шакти, Вечно Нерожденный, который нескончаемо рождается, Бесконечное, которое несчетно конечно, множественное Одно, сложное Простое, многостороннее Единственное, Слово Молчания Невыразимого, безличностная вездесущая Личность, Мистерия, прозрачная для собственного духа в высочайшем сознании, но навечно завуалированная для меньшего сознания в собственном превосходящем свете. Для измеряющего разума эти вещи являются несовместимыми противоположностями, но для постоянного видения и переживания супраментального Сознания Истины они так просты и неизбежно свойственны природе друг друга, что даже думать о них как о противоположностях будет невозможным насилием. Исчезли стены, созданные измеряющим и разделяющим Интеллектом, и появляется Истина в своей простоте и красоте, и она сводит все к терминам своей гармонии, единства и света. Измерения и различения остаются, но только в качестве образов для использования, а не как отдельная тюрьма для самозабывшего Духа.

Сознание трансцендентного Абсолюта с его последствием в индивидуальном и универсальном является последним, вечным знанием. Наши умы могут иметь с ним дело на разнообразных линиях, могут строить на нем конфликтующие философии, могут ограничивать, модифицировать, переоценивать, недооценивать стороны знания, выводить из него истину или ошибку, но наши интеллектуальные вариации и несовершенные утверждения совершенно не важны для того окончательного факта, что если мы продвинем мышление и переживание до их конца, тогда это будет тем

знанием, в котором они кончатся. Целью Йоги духовного знания не может быть ничего иного, кроме этой вечной Реальности, этого *Я*, этого Брахмана, этого Трансцендентного, которое пребывает надо всем и во всем и проявляется и все же скрыто в индивиде, проявляется и все же замаскировано во вселенной.

Кульминация пути знания не обязательно влечет за собой угасание нашего мирового существования. Для Всевышнего, в котором мы поглощаемся, Абсолютное и Трансцендентное, в которое мы входим, всегда имеет полное и окончательное сознание, которое мы ищем, и все же он поддерживает им свою игру в мире. А также мы не обязаны верить, что наше мировое существование заканчивается из-за того, что при достижении знания его цель или верх находит свое исполнение, и для нас здесь больше ничего не остается. Ведь то, что мы обретаем поначалу, с освобождением, с неизмеримым молчанием и тишиной, является только вечной само-реализацией индивида в сущности его сознательного бытия; ведь на этом основании, не перечеркнутом молчанием, едином с освобождением и свободой, будет все еще оставаться бесконечно продвигающееся само-исполнение Брахмана, его динамическая божественная манифестация в индивиде, и благодаря его присутствию, примеру и действию в других и во вселенной в целом — та работа, которую остается сделать Великому Одному. Наше динамическое само-исполнение не может быть осуществлено до тех пор, пока мы остаемся в эгоистическом сознании, во тьме, освещаемой факелами разума, пока мы остаемся в рабстве. Наше сегодняшнее ограниченное сознание может быть только полем подготовки, оно не может вершить ничего; ведь все, что оно проявляет, пронизано во всех отношениях управляемым эго неведением и ошибкой. Истинное и божественное само-исполнение Брахмана в манифестации возможно только на основании Брахманического сознания и, следовательно, через принятие жизни освобожденной душой, Дживамукти.

Таково интегральное знание, ведь мы знаем, что везде и при всех обстоятельствах для видящего глаза все является Одним, для божественного переживания все является одним блоком Божественного. И только разум ради временного удобства собственного мышления и стремления стремится провести искусственную линию или жесткое деление, устроить фикцию вечной несовместимости между аспектами вечного тождества. Освобожденный знающий живет и действует в мире ничуть не меньше, чем связанная душа и невежественный разум, а больше, проводя все действие, *сарвакр*, но только с истинным знанием и большей сознательной мощью. И, деля это, освобожденный знающий не теряет всевышнего единства и не выпадает из всевышнего сознания и высочайшего знания. Ведь Всевышний, сколь бы он ни сокрыт для нас сейчас, находится здесь, в мире, не в меньшей степени, чем он может быть в самом крайнем и невыразимом само-угсании, самой Нирване, не признающей ничего другого.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА II
Статус Знания

Я, Божественное, Всевышняя Реальность, Все, Трансцендентное, — Один во всех этих аспектах является целью Йогического знания. Обычные объекты, внешние видимости жизни и материи, психология наших мыслей и действий, восприятие сил видимого мира может быть частью этого знания, но лишь настолько, насколько это является частью манифестации Одного. Сразу же становится очевидным, что знание, к которому стремится Йога, должно отличаться от того, что люди обычно понимают под этим словом. Ведь под знанием мы обычно подразумеваем интеллектуальное понимание фактов жизни, разума и материи, а также законов, которые управляют ими. Это знание основывается на нашем чувственном восприятии и на рассуждении, вытекающем из наших чувственных восприятий, и оно ищется частично для чистого удовлетворения интеллекта, частично для практической действенности и дополнительной силы, что это знание дает при распоряжении нашими жизнями и жизнями других, в использовании для человеческих целей открытых или тайных сил Природы и в помощи или в нанесении вреда, в спасении и облагораживании или в подавлении и уничтожении наших собратьев-людей. Йога, в действительности, соразмеряется со всей жизнью и может включать в себя все эти предметы и объекты. Есть даже Йога[1], которая может использоваться как для самооправдания, так и для само-обладания, как для нанесения вреда другим, так и спасения. Но «вся жизнь» включает не только, и даже, главным образом, не ту жизнь, которую сейчас ведет человечество. Она скорее предвосхищает и считает своей единственной истинной целью более высокое поистине сознательное существование, которым наше полу-сознательное человечество еще не обладает и может достичь только путем самопервосходящего духовного восхождения. Именно это большее и более высокое существование является особенной и надлежащей целью Йогической дисциплины.

Это большее сознание, это более высокое существование не является освещенной или озаренной ментальностью, поддержанной большей динамической энергией или поддерживающей чистую моральную жизнь. Это превосходство по отношению к обычному человеческому сознанию заключается не в степени, а в типе и в сущности. Это перемена не просто

---

[1] Йога развивает силу, и она развивает ее даже тогда, когда мы не хотим этого или не нацеливаемся сознательно на это; и сила всегда является оружием о двух концах, которое может использоваться как для того, чтобы причинять вред или разрушать, так и помогать и спасать. Но следует отметить, что не всякое разрушение есть зло.

поверхностного или инструментального способа нашего бытия, а самого его основания и динамического принципа. Йогическое знание стремится войти в тайное сознание за пределами разума, которое только оккультно присутствует здесь, скрытое в основах всего существования. Ведь только это сознание по-настоящему знает и только благодаря его овладению можем мы овладеть Богом и правильно узнать мир, его настоящую природу и тайную силу. Весь этот мир, видимый или чувствуемый нами и также все в нем, что не видимо, является просто феноменальным выражением чего-то за пределами разума и чувств. То знание, которое чувство и интеллектуальное рассуждение из данных–чувств может принести нам, не является истинным знанием; это наука видимостей. И даже видимости не могут должным образом быть известны, пока мы сначала не узнаем Реальность, образами которой они являются. Это Реальность является их *я*, и есть одно *я* всего; когда это охвачено, все прочие вещи тогда могут быть известными в их истине и больше не так, как сейчас, только в их видимости.

Очевидно, что сколь много бы мы ни анализировали физическое и чувствуемое, мы не можем таким образом достичь Знания *Я* или нас самих или того, что мы называем Богом. Телескоп, микроскоп, скальпель, реторта и перегонный куб не могут выйти за пределы физического, хотя они и могут достигать все более и более тонких истин о физическом. Если затем мы ограничим себя тем, что нам раскрывают чувства и их физические помощники, и откажемся с самого начала допускать любую другую физическую реальность или любое другое средство познания, тогда мы будем вынуждены заключить, что нет *Я* ни в нас, ни во вселенной, нет Бога ни внутри, ни снаружи, нет нас самих, кроме этой совокупности мозга, нервов и тела. Но мы вынуждены заключить это только из-за того, что мы твердо предположили это с самого начала и поэтому можем лишь вернуться к нашему изначальному предположению.

Следовательно, если есть *Я*, Реальность, не очевидная для чувств, то она должна искаться и познаваться иными средствами, отличными от средств физической Науки. Интеллект не является этим средством. Несомненно, есть ряд супра-чувственных истин, которых интеллект может достичь собственным образом и которые он способен воспринимать и утверждать как интеллектуальные концепции. Например, сама идея о Силе, на которой настаивает Наука, является концепцией, истиной, которой может достичь интеллект в одиночку, идя за пределы своих данных; ведь мы чувствуем не универсальную силу, а только ее результаты, и саму силу мы выводим как необходимую причину этих результатов. Точно также интеллект, следуя определенной линии строгого анализа, может достичь интеллектуальной концепции и интеллектуальной убежденности в *Я*, и эта убежденность может быть очень реальной, очень светлой, очень могущественной как начинание других и больших вещей. Все же, интеллектуальный анализ сам по себе может вести только к выстраиванию ясных концепций, возможно, к верному выстраиванию истинных концепций; но это не то знание, на которое нацеливается Йога. Ведь само по себе это знание не является действенным. Человек может быть совершенен в этом знании, и все же он может оставаться точно таким же, как и раньше, за исключе-

нием простого факта большего интеллектуального озарения. Может вообще не произойти никакого изменения нашего существа, на которое нацеливается Йога.

Верно, что интеллектуальное взвешивание и правильное различение составляют важную часть Йоги знания; но их цель заключается скорее в том, чтобы устранить трудность, чем достичь конечного и позитивного результата на этом пути. Наши обычные интеллектуальные представления являются камнем преткновения на пути знания; ведь они обуславливаются ошибкой чувств и основываются на том представлении, что материя и тело являются реальностью, что жизнь и сила являются реальностью, страсть и эмоция, мысль и чувство являются реальностью; и с этими вещами мы отождествляем себя, и из-за этого отождествления мы не можем отойти к настоящему *я*. Поэтому искателю знания необходимо устранить этот камень преткновения и обрести верное представление о себе и о мире; ведь как мы можем познать настоящее *я*, если мы не имеем понятия, что это такое, и, напротив, нагружены идеями, совершенно противоположными истине? Поэтому предварительно необходимо правильное мышление, и как только установлена привычка правильного мышления, свободного от чувственной ошибки, желания, старой ассоциации и интеллектуального предубеждения, тогда понимание становится очищенным и не представляет больше серьезного препятствия процессу дальнейшего познания. Все же правильное мышление становится эффективным только тогда, когда оно следует за другими операциями — за видением, переживанием, реализацией.

Чем являются эти операции? Это не простой психологический самоанализ и самонаблюдение. Такой анализ и такое наблюдение, подобно процессу правильного мышления, имеют грандиозное значение и практически совершенно необходимы. Если их правильно применять, то они могут вести к верному мышлению значительной силы и эффективности. Подобно интеллектуальному различению в ходе медитации, они будут иметь эффект очищения; они будут вести к определенного рода само-познанию и к правильному урегулированию разногласий души и сердца и даже разногласий понимания. Самопознание любого вида находится на прямом пути к познанию настоящего *Я*. Упанишады говорят, что Самосуществующий так установил двери души, что они открыты наружу, и большинство людей смотрят наружу на видимость вещей; только редкая душа, созревшая для спокойного мышления и степенной мудрости, поворачивает свой взгляд внутрь, видит *я* и достигает бессмертия. Психологическое само-наблюдение и анализ являются большим и эффективным введением к этому повороту взгляда. Мы можем легче взглянуть внутрь себя, чем внутрь вещей, внешних по отношению к нам, потому что там, во внешних вещах, мы, во-первых, сбиты с толку формой и, во-вторых, не имеем естественного предварительного переживания того в них, что отлично от их физической субстанции. Очищенный или успокоенный разум может отражать или мощная концентрация может открыть Бога в мире, *Я* в Природе, даже перед тем, как это будет открыто в нас самих, но это

труднее, и такое реже случается.[2] И только в нас самих можем мы наблюдать и знать ход *Я* в его начале и следовать процессу, с помощью которого оно отходит в само-бытие. Поэтому древний совет «познай себя» всегда будет стоять первым словом, направляющим нас к настоящему знанию. Все же, психологическое само-наблюдение является переживанием только мод *Я*, это не реализация *Я* в его чистом бытии.

Далее, статус знания, на который нацеливается Йога, является не просто интеллектуальной концепцией или ясным различением истины, а также и не освещенным психологическим переживанием мод нашего бытия. Это «реализация», в полном смысле этого слова; это делание реальным для нас самих и в нас самих *Я*, трансцендентного и вселенского Божественного, и это дальнейшая невозможность наблюдения мод бытия, кроме как в свете этого *Я* и в их истинном аспекте как его потока становления при психологических и физических условиях существования нашего мира. Эта реализация состоит из трех последовательных движений: внутреннего видения, полного внутреннего переживания и отождествления.

Это внутреннее видение, *дришти*, мощь, так высоко ценимая древними мудрецами, мощь, которая делала человека Риши или Кави и больше не простым мудрецом, является разновидностью света в душе, благодаря которому невидимые вещи становятся столь же очевидными и реальными для нас — для души, а не просто для интеллекта — как вещи, видимые физическим глазом. В физическом мире всегда есть две формы знания: прямое знание и косвенное знание; *пратьякша* — знание того, что представлено для глаза, и *пракоша* — знание того, что удалено от глаза и находится за пределами нашего видения. Когда объект находится за пределами нашего видения, мы вынуждены достигать представления о нем с помощью вывода, воображения, аналогии, слушая описания других, кто видел его, или изучая изображения этого объекта или другие его представления, если они нам доступны. Складывая все это вместе, мы действительно можем достичь более или менее адекватного представления или предположительного образа объекта, но мы не реализуем самой вещи; это для нас еще не схваченная реальность, а только наше концептуальное представление реальности. Но как только мы увидим его глазом, — ведь никакое другое чувство не является адекватным, — мы обладаем, мы реализуем; теперь мы уверены в нем в нашем удовлетворенном существе, он стал частью нас самих в знании. Точно то же самое правило применимо не только к физическим вещам, но и к *Я*. От философов, учителей или из древних писаний мы можем слышать ясные и светлые учения о *Я*; с помощью мышления, вывода, воображения, аналогии или любым другим доступным средством мы можем пытаться сформировать его ментальный образ или представление о нем; мы можем твердо придерживаться этого представления в своем разуме и закреплять его с помощью полной и ис-

---

[2] Однако в одном отношении это легче, поскольку во внешних вещах мы не так сбиты с толку, как в нас самих, ощущением ограниченного эго; поэтому устраняется одно из препятствий на пути к реализации Бога.

ключительной концентрации;[3] но мы еще не реализовали его, не видим Бога. И только тогда, когда после долгой и настоятельной концентрации или с помощью других средств вуаль разума прорвана или отброшена, только тогда поток света прорывается над пробужденной ментальностью, *йотиршайя брахман*, и концентрация уступает место знанию-видению, в котором *Я* столь же присутствует, реально, конкретно, как и физический объект для физического глаза, только когда мы обладаем им в знании, ибо мы видели. После этого откровения, каким бы ни было затмение света, каким бы периодом тьмы ни поражало бы оно душу, она никогда не может безвозвратно потерять то, что она обрела однажды. Это переживание неизбежно возобновляется и должно становиться более частым, пока оно не станет постоянным; когда это произойдет и как скоро — это зависит от преданности и настояния на пути, и от того, насколько мы осаждаем нашей волею или нашей любовью скрытое Божество.

Это внутреннее видение является одной из форм психологического переживания; но внутреннее переживание не ограничивается этим видением; видение только открывает, но не охватывает. Как глаз, хотя только он способен принести первое ощущение реализации, должен призывать в помощь переживание прикосновения и других органов чувств, прежде чем будет достигнуто объемлющее знание, так и видение *я* должно завершиться переживанием его на всех наших планах. Требовать Бога должно все наше существо, а не только наш озаренный глаз знания. Ведь поскольку каждый принцип в нас является только манифестацией *Я*, то каждый должен вернуться к своей реальности и иметь ее переживание. Мы можем иметь ментальное переживание *Я* и схватывать как конкретные реальности все те кажущиеся абстрактными вещи, которые для разума составляют существование — сознание, силу, восторг и их многогранные формы и работы: так разум удовлетворяется Богом. Мы можем иметь эмоциональное переживание *Я* через Любовь и через эмоциональный восторг, любовь и восторг *Я* в нас, *Я* во вселенной и *Я* во всем, с чем мы имеем связи: так сердце удовлетворяется Богом. Мы можем иметь эстетическое переживание *Я* в красоте, восторг-восприятие и вкус абсолютной реальности, всепрекрасной во всем, будь то созданном нами или Природой в ее воззвании к эстетическому уму и чувству: так чувство удовлетворяется Богом. Мы можем иметь даже витальное, нервное переживание и практическое физическое чувство *Я* во всей жизни и формулировке и во всех работах мощностей, сил, энергий, которые действуют через нас или через других, или в мире: так жизнь и тело удовлетворяются Богом.

Все это знание и переживание являются первичными средствами достижения тождественности и обладания ею. Мы видим и переживаем наше *я*, и наше видение и переживание не полны до тех пор, пока мы не сможем жить в нашем существе всевышним Ведическим знанием «Он есть я». Мы должны не только видеть Бога и охватывать Его, но и стать той Реальностью. Мы должны стать едиными с *Я* в его превосходжении всех форм и манифестаций, и сделать это при помощи твердой решимости,

---

[3] Это идея тройной операции Джняна- йоги: *сравана, манана, нидихьясана* — слышание, размышление или ментализирование и закрепление в концентрации.

возвышения, бегства от эго и всего, принадлежащего ему, в То, откуда все это вышло, точно также, как мы должны стать *Я* во всех его проявленных существованиях и становлениях, стать едиными с ним в бесконечном существовании, сознании, мире, восторге, благодаря чему это *Я* раскрывает себя в нас, и стать едиными с ним в действии, формации, игре самопредставления, во что оно облачает себя в мире.

Современному уму трудно понять, как это мы можем сделать больше, чем интеллектуально познать *Я* или Бога; но он может воспользоваться некой тенью этого видения, переживания и становления, из того внутреннего пробуждения к Природе, которое великий английский поэт сделал реальностью для европейского воображения. Если мы читаем поэму, в которой Вордсворт выразил свою реализацию Природы, мы можем обрести некое отдаленное представление о том, чем является реализация. Ведь, прежде всего, мы видим, что он имел видение чего-то в мире, что является самим *Я* всех вещей, которое его содержит, что является сознательной силой и присутствием, отличным от его форм, и все же являющимся причиной его форм и проявленным в них. Мы воспринимаем, что он имел не только видение этого и радость, мир и универсальность, которые приносит его присутствие, но и само ощущение его, ментальное, эстетическое, витальное, физическое; причем это ощущение и видение он имел не только в собственном существе, но и в ближайшем цветке, простейшем человеке и недвижимой скале; и, наконец, он даже как-то по случаю достиг этого единства, этого становления объектом своего посвящения, в одной фразе, которая мощно и глубоко выражена в поэме: «Дремота запечатала мой дух» [“A slumber did my spirit seal”], где он описывает себя как ставшим одним в своем существе с землей, «вращающимся в дневном цикле со скалами, камнями и деревьями» [“rolled round in its diurnal course with rocks and stones and trees”]. Возвеличьте эту реализацию до *Я*, более глубокого, чем *Я* физической Природы, и вы получите элемент йогического знания. Но все это переживание — только преддверие к той супрачувственной, супраментальной реализации Трансцендентного, кто находится за пределами всех Его аспектов, и окончательный верх знания может быть достигнут только путем вхождения в сверхсознательное и слияния там всего переживания в небесном единении с Невыразимым. Такова кульминация всего божественного знания; это также источник всего божественного восторга и божественного жития.

Итак, такой статус знания является целью этого пути и, на самом деле, всех путей, доводимых до их цели, и по отношению к этому статусу интеллектуальное различение, представление, всякая концентрация, психологическое само-знание и всякий поиск сердца через любовь, поиск чувств через красоту, поиск воли через мощь и работы и поиск души через мир и радость являются только ключами, подходами, первыми приближениями и началами того восхождения, которое мы должны использовать и которому мы должны следовать, пока не будут достигнуты широкие и бесконечные уровни, и божественные двери не распахнутся в бесконечный Свет.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА III
Очищенное понимание

Описание статуса сознания, к которому мы стремимся, определяет средства познания, которые мы будем использовать. Этот статус знания может быть описан как ментальная реализация, которая подготавливается ментальными представлениями через разнообразные ментальные принципы в нас и, однажды достигнутая, отражается более совершенно во всех членах существа. Это возвращение видения и поэтому переформация всего нашего существа в свете Божественного, Одного и Вечного, свободного от подчинения видимостям вещей и внешним частям нашего поверхностного существа.

Такой переход от человеческого к божественному, от поделенного и несогласующегося к Одному, от явления к вечной Истине, такое полное возрождение или новое рождение души должно обязательно включать две стадии: стадию подготовки, на которой душа и ее инструменты должны стать пригодными для этого перехода, и стадию фактического озарения и реализации в подготовленной душе через ее пригодные инструменты. В действительности нет жесткой линии разделения во Времени между этими стадиями; скорее они необходимы друг для друга и идут одновременно. Ведь в той мере, в какой душа становится пригодной, она растет в озарении и поднимается ко все более высоким, все более полным реализациям, и в той мере, в которой растут эти озарения и реализации, она становится все более пригодной, а ее инструменты — более подходящими для своей задачи: есть сезоны души неозаренной подготовки и сезоны души озаренного роста, есть кульминационные моменты души более или менее длительного озаренного обладания, есть и преходящие моменты как вспышки молнии, и все же они меняют все духовное будущее, есть и моменты, которые растягиваются на многие человеческие часы, дни, недели в постоянном свете или пламени Солнца Истины. И через все это душа, однажды повернутая к Богу, растет к постоянству и совершенству своего нового рождения и настоящего существования.

Первой обязательной частью подготовки является очищение всех членов нашего существа; на пути знания это особенно относится к очищению понимания, это ключ, который открывает дверь Истины; и очищенное понимание едва ли возможно без очищения всех остальных членов. Неочищенное сердце, неочищенное чувство, неочищенная жизнь путают понимание, затемняют его видение, неправильно применяют его знание; неочищенная физическая система препятствует или тормозит его действие. Должна быть интегральная чистота. Здесь также есть взаимозависи-

мость; ведь очищение каждого члена нашего существа извлекает выгоду из очищения всех остальных; например, постепенное успокоение эмоционального сердца помогает очищению понимания, тогда как, равным образом, очищенное понимание накладывает спокойствие и свет на мутные и затемненные работы все еще нечистых эмоций. Можно даже сказать, что тогда как каждый член нашего существа имеет собственные надлежащие принципы очищения, все же именно очищенное понимание является в человеке самым сильным очистителем его мутного и беспорядочного существа и наиболее властно навязывает правильную работу остальным членам. Гита говорит, что знание — это полновластная чистота; свет есть источник всей чистоты и гармонии, а тьма неведения — причина всех наших спотыканий. Например, любовь является очистителем сердца, и путем сведения всех наших эмоций в термины божественной любви сердце совершенствуется и находит свое исполнение; и все же нужно, чтобы сама любовь была очищена божественным знанием. Любовь сердца к Богу может быть слепой, узкой и невежественной и вести к фанатизму и обскуратизму; она даже может, являясь чистой во всех других отношениях, ограничивать наше совершенство, отказываясь видеть Его не иначе как в ограниченной личности и отшатываясь от истинного и бесконечного видения. Любовь сердца к человеку равным образом может вести к искажениям и преувеличениям в чувстве, действии и знании, что должно быть исправлено и предупреждено очищенным пониманием.

Однако мы должны глубоко и ясно посмотреть на то, что мы подразумеваем под пониманием и его очищением. Мы используем эти слова как ближайшие эквиваленты того, что на санскрите называется *будхи*; поэтому мы исключаем из него действие человеческого разума, которое состоит просто из записи восприятий всякого рода без различия, будь они правильными или неправильными, верными или просто иллюзорными явлениями, проникающими или просто поверхностными. Мы исключаем ту массу путанного представления, которое является просто передачей этих восприятий и равным образом лишено высшего принципа суждения и различения. А также мы не можем включить в свое рассмотрение тот постоянный прыгающий поток привычного мышления, который выполняет обязанности понимания в разуме среднего недумающего человека, и является лишь повторением привычных ассоциаций, желаний, предубеждений, предрассудков, приобретенных или унаследованных предпочтений, даже если он может постоянно обогащаться путем свежего наполнения представлений, выткающих из окружения и допускаемых без проверки верховного различающего рассудка. Несомненно, этот сорт понимания был очень полезен при развитии человека из животного; но он лишь немного отошел от животного ума: это полу-животный рассудок, подчиненный привычке, желанию и чувствам; он не пригоден для поиска будь то научного, философского или духовного знания. Мы должны идти за его пределы; его очищение может быть осуществлено либо путем отвержения или полного успокоения, либо путем преображения его в истинное понимание.

Под пониманием мы подразумеваем то, что одновременно воспринимает, судит и различает, истинный разум человеческого существа, не подчиненный чувствам, желанию или слепой силе привычки, а работающий по собственному праву ради мастерства и знания. Конечно, разум человека, коим он является сейчас, даже в лучшем случае не действует свободным и суверенным образом; но эта его неспособность вызвана тем, что он все еще смешан с низшим полу-животным действием, потому что он не чистый и постоянно обременяется и стягивается вниз со своего характерного действия. В своей чистоте он не должен быть вовлечен в эти низшие движения, а он должен отстоять от объекта и наблюдать беспристрастно, ставить его на верное место в целом благодаря силе сравнения, контраста, аналогии, рассуждения из правильно полученных данных путем дедукции, индукции, следствия и удержания всех своих обретений в памяти и дополнения их путем исправленного и правильно направленного взгляда воображения в свете тренированного и дисциплинированного суждения. Таково чистое интеллектуальное понимание, законом и характерным действием которого являются беспристрастное наблюдение, суждение и рассуждение.

Но термин *будхи* употребляется также и в другом, более глубоком смысле. Интеллектуальное понимание является только низшим *будхи*; есть и другой, более высокий *будхи*, являющийся не интеллектом, а видением, это не понимание, а скорее возвышение* в знании, которое не ищет знания и не достигает его в подчинении наблюдаемых данных, а уже наблюдает истину и выносит ее в терминах раскрывающего и интуитивного мышления. Обретение человеческого разума, самое близкое к этому истину сознающему знанию, — это несовершенное действие озаренной находки, что происходит тогда, когда есть большое напряжение мышления, и интеллект, заряженный постоянными разрядами из-за вуали и уступивший более высокому наитию, допускает значительное втекание интуитивного и вдохновленного знания. Ведь в человеке есть интуитивный ум, который служит получателем и каналом для этих втеканий, исходящих из супраментальной способности. Но действие в нас интуиции и вдохновения несовершенно в своем роде, как и промежуточно в своем действии; обычно оно приходит как отклик на зов со стороны трудящегося и борющегося сердца или интеллекта, и, даже прежде чем его дары входят в сознательный ум, они уже затронуты мышлением или стремлением, которое поднимается, чтобы встретить их, они больше не чистые, а приспособлены к потребностям сердца или интеллекта; и входя в сознательный ум, они сразу же схватываются интеллектуальным пониманием и рассыпаются или ломаются, чтобы вписаться в наше несовершенное интеллектуальное знание, либо они схватываются сердцем и переформулируются, чтобы вписаться в наши слепые или полуслепые эмоциональные желания и предпочтения, либо они схватываются даже более низкими страстями и искажаются для горячечного использования нашими желаниями и страстями.

---

* Божественное Существо описывается как *адхькша*, тот, кто в возвышении надо всем во всевышнем эфире обозревает сверху вещи и контролирует их свыше.

Если бы этот более высокий Будхи мог бы действовать незатрагиваемым вмешательством этих более низких членов, он получал бы чистые формы истины; над наблюдением господствовало бы видение или оно замещалось бы видением, которое могло бы смотреть без раболепной зависимости от показаний чувственного разума и чувств; воображение уступило бы место само-утверждающемуся вдохновению истины, рассуждение — интуиции, содержащей в себе те связи и не выстраивающей с трудом на них; суждение уступило бы место мышлению-видению, в чьем свете истина стояла бы раскрытой без маски, которую она сейчас носит и через которую должно проникать наше интеллектуальное суждение; при этом память также обрела бы свой больший смысл, приданный ей в Греческом мышлении, и не была бы больше жалкой выборкой из запаса, наполненного индивидом в его теперешней жизни, а скорее была бы всезаписывающим знанием, которое тайно содержит и постоянно дает все, что мы сегодня мучительно обретаем, она действительно была бы знанием, которое включает в себя будущее не в меньшей степени, чем прошлое*. Конечно, мы собираемся расти в своей восприимчивости к этой более высокой способности истину сознающего знания, но его полное и незавуалированное использование все же остается привилегией богов и находится за пределами нашей сегодняшнего человеческого качества.

Тогда мы видим, что мы в точности понимаем под пониманием и под той более высокой способностью, которую мы можем для удобства назвать способностью идеала и которая находится по отношению к развитому интеллекту в таком же отношении, как интеллект находится по отношению к полу-животному разуму неразвитого человека. Также становится очевидным, чем является природа очищения, которое необходимо перед тем, как понимание сможет правильно исполнить свою роль в достижении верного знания. Вся нечистота является путаницей работы, отклонением от *дхармы*, верного и внутренне присущего правильного действия вещей, которые в этом верном действии являются чистыми и помогают нашему совершенствованию, и это отклонение обычно является результатом невежественной путаницы Дхарм, в которой работа делается по требованию других тенденций, отличных от тех, что являются собственной дхармой.

Первой причиной нечистоты понимания является вмешательство желания в мыслительные функции, а также само желание является нечистотой Воли, вовлеченной в витальные и эмоциональные части нашего существа. Когда витальные и эмоциональные желания вплетаются в чистую Волю-знать, тогда мыслительная функция подчиняется им, преследует цели, отличные от свойственных ей, и ее восприятия загрязняются и приводятся в беспорядок. Понимание должно поднять себя за пределы осады желания и эмоции и, чтобы оно могло иметь совершенный иммунитет, оно должно очистить сами витальные части и эмоции. Воля наслаждаться свойственна витальному существу, но не выбор наслаждения или достижение его должны определяться и осуществляться внешними функциями; поэтому витальное существо должно тренироваться довольствоваться только тем обретением или наслаждением, которое приходит к нему при

* В этом смысле сила пророчества уместно называется воспоминанием будущего.

верном функционировании жизни, подчинившейся работе божественной Воли, и избавляться от страстного желания и привязанности. Аналогичным образом сердце должно освободиться от подчинения страстям жизненного принципа и чувств и таким путем избавиться от ложных эмоций страха, гнева, ненависти, вожделения и т.д., что составляет главную нечистоту сердца. Воля любить свойственна сердцу, но и здесь выбор и достижение любви должны быть предрешены или успокоены, и сердце должно научиться любить действительно глубоко и интенсивно, но со спокойной глубиной и установившейся и ровной, не взбаламученной и искаженной интенсивностью. Успокоение и господство* над этими членами является первым условием для невосприимчивости понимания по отношению к ошибке, неведению и извращению. Это очищение влечет за собой полную ровность нервного существа и сердца; поэтому ровность является первым словом пути знания, как она была первым словом пути работ.

Второй причиной нечистоты понимания является иллюзия чувств и вмешательство чувственного разума в мыслительные функции. Знание не может быть истинным, если оно подчиняется чувствам или использует их иначе, кроме как первые указания, чьи данные должны постоянно исправляться и превосходиться. Началом Науки является изучение истин мировой силы, что лежит в основании ее видимых работ, какими они представляются нашим чувствам; началом философии является изучение принципов вещей, которые неверно передаются нашими чувствами, началом духовного знания является отказ принимать ограничения чувственной жизни или принимать видимое и чувствуемое за нечто большее, чем явления Реальности.

Равным образом чувственный разум должен быть успокоен и приучен оставлять функцию мышления тому разуму, который судит и понимает. Когда наше понимание отходит от действия чувственного разума и отвергает его вмешательство, тогда чувственный разум открепляется от понимания и может наблюдаться в своем отдельном действии. Тогда он раскрывается как постоянно бурлящее и вихрящееся подводное течение привычных представлений, ассоциаций, восприятий, желаний без какого-либо реального порядка, следования или принципа света. Это постоянное повторение по неразумному и не плодотворному кругу. Обычно человеческое понимание принимает это подводное течение и пытается свести его к частичному порядку и следованию; но, делая так, оно само подчиняется ему и разделяет этот беспорядок, беспокойство, неразумное подчинение привычкам и слепое бесцельное повторение, что составляет обычный человеческий разум и путающий, ограниченный и даже фривольный и тщетный инструмент. С этим переменчивым, беспокойным, неистовым и возмущающим фактором больше нечего делать, кроме как избавиться от него будь то путем открепления от него и сведения его к покою или придания мышлению концентрации и целеустремленности, благодаря чему оно само отвергнет этот чуждый и путающий элемент.

Третья причина нечистоты кроется в самом непонимании и состоит в ненадежном действии воли знать. Эта воля свойственна для понимания,

---

* *шама* и *дама*

но здесь опять же препятствует и искажает выбор неровное стремление к знанию. Она ведет к частичности и прикрепленности, что заставляет интеллект цепляться к определенным идеям и линиям с более или менее упорной волей игнорировать истину в других идеях и линиях, цепляться к определенным идеям истины и избегать допущение других частей, которые все же необходимы для его полноты, цепляться за определенные предпочтения знания и отвергать все знание, которое не согласуется с личным темпераментом мышления, обретенным мыслителем в прошлом. Средство к устранению этого заключается в совершенной ровности разума, в культивировании полной интеллектуальной честности и в совершенстве ментальной незаинтересованности. Очищенное понимание, как оно не будет предоставлять себя какому-либо желанию или страсти, точно также не будет предоставлять себя какому-либо предпочтению и неприязни к какой-либо особенной идее или истине, и будет отказываться прикрепляться даже к тем идеям, в которых оно более всего уверено, или прикладывать к ним такой недолжный упор, который нарушит баланс истины и уменьшит ценность других элементов полного и совершенного знания.

Так очищенное понимание будет совершенно гибким, полным и безупречным инструментом интеллектуального мышления и, будучи свободным от низших источников, вносящих препятствия и искажения, станет способным на такое истинное и полное восприятие истин *Я* и вселенной, которое только может достичь интеллект. Но для настоящего знания необходимо нечто большее, поскольку настоящее знание по определению супра-интеллектуально. Чтобы понимание не могло вмешиваться в наше достижение настоящего знания, мы должны достичь того нечто большего и культивировать мощь, чрезвычайно трудную для активного интеллектуального мыслителя и неприязненную для его предпочтений, это мощь интеллектуальной пассивности. Поскольку при этом преследуется двойная цель, то требуются два разных рода пассивности.

Прежде всего, мы видим, что само интеллектуальное мышление не адекватно и не является высочайшим мышлением; высочайшее же мышление приходит через интуитивный ум и из супраментальной способности. Пока в нас преобладают интеллектуальные привычки и низшие работы, интуитивный ум может только подсознательно посылать нам свои послания, которые почти полностью искажаются, прежде чем достигнут сознательного ума; либо, если интуитивный ум работает сознательно, то лишь редко и в большой степени несовершенно. Чтобы укрепить в себе более высокую способность познания, мы должны осуществить то же самое разделение между интуитивным и интеллектуальным элементами нашего мышления, какое мы уже провели между пониманием и чувственным разумом; и это не легкая задача, ведь не только интуиции приходят к нам инкрустированными в ментальное действие, но есть и значительное число ментальных работ, которые маскируются под более высокую способность и подражают ей. Средство избавления от этого заключается в том, чтобы сначала тренировать интеллект распознавать настоящую интуицию, отделять ее от ложной и затем приучать интеллект, когда он дос-

тигнет интеллектуального восприятия или заключения, не придавать этому никакой окончательной ценности, а смотреть вверх, соотносить все это с божественным принципом и ждать в наиболее полном молчании света свыше. Таким путем можно преобразовать большую часть нашего интеллектуального мышления в светлое истинно-сознательное видение, — идеалом будет переход, — или, по крайней мере, значительно увеличить частоту, чистоту и сознательную силу идеального знания, работающего за интеллектом. Интеллект должен учиться подчиняться идеальной способности и быть пассивным по отношению к ней.

Но для знания *Я* необходимо иметь силу полной интеллектуальной пассивности, силу отбрасывания всякого мышления, силу ума вообще не думать, что изначально предписывает нам Гита. Это трудно для западного ума, для которого мышление является высочайшей вещью и который склонен принимать мощь разума не думать, его полное молчание за неспособность мышления. Но эта мощь молчания является способностью, а не неспособностью, силой, а не слабостью. Это глубокая и веская тишина. Только когда ум таким образом полностью успокоен, подобно чистой, неподвижной воде, в совершенной чистоте и мире всего существа, и душа превосходит мышление, только тогда *Я*, превосходящее и зачинающее все действия и становления, молчание, из которого рождены все слова, Абсолют, по отношению к которому все относительности являются частными отражениями, проявляет себя в чистой сущности нашего бытия. В полном молчании слышится только Молчание; в чистом мире раскрывается только Существо. Поэтому для нас именем Того является Молчание и Мир.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА IV
Концентрация

Наряду с чистотой, и как средство ее выявления, требуется концентрация. Чистота и концентрация — это, в действительности, два аспекта, женский и мужской, пассивный и активный, одного и того же статуса бытия; чистота — это условие, при котором концентрация становится полной, верно действенной, всемогущественной; при помощи концентрации чистота делает свои работы, а без нее ведет только к состоянию умиротворенного молчания и вечного покоя. Их противоположности также тесно связаны; ведь мы видели, что нечистота является смешением Дхарм, рыхлым, смешанным и взаимозапутанным действием различных частей существа; и эта путаница происходит из-за отсутствия правильной концентрации знания на энергиях в воплощенной Душе. Дефектом нашей природы является, прежде всего, инертное подчинение действию вещей, беспорядочно приходящих в разум, и затем беспорядочно несовершенная концентрация, проводимая порывисто, нерегулярно с более или менее случайным упором на том или ином объекте, в соответствии с тем, как этому объекту удается заинтересовать не высшую душу или рассуждающий и различающий интеллект, а беспокойный, скачущий, переменчивый, легко устающий, легко увлекающийся низший разум, являющийся главным врагом нашего прогресса. В таких условиях невозможна чистота, правильная работа функций, ясный, незапятнанный и светлый порядок существа; разнообразные работы, посвящаемые шансам окружения и внешним влияниям, должны обязательно наталкиваться друг на друга и связывать, сбивать с пути, отвлекать, извращать. Равным образом, без чистоты невозможна полная, ровная, гибкая концентрация существа на правильном мышлении, правильной воле, правильном чувстве или на надежном статусе духовного переживания. Поэтому чистота и концентрация должны идти вместе и помогать победе друг друга, пока мы не достигнем того вечного покоя, от которого сможем перейти к некоему частичному образу в человеческом существе вечной, всемогущей и всеведающей деятельности.

Но на пути знания, как он практиковался в Индии, концентрация использовалась в особом и более ограниченном смысле. Она подразумевала то отстранение мышления от отвлекающих действий ума и ту концентрацию ума на идее Одного, с помощью чего душа поднимается из феноменального в одну Реальность. Именно из-за мышления мы распыляемся в феноменальном; и именно благодаря обратному процессу сбора мышления в себе должны мы вернуться в реальное. Концентрация обладает тре-

мя силами, с помощью которых может быть достигнута эта цель. С помощью концентрации на чем-либо мы можем познать эту вещь, заставить ее раскрыть свои сокрытые секреты; мы должны использовать эту силу, чтобы знать не вещи, а одну Вещь-в-себе. Опять же, с помощью концентрации вся воля может быть собрана для обретения того, что еще не схвачено, все еще находится за нашими пределами; если эта сила достаточно тренирована, достаточно целеустремленная, достаточно искренняя, уверенная в себе, преданная только себе, абсолютная в вере, тогда мы можем использовать ее для овладения любым объектом; но мы не должны использовать ее для овладения множеством объектов, которые мир предлагает нам, а духовно схватывать тот один объект, стоящий преследования, который также является единственным субъектом, стоящим познания. С помощью концентрации своего существа на каком-либо одном состоянии, мы можем стать всем, чем пожелаем; например, мы можем стать массой силы и отваги, даже если раньше мы были массой слабости и страха, либо мы можем стать всей великой чистотой, святостью и миром или единственной универсальной душой Любви; но мы должны использовать эту силу, чтобы стать даже не этими вещами, сколь бы высокими они ни были по сравнению с тем, чем мы сейчас являемся, а, скорее, стать тем, что находится выше всех вещей и свободно от всякого действия и атрибутов, стать чистым и свободным Существом. Все иное, все прочие концентрации могут быть ценными только для подготовки, только для предшествующих шагов, для постепенной тренировки распущенного и саморазпыляющегося мышления, воли и существа к их высокому и уникальному объекту.

Такое использование концентрации подразумевает, как всякое другое, предварительное очищение; это также подразумевает в конце отречение, прекращение и, наконец, подъем в абсолютное и трансцендентное состояние Самадхи, из которого нет возвращения, кроме как, возможно, для одной души из тысяч. Ведь тем самым мы идем ко «всевышнему состоянию Вечного, из которого души не возвращаются» в циклическое действие Природы;* и именно в это состояние Самадхи стремится уйти Йогин, нацелившийся на освобождение, покидая свое тело. Мы видим такую последовательность в дисциплине раджа-йоги. Ведь сначала раджа-йогин должен достичь определенной моральной и духовной чистоты; он должен избавиться от низшей или тянущей вниз деятельности разума, но впоследствии он должен оставить всякую деятельность и сконцентрироваться на одной идее, которая ведет от деятельности к спокойствию. Концентрация раджа-йоги имеет несколько стадий: стадия, на которой объект охватывается, стадия, на которой объект удерживается и стадия, на которой ум теряется в статусе, который представляет объект или к которому ведет концентрация, и только последняя стадия концентрации называется в раджа-йоге Самадхи, хотя это слово может использоваться в гораздо более широком смысле, как в Гите. Но в Самадхи раджа-йоги есть различные градации состояния, — есть градация, на которой разум, хотя и потерянный для внешних объектов, все еще созерцает, размышляет, воспринимает

---

* *yato naiva nivartante tad dhama paramam mama*

в мире мышления, есть градация, на которой разум все еще способен на первичные образования мысли и есть градация, на которой душа поднимается за пределы мышления в молчание Непередаваемого и Невыразимого. В действительности, во всей Йоге есть множество предварительных объектов концентрации мышления, форм, словесных форм мышления, значимых имен, и все они служат поддержкой* разума в этом движении, все они должны быть использованы и превзойдены; согласно Упанишадам, высочайшей поддержкой является слог АУМ, чьи три буквы представляют Брахмана и Всевышнее *Я* в трех его степенях статуса: Пробужденной Души [Waking Soul], Грезящей Души [Dream Soul] и Спящей Души [Sleep Soul], и чей могущественный звук поднимается к тому, что лежит как за пределами деятельности, так и за пределами статуса**. Ведь для всей Йоги знания конечной целью является Трансцендентное.

Однако мы взяли за цель интегральной Йоги нечто более комплексное и менее исключительное — менее исключительно позитивное из высочайшего состояния души, менее исключительно негативное из его божественных излучений. Мы действительно должны нацеливаться на Высочайшее, Источник всего, Трансцендентное, но не в исключении того, что оно превосходит, а как источник установленного переживания и всевышнего состояния души, которое будет трансформировать все прочие состояния и переформирует наше сознание мира в форму его тайной Истины. Мы не стремимся удалять из нашего бытия все сознание вселенной, а стремимся реализовать Бога, Истину и *Я* как во вселенной, так и трансцендентных по отношению к ней. Поэтому мы будем искать не только Невыразимое, но и Его манифестацию в качестве бесконечного бытия, сознания и блаженства, охватывающих вселенную и играющих в ней. Ведь эта триединая бесконечность является Его всевышней манифестацией, и это мы будем стремиться знать, разделять и становиться этим; и поскольку мы стремимся реализовать это Триединство не только в себе, но и в космической игре, мы также будем стремиться к знанию и участию во вселенской божественной Истине, Знании, Воле, Любви, которые являются Его вторичной манифестацией, Его божественным становлением. С этим мы также должны стремиться отождествить себя, к этому мы также должны пытаться подниматься и, когда период усилия будет пройден, позволить ему путем отречения от всего эгоизма, подтянуть нас к своему бытию, низойти в нас и охватить нас во всем нашем становлении. Это служит не только средством приближения и перехода к Его всевышней трансцендентности, но и условием, даже когда мы обладаем и обладаемы Трансцендентным, божественной жизни в манифестации космоса.

Чтобы мы могли делать это, термины концентрация и Самадхи должны принять для нас более богатый и более глубокий смысл. Вся наша концентрация является просто образом божественного Тапаса, благодаря чему *Я* сосредотачивается в нас, благодаря чему оно манифестирует внутри себя, благодаря чему оно поддерживает свою манифестацию и обладает ею, благодаря чему оно отходит назад от всякой манифестации в свое

---

* *avalambana*

** Мандукья Упанишада

всевышнее тождество. Бытие, сосредоточенное в сознании на себе ради блаженства — вот божественный Тапас; и Знание-Воля, сосредоточенная в силе сознания на себе и своих манифестациях, является сущностью божественной концентрации, Йогой Господина Йоги. Заданная само-дифференциацией Божественного, на котором мы сосредотачиваемся, концентрация является средством, с помощью которого индивидуальная душа отождествляет себя и входит в любую форму, состояние или психологическую само-манифестацию (*бхава*) *Я*. Использование этого средства для объединения с Божественным — вот условие достижения божественного знания и принцип всей Йоги знания.

Эта концентрация происходит с помощью Идеи, использующей мышление, форму и имя в качестве ключей, которые передают концентрирующему уму Истину, лежащую сокрытой за всем мышлением, формой и именем; ведь именно через Идею ментальное существо поднимается за пределы всякого выражения к тому, что выражено, к тому, по отношению к чему сама Идея является только инструментом. Благодаря концентрации на Идее ментальное существование, коим мы сейчас являемся, прорывает барьер нашей ментальности и достигает того состояния сознания, состояния бытия, состояния мощи сознательного бытия и блаженства сознательного бытия, которому Идея соответствует и по отношению к которому она является символом, движение и ритмом. Концентрация с помощью Идеи является только средством, ключом, открывающим нам сверхсознательные планы нашего существования; целью и кульминацией является определенное само-сосредоточенное состояние всего нашего существования, поднятое в ту сверхсознательную истину, единство и бесконечность само-сознающего, само-блаженного существования; и этот смысл мы будем придавать термину Самадхи. Это не просто состояние, отошедшее от всего сознания внешнего, отошедшее даже от всего сознания внутреннего в то, что существует за пределами и того и другого в качестве их семян или в то, что трансцендентно даже по отношению к их семенам; это установившееся существование в Одном и Бесконечном, объединенное и отождествленное с ними, и такой статус будет оставаться в любом случае, даже если мы прибываем в пробужденном состоянии, в котором сознаем формы вещей, или если мы отходим во внутреннюю деятельность, которая сосредотачивается на игре принципов вещей, игре их имен и типичных форм, или если мы воспаряем к состоянию внутренней статичности, где мы достигаем самих принципов и принципов всех принципов, семени имени и формы.* Ведь душа, достигшая сущностного состояния Самадхи и укрепившаяся в нем (*самадхиста*) в том смысле, который Гита придает этому слову, имеет то, что фундаментально для всякого переживания и не может выпасть из этого из-за какого-либо переживания, сколь бы ошеломляющим оно ни было для того, кто еще не поднялся к этому верху. Душа, достигшая состояния Самадхи, может охватить все в своем бытии, не будучи связанной, ограниченной или сбитой с толку чем-либо.

Когда мы достигаем этого состояния, и все наше существо и сознание становится сконцентрированным, тогда отпадает необходимость концен-

* Это Пробужденное, Грезящее и Спящее состояния души.

трации в Идее. Ведь в супраментальном состоянии все положение вещей обращается. Разум — это то, что пребывает в распылении, в последовательности; он может концентрироваться одновременно только на одной вещи, а когда он не сконцентрирован, он перебегает от одной вещи к другой почти случайно. Поэтому он должен концентрироваться на одной идее, единственном субъекте медитации, единственном объекте созерцания, единственном объекте воли, чтобы обладать или господствовать над ними, и он должен делать это, по крайней мере, во временном исключении всех других объектов. Но то, что находится за пределами разума и во что мы стремимся подняться, превосходит бегущий процесс мышления, превосходит деление идей. Божественное центрировано на себе, и когда оно выбрасывает идеи и действия, оно не делит себя и не заточает себя в них, а держит их и их движения в своей бесконечности; неподеленное, ее целостное *я* стоит за каждой Идеей, каждым движением и одновременно за всеми ними вместе. Удерживаемые им, каждая идея и действие спонтанно вырабатываются, не через отдельный акт воли, а общей силой сознания за ними; если нам кажется, что в каждом есть концентрация божественной Воли и Знания, то это множественная и ровная, а не исключительная концентрация, и реальностью ее скорее является свободная и спонтанная выработка в само-собранном единстве и бесконечности. Душа, поднявшаяся до божественного состояния Самадхи, разделяет, по мере своего достижения, это обращенное состояние вещей, — истинное состояние, ибо истинно то, что обретено нашей ментальностью. Именно по этой причине, как говорится в древних книгах, человек, достигший Самообладания, достигает спонтанно, без необходимости концентрации в мышлении и без усилия, того знания или результата, что Идея или Воля в нем движется охватить.

Значит, достижения этого установившегося божественного статуса должно быть целью нашей концентрации. Первым шагом концентрации всегда должно быть приучение скачущего ума к установившемуся стойкому ходу связного мышления, сосредоточенного на единственном субъекте, и ум должен делать это, не отвлекаясь на всякие приманки и чуждые призывы его внимания. Такая концентрация достаточно привычна для обычной жизни, но она становится более трудной, когда мы должны концентрироваться внутренне, без какого-либо внешнего объекта или действия, за которое держался бы ум; все же искатель знания должен достичь этой внутренней концентрации.* А также это не должно быть просто последовательное мышление интеллектуального мыслителя, чьей единственной целью является только постигать и интеллектуально связывать вместе свои концепции. Требуется не столько процесс рассуждения, сколько пребывание, как можно дольше, на плодотворной сущности идеи, которая, благодаря настоянию воли души на ней, должна передать все грани истины. Так, если предметом концентрации является божественная Любовь, тогда ум должен концентрироваться на сущности идеи Бога как Любви, причем ум должен делать это таким образом, чтобы разнообразная мани-

---

* На элементарных стадиях внутреннего спора и суждения, *витарка* и *викара*, для исправления ложных идей и достижения интеллектуальной истины.

фестация божественной Любви светло возникала не только в мышлении, но и в сердце, существе и видении Садхака. Сначала может придти мышление, а затем переживание, но равным образом может сначала придти и переживание, а знание возникнуть из этого переживания. Затем это всегда должно снова достигаться и все больше и больше удерживаться, пока оно не станет постоянным переживанием и, наконец, не станет Дхармой или законом существа.

Таков процесс концентрированной медитации; но более усердным методом является фиксирование всего ума в концентрации только на сущности идеи, так чтобы достичь не мысленного знания или психологического переживания предмета, а самой сущности вещи за идеей. В этом процессе мышление прекращается и переходит в поглощенное или экстатическое созерцание объекта или, путем слияния, переходит во внутреннее состояние Самадхи. Если и дальше следовать этому процессу, тогда затем то состояние, в которое мы поднимаемся, должно быть призвано вниз, чтобы оно завладело и низшим существом, разлило бы свет, мощь и блаженство в нашем обычном сознании. Ведь иначе мы можем обладать этим только в возвышенном состоянии или во внутреннем Самадхи, как это и происходит со многими; но мы потеряем это, если пробудимся или опустимся до контактов с миром; и такое усеченное обладание не является целью интегральной Йоги.

Третий процесс заключается в том, чтобы сначала не концентрироваться в усердной медитации на одном субъекте или в усердном созерцании одного объекта мышления-видения, а полностью успокоить ум. Этого можно достичь разнообразными способами; один способ — полностью отойти от ментального действия, не участвуя в нем, а просто наблюдая его, пока, уставший от своих несанкционированных прыжков и бега, он впадет во все нарастающих и, в конечном счете, абсолютный покой. Другой способ — отвергать мысленные внушения, отбрасывать их от ума всякий раз, когда они приходят, и прочно держаться за мир и покой бытия, которое действительно и всегда существует за беспокойством и бунтом ума. Когда развуалирован этот тайным мир и покой, великий покой устанавливается в существе, и обычно с ним приходит восприятие и переживание все-пронизывающего молчаливого Брахмана, а все прочее поначалу кажется простой формой и фантомом. На базисе этого покоя все прочее может быть выстроено в знании и переживании больше не внешних явлений вещей, а более глубокой истины божественной манифестации.

Обычно, когда достигнуто это состояние, напряженная концентрация больше не необходима. Ее место заменяет свободная концентрация воли*, использующая мышление просто для предложений и передачи света низшим членам. Затем эта Воля будет настаивать на том. чтобы физическое существо, витальное существование, сердце и ум перелепили себя в формы Божественного, которые раскрываются из молчаливого Брахмана. Быстро или медленно, в соответствии с предшествовавшей подготовкой и очищением членов, они будут обязаны с большей или меньшей борьбой подчиниться закону воли и ее мысленному внушению, так что, в конечном

* Мы поговорим об этом подробнее в «Йоге само-совершенства».

счете, знание Божественного завладеет нашим сознанием на всех его планах, и образ Божественного будет сформирован в нашем человеческом существовании, как это было сделано древними Ведическими Садхаками. Для интегральной Йоги это самая прямая и самая мощная дисциплина.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА V
Отречение

Если дисциплину всех членов нашего существа путем очищения и концентрации можно сравнить с правой рукой тела Йоги, тогда очищение — его левая рука. Путем дисциплины или позитивной практики мы утверждаем в себе истину вещей, истину существа, истину знания, истину любви, истину работ и замещаем ими ту ложь, которая непомерно разрослась и извратила нашу природу; путем отречения мы охватываем ложь, вырываем ее корни и отбрасываем их с нашего пути, так чтобы они больше не мешали своей настойчивостью, своим сопротивлением или своей возвращаемостью счастливому и гармоничному росту нашего божественного жития. Отречение — совершенно необходимый инструмент нашего совершенствования.

Как далеко зайдет это отречение? Какой будет его природа? И как оно будет осуществляться? Есть установившаяся традиция, издревле одобряемая великими религиозными учениями и людьми глубокого духовного переживания, что отречение не только должно быть полным как дисциплина, но и определенным и окончательным как цель, и что ничто не должно остановить отречения от самой жизни и от нашего мирского существования. И росту этой чистой, возвышенной и величественной традиции способствовали многие причины. Прежде всего, есть более глубокая причина радикального противостояния между запятнанной и несовершенной природой жизни в мире, как он есть сейчас, на сегодняшней стадии человеческой эволюции, и природой духовного жития; и это противостояние вело к полному отвержению мирового существования как лжи, безрассудства души, беспокойной и несчастливой грезы или, в лучшем случае, дефективного, обманчивого и почти бесполезного блага, либо как плотского и дьявольского, и поэтому для божественно ведомой и божественно притягиваемой души — только как место испытания и подготовки или, в лучшем случае, игры Все-существования, игры противоположных намерений или недоразумений, которую душа выматывает и оставляет. Вторая причина заключается в сильном стремлении души к личному освобождению, к бегству на некую далекую или самую далекую высоту чистого блаженства и мира, необеспокоенного трудом и борьбой; или же в ее нежелании вернуться из экстаза божественного охвата на более низкое поле работы и служения. Но есть и другие, более поверхностные причины, побочные для духовного переживания, — сильное ощущение и практическое доказательство большой трудности, которую мы охотно раздуваем до невозможности, сочетания жизни работ и действия с духов-

ным миром и жизнью реализации; либо радость, которую ум начинает извлекать из простого акта и состояния отречения, — как он, в действительности, начинает извлекать радость из всего, чего он достиг или к чему он приучил себя, — и ощущение мира и освобождения, которое обретается благодаря безразличию к миру и к объектам человеческого желания. Самыми низкими причинами являются слабость, избегающая борьбы, отвращение и разочарование души, озадаченной великим космическим трудом, эгоизм, который не обеспокоен тем, что осталось позади, тогда как мы лично можем высвободиться из чудовищного вечно вращающегося колеса смерти и возрождения, это безразличие к крику, поднимающемуся от трудящегося человечества.

Ни одна из этих причин не законна для Садхака интегральной йоги. Он не может позволить слабости и эгоизма, в какие бы духовные одежды они ни рядились; божественная сила и отвага и божественное сочувствие и помощь составляют само вещество того, чем он будет, это сама природа Божественного, которую он наденет на себя как одежду духовного света и красоты. Вращения великого колеса не приносят ему ощущения ужаса или головокружения; он поднимается над ним в своей душе и знает свыше их божественный закон и их божественную цель. Трудность гармонизации божественной жизни с человеческим житием, трудность бытия в Боге и все же жизнь в человеке — это та самая трудность, которую он собирается преодолеть, а не избегать ее. Он укоренился в том, что радость, мир и освобождение являются несовершенной короной, и по-настоящему не овладеваются, если они не образуют состояния, надежного самого по себе, неотделимого от души, не зависящего от отстраненности и бездействия, а прочного в бурю, в гонке и в битве, незапятнанного ни радостью мира, ни его страданием. Экстаз божественного охвата не оставит его, потому что он подчиняется импульсу божественной любви к Богу в человечестве, либо, если кажется, что он на некоторое время оставил его, то он знает из опыта, что это для того, чтобы испытать его, так чтобы он смог встретить некое свое несовершенство и сбросить его. Он не ищет личного спасения, кроме как в качестве необходимости для человеческого исполнения и из-за того, что тот, кто сам находится в рабстве, не может освободить других, — хотя для Бога нет ничего невозможного; ведь у него нет жажды по небесам личных радостей, как и ад личных страданий не вселяет в него ужаса. Если есть противостояние между духовной жизнью и жизнью мира, то именно эту пропасть он должен преодолеть, это то противоречие, которое он должен превратить здесь в гармонию. Если миром правит плоть и дьявол, тогда есть еще веская причина для того, чтобы дети Бессмертия были здесь, чтобы завоевать этот мир для Бога и Духа. Если жизнь является безумием, тогда стольким миллионам душ здесь должен быть принесен свет божественного разума; если это сон, то все же он реален внутри себя столь многих спящих, которым надо дать более благородные сны или пробудить их; или, если это ложь, тогда заблуждающимся надо дать истину. А также, если говорится, что только светлым примером бегства из мира можем мы помочь миру, мы не должны принимать эту догму, поскольку есть противоположный пример великих Аватаров, показывающий, что мы можем

помочь не только путем отвержения жизни мира, как он есть, но и все больше принимая и поднимая его. И если это игра Все-Существования, тогда мы можем согласиться играть в ней свою роль с изяществом и отвагой, можем извлекать восторг из игры с нашим божественным партнером по Игре.

Но, прежде всего, тот взгляд на мир, который мы принимаем, запрещает отречение от мирового существования, пока мы можем быть чем-то для Бога и человека в их выработке его целей. Мы смотрим на мир не как на изобретение дьявола или само-заблуждение души, а как на манифестацию Божественного, хотя пока что и частичную манифестацию из-за того, что она носит постепенный и эволюционный характер. Поэтому отречение от жизни не может быть для нас целью жизни, и отречение от мира не может быть целью, для которой был сотворен мир. Мы стремимся реализовать наше единство с Богом, но для нас эта реализация включает в себя полное и абсолютное распознание нашего единства с человеком, и мы не можем разделить их. Выражаясь христианским языком, Божий Сын является Сыном Человека, и то, и другое необходимо для полного Христианства; используя индийскую форму мышления, можно сказать, что божественный Нараяна, для кого вселенная является только одним лучом, раскрывается и исполняется в человеке; полный человек — это Нара-Нараяна, и в этой полноте он символизирует мистерию существования.

Поэтому отречение должно быть для нас просто инструментом, а не целью; а также оно не может быть единственным или главным инструментом, поскольку наша цель — исполнение Божественного в человеческом существе, это позитивная цель, которая не может быть достигнута негативными средствами. Негативные средства могут применяться только для устранения того, что стоит на пути позитивного исполнения. Это должно быть отречение, полное отречение от всего того, что отлично от божественного само-исполнения и противостоит ему, и это должно быть постепенное отречение от всего того, что является меньшим или только частичным достижением. Мы не будем привязываться к нашей жизни в мире: если эта привязанность существует, мы должны ее отвергнуть, и отвергнуть полностью; но также мы не будем привязываться и к бегству от мира, к спасению, к великой само-аннигиляции; если такая привязанность существует, мы должны ее отвергнуть, и отвергнуть полностью.

Опять же, наше отречение должно быть, несомненно, внутренним отречением; особенно и прежде всего, должно быть отречение от привязанности и страстного желания в чувствах и в сердце, от самоволия в мышлении и действия эгоизма в центре сознания. Ведь эти вещи — три узла, которыми мы привязаны к нашей теперешней природе, и если мы сможем полностью их отвергнуть, тогда ничто другое не может связывать нас. Поэтому привязанность и желание должны быть полностью отброшены; в мире нет ничего, к чему мы должны привязываться, мы не должны привязываться ни к бегству, ни к бедности, ни к радости, ни к страданию, ни к жизни, ни к смерти, ни к величию, ни к ничтожности, ни к пороку, ни к добродетели, ни к другу, ни к жене, ни к детям, ни к стране, ни к нашей работе и миссии, ни к небесам, ни к земле, ни ко всему тому, что

внутри нас или за их пределами. Но это не означает, что вообще нет ничего, что мы будем любить, не будет ничего, из чего мы будем извлекать восторг; ведь привязанность — это эгоизм в любви, а не сама любовь, желание — это ограниченность и ненадежность в жажде удовольствия и удовлетворения, а не поиск божественного восторга в вещах. Мы должны иметь вселенскую любовь, спокойную и все же вечно интенсивную, за пределами краткой неистовости самой бурной страсти; мы должны иметь восторг в вещах, укоренившийся в восторге в Боге, этот восторг придерживается не формы вещей, а того, что они в себе скрывают, и охватывает вселенную, не будучи пойманным в ее сети.*

Как мы уже видели, самоволие в мышлении и действии должно быть полностью отброшено, если мы хотим быть совершенными на пути божественных работ; равным образом, это должно быть отброшено, если мы хотим быть совершенными в божественном знании. Эта самоволие означает эгоизм в разуме, который привязывается к своим предпочтениям, привычкам, свои прошлым или сегодняшним формулам мышления, видения и воли, потому что оно считает их собой или своими собственными, вьет вокруг них тонкие нити «я-чества» и «это мое» и живет в них, как паук в своей сети. Оно ненавидит, когда его тревожат, как и паук ненавидит атаки на свою сеть, и чувствует себя чуждым и несчастливым, если его пересадить на свежие точки зрения и формации, как и паук чувствует себя чужим в другой сети. Эта привязанность должна быть полностью исключена из разума. Мы должны не только сдать обычную позицию по отношению к миру и жизни, к которой непробужденный разум цепляется как к своему естественному элементу; но мы и не должны оставаться связанными какой-либо интеллектуальной системой, религиозными догмами или логическим выводом; мы должны не только разорвать силки разума и чувств, но и ускользнуть из ловушки мыслителя, ловушки теолога и строителя церкви, из сетей Слова и рабства Идеи. Все это находится внутри нас, ожидая того, чтобы огородить дух стеной форм; но мы всегда должны идти за их пределы, должны отказываться от меньшего ради большего, от конечного ради Бесконечного; мы должны подготовиться к тому, чтобы идти от озарения к озарению, от опыта к опыту, от одного состояния души к другому состоянию души, так чтобы достичь крайней трансцендентности Божественности и его крайней универсальности. А также мы не должны привязываться к тем истинам, которых мы больше всего придерживаемся, поскольку они — это только формы и выражения Невыразимого, кто отказывается ограничиваться любой формой или выражением; мы всегда должны держать себя открытыми к более высокому Слову свыше, которое не ограничивает себя собственным смыслом, и к свету Мышления, которое несет в себе собственные противоположности.

Но центром всего сопротивления является эгоизм, и его мы должны преследовать в каждом уголке, разоблачать его, вытаскивать и уничтожать; ведь маски его нескончаемы, и он будет цепляться к малейшей возможности замаскироваться. Альтруизм и безразличие чаще всего являют-

---

* *Нирлипта*. Божественная Ананда в вещах — это *нишкама* и *нирлипта*, свободная от желания, а потому и не привязанная.

ся его самыми эффективными масками; так задрапированный, он будет нагло буйствовать перед самими лицом божественных агентов, присланных отыскать его. Здесь нам на помощь приходит формула божественного знания; в нашей сущностной точке зрения мы не имеем дела с этими различениями, ведь там нет ни «я», ни «ты», а есть только одно божественное *Я*, равное во всех воплощениях, равное в индивиде и группе, и реализовать это, выразить это, служить этому, исполнить это — это все, что имеет значение. Самоудовлетворение и альтруизм, наслаждение и безразличие не являются сущностными вещами. Если реализация, исполнение, служение одному *Я* требует от нас действия, которое кажется другим самослужением или само-утверждением в эгоистическом смысле, либо кажется эгоистическим наслаждением и само-попустительством, то мы все равно должны делать это действие; мы должны направляться руководством изнутри, а не мнениями людей. Очень часто окружение очень тонко влияет на нас; мы предпочитаем и почти бессознательно надеваем ту одежду, которая лучше всего выглядит в глазах тех, кто смотрит на нас снаружи, и мы позволяем вуали опуститься на внутренний глаз; нас побуждают рядиться в одежды бедности или одежды служения, либо выказывать какие-то внешние знаки безразличия и отречения и незапятнанной святости, потому что этого требует традиция и мнение людей вокруг нас, и таким образом мы можем произвести наилучшее впечатление на окружающих нас людей. Но все это суета и заблуждение. Мы можем быть призваны принять эти вещи, поскольку такой может быть униформа нашего служения; но равным образом мы можем быть и не призваны делать это. Внешний взгляд человека ничего не значит; внутренний взгляд есть все.

В учении Гиты мы видим, сколь тонкой вещью является требуемая свобода от эгоизма. Арджуна побуждается сражаться эгоизмом силы, эгоизмом Кшатрия; он отворачивается от битвы из-за противоположного эгоизма слабости, суждения, духа отвращения, ложной жалости, которая овладевает умом, нервным существом и чувствами, — это не то божественное сострадание, которое укрепляет руку и проясняет знание. Но эта слабость приходит разряженной в отречение, добродетель: «Лучше жить нищим, чем вкушать эти кровавые наслаждения; я не хочу править всей землей, нет, я не хочу царства богов.» Мы могли бы сказать, что сколь глуп был Учитель, что не поддержал это настроение, упустил этот великолепный шанс добавить еще одну великую душу к племени Саньясинов, еще один сияющий пример светлого отречения. Но Руководитель видит иначе, тот Руководитель, который не обманывается словами: «Это слабость, заблуждение и эгоизм говорят в тебе. Держись за *Я*, открой глаза к знанию, очисти свою душу от эгоизма.» А затем? «Сражайся, покоряй, наслаждайся богатым царством.» Или взять другой пример из индийской традиции. Могло бы показаться, что это эгоизм сподвиг Раму, Аватара, собрать армию и уничтожить нацию, чтобы вызволить свою жену из рук короля Ланки. Но не было бы большим эгоизмом принять безразличный вид и, формально жонглируя терминами знания, сказать: «У меня нет жены, нет врага, нет желания; все это — иллюзия чувств; я буду культивиро-

вать Брахманическое знание, и пусть Равана делает все, что хочет, с дочерью Джанаки»?

Критерий находится внутри, как настаивает на этом Гита. Это иметь душу свободной от желания и привязанности, но свободной и от привязанности к бездействию, как и от эгоистического импульса к действию, свободной от привязанности к формам добродетели, как и от привязанности к греху. Это избавиться от «я-чества» и «моя-чества», так чтобы жить в одном *Я* и действовать в одном *Я*; отбросить эгоизм отказа от работы через индивидуальный центр вселенского Существа, как и эгоизм служения индивидуальному уму, сердцу и телу в исключение других. Жить в *Я* — это не требовать только для себя погружения в Бесконечное и забыть все вещи в том океане безличностного само-восторга; но жить как *Я* и в *Я*, равном в этом воплощении и во всех воплощениях и за пределами всех воплощений. Таково интегральное знание.

Мы видим, что размах, который мы придадим идее отречения, будет отличаться от того смысла, который мы приписываем ему сейчас. Сейчас его смыслом является само-отречение, запрет на удовольствия, отвержение объектов удовольствия. Само-отречение является необходимой дисциплиной для души человека, поскольку его сердце невежественно привязано; запрет на удовольствия необходим, потому что чувство человека схвачено и погружено в мутный мед чувственных удовольствий; отвержение объектов удовольствия накладывается из-за того, что разум фиксируется на объекте и не хочет его оставить, чтобы идти за его пределы и внутрь себя. Если разум человека не был бы таким невежественным, прикрепленным, связанным даже в своем беспокойном непостоянстве, сбитым с толку формами вещей, тогда не требовалось бы и отречения; душа могла бы путешествовать по пути восторга, от меньшего к большему, от радости к более божественной радости. Сейчас это не осуществимо на практике. Душа должна отказываться от всего, к чему она привязана, чтобы она могла обрести то, чем это является на самом деле. Внешнее отречение не существенно, но даже оно необходимо на некоторое время, совершенно необходимо во многих вещах и иногда полезно во всех; мы можем даже сказать, что полное внешнее отречение является стадией, через которую должна пройти душа на некоторой стадии своего прогресса, — хотя всегда отречение должно проходить без того самовольного неистовства и яростных самопыток, которые противны Божественному, сидящему внутри нас. Но, в конце концов, это отречение или само-отречение всегда является только инструментом, и его период проходит. Отвержение объекта перестает быть необходимым, когда объект больше не может поймать нас в ловушку, потому что то, чем наслаждается душа, это больше не объект как таковой, а Божественное, которое он выражает; запрещение удовольствия больше не нужно, когда душа больше не ищет удовольствия, а обладает восторгом Божественного равным образом во всех вещах без необходимости личного или физического обладания самой вещью; само-отречение теряет свое поле, когда душа больше ничего не требует, а сознательно подчиняется воле одного *Я* во всех существах. Именно тогда мы освобождаемся от Закона и отпускаемся в свободу Духа.

Мы должны быть готовы оставить позади не только то, что мы клеймим как зло, но и то, что кажется нам добром, но все же не является одним только добром. Есть вещи, которые раньше были благоприятными, которые помогали, которые, возможно, когда-то казались единственно желаемыми вещами, и все же, как только их работа сделана, как только они достигнуты, они становятся препятствиями и даже враждебными силами, когда мы призываемся превзойти их. Есть желательные состояния души, в которых опасно оставаться после того, как они достигнуты, потому что тогда мы перестаем идти к более широким царствам Бога за их пределами. Не следует цепляться даже за божественные реализации, если они не являются божественными реализациями в своей крайней сущности и полноте. Мы не должны оставаться ни чем-то меньшим, чем Все, ни ничем, не достигающим крайней трансцендентности. Если мы сможем так освободиться в духе, мы обнаружим все чудо работ Бога; мы обнаружим, что во внутреннем отречении все, что мы потеряли, ничего не значит. «Оставив все, ты сможешь наслаждаться Всем.» Ведь все содержится для нас и припасено для нас, но с чудесной переменой и преображением во Все-Добро и Все-Прекрасное, Все-Свет и Все-Восторг Его, кто навечно чист и бесконечен, это мистерия и чудо, которое не увядает с веками.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА VI
Синтез дисциплин Знания

В предыдущей главе мы говорили об отречении в самых общих его аспектах, как мы ранее говорили о концентрации во всех ее возможностях; поэтому то, что мы говорим, равным образом применимо как к пути Знания, так и к пути Работ и пути Поклонения; ведь на всех трех путях требуется концентрация и отречение, хотя может меняться способ и дух, в котором они применяются. Но сейчас мы должны более детально обернуться к действительным шагам Пути Знания, по которому нам должна помочь продвигаться двойная сила концентрации и отречения. В частности, это путь — это повторный подъем по великой лестнице бытия, по которой душа спустилась в материальное существование.

Главной целью знания является возвращение *Я*, нашего истинного само-существования, и эта цель предполагает допущение того, что наша теперешняя мода бытия не является нашим истинным само-существованием. Несомненно, мы отвергли резкие решения, которые перерубают узел загадки вселенной; мы не считаем вселенную ни фикцией материальной видимости, порожденной Силой, ни нереальностью, воздвигнутой Разумом, ни узлом ощущений, идей и результатом идей и ощущений с великой Пустотой или великим блаженным Нулем за ним, куда еще надо пробиться к нашей настоящей истине вечного несуществования. Мы принимаем *Я* в качестве реальности, а вселенную — в качестве реальности *Я*, реальности его сознания, а не в качестве простой материальной силы или формации. Все же, хотя вселенная является фактом, а не фикцией, фактом божественного и вселенского, а не фикцией индивидуального *я*, но наше состояние здесь является состоянием неведения, не настоящей истиной нашего существа. Мы ложно понимаем самих себя, мы видим себя в качестве того, чем мы не являемся; мы живем в ложной связи с нашим окружением, потому что мы не знаем ни вселенную, ни себя в качестве того, чем они на самом деле являются, и смотрим на них с несовершенным взглядом, основанном на временной фикции, которую Душа и Природа установили между собой для удобства развивающегося эго. И эта ложность является корнем общего искажения, путаницы и страдания, которые осаждают на каждом шагу как нашу внутреннюю жизнь, так и наши связи с нашим окружением. Наша личная жизнь и наша общественная жизнь, наше отношение с нами самими и наши отношения с нашими собратьями основываются на этой ложности и поэтому ложны в своих признанных методах и принципах, хотя через всю эту ошибку растущая истина постоянно стремится выразить себя. Следовательно, для человека Знания высо-

чайшее значение имеет не то, что называется практическим знанием жизни, а глубочайшее знание *Я* и Природы* — только на этом знании может быть основана настоящая практика жизни.

Ошибка происходит из-за ложного отождествления. Природа создала внутри своего материального единства кажущиеся отдельными тела, которые Душа, проявленная в материальной Природе, охватывает, населяет, обладает, использует; Душа, забывшая себя, переживает только этот единственный узел в Материи и говорит: «Я есть это тело». Она думает о себе как о теле, страдает с телом, наслаждается с телом, рождена с телом, растворяется с телом; или, по крайней мере, таким она видит свое самосуществование. Опять же, Природа создала внутри своего единства вселенской жизни кажущиеся отдельными потоки жизни, которые оформляются в виток витальности вокруг каждого тела и в каждом теле, и Душа, проявленная в витальной Природе, охватывает и сама охватывается этим потоком, моментально заключается в этот маленький вихрь жизни. Душа, забывшая себя, говорит: «Я есть эта жизнь»; она думает о себе как о жизни, жаждет с ее пристрастиями или желаниями, погружается в ее удовольствия, истекает кровью с ее ранами, мчится или спотыкается с ее движениями. Если она все еще управляется, главным образом, телесным ощущением, она отождествляет собственное существование с существованием этого витального вихря и думает: «Когда этот вихрь исчезнет из-за разложения тела, вокруг которого он сформировал себя, тогда меня больше не будет». Если душа способна почувствовать поток жизни, который сформировал вихрь, она думает о себе как об этом потоке и говорит: «Я есть этот поток жизни; я вступила в обладание этим телом, я покину его и буду обладать другими телами: я — бессмертная жизнь, вращающаяся кругами постоянного возрождения».

Но, опять же, Природа создала внутри своего ментального единства, сформированного во вселенском Разуме кажущиеся отдельными генераторы, как бы генераторы ментальности, постоянные центры для генерации, распределения и повторного поглощения ментальной силы и ментальной деятельности, станции в системе ментальной телеграфии, где послания задумываются, пишутся, посылаются, получаются, расшифровываются, и эти послания и эти активности — многих родов: чувственные, эмоциональные, перцептуальные, концептуальные, интуитивные, и Душа, проявленная в ментальной Природе, принимает все их, использует их для своего взгляда на мир, и ей кажется, что это она сама посылает и получает их толчки, страдает или господствует над их последствиями. Природа устанавливает базу этих генераторов в материальных телах, которые она сформировала, делает эти тела почвой для своих стараний и связывает ментальное с материальным с помощью нервной системы, наполненной движением витальных потоков, через которые разум начинает осознавать материальный мир и, если он того хочет, витальный мир Природы. Иначе разум сознавал бы, главным образом и прежде всего, ментальный мир, и только косвенно и мельком видел бы материальный мир. А так его внимание закреплено на теле и материальном мире, в который он был установ-

---

* *атмаджняна* и *татваджняна*

лен, и все остальное существование он сознает только смутно, косвенно или подсознательно в той обширной оставшейся части самого себя, которую он почти забыл и на которую он с трудом откликается, оставаясь на поверхности.

Душа отождествляет себя с этим ментальным генератором или станцией и говорит: «Я есть этот разум». И поскольку разум поглощен в телесной жизни, он думает: «я есть разум в живом теле», либо, чаще всего, «я есть тело, которое живет и думает». Он отождествляет себя с мыслями, эмоциями, ощущениями воплощенного ума и воображает, что поскольку с исчезновением тела исчезает все, то и он прекратит свое существование. Либо, если он начинает сознавать поток настоятельности ментальной личности, тогда он считает себя ментальной душой, занимающей тело, будь то один раз или повторно, возвращаясь из земной жизни в ментальные запредельные миры; продолжающееся существование этого ментального существа, ментально наслаждающегося и страдающего, иногда в теле, иногда на ментальном или витальном плане Природы он называет своим бессмертным существованием. Либо, поскольку разум является принципом света и знания, сколь бы ни несовершенного, и может иметь некое представление о том, что находится за его пределами, в некой Пустоте или в некотором вечном Существовании, и он говорит: «там я, ментальная душа, прекращаю существовать». Такого растворения он страшится или желает, отрицает или утверждает согласно степени своей привязанности или отвращения от сегодняшней игры воплощенного ума и витальности.

Все это является смесью истины и лжи. Разум, Жизнь и Материя существуют, и ментальная, витальная и физическая индивидуальности существуют как факт в Природе, но отождествление души с этими вещами является ложным отождествлением. Разум, Жизнь и Материя являются нами только в том смысле, что они являются принципами бытия, которое истинное *я* развило посредством встречи и взаимодействия Души и Природы, чтобы выразить форму своего одного существования в качестве Космоса. Индивидуальный разум, жизнь и тело являются игрой этих принципов, которые выставлены в отношениях Души и Природы в качестве средств выражения той множественности, на которую одно Существование вечно способно и которую оно держит вечно вовлеченной в свое единство. Индивидуальный разум, жизнь и тело являются формами нас настолько, насколько мы являемся центром множественности Одного; вселенский Разум, Жизнь и Тело тоже являются формами нашего *я*, потому что мы являемся тем Одним в нашем бытии. Но *я* является большим, чем вселенский или индивидуальный разум, жизнь и тело, и когда мы ограничиваем себя отождествлением с этими вещами, мы основываем свое знание на лжи, мы фальсифицируем наш определяющий взгляд и наше практическое переживание не только нашего само-бытия, но и нашего космического существования и нашего индивидуального существования.

Я является вечным абсолютным Существом, по отношению к чистому существованию которого все эти вещи являются становлениями. Мы должны исходить из этого знания; мы должны реализовать это знание и

сделать его основанием внутренней и внешней жизни индивида. Йога Знания, стартуя с этой первичной истины, постигла негативный и позитивный методы дисциплины, с помощью которой мы избавимся от этих ложных отождествлений и вернемся от них к истинному само-знанию. Негативный метод всегда говорит «я не тело», чтобы противостоять ложной идее «я есть это тело» и искоренить ее, чтобы концентрироваться на этом знании и, путем отречения привязанности души к физическому, избавиться от этого ощущения тела. Мы также говорим «я не жизнь», и путем концентрации на этом знании и отречения от привязанности к витальным движениям и желаниям, мы избавляемся от этого ощущения жизни. Наконец, мы говорим «я не разум, не движение, не чувство, не мысль», и путем концентрации на этом знании и отречения от ментальных активностей, мы избавляемся от этого ощущения разума. Когда мы таким образом постоянно создаем пропасть между нами самими и вещами, с которыми мы отождествляемся, тогда их вуаль постепенно спадает, и *я* начинает быть видимым для нашего переживания. Тогда мы говорим «Я есть То, чистое, вечное, само-блаженное» и, путем концентрации нашего мышления и существа на этом, мы становимся Тем и, в конце концов, становимся способными отбросить индивидуальное существование и Космос. Другой позитивный метод, принадлежащий, скорее, Раджа-йоге, состоит в том, чтобы сконцентрироваться на мысли о Брахмане и отбросить от себя все другие идеи, так чтобы этот генератор разума перестал бы работать над нашим внешним и меняющимся внутренним существованием; из-за прекращения ментальной деятельности витальная и физическая игра тоже остановится в вечном Самадхи, в некотором невыразимом глубочайшем трансе бытия, в котором мы перейдем в абсолютное Существование.

Эта дисциплина является, очевидно, само-центрированным и исключительно внутренним движением, которое избавляется от мира, отрицая его в мышлении и закрывая на него глаза души. Но вселенная существует как истина в Боге, даже если индивидуальная душа может закрыть на нее свои глаза, и *Я* присутствует во вселенной реально, а не ложно, поддерживая все то, что мы отвергли, поистине внутренне присутствуя во всех вещах, действительно охватывая индивида во вселенной, как и охватывая вселенную в том, что превосходит ее и является трансцендентным по отношению к ней. Что мы будем делать с этим вечным *Я* в этой продолжающей существовать вселенной, которую мы видим окружающей нас всякий раз, когда мы выходим из транса внутренней медитации? Древний Путь Знания дает ответ на этот вопрос, и у него есть дисциплина для души, которая выглядывает на вселенную. Выход заключается в том, чтобы смотреть на внутренне присущее, все-охватывающее и все-составляющее *Я* в образе эфира, в котором находятся все формы, который сам находится во всех формах и из которого все формы сделаны. В этом эфире космическая Жизнь и Разум движутся как Дыхание вещей, как атмосферное море в эфирном, и составляют из него все эти формы; но то, что они составляют, является просто именем и формой, а не реальностями; форма горшка является только формой земли и уйдет назад в землю, и сама земля является формой, растворяемой в космической Жизни, а космическая Жизнь явля-

ется движением, которое останавливается в этом молчаливом неизменном Эфире. Концентрируясь на этом знании, отвергая все явления и видимости, мы начинаем видеть все это как иллюзию имени и форм в эфире, который является Брахманом; оно становится нереальным для нас; при этом и имманентность духа становится нереальной для нас, и остается только *Я*, на которое наш разум ложно наложил имя и форму вселенной. Так мы оправдываем себя в уходе индивидуального *я* в Абсолют.

И все же, *Я* продолжает оставаться с его неувядаемым аспектом внутреннего присутствия, с его неизменным аспектом божественного окружения, его нескончаемым трюком становления каждой вещи и всеми вещами; наше распознание этой уловки и наш уход нисколько не влияют на *Я* и вселенную. Разве не должны мы узнать, что таким образом продолжает существовать, превосходя наше принятие и отвержение, и слишком великое, слишком важное, чтобы быть затрагиваемым этим? Здесь также должна быть некая неоспоримая реальность, и интегральное Знание требует, чтобы мы увидели и реализовали ее; иначе может оказаться, что это наше знание, а не Господь во вселенной, было уловкой и иллюзией. Поэтому мы должны снова сконцентрироваться и увидеть и реализовать то, что продолжает так суверенно существовать, и должны узнать *Я* в качестве не что иного, как Всевышней Души, являющейся Господином Природы, поддержанной космическим существованием, благодаря чьей санкции вселенная развивается, чья воля вынуждает ее многообразные действия и определяет ее великие циклы. И все же мы должны снова сконцентрироваться и увидеть и реализовать и познать *Я* в качестве одного Существования, которое является как Душой всего, так и Природой всего, одновременно Пурушей и Пракрити и таким способом выразить себя во всех этих формах вещей и быть всеми этими формациями. Иначе мы должны исключить то, что *Я* не исключает, и сделать своевольный выбор в нашем знании.

Древний аскетический Путь Знания допускал единство вещей и концентрацию на всех этих аспектах одного Существования, но он делал различение и проводил иерархию. *Я*, которое становится всеми этими формами вещей, — это Вират или вселенская Душа; *Я*, которое создало все эти формы — это Хираньягарта, светлая или созидательно восприимчивая Душа; *Я*, которое содержит все эти вещи вовлеченными в это — это Праджна, сознательная Причина или изначально определяющая Душа; за пределами всего этого есть Абсолют, который допускает всю эту нереальность, но не имеет с ней никаких дел. В тот Абсолют мы и должны отойти и не иметь дальнейших отношений со вселенной, поскольку Знание означает окончательное Знание, и поэтому эти меньшие реализации должны отпасть от нас или потеряться в Том. Но, очевидно, с нашей точки зрения, вся эта иерархия является практическим различением, сделанным разумом, и она имеет ценность для определенных целей, но не имеет окончательной ценности. Наш взгляд на мир настаивает на единстве; вселенское *Я* не отличается от восприимчивого и созидательного *Я*, а то, в свою очередь, не отличается от причинного *Я*, а причинное *Я* не отличается от Абсолюта, и это одно «Само-бытие, которое стало всеми становлениями», и

оно нисколько не отличается от Господа, который проявляет Себя в качестве всех этих индивидуальных существований, и Господь нисколько не отличается от единственно существующего Брахмана, который поистине является всем тем, что мы можем видеть, чувствовать, проживать или ментализировать. Мы думаем, что мы можем реализовать наше единство с *Я*, Господом, Брахманом, и со всем тем, что Он проявляет, и в этом единстве мы будем жить. Ведь нам нужно знание, которое объединяет; знание, которое разделяет, обязательно должно быть частичным знающим благом для определенных практических целей; но знание, которое объединяет, является *настоящим* знанием.

Поэтому наша интегральная Йога вберет в себя все эти различные дисциплины и концентрации, но гармонизирует и, если возможно, сольет их в синтезе, который устраняет их взаимное исключение. Реализуя Господа и Все не только для того, чтобы отвергнуть их ради молчаливого *Я* или непознаваемого абсолюта, что было бы исключительно трансцендентной Йогой и живя не только ради Господа или только во Всем, чтоб было бы теистической или исключительно пантеистической Йогой, искатель интегрального знания не будет ограничивать себя ни в своем мышлении, ни в своей практике, ни в своей реализации, какой-либо религиозной верой или философской догмой. Он будет искать Истину существования в ее полноте. Он не будет отвергать древние дисциплины, ибо они покоятся на вечных истинах, а будет придавать им ориентацию, соответствующую его цели.

Мы должны распознать, что наша первичная цель в познании должна заключаться в том, чтобы реализовать наше собственное всевышнее *Я* в большей степени, чем это *Я* в других, или чем в качестве Господа Природы или в качестве Всего; ведь такова насущная потребность индивида — достичь высочайшей истины собственного существа, исправить свои беспорядки, путаницы, ложные отождествления, достичь верной концентрации и чистоты и знать и подниматься до своего источника. Но мы делаем это не для того, чтобы исчезнуть в этом источнике, а так чтобы все наше существование и все наши планы этого внутреннего царства могли найти свой верный базис, могли жить в нашем высочайшем *я*, жить только для нашего высочайшего *я* и не подчиняться другому закону, кроме того, который исходит из нашего высочайшего *я* и дан нашему очищенному существу без какой-либо фальсификации в передающей ментальности. И если мы правильно это делаем, то мы откроем, что в нахождении этого всевышнего *Я* мы найдем одно *Я* во всем, одного Господа нашей природы и всей Природы, наше Все нас самих, которое является Всем вселенной. Ибо то, что мы видим в нас самих, мы должны обязательно видеть везде, поскольку в этом истина Его единства. Благодаря открытию и верному использованию Истины нашего существа, барьер между нашей индивидуальностью и вселенной обязательно рухнет, и Истина, которую мы реализовали в нашем существе, сможет реализоваться для нас в универсальности, которая затем будет нашим *я*. Реализуя в себе «я есть Он» Веданты, мы сможем реализовать, глядя на все вокруг нас, знание тождества с другой его стороны: «Ты есть То». Мы должны только увидеть, как практиче-

ски нам организовать дисциплину, чтобы мы смогли достичь этого великого объединения.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА VII
Освобождение от подчинения телу

Наш первый шаг на пути знания, раз уж мы определили в своем интеллекте, что видимое не является Истиной, что *я* – это не тело, жизнь или разум, поскольку все это только формы, должен состоять в том, чтобы правильно настроить наш разум в его практической связи с жизнью и телом, так чтобы он мог достичь собственной верной связи с *Я*. Это легче всего сделать с помощью того приема, который нам уже известен, который играл большую роль в Йоге работ — сделать разделение между Пракрити и Пурушей. Пуруша, душа, которая знает и распоряжается, позволил вовлечь себя в работы своей исполнительной сознательной силы, так что он принимает за себя эту физическую работу силы, которую мы называем телом; будучи на самом деле душой, которая знает и распоряжается, он забыл собственную природу; он верит, что его разум и душа должны подчиняться закону и работе тела; он забывает, что он в значительной степени нечто иное, чем физическая форма; он забывает, что его разум на самом деле есть нечто более великое, чем Материя, и не должен подчиняться ее затмениям, реакциям, привычке инерции, привычке неспособности; он забывает, что он есть нечто большее даже чем разум, что он – это Мощь, которая поднимает ментальное существо над ним самим; что он — Мастер, Трансцендентный, и что негоже Мастеру быть порабощенным собственными работами, а Трансцендентному — быть заточенному в форму, которая существует как пустяк в его собственном бытии. Всю эту забывчивость можно исправить, если Пуруша вспомнит собственную настоящую природу и, прежде всего, вспомнит, что тело является только работой и только одной работой Пракрити.

Тогда мы говорим разуму: «Это работа Пракрити, это не ты и не я; отойди от нее». И если мы попытаемся, то обнаружим, что разум имеет силу открепления и может отойти от тела не только в идее, но и в действии, отступить физически или, скорее, витально. Это открепление разума должно подкрепляться определенной позицией безразличия к делам тела; мы не должны особенно заботиться о его сне или его бодрствовании, его движении или покое, его боли или удовольствии, его здоровье или неважном самочувствии, его бодрости или усталости, его комфорте или дискомфорте, о том, что оно ест или пьет. Не важно, что мы не будем поддерживать тело в том порядке, как могли бы; нам не следует впадать в неистовый аскетизм или позитивное пренебрежение физической оболочкой. Но нам и не следует расстраиваться из-за голода или жажды, дискомфорта или неважного самочувствия, либо придавать значение, которое

физический и витальный человек приписывает телесным вещам, или любое другое значение, кроме как только подчиненного и чисто инструментального. А также не следует допускать, чтобы это инструментальное значение приняло пропорции необходимости; например, нам не следует воображать, что чистота разума зависит от того, что мы едим или пьем, хотя на определенных стадиях ограничение в еде и питье полезны для нашего внутреннего прогресса; с другой стороны, мы не должны продолжать думать, что зависимость ума или даже жизни от еды и питья является чем-то большим, чем привычкой, привычной связью, которую природа возвела между этими принципами. На самом деле количество потребляемой пищи может быть сведено, благодаря противоположной привычке и связи, к самому минимуму, и при этом бодрость ментального или витального существа ничуть не уменьшится; даже, напротив, витальное и ментальное существа могут быть натренированы к большей потенциальности бодрости и живости, если их учить больше полагаться на тайные фонтаны ментальной и витальной энергии, с которыми они связаны, чем на помощь физического подкрепления. Этот аспект само-дисциплины даже важнее в Йоге само-совершенствования, чем здесь; для нашей теперешней цели важно достичь с помощью разума отречения от привязанности или зависимости от телесных дел.

Так дисциплинированный, разум будет постепенно учиться занимать истинную позицию Пуруши по отношению к телу. Прежде всего, он будет знать ментального Пурушу в качестве того, кто поддерживает тело, и, никоим образом, не самого тела; ведь Пуруша — это нечто отличное от физического существования, которое он поддерживает с помощью разума посредством витальной силы. Постепенно это станет столь привычной позицией всего существа по отношению к физической оболочке, что она будет чувствоваться как нечто внешнее и отделяемое, как одежда, которую мы носим, или инструмент, который мы держим в руках. Мы даже можем начать чувствовать, что тело в некотором смысле не существует, кроме как в качестве нашего частичного выражения нашей витальной силы и нашей ментальности. Эти переживания являются знаками того, что разум приходит к верной позиции по отношению к телу, что он меняет ложную точку зрения ментальности, захваченной и плененной физическим ощущением, на точку зрения настоящей истины вещей.

Далее, что касается движений и переживаний тела, разум начинает познавать Пурушу, расположенного внутри него, как, во-первых, свидетеля или наблюдателя движений и, во-вторых, знающего или воспринимающего переживания. Он перестает считать в мышлении или чувствовать в ощущении эти движения и переживать в качестве своих собственных, а, скорее, будет считать и чувствовать их как не свои собственные, как операции Природы, управляемые качествами Природы и их взаимодействием друг с другом. Это открепление может быть сделано столь обычным и может быть перенесено столь далеко, что будет нечто вроде деления между разумом и телом, и разум начнет наблюдать и переживать голод, жажду, боль, усталость, депрессию и т.д. физического существа так, как если бы они были переживанием некоторой другой личности, с кото-

рой он имел бы столь тесную связь, что осознавал бы все, что происходит с ней. Это деление — великое средство, громадный шаг по направлению к мастерству; ведь разум начнет наблюдать эти вещи сначала без того, чтобы быть задавленным ими и, наконец, без того, чтобы быть затрагиваемым ими, бесстрастно, с ясным пониманием, но и с совершенным откреплением. Таково начало освобождения ментального существа от служения телу; ведь освобождение неизбежно наступает благодаря верному знанию, постоянно внедряемому в практику.

Наконец, разум начнет знать Пурушу в разуме в качестве мастера Природы, чья санкция необходима для ее движений. Он находит, что в качестве дающего санкцию он может отвести начальное согласие на привычки Природы и что постепенно привычки исчезнут или изменятся в направлении, указанной волей Пуруши; это произойдет не сразу же, ведь старая санкция остается в качестве упорного следствия прошлой Кармы Природы, пока она не будет исчерпана, и многое также зависит от силы привычки и идеи фундаментальной необходимости, которую разум прикрепил к ней; но если это не одна из фундаментальных привычек, установленных Природой для связи разума, жизни и тела, и если старая санкция не возобновлена разумом и не потакается по желанию, тогда постепенно происходит изменение. Даже привычка голода и жажды может быть минимизирована, запрещена, отброшена; привычка заболевания может быть аналогичным образом минимизирована и постепенно устранена, а тем временем будет значительно расти сила разума исправлять беспорядки тела будь то при помощи сознательной манипуляции витальной силы или путем простого ментального согласия. В ходе аналогичного процесса может быть исправлена привычка, из-за которой телесная природа связывает определенные формы и степени деятельности с напряжением, усталостью, неспособностью, и будет чудесным образом расти, удваиваться, утраиваться, удесятеряться сила, свобода, быстрота, эффективность работы, будь то физической или ментальной, которая может быть сделана с этим телесным инструментом.

Эта сторона метода больше свойственна Йоге самосовершенствования; но об этих вещах стоит вкратце сказать и здесь, поскольку тем самым мы заложим базис того, что мы в дальнейшем скажем о само-совершенствовании, которое составляет часть интегральной Йоги, и поскольку мы должны исправить ложные представления, популяризированные материалистической Наукой. Согласно этой Науке, обычные ментальные и физические состояния и связи между умом и телом, в действительности установленные нашей прошлой эволюцией, являются правильными, естественными и здоровыми условиями, и что любые другие, как-то противостоящие им, являются либо нездоровыми и неправильными, либо галлюцинацией, само-обманом и умопомешательством. Излишне говорить, что этот консервативный принцип полностью игнорируется самой Наукой, когда она так усердно и не безуспешно улучшает обычные операции физической Природы ради большего господства человека над Природой. Достаточно сказать здесь раз и навсегда, что изменение ментального и физического состояния и связей между разумом и телом, кото-

рое увеличивает чистоту и свободу существа, приносит ясную радость и мир и множит силу разума над собой и над физическими функциями, приводит к большему господству человека над его собственной природой, очевидным образом не является нездоровым и не может считаться галлюцинацией или само-обманом, поскольку его результаты очевидны и позитивны. В действительности, это просто волевое продвижение Природы в ее эволюции индивида, эволюции, которую она будет проводить в любом случае, но в которой она хочет использовать человеческую волю в качестве главного агента, поскольку ее сущностная цель — вести Пурушу к сознательному господству над ней самой.

Сказав это, мы должны добавить, что на этом пути знания совершенство разума и тела не рассматривается или рассматривается только во вторую очередь. Единственно необходимым делом здесь является подъем из Природы к *Я* с помощью самого быстрого или самого тщательного и эффективного метода; и метод, который мы описываем, хотя и не является самым быстрым, он все же самый доскональный в своей эффективности. И здесь возникает вопрос о физическом действии или бездействии. Обычно считается, что Йогин должен отходить от действия насколько это возможно и что, вообще говоря, действие является помехой, поскольку выбрасывает энергию наружу. До определенной степени это верно; и мы должны дальше заметить, что когда ментальный Пуруша занимает позицию простого свидетеля и наблюдателя, тогда в существе растет тенденция к молчанию, уединению, физическому покою и телесному бездействию. Пока это не связано с инерцией, неспособностью или нежеланием действовать, словом, не связано с ростом тамасического качества, все это во благо. Сила не делать ничего, которая совершенно отличается от лености, неспособности или отвращения к действию и привязанности к бездействию, является великой силой и великим мастерством; сила полностью остановить действие столь же необходима для Джняна-йогина, как и сила полностью прекратить мышление, как и сила оставаться в крайней уединенности и молчании, как и сила недвижимого покоя. Тот, кто не желает принимать эти состояния, еще не пригоден для пути, ведущему к высочайшему знанию; тот, кто не способен тянуться к ним, точно также непригоден для их овладения.

В то же время надо заметить, что достаточно самой этой силы; воздержание от всякого физического действия не необходимо, отвращение к ментальному или телесному действию не желательно. Искатель интегрального состояния знания должен быть свободен от привязанности к действию и, равным образом, должен быть свободен от привязанности к бездействию. Особенно должна быть превзойдена любая тенденция к простой инерции разума, витальности или тела, и если эта привычка будет расти в природе, тогда надо использовать волю Пуруши, чтобы отбросить ее. В конце концов, наступает состояние, когда жизнь и тело исполняют, как простые инструменты, волю Пуруши в разуме без какого-либо напряжения или привязанности, без того, чтобы привести себя в действие с той более низкой, жаждущей и зачастую лихорадочной энергией, которая составляет природу обычных работ жизни и тела; эти инструменты

начинают работать в качестве сил Природы без того трения, напряженного труда и реакции, характерных для жизни в теле, когда жизнь еще не является мастером своего физического. Когда мы достигнем этого совершенства, тогда действие и бездействие не играют никакой роли, поскольку ничто не вмешивается в свободу души и не оттягивает от ее побуждения к *Я* или ее положения в *Я*. Но это состояние совершенства приходит на поздней стадии Йоги, и до тех пор закон умеренности, накладываемый Гитой, — наилучшее средство для нас; до тех пор слишком много ментального или физического действия не хорошо для нас, поскольку избыток действия отводит слишком много энергии и неблагоприятно воздействует на духовное состояние; слишком мало действия тоже нехорошо, поскольку недостаток действия ведет к привычке бездействия и даже к неспособности, которая затем будет преодолеваться с трудом. Все же очень желательны периоды абсолютного покоя, уединенности и прекращения работ, и они должны достигаться по возможности чаще для того ухода души внутрь себя, который совершенно необходим для знания.

Обращаясь так с телом, мы должны обязательно так же обращаться Праной или жизненной энергией. Для практических целей мы должны делать различие между жизненной энергией, как она действует в теле, физической Праной, и жизненной энергией, как она действует в поддержке ментальных активностей, психической Праной. Ведь мы всегда ведем двойную жизнь: ментальную и физическую, и одна и та же жизненная энергия действует по-разному и принимает различные аспекты в соответствии с тем, как она передается одному или другому. В теле она вызывает те реакции голода, жажды, усталости, здравия, заболевания, физической бодрости и т.д., которые являются витальными переживаниями физической оболочки. Ведь грубое тело человека не подобно камню или земле; оно состоит из двух оболочек, витальной оболочки и «пищевой» оболочки, и его жизнь — это постоянное взаимодействие этих двух оболочек. Все же жизненная энергия и физическая оболочка — это две разные вещи, и, отводя ум от поглощающего ощущения тела, мы все больше чувствуем Прану и ее действие в телесном инструменте и можем наблюдать и все больше контролировать ее операции. Практически, отходя от тела, мы также отходим от физической энергии жизни, даже если мы и различаем эти две энергии и чувствуем последнюю более близкой к нам, чем простой физический инструмент. Полное покорение тела происходит, в действительности, с покорением физической энергии жизни.

Наряду с преодолением привязанности к телу и его работам происходит и преодоление привязанности к жизни в теле. Ведь когда мы чувствуем, что физическое существо — это не мы сами, а только одежда или инструмент, тогда обязательно ослабевает и может быть отброшено отвращение к смерти тела, что является таким сильным и страстным инстинктом витального человека. Этот инстинкт должен быть полностью отброшен. Страх смерти и отвращение к телесному концу являются клеймом, наложенным на человеческое существо его животным происхождением. Это клеймо должно быть полностью стерто.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА VIII
Освобождение от сердца и ума

Но восходящая душа должна отделить себя не только от жизни в теле, но и от действия жизненной энергии в разуме; она должна заставить разум сказать как представителя Пуруши: «Я не Жизнь; Жизнь — это не *я* Пуруши, это только работа Пракрити и только одна из ее работ». Характеристиками Жизни являются действие и движение, чтобы впитать и усвоить то, что внешне по отношению к индивиду, а также принцип удовлетворения или неудовлетворения тем, что она охватывает или что приходит к ней; этот принцип связи со все-пронизывающим явлением притяжения и отталкивания. Эти три вещи повсеместно распространены в Природе, потому что Жизнь повсеместно распространена в Природе. Но в нас, ментальных существах, этим вещам придается ментальная ценность согласно разуму, который воспринимает и принимает их. Они принимают форму действия, желания и симпатии и антипатии, удовольствия и боли. Прана находится всегда в нас, поддерживая не только действие нашего тела, но и нашего чувственного ума, нашего эмоционального ума, нашего мыслящего ума; и, привнося собственный закон или Дхарму во все это, Прана путает, ограничивает, приводит в разногласие их верное действие и порождает ту нечистоту неправильного размещения и ту переплетенную путаницу, которая составляет все зло нашего психологического существования. Кажется, что в этой путанице царит только один закон — закон желания. Как вселенское Божественное Существо, все-охватывающее и всем-обладающее, действует, движется, чисто наслаждается для удовлетворения божественного Восторга, так и индивидуальная жизнь – действует, движется, наслаждается и страдает, главным образом, для удовлетворения желания. Поэтому психическая энергия жизни представляется нашему переживанию как нечто вроде желания-ума, которое мы должны покорить, если мы хотим вернуться к нашему истинному *я*.

Желание является одновременно мотивом наших действий, нашим рычагом осуществления и ядом нашего существования. Если бы наш чувственный ум, эмоциональный ум, мыслящим ум мог бы действовать свободным от посягательства и вмешательства жизненной энергии, если бы ту энергию можно было бы заставить подчиняться их верному действию вместо того, чтобы накладывать ее собственное ярмо на наше существование, тогда все человеческие проблемы гармонично двигались бы к их верному решению. Надлежащая функция жизненной энергии состоит в том, чтобы делать то, что предлагается божественным принципом в нас, достигать того и наслаждаться тем, что дается ей внутренне прибывающим Бо-

жественным, и вообще не желать. Надлежащая функция чувственного ума состоит в том, чтобы пассивно, светло оставаться открытым к контактам жизни и передавать их ощущения и *расу* или верный вкус и принцип восторга в них более высокой функции; но, докучаемый привлечениями и отторжениями, принятиями и отказами, удовлетворениями и неудовлетворениями, способностями и неспособностями жизненной энергии в теле, чувственный ум, во-первых, ограничен в своем диапазоне и, во-вторых, принуждаем в этих пределах связывать себя со всеми этими разногласиями жизни в Материи. Он становится инструментом удовольствия и боли, вместо того, чтобы быть инструментом восторга существования.

Аналогичным образом, эмоциональный ум, принуждаемый обращать внимание на все эти разногласия и подчиняться их эмоциональным реакциям, становится полем столкновения радости и печали, любви и ненависти, гнева, страха, борьбы, стремления, отвращения, симпатий, антипатий, безразличия, согласия, несогласия, надежд, разочарований, признательности, мести и всей грандиозной игры страстей, что составляет драму жизни в мире. Этот хаос мы называем нашей душой. Но настоящая душа, настоящая психическая сущность, которую мы, по большей части, видим немного, и которую развила только малая часть человечества, является инструментом чистой любви, радости и светлого достижения слияния и объединения с Богом и нашим собратьями. Психическая сущность скрыта игрой ментализованной Праны или ума желания, что мы ошибочно принимаем за душу; эмоциональный ум не способен отражать настоящую душу в нас, Божественное в наших сердцах, и вместо этого обязан отражать ум желания.

Точно также, надлежащая функция мыслящего ума состоит в том, чтобы наблюдать, понимать, судить с беспристрастным восторгом в знании и открывать себя посланиям и озарениям, играя на всем, что он наблюдает и на всем том, что еще скрыто от него, но должно постепенно раскрываться, а также открывать себя тем посланиям и озарениям, которые тайно просвечивают от божественного Оракула, сокрытого в свете над нашей ментальностью, хотя и кажется, что они спускаются через интуитивный ум или возникают из видящего сердца. Но мыслящий ум не может делать это правильно, потому что он привязан ограничениями жизненной энергии в чувствах, разногласиями ощущений и эмоций, а также собственными ограничениями интеллектуального предпочтения, инерции, напряжения, самоволия, что являются формами, принимаемыми в нем из-за вмешательства этого ума желания, этой психической Праны. Как говорится в Упанишадах, все наше сознание ума пронизано нитями и потоком этой Праны, этой жизненной энергии, которая прилагает усилия и ограничивает, хватает и промахивается, желает и страдает, и только путем ее очищения сможем мы узнать и завладеть нашим настоящим и вечным *Я*.

Верно, что корнем всего этого зла является эго-ощущения и что местоположением сознательного эго-ощущения является сам разум; но в действительности сознательный разум только отражает эго, уже созданное в подсознательном разуме в вещах, немую душу в камне и растении,

которая присутствует во всяком теле и жизни и только в конечном счете становится полногласной и пробужденной, но она не создана изначально сознательным разумом. И в этом восходящем процессе именно жизненная энергия стала упорствующим узлом эго, именно разум желания отказывается ослабить узел, даже когда интеллект и сердце открыли причину своих бед и были бы рады устранить ее; ведь Прана в них является Животным, которое восстает и которое затеняет и обманывает их зрение и принуждает их волю своим отказом.

Поэтому ментальный Пуруша должен отделить себя от связи и самоотождествления с этим умом желания. Он должен сказать: «Я — не то, что борется и страдает, печалится и радуется, любит и ненавидит, надеется и расстраивается, гневается и боится, впадает то в неуменую радость, то в депрессию, я не вещь витальных настроений и эмоциональных страстей. Все это — просто работа и привычка пракрити в чувствующем и эмоциональном уме.» Затем разум отходит от своих эмоций и становится их наблюдателем или свидетелем, как это было по отношению к телесным движениям и переживаниям. Снова происходит внутреннее разделение. Есть эмоциональный ум, в котором продолжают происходить эти настроения и страсти, в соответствии с привычкой мод Природы, и есть наблюдающий ум, который видит их, изучает и понимает их, но отделен от них. Он наблюдает за ними как за игрой неких персонажей на ментальной сцене, поначалу с интересом и привычкой снова впадать в отождествление, затем с полным спокойствием и отстраненностью и, наконец, достигая не только спокойствия, но и чистого восторга собственного молчаливого существования, с улыбкой при взгляде на их нереальность как на воображаемые радости и печали ребенка, играющего с самим собой и проигрывающего самому себе. Во-вторых, он начинает сознавать себя господином, который может прекратить эту игру, отозвав свою санкцию. Когда санкция отозвана, происходит другое значительное явление: эмоциональный ум становится по обыкновению спокойным, чистым и свободным от этих реакций, и даже когда они приходят, они больше не поднимаются изнутри, а кажутся падающими на него как впечатления извне, на которые все еще могут отвечать его фибры; но эта привычка со временем сходит на нет, и эмоциональный ум полностью освобождается от страстей, от которых он отказался. Надежда и страх, радость и печаль, симпатия и антипатия, влечение и отвращение, согласие и недовольство, счастье и депрессия, ужас и гнев, страх и досада, позор и страсти любви и ненависти отпадают от освобожденного психического существа.

Что приходит им не смену? Это может быть, если мы захотим, полный покой, молчание и безразличие. Но хотя это и является стадией, через которую обычно должна пройти душа, но это не окончательная цель, которую мы поставили перед собой. Поэтому Пуруша тоже становится господином, который изъявляет волю и воля которого — заменить неправильное наслаждение верным наслаждением психического существования. То, что он желает, Природа исполняет. То, что было строительным материалом для желания и страсти, превращается в реальность чистой, ровной и спокойно интенсивной любви, радости и тождества. Вперед вы-

ходит настоящая душа, и она занимает место, освобожденное умом желания. Очищенная пустая чаша наполняется вином божественной любви и восторга вместо сладковато-горькой отравы страсти. Страсть, даже страсть к добру, неправильно представляет божественную природу. Страсть жалости со своими нечистыми элементами физического отвращения и эмоциональной неспособности выносить страдания других должна быть отвергнута и заменена более высоким божественным состраданием, которое видит, принимает ношу других и в состоянии помогать и лечить, не по самоволию и с протестом против страдания в мире и не с невежественным осуждением закона вещей и их истока, а со светом т знанием и в качестве инструмента Божественного в его появлении. Точно также любовь, которая желает, захватывает и обеспокоена радостью и сотрясаема печалью, должна быть отвергнута ради ровной, всеохватывающей любви, свободной ото всего этого и не зависящей от обстоятельств и не изменяемой откликом или отсутствием отклика. Так мы будет иметь дело со всеми движениями души; но об этом мы поговорим еще дальше, когда станем рассматривать Йогу самосовершенствования.

Как с действием и бездействием, так же обстоит дело и с этой дуальной возможностью безразличия и покоя с одной стороны и активной радости и любви — с другой. Ровность, а не безразличие, является основанием. Ровное терпение, безучастное безразличие, спокойное подчинение причинам радости и печали без какой-либо реакции радости и печали является подготовительным этапом и негативным основанием ровности; но ровность не будет исполнена, пока она не примет позитивную форму любви и восторга. Чувственный ум должен найти ровную *расу* Все-Прекасного, сердце — ровную любовь и Ананду для всего, психическая Прана — наслаждение этой *расой*, любовь и Ананду. Это позитивное совершенство, которое приходит с освобождением; наша первая цель на пути знания — это, скорее, освобождение, приходящее с отделением от ума желаний и с отвержением его страстей.

Ум желания также должен быть отвергнут как инструмент мышления, и это лучше всего достигается путем отделения Пуруши от мышления и мнения. Об этом у нас уже был случай поговорить, когда мы рассматривали, в чем состоит интегральное очищение существа. Ведь все это движение знания, которое мы описываем, является методом очищения и освобождения, посредством чего становится возможным полное и окончательное само-знание, причем последовательное само-знание само является инструментом очищения и освобождения. Метод по отношению к уму мышления будет тем же самым, как и по отношению к остальному существу. Пуруша, использовавший ум мышления для освобождения от отождествления с жизнью и телом и с умом желания, ощущений и эмоций, должен повернуться к уму мышления и сказать: «Я также и не это; я — не мышление или мыслитель; все эти идеи, мнения, рассуждения, поиски интеллекта, его пристрастия, предпочтения, догмы, сомнения, самопоправки, все это — не я; все это — только работа пракрити, происходящая в уме мышления.» Таким образом делает разделение между умом, который думает и изъявляет волю, и умом, который наблюдает, и Пуруша

становится только свидетелем; он видит, он понимает процесс и закон мышления, но отделяет себя от него. Затем, как господин санкции, он отзывает свою прошлую санкцию из мешанины ментальных потоков и рассуждающего интеллекта, и они перестают назойливо навязываться. Пуруша освобождается от подчинения думающему уму и становится способным на абсолютное молчание.

Для совершенства также необходимо возвращение позиции Пуруши в качестве господина своей Природы и воля заменить простой ментальный поток и интеллект на сознающую истину мысль, освещающую свыше. Но молчание необходимо; в молчании, а не в мышлении, найдем мы *Я*, станем осознавать его, а не просто постигать, и мы отойдем от ментального Пуруши в то, что является источником ума. Но для этого необходимо окончательное освобождение — освобождение от эго-ощущения в разуме.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА IX
Освобождение от эго

Образование ментального и витального эго, привязанного к ощущению тела, было первой великой работой космической Жизни в ее постепенной эволюции; ведь эго было найденным ею средством для порождения из материи сознательного индивида. Растворение этого ограничивающего эго является одним условием, необходимым средством для того, чтобы космическая Жизнь достигла своей божественной реализации: ведь только так сознательный индивид может достичь либо своего трансцендентного *я*, либо своей истинной Личности. Это двойное движение обычно представляется как падение и искупление или как творение и разрушение — зажжение пламени и его угасание или образование первого временного нереального *я* и освобождение от него с выходом в вечную необъятность нашего истинного *я*. Ведь человеческая мысль впадает в две противоположные крайности: одна из них, мирская и прагматическая, считает исполнение и удовлетворение ментального, витального и физического эго-ощущения, индивидуального или коллективного, целью жизни и не смотрит дальше этого, тогда как другая крайность, духовная, философская или религиозная, считает единственно стоящим делом покорение эго в интересах души, духа или какой-либо еще высшей сущности. Даже в лагере эго есть две расходящиеся позиции, нарушающие единство мирской или материалистической теории вселенной. В одной из них ментальное эго считается порождением нашей ментальности, которая растворяется с исчезновением разума в результате смерти тела; единственная неизменная истина это вечная Природа, работающая в расе — этой или другой — так что преследуется ее цель, а не наша. Исполнение расы, коллективного эго, а не индивидуального эго, должно быть правилом жизни. В другой тенденции, более виталистической, упор делается на сознательное эго как на высшее достижение Природы, сколь бы преходящим оно не было, эго возводится в ранг человеческого представителя «Воли быть», и его величие и удовлетворение считается высочайшей целью нашего существования. Есть соответствующее расхождение и в многочисленных системах, базирующихся на религиозном мышлении или духовной дисциплине. Буддист отрицает существование реального *я* или эго, не допускает вселенского или трансцендентного Существа. Адвайтин заявляет, что кажущаяся индивидуальной душа является ни чем иным, как всевышним *Я* и Брахманом, а ее индивидуальность есть иллюзия; избавление от индивидуального существования — единственно верный выход. В других системах, в явном противоречии с этой точкой зрения, утверждается вечное по-

стоянство человеческой души; как базис множественного сознания в Одном или же как зависимая, но все же отдельная сущность, наша душа постоянна, реальна, бессмертна.

Из всех этих разнообразных конфликтующих мнений искатель Истины должен выбрать, что для него будет Знанием. Но если наша цель — духовное освобождение или духовное исполнение, тогда совершенно необходимо превосхождение этой маленькой оболочки эго. В человеческом эгоизме и его удовлетворении не может быть божественной кульминации и высвобождения. Определенное очищение от эгоизма является условием даже этического прогресса и подъема, ради социального блага и совершенства; гораздо большее совершенство необходимо для внутреннего мира, чистоты и радости. Но необходимо гораздо более радикальное освобождение, не только от эгоизма, но и от эго-идеи и эго-ощущения, если наша цель — поднять человеческую природу до божественной природы. Опыт показывает, что по мере того, как мы освобождаемся от ограничивающего ментального и витального эго, мы начинаем распоряжаться более широкой жизнью, большим существованием, более высоким сознанием, более счастливым состоянием души, даже большим знанием, мощью и диапазоном. Даже цель, преследуемая самой мирской философией — исполнение, совершенство, удовлетворение индивида — лучше всего обеспечивается не путем удовлетворения одного и того же эго, а путем поиска свободы в более высоком и более широком *я*. Нет счастья в малости бытия, - говорит Писание, - счастье приходит с большим существом. Эго по своей природе является малостью существа; оно приносит сужение сознания, и вместе с этим сужением – ограничение знания, блокирующее неведение – ограничение и уменьшение силы, и, как следствие, дисгармонию и несостоятельность симпатии, любви и понимания – подавление или фрагментацию восторга бытия и, как следствие, печаль и страдание. Мы должны вырваться из миров эго, чтобы вернуть то, что было потеряно. Эго должно исчезнуть в безличности, либо влиться в большее я: оно должно влиться в более широкое космическое «я», которое понимает все эти более маленькие «я», либо влиться в трансцендентное, по отношению к которому даже космическое *я* является уменьшенным образом.

Но это космическое *я* духовно по своей сути и переживанию; его не надо путать с коллективным существованием, с любой группой душ или с жизнью и телом человеческого общества или даже всего человечества. Подчинение эго прогрессу и счастью человеческой расы является сейчас ведущей идеей в мировом мышлении и этике; но это ментальный и моральный, но не духовный идеал. Ведь этот прогресс является чередой ментальных, витальных и физических превратностей, он не имеет прочного духовного содержания и не предоставляет никакой надежной почвы для души человека. Сознание коллектива людей — это только расширенная версия или совокупность индивидуальных эго. Сотворенное из той же субстанции, по тому же природному шаблону, оно не несет в себе ни большего света, ни вечного ощущения себя, ни более чистого мира, радости и освобождения. Коллективное эго даже более искаженное, беспокойное и темное и, несомненно, более смутное, путанное и не прогрессивное

по сравнению с индивидуальным эго. В этом отношении индивид величественнее человеческой массы и не может быть призван подчинять свои более светлые возможности этой более темной сущности. Если должны придти свет, мир, освобождение, более лучшее состояние существования, то они должны низойти в душу из чего-то более широкого, чем индивидуальное эго, но и также из чего-то более высокого, чем коллективное эго. Альтруизм, филантропия, служение человечеству сами по себе являются ментальными или моральными идеалами, а не законами духовой жизни. Если в духовную цель входит импульс отрицания личного или служения человечеству или миру в целом, то он приходит не из эго и не из коллективного ощущения расы, а из чего-то более оккультного и глубокого, превосходящего все это; ведь такой импульс основывается на ощущении Божественного во всем и работает не ради эго или расы, а ради Божественного и его цели в личности или группе или в коллективном Человеке. Именно этот трансцендентный Источник мы должны искать и служить ему, этому более широкому бытия и сознанию, по отношению к которому раса и индивид являются младшими терминами существования.

За этим прагматичным импульсом действительно стоит истина, которую односторонняя духовность склонна игнорировать, отрицать или преуменьшать. Именно потому, что индивидуальное и вселенское является терминами более высокого и более широкого Бытия, их исполнение должно занимать некое реальное место во всевышнем Существовании. За ними должна стоять некая высокая цель во всевышней Мудрости и Знании, некий вечный мотив во всевышнем Восторге: они не могли быть и не были созданы понапрасну. Но совершенство и удовлетворение человечества, подобно совершенству и удовлетворению индивида, может надежно проводиться и основываться только на более вечной и еще не охваченной истине и праве вещей. Будучи младшими членами нашего большего Существования, они могут исполниться только тогда, когда известно и охвачено то, терминами чего они являются. Высочайшее служение человечеству, наиболее надежное основание для его истинного прогресса, счастья и совершенства — это подготовка или поиск пути, на котором индивидуальный и коллективный человек смогут превзойти эго и жить в своем истинном *я*, больше не связанными неведением, неспособностью, дисгармонией и печалью. Именно путем преследования вечного, а не жития, связанного медленной коллективной эволюцией Природы, можем мы лучше всего обеспечить достижение даже той эволюционной, коллективной, альтруистической цели, которую современное мышление и идеализм ставят перед нами. Но сама по себе эта цель вторична; найти, знать и обладать Божественным существованием, сознанием и природой и жить в этом ради Божественного — вот наша настоящая цель и одно совершенство, к которому мы должны стремиться.

Значит, искатель высочайшего знания должен пойти по пути духовных философий и религий, а не по пути привязанной к земле материалистической доктрины, даже если этот искатель имеет более богатые намерения и придерживается более полной духовной цели. Но как далеко должен он зайти в устранении эго? На древнем пути Знания мы приходим

к устранению эго-ощущения, прикрепляющего себя к телу, жизни, разуму и говорим всем им или кому-то из них: «Это не я.» Мы не только, как на пути работ, избавляемся от «я» деятеля и видим только Господа в качестве настоящего источника всех работ и санкций его работ, а Его исполнительную Природу-мощь или Его всевышнюю Шакти в качестве единственного деятеля и работника — но мы также избавляемся от эго-ощущения, которое ошибочно принимает инструменты или выражения нашего существа за наше настоящее *я* и дух. Но даже если все это сделано, нечто еще остается; остается субстрат всего этого, общее ощущение отдельного я. Этот субстрат эго есть нечто смутное, неопределимое, неуловимое; ему не нужно прикреплять себя к чему-либо в частности в качестве *я*; он не отождествляет себя с чем-либо коллективным, это нечто вроде фундаментальной формы силы разума, которая заставляет ментальное существо чувствовать себя в качестве, возможно, неопределимого, но все еще ограниченного существа, являющегося не разумом, жизнью или телом, но на основании которого происходят их действия в Природе. Все прочее было ограниченной эго-идеей или эго-ощущением, поддерживающим себя на игре Пракрити; но это — чисто фундаментальная эго-сила, поддерживающаяся на сознании ментального Пуруши. Но поскольку это кажется над игрой или за ней, а не в ней, поскольку это не говорит «Я – разум, жизнь или тело», а говорит «Я – существо, от которого зависит деятельность разума, жизни и тела», то многие начинают считать себя освобожденными и ошибочно принимают это Эго за Единое, Божественное, истинного Пуруши или, по крайней мере, за истинную Личность внутри себя — принимая неопределимое за Бесконечное. Но, пока остается это фундаментальное эго-ощущение, нет абсолютного освобождения. Эгоистическая жизнь, даже и ослабленная в силе и интенсивности, все еще может вполне продолжаться с этой поддержкой. Если есть такая ошибка в отождествлении, тогда эго-жизнь может под этим предлогом приобрести довольно раздутую интенсивность и силу. Даже если нет такой ошибки, эго-жизнь может быть более широкой, более чистой, более гибкой, а освобождение затем может быть достигнуто гораздо легче и быть гораздо ближе к завершению, но все же в этом случае еще нет решающего освобождения. Совершенно необходимо идти дальше, избавиться от этого неопределимого, но фундаментального эго-ощущения и вернуться к Пуруше, на котором оно поддерживает себя, тенью которого оно является; эта тень должна исчезнуть и, исчезая, обнажить безоблачную субстанцию духа.

Эта субстанция — *я* человека, называемая Монадой в европейском мышлении, а в индийской философии — Дживой или Дживатманом, является живущей сущностью, *я* живого создания. Этот Джива не является эго-ощущением, созданным работами Природы для ее временной цели. Джива не связан привычками, законами или процессами Природы, как связано ментальное, витальное и физическое существо. Джива — это дух и *я*, превосходящий Природу. Верно, что Джива соглашается на действия Природы, отражает ее склонности и поддерживает тройную среду разума, жизни и тела, через которую она набрасывает их на сознание души; но сам по себе Джива не является живым отражением или душой-формой или

само-творением вселенского и трансцендентного Духа. Единый Дух, отразивший некоторые из Его мод бытия в мире и в душе, множественен в Дживе. Этот Дух есть само *Я* нашего *я*, Единый и Высочайший, всевышний, которого мы должны реализовать, бесконечное существование, в которое мы должны вступить. И до сих пор духовные учителя сходятся, все соглашаются, что это есть всевышняя цель знания, работы и поклонения, все соглашаются, что если эта цель должна быть достигнута, то Джива должен освободиться от эго-ощущения, принадлежащего низшей Природе или Майе. Но теперь учителя расходятся, и каждый из них идет своим путем. Монист встает на путь исключительного Знания и ставит для нас в качестве единственного идеала и полного возвращения потерю, погружение или угасание Дживы во Всевышнем. Дуалист или частичный Монист встает на путь Поклонения и действительно призывает нас сбросить низшее эго и материальную жизнь, но при этом призывает видеть в качестве высочайшей судьбы духа человека не само-упразднение, как Буддист, не само-погружение, как Адвайтин, не поглощение множества Одним, а вечное существование, поглощенное в мышлении, любви ко Всевышнему, Единому, Все-Любящему и в наслаждении Им.

Для ученика Интегральной Йоги не может быть колебания; как искатель знания, он должен искать интегральное знание, а не что-то притягательное, находящееся на полпути, или находящееся на высочайших пиках и исключительное. Он должен подниматься на высочайшую высоту, но и охватывать и простираться до самой все-охватывающей широты, не связывая себя никакой жесткой структурой метафизического мышления, а быть свободным допускать и содержать все высочайшие, самые великие и самые полные и наиболее созвучные переживания души. Если высочайшей высотой духовного переживания, крайним верхом всякой реализации является абсолютное единение души с Трансцендентным, превосходящим индивидуальное и вселенское, то широчайшим размахом этого единения является открытие того же самого Трансцендентного в качестве источника, поддержки, содержащего, придающего сущность и руководящего духа и субстанции обоих этих проявляющихся мощностей божественной Сущности и божественной Природы. Каким бы ни был путь, это должно быть целью для ученика Интегральной Йоги. Йога Действия также не закончена, не абсолютна, не победоносно полна, пока искатель не почувствовал и не пожил в сущностном интегральном тождестве со Всевышним. Он должен быть един с Божественной волей в своем высочайшем, самом внутреннем и широчайшем существе и сознании, в работе, в своей воле, в своей силе действия, в своем разуме, теле, жизни. Иначе он освободится только от иллюзии индивидуальных работ, но не от иллюзии отдельного существа и инструмента. Он работает в качестве служителя и инструмента Божественного, но венцом его труда и совершенной базой или мотивом этого труда является тождество с тем, чему он служит и исполняет. Йога поклонения также полна только тогда, когда любящий и Возлюбленный объединены, и разница стерта в экстазе божественного тождества, и все же в мистерии этого слияния есть единственное существование Возлюбленного, но нет исчезновения или поглощения любящего. Именно это вы-

сочайшее единство является ясным направлением пути знания, призыв к абсолютному тождеству – его импульсом, переживание его – его магнитом: но именно это самое высокое единство берет насколько возможную космическую широту в качестве поля своего проявления в искателе. Подчиняясь необходимости последовательно отходить от практического эгоизма нашей тройной природы и ее фундаментального эго-ощущения, мы приходим к реализации духа, *я*, господина этой индивидуальной человеческой манифестации, но наше знание не интегрально, если мы не делает это *я* в индивиде единым с космическим духом и не находим их более великой реальности выше в невыразимой, но не непознаваемой Трансцендентности. Джива, обладающий собой, должен предоставить себя существу Божественного. *Я* человека должно стать одним с *Я* всего; это *я* конечного, индивидуального должно влиться в безграничное конечное, и космический дух должен быть превзойден в трансцендентном Бесконечном.

Это невозможно сделать без бескомпромиссного устранения эго-ощущения в самом его основании и источнике. На пути Знания можно пытаться достичь этого устранения либо негативным образом отрицая реальность эго, либо позитивным образом, постоянно фиксируя мышление на идее Одного и Бесконечного в себе, либо Одного и Бесконечного повсюду. Если проводить это постоянно, то в конце концов меняется ментальный взгляд на самого себя и на весь мир, и это приводит к некоей ментальной реализации; но затем, постепенно или, возможно, быстро и императивно, эта ментальная реализация углубляется в духовное переживание — в реализацию в самой субстанции нашего существа. Все чаще приходят состояния чего-то неопределимого и безграничного, мир, молчание, радость, невыразимое блаженство, ощущение абсолютной безличностной Мощи, чистого существования, чистого сознания, всенаполняющего Присутствия. Эго упорствует в себе или в своих привычных движениях, но мир Одного становится все более и более действенным, а прочие движения ослабляются, разбиваются, все больше отвергаются, становятся все менее интенсивными, слабыми или механическими в своем действии. В конце происходит постоянная сдача всего сознания существу Всевышнего. В начале, когда активна беспокойная путаница и затмевающая нечистота нашей внешней природы, когда ментальное, витальное и физическое эго-ощущение все еще сильны, тогда этот ментальный взгляд и это переживание могут даваться с большим трудом: но как только развенчан или умерщвлен тот тройной эгоизм, так чистота, бесконечность, покой Одного отражаются в чистом, молчаливом, проясненном сознании как небо в прозрачном озере. Встреча или прием отраженного Сознания тем, что его отражает, становится все более и более настоятельным и возможным, устранение атмосферной пропасти между той неизменной небесной безличностной обширностью и этим подвижным вихрем или узким потоком личного существования перестает быть тяжелым неправдоподобием и может даже стать частым переживанием, если не совсем постоянным состоянием. Ведь даже перед полным очищением, если струны эгоистического сердца и разума уже достаточно потрепаны и ослаблены, тогда Джива, резко порвав основные струны, может вырваться,

поднимаясь как птица, выпущенная на волю или расширяясь в Одно и Бесконечное как прорвавшийся поток. Сначала есть внезапное ощущение космического сознания, вливания себя во вселенское; из этого вселенского легче устремиться к Трансцендентному. Происходит отодвижение и разрыв или падение стен, державших в заключении наше сознательное существо; происходит утрата всякого ощущения индивидуальности и персональности, всякого расположения в Пространстве или Времени или действия и закона Природы; больше нет эго, определенной и определяемой личности, а есть только сознание, только существование, только мир и блаженство; становишься бессмертием, становишься вечностью, становишься бесконечностью. Все, что осталось от личной души, — это гимн мира и свободы и блаженства, вибрирующий где-то в Вечном.

Когда ментальное существо не достаточно чисто, это освобождение кажется поначалу частичным и временным; кажется, что Джива снова погружается в эгоистическую жизнь, и высшее сознание отходит от него. В действительности, вот что происходит: завеса или вуаль встает между низшей природой и высшим сознанием, и Пракрити на время возобновляет свою старую привычку работать под давлением, но не всегда со знанием или присутствующей памятью о том высшем переживании. Тогда в ней работает призрак старого эго, поддерживая механическое повторение старых привычек на пережитках еще оставшейся путаницы и нечистоты. Завеса возникает и исчезает, возобновляется ритм восхождения-нисхождения, пока не будет покончено со всей нечистотой. Этот период чередований может быть длительным в Интегральной Йоге; ведь требуется полное совершенство всей системы; система должна быть способной в любое время, при любых условиях и во всех обстоятельствах, будь то в действии или в бездействии, допускать сознание всевышней Истины, а затем жить в нем. Для Садхака не достаточно иметь крайнюю реализацию только в трансе Самадхи или в неподвижном спокойствии, но он должен быть способным, в трансе или в бодрствующем состоянии, при пассивном отражении или в энергии действия, оставаться в постоянном состоянии Самадхи прочно установленного сознания Брахмана.[1] Но если или когда наше сознательное существо стало достаточно чистым и ясным, тогда есть прочная позиция в высшем сознании. Безличностный Джива, единый со вселенским или обладаемый Трансцендентным, живет, заняв позицию свыше[2], и смотрит вниз, не возмущаемый любыми переживаниями старых работ Природы, которые могут навещать систему. Он не может быть движимым работами трех гун Пракрити в низшем существе и не может быть сбит со своей позиции атаками даже печали и страдания. И, наконец, когда не остается никакой вуали между низшей природой и высшим сознанием, тогда высший мир вытесняет низшее возмущение и подвижность. Устанавливается молчание, в котором душа может возобладать высоко и низко и в целом.

---

[1] Гита.

[2] *Udasina* – духовное «безразличие», то есть, открепленная свобода души, затронутой высшим знанием.

Такое обладание в действительности не является целью традиционной Йоги знания, где цель — это скорее выбраться из высокого и низкого и вообще из всего в неопределимый Абсолют. Но какой бы ни была цель, путь знания должен вести к одному первому результату — абсолютному покою; ведь пока старое действие Природы в нас не полностью успокоено, то трудно, если не невозможно, обосновать истинное состояние души или любую Божественную деятельность. Наша природа действует на базе путаницы и беспокойного принуждения к действию, а Божественное действует свободно на базе бездонного покоя. Мы должны погрузиться в эту бездну спокойствия и стать ей, если нам суждено устранить хватку низшей природы на душу. Поэтому Джива, ставший вселенским, сначала поднимается в Молчание; он становится безбрежным, спокойным, бездеятельным. Какое бы действие ни происходило, будь то действие тела, органов или вообще какая-либо работа, Джива видит ее, но не принимает в ней участия, санкционирует или каким-либо образом связывает себя с ней. Есть действие, но нет личностного деятеля, нет рабства, нет ответственности. Если требуется личное действие, тогда Джива должен сохранить или восстановить то, что называлось формой эго, некий ментальный образ «я», который является познающим, поклоняющимся, слугой или инструментом, но это только образ, а не реальность. Если нет даже этого, то действие все еще может продолжаться за счет просто повторяющейся силы Пракрити, без какого-либо ощущения деятеля; ведь бездеятельно, бездонно спокойно то *Я*, в которое Джива влил свое существо. Путь работ ведет к реализации Господа, но здесь не известен даже Господь; есть только молчаливое *Я* и Пракрити, делающая свои работы, даже, как кажется поначалу, не с по-настоящему живыми сущностями, а с именами и формами, существующими в *Я*, но которые *Я* не допускает как реальные. Душа может пойти даже дальше этой реализации; она может либо подняться к Брахману по другую сторону от всякого представления о *Я* в качестве Пустоты всего, что здесь есть, Пустоты неназываемого мира и угасания всего, даже Сат, даже того Существующего, которое является безличностным базисом индивидуальной или вселенской личности; или же душа может объединиться с этим как с невыразимым «Тем», о котором ничего нельзя сказать; ведь вселенная и все, что в ней, даже не существует в Том, а кажется разуму сном, причем более беспочвенным, чем какой-либо виденный или воображаемый им сон, так что даже слово «сон» кажется слишком позитивным для выражения ее полной нереальности. Эти переживания являются основанием того возвышенного иллюзионизма, который так сильно захватывает человеческий разум в его высочайшей попытке перепрыгнуть самого себя.

Эти представления о сне и иллюзии являются просто следствием в нашей все еще существующей ментальности нового положения Дживы и его отрицания требования к нему со стороны старых ментальных связей и взгляда на жизнь и существование. В действительности, Пракрити не действует для себя или путем собственного движения, а с *Я* в качестве господа; ведь из того Молчания исходит ее действие, кажущаяся Пустота запускает в движение все эти бесконечные богатства переживаний. Этой реали-

зации должен достичь Садхак Интегральной Йоги в ходе прогресса, который мы впоследствии опишем. Тогда какой будет позиция Дживы или что заменит в его новом сознании место эго-ощущения, когда он так возвращается к вселенной и видит больше не себя в мире, а космос в себе? Не будет никакого эго-ощущения, даже если есть некая индивидуализация в целях игры вселенского сознания в индивидуальном разуме и в индивидуальной системе; и по этой причине все будет незабвенно Одним, а каждая Личность или Пуруша станет для него Одним во многих формах или, скорее, во многих аспектах и состояниях, Брахманом, воздействующим на Брахмана, одним Нарой-Нараяной[3] повсюду. В той большей игре Божественная радость связей божественной любви также возможна без падения в эго-ощущение, — подобно тому, как верховное состояние человеческой любви описывается как единство одной души в двух телах. Эго-ощущение не является совершенно необходимым для мировой любви, в которой оно так активно и так фальсифицирует истину вещей; истина — это всегда Один за работой над собой, в игре с собой, бесконечный в единстве, бесконечный во множественности. Когда индивидуализированное сознание поднимается до этой истины и живет в этой истине космической игры, тогда даже в полном действии, даже в обладании низшим бытием Джива все еще остается одним с Господом, и нет ни рабства, ни заблуждения. Он в обладании *Я* и освобожден от эго.

[3] Божественное, Нараяна, становится одним с человеческим, а человеческое, Нара, становится одним с Божественным.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА XII
Реализация Сатчитананды

Состояния *Я*, о которых мы говорили в последней главе, могут сначала показаться имеющими в высочайшей степени метафизический характер, интеллектуальными концепциями, более подходящими для философского анализа, чем для практической реализации. Но таково ложное разграничение, производимое делением наших способностей. Это, по меньшей мере, фундаментальный принцип древней мудрости, мудрости Востока, на которой мы основываемся, что философия должна быть не просто возвышенным интеллектуальным развлечением или игрой дуалистической тонкости или даже преследованием метафизической истины ради нее самой, а быть открытием всеми верными средствами базисных истин всесуществования, что затем должно стать ведущими принципами нашего собственного существования. Санкхья, абстрактная и аналитическая реализация истины, является одной стороной Знания; Йога, конкретная и синтетическая реализация ее в нашем опыте, внутреннем состоянии, внешней жизни — другая сторона. И то, и другое являются средствами, с помощью которых человек может вырваться из лжи и неведения и жить в истине и истиной. И поскольку именно высочайшее, которое человек может познать или быть способным на него, всегда должно быть его целью, то именно высочайшую истину должна искать душа с помощью мышления и реализовывать ее в жизни.

В этом заключается вся важность той части Йоги Знания, которую мы сейчас рассматриваем, это знания тех сущностных принципов Бытия, тех сущностных состояний само-существования, на которых абсолютное Божественное основало свою само-манифестацию. Если истиной нашего существа является бесконечное единство, только в котором существует совершенная широта, свет, знание, мощь, блаженство, и если все наше подчинение тьме, неведению, слабости, печали, ограничению исходит из нашего существования как столкновения бесконечно множественных отдельных существований, тогда, очевидно, самой практической, конкретной и утилитарной, как и самой высокой и философской мудростью будет найти средства, с помощью которых мы можем избавиться от ошибки и научиться жить в истине. Точно также, если то Одно является по своей природе свободой от рабства этой игры качеств, что составляет нашу психологию, и если из-за подчиненности этой игре рождается борьба и разногласие, в которых мы живем, вечно колеблясь между двумя полюсами добра и зла, добродетели и греха, удовлетворения и провала, радости и печали, удовольствия и боли, тогда практической мудростью будет выйти за пределы качеств и обосноваться в установленном мире и покое того,

что всегда находится за их пределами. Если привязанность к изменчивой личности является причиной нашего само-неведения, нашего разногласия и раздора с нами самими, с жизнью и с другими, и если существует безличностное Одно, в котором не существует такого разногласия, неведения и тщетного и шумного усилия, поскольку это Одно есть вечное тождество и гармония с собой, тогда достижение в наших душах той безличности и спокойного тождества существа является единственной линией и целью человеческого усилия, что наш разум согласится назвать практичностью.

Есть такое единство, безличностность, свобода от игры качеств, что поднимает нас над борьбой и ростом Природы в ее вечном поиске через ум и тело истинного ключа и секрета всех ее связей. И высочайшим древним переживанием человечества является то, что только достигнув того, сделав себя безличностным, единым, спокойным, само-собранным, превосходящим ментальное и витальное существование в том, что вечно выше него, можно обрести установленный самосуществующий мир и покой и внутреннюю свободу. Поэтому это первая характерная и сущностная цель Йоги Знания. Но, как мы настойчиво утверждали, это первое, но это не все; это существенная, но не полная цель. Знание не полно, если оно просто показывает нам, как избавиться от связей и придти к тому, что превыше связей, от личностности к безличностности, от множественности к лишенному черт единству. Знание также должно давать нам ключ, тот секрет всей игры связей, всей вариации множественности, всего столкновения и взаимодействия личностей, чего ищет космическое существование. И знание не полно, если оно дает нам только идею и не может проверить ее на опыте; мы ищем ключ, секрет, чтобы мы могли управлять явлением с помощью реальности, которую оно представляет, лечить ее разногласия с помощью скрытого принципа согласия и унификации, находящегося позади них, и перейти от сходящегося и расходящегося усилия мира к гармонии его исполнения. Не просто мир и покой, а исполнение — вот то, что ищет сердце мира и что должно дать ему совершенное и эффективное само-знание; мир и покой может быть только вечной поддержкой, бесконечным условием, естественной атмосферой само-исполнения.

Более того, знание, которое находит истинный секрет множественности, личности, качества, игры связей, должно показывать нам некое настоящее тождество в сущности существа и сокровенное единство в мощи существа между безличностным и источником личности, между не обладающим качествами и тем, что выражается в качествах, между единством существования и его многосторонней множественностью. Знание, оставляющее зияющую пропасть между этими двумя, не может быть окончательным знанием, сколь бы логичным оно ни казалось аналитическому интеллекту или сколь бы удовлетворяющим оно бы ни было для самоделящего переживания. Истинное знание должно достигать тождества, которое охватывает тотальность вещей, даже если оно превосходит эту тотальность, а не того тождества, которое не способно на охват тотальности и отвергает ее. Ведь не может быть такой изначальной непреодолимой пропасти дуальности будь то в самом Все-существовании или между лю-

бым трансцендентным Тождеством и Все-существующим. И так не только в знании, но и в переживании и само-исполнении. Переживание, которое находит на вершине вещей такую изначальную непреодолимую пропасть между двумя противоположными принципами и может в лучшем случае преуспеть только в перескакивании между ними, так чтобы жить либо в том, либо в другом, но не может охватить и объединить, не является окончательным переживанием. Стремимся ли мы знать с помощью мышления или с помощью видения знания, превосходящего мышление, либо с помощью того совершенного самопереживания в нашем собственном существе, являющегося верхом и исполнением реализации знанием, но мы должны быть способными добираться до сути, видеть, переживать и жить все-удовлетворяющим единством. Это то, что мы находим в концентрации, видении и переживании Одного, чье тождество не прекращается и не исчезает от взгляда из-за самовыражения во Множестве; Одного, кто свободен от рабского подчинения качествам, но все же является бесконечным качеством; Одного, кто содержит о сочетает все связи, и все же всегда абсолютен; Одного, кто не является ни одной личностью и все же является всеми личностями, поскольку Он есть все бытие и одно сознательное Бытие. Войти сознанием индивидуального центра, что мы называем собой, в это Божественное и воспроизвести его природу в себе есть высокая и чудесная, но все же совершенно рациональная и самая прагматичная и утилитарная цель перед нами. Это исполнение нашего само-существования и в то же время исполнение нашего космического существования, индивида в себе и индивида в его связи с космическим Множеством. Между этими двумя терминами нет непримиримого противостояния: скорее, при обнаружении нашего собственного *я* и *я* космоса откроется и их сокровенное единство.

В действительности, все эти противоположные термины являются просто общими условиями для манифестации сознательного существа в том Трансцендентном, кто всегда един не только позади всех условий, но внутри всех условий, сколь бы противоположными они ни казались. И изначальное объединяющее всех их вещество духа и единая сущностная мода всех их есть то, что для удобства нашего мышления описывалось как триединство Сатчитананды. Существование, Сознание, Блаженство — три нераздельных везде божественных термина. Ни один из них не является в действительности отдельным, хотя наш разум и наше ментальное переживание может делать не только различие, но и разделение. Разум может говорить и думать «я был, но был несознательным», — хотя ни одно существо не может сказать «я есть, но несознателен», — и разум может продолжать думать и чувствовать «я есть, но я несчастен и без всякого удовольствия в существовании.» На самом деле это невозможно. Существование, коим мы в действительности являемся, вечное «я есть», о котором на самом деле никогда нельзя сказать «оно было», никогда и нигде не бывает несознательным. То, что мы называем несознательным, это просто другое сознание; это вхождение поверхностной волны нашего ментального осознания внешних объектов в наше сублиминальное самосознание и также в наше осознание других планов существования. В действительности мы не

более несознательны, когда мы спим, оглушены, пьяны или «мертвы», либо находимся в любом другом состоянии, чем когда мы погружены во внутренние размышления, забывая о наших физических *я* и об окружающем. Для каждого, кто хотя бы чуть-чуть продвинулся в Йоге, это самое элементарное утверждение, не представляющее никакой трудности, поскольку оно всякий раз доказывается на опыте. Труднее осознать, что существование и неудовлетворенность существованием не могут идти вместе. То, что мы называем страданием, печалью, болью, отсутствием удовольствия — это, опять же, просто поверхностная волна восторга существования, которая для нашего ментального переживания принимает эти кажущиеся противоположными тона из-за определенного трюка ложного восприятия в нашем поделенном существе — что совсем не является нашим существованием, а является лишь фрагментарной формулировкой или обесцвеченными брызгами сознательной силы, выбрасываемыми бесконечным морем нашего самосуществования. Чтобы осознать это, мы должны избавиться от нашей поглощенности этими поверхностными привычками, этими бедными трюками нашего ментального существа, — и когда мы действительно уходим за них и от них, то становится удивительным, сколь они поверхностны, сколь смехотворно слабыми и мало проникающими булавочными уколами они оказываются — и мы должны реализовать истинное существование, истинное сознание и истинное переживание существования и сознания, Сат, Чит и Ананду.

Чит, божественное Сознание, не является нашим ментальным самоосознанием; то, что мы найдем, будет только формой, низшим и ограниченным состоянием или движением. По мере того, как мы прогрессируем и пробуждаемся в душе в нас и в вещах, мы осознаем, что есть сознание и в растении, в металле, в атоме, в электричестве, во всем, что принадлежит физической природе; мы даже обнаружим, что на самом деле эти состояния сознания не во всех отношениях более низкие или более ограниченные, чем ментальное сознание; напротив, во множестве «неживых» форм сознание более интенсивное, более скорое, более острое, хотя и менее развитое к поверхности, чем ментальное сознание. Но и это сознание витальной и физической Природы является, по сравнению с Чит, более низкой, а потому ограниченной формой, состоянием и движением. Эти более низкие состояния сознания являются сознательным материалом более низких планов в одном неделимом существовании. В нашем подсознательном существе также есть действия, в точности являющиеся действием «неживой» физической Природы, где был создан базис нашего физического существа; в нас также есть действие растительной жизни, а также низшего животного творения. Все это настолько задавлено и обусловлено думающим и рассуждающим сознательным существом в нас, что у нас нет настоящего осознания этих низших планов; мы не способны воспринять в их собственных терминах, что делают эти наши части, и воспринимаем их очень несовершенно в терминах и значениях думающего и рассуждающего ума. Все же мы достаточно хорошо знаем, что в нас есть животное, как и то, что типично человеческое — нечто, являющееся порождением сознательного инстинкта и импульса, не рефлексивное или рациональное, как

есть и то, что в мышлении и воле поворачивается на это переживание, встречает его свыше со светом и силой более высокого плана и до некоторой степени контролирует, использует и модифицирует его. Но животное в человеке — это только голова нашего подчеловеческого существа; ниже есть много чего подживотного и просто витального, что действует по инстинкту и импульсу, составляющее сознание которого отошло за поверхность. Ниже этого подживотного существа есть дальнейшая глубина подвитального. Когда мы продвигаемся вперед в том сверхнормальном самознании и переживании, которое Йога приносит нам, мы начинаем осознавать, что и тело имеет собственное сознание; у нас есть привычки, импульсы, инстинкты, инертная и все же эффективная воля, отличающаяся от воли остальной части нашего существа, и эта воля может сопротивляться и обуславливать свою эффективность. Большая часть борьбы в нашем существе происходит из-за этого составного существования и взаимодействия этих изменчивых и разнородных планов. Ведь человек является результатом всей эволюции и содержит в себе всю эволюцию от просто физического и подвитального сознательного существа до ментального творения на вершине этой эволюции.

Но эта эволюция в действительности является манифестацией, и точно также, как мы имеем в себе эти поднормальные *я* и подчеловеческие планы, точно также есть в нас выше нашего ментального существа сверхнормальные и сверхчеловеческие планы. Там Чит, как универсальное сознательное вещество существования принимает другие положения, выдвигается в других состояниях, на других принципах, и путем других способностей действия. Над разумом существует, как открыли древние ведические мудрецы, план Истины, план само-светлой, само-эффективной Идеи, который может быть повернут в свете и силе на наш ум, разум, чувства, импульсы, ощущения, и он может использовать их и управлять ими в направлении настоящей Истины вещей, точно также, как мы поворачиваем наш ментальный разум и ум на наше чувственное переживание и животную природу, чтобы использовать и контролировать их в духе наших рациональных и моральных восприятий. Нет поиска, а есть скорее естественное обладание; нет конфликта или разделения между волей и разумом, инстинктом и импульсом, желанием и переживанием, идеей и реальностью, а все находится в гармонии, сопутствующей, взаимно эффективной, объединенной в их истине, в их развитии и в их исполнении. Но за пределами этого плана есть другие планы, достижимые через этот план, в которых сам Чит становится раскрытым: Чит — базисное начало и первичная полнота всего этого изменчивого сознания, которое здесь используется для различного образования и переживания. Там воля и знание и ощущение и все остальные наши способности, силы, состояния переживания являются не просто гармоничными, сопутствующими друг другу, объединенными, а являются одним бытием сознания и мощью сознания. Именно этот Чит так модифицирует себя, что на плане Истины становится Сверхразумом, на ментальном плане — ментальным разумом, волей, эмоцией, ощущением, на более низких планах — витальными и физическими инстинктами, импульсами, привычками темной силы, которая не обладает

собой в поверхностном сознании. Все есть Чит, поскольку все есть Сат; все является различным движением изначального Сознания, поскольку все является разнообразным движением изначального Бытия.

Когда мы находим, видим или знаем Чит, мы также находим, что его сущностью является Ананда или восторг само-существования. Обладать *я* значит обладать само-блаженством; не обладать *я* значит быть в более или менее темном поиске восторга существования. Чит вечно обладает своим само-блаженством; и поскольку Чит является универсальным сознательным веществом бытия, то сознательное вселенское существо также обладает сознательным само-блаженством, является мастером вселенского восторга существования. Божественное, проявляй оно себя во Все-Качестве или Без-Качества, в Личности или в Безличности, в Одном, поглощенном во Множестве или в Одном, проявляющим свою сущностную множественность, всегда обладает само-блаженством и все-блаженством, поскольку оно всегда является Сатчитанандой. Для нас также знание и обладание нашим истинным *Я* в сущностном и универсальном означает раскрытие сущностного и вселенского восторга существования, само-блаженства и все-блаженства. Ведь вселенная — это только излияние сущностного существования, сознания и восторга; где бы и в какой природной форме это ни проявлялось бы как существование, там же должно быть сущностное сознание и поэтому и сущностный восторг.

Индивидуальная душа не обладает этой своей истинной природой и не реализует эту истинную природу своего переживания, поскольку она отделяет себя как от сущностного, так и от вселенского и отождествляется с отдельными случаями, с несущественной формой и состоянием и с отдельным аспектом и носителем. Так она принимает свой разум, тело, жизненный поток за свое сущностное *я*. Она пытается утверждать их ради них самих в противопоставлении вселенскому, в противопоставлении тому, по отношению к чему вселенское является манифестацией. Душа права в том, что пытается утверждать и исполнять себя во вселенском ради нечто более великого и запредельного, но не права в том, что пытается делать это в противопоставлении вселенскому и в подчинении фрагментарному аспекту вселенского. Она объединяет этот фрагментарный аспект или, скорее, собрание фрагментарных переживаний, вокруг искусственного центра ментального переживания, ментального эго, и называет это собой и служит этому эго и живет ради него вместо того, чтобы жить ради нечто более великого и запредельного, по отношению к которому все аспекты, даже широчайшие и самые общие, являются частичными манифестациями. Это является житием ради эго и в подчинении эго, а не ради Божественного и в подчинении Ему. Вопрос, как произошло это падение и для какой цели оно произошло, принадлежит скорее области Санкхьи, а не Йоги. Нам надо лишь ухватить тот практический факт, что само-деление ведет к само-ограничению, из-за которого мы стали неспособными обладать истинной природой существа и переживания, и поэтому в своем разуме, жизни и теле подчинены неведению, неспособности и страданию. Не обладание единством является главной причиной; восстановить единство — вот наивысшее средство; это единство со вселенским и с тем, что

здесь выражает вселенское. Мы должны реализовать истинное *я* нас самих и всего; и реализовать истинное *я* — это реализовать Сатчитананду.

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ГЛАВА XIII
Трудности ментального существа

Мы достигли этой стадии на нашем пути Знания, который мы начали с утверждения нашего чистого *я*, чистого существования над терминами разума, жизни и тела в качестве первой цели этой Йоги, но теперь мы утверждаем, что этого не достаточно, и мы также должны реализовать *Я* или Брахмана в его сущностных состояниях и, сначала, в его триединой реальности в качестве Сатчитананды. Не только чистое существование, но и чистое сознание и чистое блаженство его существа и сознания являются реальностью *Я* и сущностью Брахмана.

Далее, есть два вида реализации *Я* или Сатчитанады. Одна реализация — это реализация молчаливого, пассивного, спокойного, само-поглощенного, само-достаточного существования, сознания и восторга, единого, безличностного, без игры качеств, отвернувшегося от бесконечного явления вселенной или смотрящего на него с безразличием и безучастием. Другая реализация — это реализация того же самого существования, сознания, восторга наивысшего, свободного, господа вещей, действующего из неотъемлемого покоя, изливающего себя в бесконечное действие и качество из вечной само-концентрации, одной всевышней Личности, содержа в себе всю эту игру личности в обширной ровной безличности, обладая бесконечным явлением вселенной без привязанности, но и без какой-либо неотъемлемой отчужденности, с божественным мастерством и с неисчислимым излучением своего вечного светлого само-восторга — в качестве манифестации, которую он содержит, но которой он не удерживается, которой он свободно управляет и которой, поэтому, он не связан. Это не личностный Бог религий или Брахман философий, наделенный качествами, но это тот, в котором примиряется личностное и безличностное, качества и отсутствие качеств. Это Трансцендентное, обладающее тем и другим в Его бытии, и использующее то и другое в качестве состояний для Его манифестации.

Мы сразу же видим, что с этой точки зрения реализация чистого спокойного *я*, которое мы обретаем, отходя от разума, жизни и тела, является только обретением необходимого базиса для большей реализации. Поэтому этого процесса не достаточно для нашей Йоги; нечто иное требуется для более охватывающего позитивного. Как мы отходим от всего, что составляет наше кажущееся *я* и явления вселенной, в которой оно пребывает, к само-существующему, само-сознательному Брахману, точно также мы теперь должны снова овладеть нашим разумом, жизнью и телом со всеохватющим само-существованием, само-сознанием и само-восторгом Брахмана. Мы должны не только обладать чистым само-существованием,

не зависящим от игры мира, но и обладать всем существованием как своим собственным; не только знать себя в качестве бесконечного неэгоистического сознания за пределами всякого изменения во Времени и в Пространстве, но и становиться одним со всем изменением сознания и его созидательной силы во Времени и в Пространстве; не только быть способными на бездонный мир и покой, но и на свободный и бесконечный восторг во вселенских вещах. Ибо этим, а не только чистым покоем, является Сатчитананда, Брахман.

Если бы мы легко могли подняться на супраментальный план и, надежно пребывая там, осознать мир и бытие, сознание и действие, выход и вход сознательного переживания мощью и образом божественных супраментальных способностей, то это осознание не представляло бы существенных трудностей. Но человек является ментальным, а не супраментальным существом. Поэтому именно с помощью разума он должен нацелиться на знание и реализовать свое существо с любой помощью, которую он может получить с супраментальных планов. Этот характер нашего реализованного существа и, как следствие, нашей Йоги, накладывает на нас определенные ограничения и главные трудности, которые можно преодолеть с помощью божественного или путем трудной практики и, в действительности, только путем сочетания того и другого. И прежде, чем идти дальше, мы должны кратко изложить трудности на пути интегрального знания, интегральной реализации и интегрального становления.

Реализованное ментальное существо и реализованное духовное существо — это, в действительности, два различных плана в устройстве нашего существования: один план – высший и божественный, другой – низший и человеческий. Первому принадлежит бесконечное существо, бесконечное сознание и воля, бесконечное блаженство и бесконечное исчерпывающее и само-эффективное знание сверхразума – четыре божественных принципа; второму принадлежит ментальное существо, витальное существо и физическое существо – три человеческих принципа. В своей кажущейся природе эти два принципа противоположны; они обратны друг к другу. Божественное — это бесконечное и бессмертное существо; человеческое — это жизнь, ограниченная во времени, масштабе и форме, это жизнь, являющаяся смертью, пытающейся стать бессмертной жизнью. Божественное — это бесконечное сознание, превосходящее и охватывающее все, что проявляется в нем; человеческое — это сознание, освобожденное из сна несознания, подчиненное средствам, которые оно использует, ограниченное телом и эго и пытающееся найти свою связь с другими сознаниями, телами, эго позитивным образом с помощью разнообразных средств объединяющего контакта и симпатии, и негативным образом с помощью разнообразных средств враждебного контакта и антипатии. Божественное — это неотъемлемое само-блаженство и непоколебимое всеблаженство; человеческое — это ощущение разума и тела, ищущее восторга, но находящее только удовольствие, безразличие и боль. Божественное — это супраментальное знание, охватывающее все, и супраментальная воля, осуществляющая все; человеческое — это неведение, тянущееся к знанию путем охвата вещей частями, которые оно затем должно неуклюже

объединить вместе, и это неспособность, пытающаяся обрести силу и волю через постепенное расширение мощи, соответствующее его постоянному расширению знания; и это расширение оно может вызвать лишь путем частного и частичного упражнения воли, соответствующего частному и частичному методу познания. Божественное основывается на единстве и является мастером трансцендентностей и тотальностей вещей; человеческое основывается на разделенной множественности и подчинении даже тогда, когда является мастером их деления и фрагментации и их трудной пайки и объединения. Для человеческого существа между этими двумя планами есть вуаль и крышка, препятствующая человеку не только достичь божественного, но и даже понять его.

Значит, когда ментальное существо стремится познать божественное, реализовать его, стать им, оно должно сначала поднять эту крышку, отбросить эту вуаль. Но когда ментальное существо добивается успеха в этой трудной попытке, оно видит божественное как нечто превосходящее себя, отдаленное, высокое, идейно, витально, даже физически над собой, на что оно должно взирать снизу-вверх с собственной скромной позиции, и к чему, если это возможно, оно должно подняться или, если это невозможно, призвать это вниз к себе, быть подчиненным ему и поклоняться ему. Ментальное существо видит божественное как превосходящий план бытия, и тогда оно считает его превосходящим состоянием существования, небесами, Сат или Нирваной в соответствии с природой собственного представления или разлада. Либо оно видит божественное как всевышнее Существо, отличающееся от себя или, по крайней мере, отличающееся от своего собственного теперешнего *я*, и тогда оно называет его Богом под тем или другим именем, и видит его личностным или безличностным, с качествами или без качеств, молчаливой и безразличной Силой или активным Господом и Помощником, опять же в соответствии с собственными представлениями или реализацией, своим видением или пониманием некоторой стороны или некоторого аспекта того Существа. Либо оно видит его в качестве всевышней Реальности, по отношению к которой его собственное несовершенное существо является отражением, или от которой оно стало обособленным, и тогда оно называет его *Я* или Брахманом и квалифицирует его по-разному, всегда в соответствии с собственным представлением или реализацией — Существованием, Не-Существованием, Тао, Нулем, Силой, Непознаваемым.

Если затем мы стремимся ментально реализовать Сатчитананду, то, вероятнее всего, первой трудностью будет то, что мы увидим ее как нечто, находящееся выше, за пределами, даже вокруг себя, до известной степени, но с разрывом между тем бытием и нашим бытием, непреодоленной или, даже, непреодолимой пропастью. Есть это бесконечное существование; но оно совсем отличается от ментального существа, которое начинает осознавать его, и мы не можем ни подняться к нему и стать им, ни принести его вниз к нам самим, так чтобы наше собственное переживание нашего бытия и бытия мира было бы переживанием его блаженной бесконечности. Есть это великое, безграничное, необусловленное сознание и сила; но наше сознание и сила стоят поодаль от них, даже если внутри них, огра-

ниченными, мелкими, удрученными, с отвращением от себя и от мира, но неспособными участвовать в том высоком. Есть это неизмеримое и незапятнанное блаженство; но наше собственное бытие остается пятном низшей Природы удовольствия и боли и тупым нейтральным ощущением, не способным на божественный восторг. Есть это совершенное Знание и Воля; но нашим знанием и волей всегда остается ментальное искаженное знание и хромающая воля, не способные разделить природу Божества или быть в согласии с ней. Или же пока мы живем чисто в экстатическом созерцании того видения, мы освобождены от самих себя; но в тот момент, когда мы снова поворачиваем наше сознание на наше собственное бытие, мы покидаем его, и оно исчезает или становится отдаленным и неуловимым. Божественное оставляет нас, видение исчезает; мы снова оказываемся в бедности нашего смертного существования.

Эта пропасть как-то должна быть преодолена. И для ментального существа здесь есть две возможности. Одна возможность — это подниматься во Всевышнее путем великого, длительного, сконцентрированного, все-забывающего усилия. Но в этом усилии разум должен оставить собственное сознание, исчезнуть в другом сознании и времени или постепенно потерять себя, если не совсем аннулировать себя. Разум должен войти в транс Самадхи. По этой причине Раджа-йога и другие системы йоги придавали высочайшее значение состоянию Самадхи или Йогического транса, в котором разум отходит не только от своих обычных интересов и занятий, но сначала от всего сознания внешнего действия, ощущения и существа, а затем от всего сознания внутренних ментальных активностей. В этом своем внутренне-собранном состоянии ментальное существо может иметь различные виды реализации Всевышнего в себе или в различных аспектах или на различных уровнях, но идеал — это всецело избавиться от разума и, выйдя за пределы ментальной реализации, войти в абсолютный транс, в котором исчезают все знаки разума или низшего существования. Но до этого состояния сознания мало кто может добраться, и из него не все могут вернуться.

Очевидно, что поскольку сознание разума является единственным пробужденным состоянием, которым обладает ментальное существо, то оно обычно не может полностью войти в другое сознание, не оставив полностью позади все наше пробужденное существование и весь наш внутренний ум. Отсюда необходимость йогического транса. Но никто не может постоянно оставаться в этом трансе; либо, если можно было бы оставаться в нем неопределенно долгое время, то оно всегда могло бы быть нарушено любым сильным или настоятельным зовом телесной жизни. А когда возвращаешься к ментальному сознанию, снова оказываешься в низшем существе. Поэтому говорилось, что полное освобождение от человеческого рождения, полный подъем из жизни ментального существа невозможен до тех пор, пока окончательно не отброшено тело и телесная жизнь. Идеал, удерживаемый перед йогином, который следует этому методу – это отречься от всякого желания и от каждой малейшей затуманенности человеческой жизни, ментального существования, предельно отстраниться от мира и, все чаще и все глубже входя в самое сконцентриро-

ванное состояние Самадхи, в конечном счете оставить тело и отправиться во всевышнее Существование. Именно по этой причине видимой несовместимости разума и Духа так много религий и систем приходили к тому, что осуждали мир и взирали только на запредельные небеса или же на пустоту Нирваны или на всевышнее, лишенное черт само-существование во Всевышнем.

Но что в таком случае человеческому уму, ищущему божественное, делать со своими пробужденными движениями? Ведь если они подчинен всем неспособностям смертной ментальности, если они открыты атакам печали, страха, гнева, страсти, голода, жадности, желания, то будет нерациональным полагать, что путем простой концентрации ментального существа в Йогическом трансе в момент оставления тела душа сможет уйти безвозвратно во всевышнее существование. Ведь обычное сознание человека все еще подчинено тому, что буддисты называют цепью или потоком Кармы; это сознание еще порождает энергии, которые должны продолжаться и иметь свое воздействие в следующей жизни ментального существа, породившего их. Или, если встать на другую точку зрения, сознание является определяющим фактором, а телесное существование – только результат, и при этом человек все еще обычно относится к статусу человека или, по крайней мере, статусу ментальной деятельности, и это невозможно отменить фактом выхода из физического тела; избавление от смертного тела не означает избавления от смертного разума. А также не достаточно иметь преобладающее отвращение к миру или анти-витальное безразличие или отвращение к материальному существованию; ведь и это тоже относится к низшему ментальному статусу и активности. Высочайшее учение говорит, что даже желание освобождения со всеми сопутствующими ментальными элементами должно быть превзойдено, прежде чем душа сможет стать полностью свободной. Поэтому разум не только должен быть способен подниматься выше себя в необычное для себя состояние высшего сознания, но и его пробужденная ментальность также должна быть полностью одухотворена.

Это открывает вторую возможность для ментального существа; ведь если первая возможность — подняться самому в божественный супраментальный план бытия, то вторая — это призвать вниз божественное в себя, так чтобы ментальность изменилась по образу божественного, стала бы обожествленной или одухотворенной. Это может быть сделано и, главным образом, должно делаться мощью разума отражать то, что он знает, связывает с собственным сознанием, содержит. Ведь разум в действительности является отражателем и средой, и ни одна из его активностей не возникает сама по себе, не существует сама по себе. Обычно разум отражает статус смертной природы и активности Силы, которая работает в условиях материальной вселенной. Но если путем отказа от этих активностей и от характерных идей и взгляда ментальной природы разум становится чистым, пассивным, ясным, тогда божественное отражается в нем как в чистом зеркале или как небеса в спокойной прозрачной воде. Разум еще не полностью обладает божественным и не становится божественным, но им самим обладает божественное или его светлое отражение, или разум

остается в этой чистой пассивности. Если разум становится активным, тогда он снова впадает в беспокойство смертной природы и отражает ее, и больше не является божественным. По этой причине обычно предлагался идеал абсолютной тишины и прекращения сначала всякого внешнего действия, а затем и всякого внутреннего действия; здесь также, для последователя пути знания, должно быть нечто вроде пробужденного состояния Самадхи. А неизбежным действием должна оставаться только чисто поверхностная работа органов восприятия и моторики, в которой успокоенный ум не принимает участия и из которой он не ищет ни результатов, ни выгоды.

Но этого не достаточно для интегральной Йоги. Должна произойти позитивная трансформация, а не просто негативное успокоение пробужденной ментальности. Эта трансформация возможна, поскольку, хотя божественные планы находятся над ментальным сознанием, и чтобы действительно войти в них, мы должны потерять ментал в Самадхи, но все же есть в ментальном существе божественные планы, превосходящие нашу обычную ментальность, которые воспроизводят условия, характерные для божественного, хотя и измененные условиями господствующей здесь ментальности. Там может быть охвачено все, что принадлежит переживанию божественного плана, но ментальным путем и в ментальной форме. Развитое человеческое существо может подняться в пробужденном состоянии к этим планам божественной ментальности; либо развитое человеческое существо может получать с них поток влияний и переживаний, которые, в конце концов, откроют для них и трансформируют в свою природу все пробужденное существование. Эти высшие ментальное состояния — непосредственные источники, крупные действенные инструменты, внутренние состояния совершенства.

Но в достижении этих планов и получения с них нас преследуют наши ограничения. Прежде всего, наш разум является закоренелым делителем невидимого, и вся его природа состоит в том, чтобы останавливаться на одной вещи за раз, исключая все остальное, либо подчеркивать одну вещь, подчиняя ей все остальное. Так, приближаясь к Сатчитананде, разум может остановиться на аспекте чистого существования, Сат, и тогда сознание и блаженство вынуждено теряются или остаются молчаливыми в переживании чистого, бесконечного бытия, что ведет к реализации созерцательного мониста. Либо наш разум может остановиться на аспекте сознания, Чит, и тогда существование и блаженство становятся зависимыми от переживания бесконечной трансцендентной Мощи и Сознательной Силы, что ведет к реализации тантрического поклонника Энергии. Либо разум может остановиться на аспекте восторга, Ананды, и тогда кажется, что существование и сознание исчезают в блаженстве без базиса само-обладающего осознания или составляющего бытия, что ведет к реализации буддистского искателя Нирваны. Либо разум может остановиться на некотором аспекте Сатчитананды, который приходит к нему из супраментального Знания, Воли или Любви, и тогда бесконечный безличностный аспект Сатчитананды почти или совсем теряется в переживании Божества, что ведет к реализациям разнообразных религий и к овладению

неким небесным миром божественного статуса человеческой души в связи с Богом. И для тех, чья цель — уйти куда угодно из космического существования, этого достаточно, поскольку путем погружения разума в любой из этих принципов или аспектов они могут осуществить желаемый переход через статус божественных планов в своей ментальности или через овладение ими их пробужденного состояния.

Но Садхак интегральной Йоги должен гармонизировать все аспекты, так чтобы они могли стать неограниченным и ровным единством полной реализации Сатчитананды. Здесь садхак сталкивается с последней трудностью разума — неспособностью удерживать одновременно единство и множественность. Не совершенно трудно достичь и пребывать в чистом бесконечном или даже, одновременно, в совершенном глобальном переживании Существования, являющегося Сознанием, являющегося Восторгом. Разум может даже расширить свое переживание этого Единства до множественности, так чтобы воспринимать Единство неотъемлемо присущим вселенной и каждому объекту, силе, движению во вселенной или в то же время осознавать Существование-Сознание-Блаженство, содержащее вселенную и охватывающее все ее объекты и зачинающее все ее движения. Разуму действительно трудно объединить и правильно гармонизировать все эти переживания; но он все же может обладать Сатчитанандой одновременно в себе и как присущую всему и содержащую все. Но разуму чрезвычайно трудно объединить все это в окончательном переживании всего в качестве Сатчитананды. Разум может достичь любого из этих переживаний по отдельности, переходя от одного к другому, отвергая одно, достигнув другого и называя то или другое более низким или более высоким переживанием. Но самая большая его трудность — объединять, не теряя ничего, интегрировать, не отвергая ничего.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА I
Принцип Интегральной Йоги

Принципом Йоги является обращение одной или нескольких сил нашего человеческого существования в средства достижения божественного Бытия. В обычной Йоге средством, носителем, путем делается одна основная сила существа или одна группа его сил. В синтезной Йоге все силы объединяются и включаются в преобразующий инструментарий.

В хатха-йоге инструментарием является тело и жизнь. Вся сила тела делается спокойной, собранной, очищенной, возвышенной, сконцентрированной до своих крайних пределов или сверх всяких пределов с помощью асан и других физических упражнений; сила жизни аналогичным образом делается очищенной, возвышенной и сконцентрированной с помощью асан и пранаям. Эта концентрация сил затем направляется к тому физическому центру, в котором божественное сознание сокрыто в человеческом теле. Сила Жизни, Природная сила, свернутая со всеми своими тайными силами, спящими в самом нижнем нервном сплетении земного существа — ведь в пробужденное действие выходит лишь та малая ее часть, что достаточна для ограниченных целей человеческой жизни — поднимается, пробужденная, проходя центр за центром, и в своем восхождении пробуждает также каждый последовательный узел нашего существа: нервную жизнь, эмоциональное сердце, обычную ментальность, речь, зрение, волю, высшее знание, пока над мозгом она не встретится с божественным сознанием и не объединится с ним.

В раджа-йоге упор делается на разум. Наша обычная ментальность сначала дисциплинируется, очищается и направляется к божественному Бытию, затем в ходе суммарного воздействия асан и пранаям физическая сила нашего существа делается спокойной и концентрированной; жизненная сила высвобождается в ритмическое движение, способное на приостановку, и концентрируется в высшую мощь своего восходящего действия; разум, поддержанный и усиленный этим более значительным действием и концентрацией тела и жизни, на которых он покоится, сам очищается от беспорядочности и разбрасывания, получает высочайшую силу концентрации, собранную в транс поглощения. Две цели — одна временная, другая вечная — достигаются благодаря этой дисциплине. Мощь разума развивает в другом сконцентрированном действии необычайные способности познания, действенной воли, глубокого света восприятия, мощного света излучения мысли, что всецело находится за пределами диапазона нашей обычной ментальности; разум достигает йогических или оккультных сил, которые были опутаны таким довольно необязательным

и все же, возможно, спасительным таинством. Но одна конечная цель и чрезвычайно важное обретение состоит в том, что разум, успокоенный и брошенный в сосредоточенный транс, может потерять себя в божественном сознании, а душа — стать свободной, чтобы объединиться с божественным Существом.

Тройной путь берет в качестве своих избранных инструментов все три основные силы ментальной жизни души человеческого существа. Знание выбирает разум и ментальное видение и с помощью очищения, концентрации и определенной дисциплины направленного к Богу искания делает их своими средствами для самого великого познания и самого великого видения всего, для познания Бога и для видения Бога. Его цель — видеть, знать и быть Божественным. Работа, действие выбирает в качестве своего инструмента волю делателя работ; она делает жизнь жертвоприношением Божеству и с помощью очищения, концентрации и определенной дисциплины подчинения божественной Воле делает ее средством для соприкосновения и нарастающего объединения души человека с божественным Мастером вселенной. Поклонение выбирает эмоциональные и эстетические силы души и путем обращения их всех к Богу в совершенной чистоте, интенсивности, бесконечной страсти поиска делает их средством Бого-обладания в одной или множестве связей единства с Божественным Существом. Все нацелено на своем пути к объединению или единству человеческой души со всевышним Духом.

Ход каждой Йоги имеет характер используемого ей инструмента; так, процесс хатха-йоги психо-физический, раджа-йоги — ментальный и психический, пути знания — духовный и познавательный, пути работ — духовный и динамический в действии. Каждый процесс ведется путями его собственной характерной силы. Но все силы в конечном счете едины, всякая сила — это, в действительности, сила души. В обычном ходе жизни, тела и разума эти истины размыты рассеянным, разделенным и распределенным действием Природы, что является нормальным условием для всей нашей деятельности, хотя даже там она, в конечном счете, очевидна; ведь вся материальная энергия содержит сокрытой витальную, ментальную, психическую, духовную энергию и, в конечном счете, она должна высвободить эти формы одной Шакти; витальная энергия скрывает и высвобождает в действие все прочие формы; ментальная энергия, опираясь на жизнь, тело и их силы и работы, содержит неразвитой или только частично развитой психическую и духовную силу существа. Но когда в ходе Йоги любая из этих сил поднимается из рассеянного и раздельного действия, вырастает до своей высочайшей степени, концентрируется, она становится проявленной силой души и вскрывает сущностное единство. Поэтому хатха-йога тоже приводит к чисто психическому и духовному результату, а раджа-йога с помощью психических средств достигает своего духовного завершения. Тройной путь по части своих поисков и целей может показаться всецело ментальным и духовным, но он может сопровождаться результатами, более характерными для других путей, которые являют себя в спонтанном и непроизвольном расцвете, и происходит это все по той же причине, поскольку сила души представляется любой силой и там, где она

достигает своей высоты в одном направлении, все прочие ее возможности тоже начинают показываться в факте или в зародышевой потенциальности. Это единство сразу же предполагает возможность ситнезной Йоги.

Тантрическая дисциплина по своей природе является синтезной. Она была основана на той большой вселенской истине, что есть два полюса бытия, чье сущностное единство составляет тайну существования — это Брахман и Шакти, Душа и Природа, и что Природа является мощью Духа или, скорее, самим Духом в качестве Мощи. Поднять природу человека в проявленную мощь духа — метод тантрической дисциплины, и при этом именно вся природа собирается для духовного обращения. Тантрическая дисциплина включает в свою систему инструментов мощный процесс хатха-йоги и особенно открытие первых центров и проход через них пробужденной Шакти на своем пути к единению с Брахманом, включает также очищение, медитацию и концентрацию раджа-йоги, рычаг силы воли, двигательную мощь поклонения, ключ знания. Но тантрическая дисциплина не останавливается на эффективном сборе различных сил этих специфических Йог. Благодаря своему синтезному повороту она в двух направлениях расширяет область Йогического метода. Прежде всего, она прочно накладывает свои руки на многие главные пружины человеческих качеств, желаний, действий и подчиняет их интенсивной дисциплине, ставя первой целью господство мотивов души и поднимая их на более божественный духовный уровень. Опять же, в свои цели йоги она включает не только освобождение, являющееся главнейшим делом специфических систем, но и космическое наслаждение мощи Духа, которое другие системы лишь случайно и частично встречают на своем пути, избегая делать его своим мотивом и целью. Тантрическая дисциплина — более ярко выраженная, более сильная и более обширная система.

В синтезном методе, которому мы следуем, взят другой ключевой принцип, выведенный из другой точки зрения возможностей Йоги. Он стартует с метода Веданты, чтобы достичь цели Тантры. В тантрическом методе Шакти является все-значащей, становится ключом нахождения духа; в синтезном методе душа является все-значащей, становится секретом овладения Шакти. Тантрический метод стартует с самого низа и постепенно поднимается по лестнице восхождения к самому верху; поэтому его начальный упор делается на действие пробужденной Шакти в нервной системе тела и его центров; открытие шести лотосов является открытием диапазонов мощи Духа. Наш метод рассматривает человека как дух в разуме в гораздо большей степени, чем дух в теле, и предполагает возможность начать на уровне разума, одухотворять свое существо с помощью силы души в разуме, открывая себя непосредственно высшей духовной силе и бытию и совершенствовать с помощью этой силы, так введенной в действие, всю свою природу. Поэтому наш начальный упор пал на использование силы души в разуме и на поворот тройного ключа знания, работ и любви в замках духа; при этом можно обойтись без методов хатха-йоги, — хотя здесь нет возражения против их частичного использования, — раджа-йога может войти лишь как информирующий элемент. Нашим вдохновляющим мотивом является достижение кратчайшим путем самого

большего развития духовной мощи и существа и обожествление с помощью нее освобожденной природы во всем диапазоне человеческого жития.

Рассматриваемым нами принципом является само-сдача, отдача человеческого существа существу, сознанию, мощи, восторгу Бесконечного, единение или сообщение во всех точках встречи в душе человека, ментального существа, с помощью которой само Божественное, напрямую и без вуали владеющее своими инструментами, будет с помощью света своего присутствия и руководства совершенствовать человеческое существо во всех силах Природы для божественного жития. Здесь мы приходим к дальнейшему расширению целей Йоги. Общей начальной точкой всякой Йоги является освобождение души человека из ее теперешнего природного неведения и ограничения, ее высвобождение в духовное бытие, ее единение с высочайшим *я* и Божественностью. Но обычно это делается не только изначальной, но и всей и окончательной целью: есть наслаждение духовного бытия, но либо в растворении человеческого и индивидуального в молчании само-бытия, либо на высшем плане в другом существовании. Тантрическая система делает освобождение конечной, но не единственной целью; попутно она захватывает полное совершенство и наслаждение духовной мощи, света и радости в человеческом существовании, и она даже имеет проблеск всевышнего переживания, в котором освобождение, космическое действие и наслаждение объединены в окончательном преодолении всех противоположностей и диссонансов. Мы начинаем именно с этого более широкого взгляда на наши духовные потенциальности, но мы добавляем другой упор, который приводит к более полному значению. Мы рассматриваем дух в человеке не только как индивидуальное существо, путешествующее к трансцендентному единству с Божественным, а как вселенское существо, способное на единство с Божественным во всех душах и во всей Природе, и мы придаем этому расширенному взгляду его полное практическое последствие. Индивидуальное освобождение человеческой души и наслаждение единения с Божественным в духовном бытии, сознании и восторге, всегда должно быть первой целью Йоги; ее свободное наслаждение космическим единством Божественного становится второй целью; но из этого возникает третья цель — осуществление замысла божественного единения со всеми существами с помощью симпатии и участия в духовной цели Божественного в человечестве. Индивидуальная Йога тогда поворачивается от своей отделенности и становится частью коллективной Йоги божественной Природы в человеческой расе. Освобожденное индивидуальное существо, объединенное с Божественным в *я* и в духе, становится в своем природном существе само-совершенным инструментом для совершенного расцвета Божественного в человечестве.

Этот расцвет имеет два выражения; прежде всего, происходит рост из отдельного человеческого эго в единство духа, затем — овладение божественной природой в ей присущих высших формах и больше не в низших формах ментального существа, которые являются искаженным переводом, а не подлинным текстом изначальной рукописи божественной Природы в космическом индивиде. Другими словами, намечается совершенствова-

ние, которое доходит до поднятия ментальной природы в полную духовную и супраментальную природу. Поэтому эта интегральная Йога знания, любви и работ должна быть расширена в Йогу духовного и гностического само-совершенствования. Поскольку гностическое знание, воля и Ананда являются прямым инструментарием духа и могут быть завоеваны лишь ростом в дух, в божественное существо, то этот рост должен быть первой целью нашей Йоги. Ментальное существо должно расшириться в тождество Божественного, прежде чем Божественное станет совершенствовать в душе индивида свой гностический расцвет. В этом причина того, почему тройной путь знания, работ и любви становится лейтмотивом всей Йоги, ведь это является прямым средством души в разуме подняться до ее высочайшей интенсивности, где она проходит вверх в божественное тождество. В этом также причина того, почему Йога должна быть интегральной. Ведь если бы погружение в Бесконечное или некое близкое единство с Божественным было бы всей нашей целью, тогда интегральная Йога была бы излишней, кроме как для такого более значительного удовлетворения существа человека, какое мы можем обрести путем целостного его самоподъема к своему Источнику. Но это не было бы необходимо для главной цели, поскольку с помощью любой одной силы души-природы можем мы встретиться с Божественным; каждая сила на своей вершине поднимается в бесконечное и абсолютное, поэтому каждая сила представляет полный путь для достижения главной цели, ведь вся сотня отдельных путей встречается в Вечном. Но гностическое бытие — это полное наслаждение и владение всей божественной и духовной природой; это полный подъем всей природы человека в свою силу божественного и духовного существования. Поэтому интегральность становится сущностным условием этой Йоги.

В то же самое время мы видели, что каждый из трех путей на своей высоте, если он преследуется с определенной широтой, может вобрать в себя силы других путей и привести к их исполнению. Поэтому достаточно стартовать одним путем и найти ту точку, где он встречается с другими путями, идущими сначала параллельно, и сливается с ними путем собственного расширения. В то же самое время мог бы начаться более трудный, комплексный и всецело мощный процесс на всех этих трех линиях вместе, на тройном колесе души-мощности. Но рассмотрение этой возможности должно быть отложено до тех пор, пока мы не увидим, что является условиями и средствами Йоги само-совершенствования. Ибо мы увидим, что это не нужно полностью откладывать, и что определенная подготовка является ее частью, и определенное начинание делается с помощью роста божественных работ, любви и знания.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА II
Интегральное Совершенство

Нашей целью является божественное совершенство человеческого существа. Следовательно, мы должны знать, во-первых, в чем заключаются сущностные элементы, которые составляют тотальное совершенство человека; во-вторых, что подразумевается под божественным совершенством в отличие от человеческого совершенства нашего существа. Человек как существо, способное на саморазвитие и на некое приближение, по крайней мере, к идеальному стандарту совершенства, который его разум может постичь, зафиксировать перед собой и преследовать — таков общий тезис для всего мыслящего человечества, хотя лишь меньшинство считает эту возможность самой важной целью жизни. Но одни рассматривают этот идеал как мирскую перемену, другие — как религиозное обращение.

Мирское совершенствование иногда считается чем-то внешним, социальным, делом действия, более рациональным обращением с нашими собратьями-людьми и нашим окружением, лучшей и более эффективной гражданской системой и исполнением обязанностей, лучшим, более богатым и более благоприятным и более счастливым образом жизни, с более верным и более гармоническим наслаждением возможностями существования. Другие взращивают более внутренний и более субъективный идеал, очищение и возвышение интеллекта, воли и разума, подъем и упорядочивание силы и способности природы, более благородное этическое, более благородное эстетическое, более тонкое эмоциональное, гораздо более здоровое и лучше управляемое витальное и физическое существо. Иногда подчеркивается какой-то один элемент, почти исключая все остальное; иногда, в более широких и более сбалансированных умах, полная гармония предусматривается как тотальное совершенство. Принимается изменение образования и социальных институтов как внешнее средство, или предпочтение отдается внутренней само-тренировке как верному инструментарию. Либо эти две цели могут явно объединяться: совершенствование внутреннего индивида, совершенствование внешней жизни. Но мирская цель берет в качестве своего поля сегодняшнюю жизнь и ее возможности; религиозная цель, напротив, ставит перед собой самоподготовку к другому существованию после смерти, ее всеобщий идеал — чистая святость некоторого рода, ее средство — обращение несовершенного или грешного человеческого существа божественной милостью или через послушание закону, наложенному писанием, либо данному основателем религии. Религиозная цель может включать в себя социальное из-

менение, но изменение, вызванное принятием общего религиозного идеала и посвященного образа жизни, это некое братство святых, теократия и царство Бога, отражающее на земле царство небес.

Цель нашей Йоги и в этом отношении, как и в других частях, должна быть более интегральной и исчерпывающей, она должна охватывать все эти элементы или эти тенденции большего импульса само-совершенства и гармонизировать их или, скорее, объединять, и чтобы успешно это делать, она должна охватывать истину, более широкую, чем обычная религиозная, и более высокую, чем мирской принцип. Вся жизнь является тайной Йогой, смутным ростом Природы к открытию и исполнению божественного принципа, сокрытого в ней, который постепенно становится менее смутным, более само-сознательным и светлым, более само-обладающим в человеческом существе благодаря открытию всех его инструментов познания, воли, действия, жизни к Духу внутри него и в мире. Разум, жизнь, тело, все формы нашей природы являются средствами этого роста, но они находят свое последнее совершенство только путем открытия к нечто за их пределами, потому что, во-первых, то другое нечто, чем является человек, есть ключ к его полноте, и это приносит свет, который открывает для человека всю высокую и широкую реальность его существа.

Разум исполняется благодаря большему знанию, только полусветом которого он является, жизнь открывает свой смысл в большей мощи и воли, по отношению к которой она является внешним и все же смутным функционированием, тело находит свое последнее использование как инструмент мощи существа, для которой оно является физической поддержкой и материальной стартовой точкой. Все они сначала сами должны быть развиты и найти свои обычные возможности; вся наша обычная жизнь является пробой этих возможностей и шансом для этой подготовительной и пробной само-тренировки. Но жизнь не может найти своего совершенного само-исполнения, пока она не откроется к той большей реальности существа, для которой, благодаря развитию более богатой мощи и более восприимчивому использованию и способности, она становится хорошо подготовленным полем работы.

Интеллектуальная, волевая, этическая, эмоциональная, эстетическая и физическая тренировки и усовершенствования идут на пользу, но в конечном счете они оборачиваются постоянным движением по кругу без какой-либо последней освобождающей и озаряющей цели, пока они не достигнут точки, где они могут открыться мощи и присутствию Духа и допустить его прямые работы. Эти прямые работы вызывают обращение всего существа, что является совершенно необходимым условием нашего настоящего совершенства. Расти в истину и мощь Духа и прямым действием этой силы делаться подходящим каналом его само-выражения — житием человека в Божественном и божественным житием Духа в человечестве — будет поэтому принципом и всей целью интегральной Йоги само-совершенства.

В ходе этого изменения должны быть, из-за самой необходимости усилия, две стадии работы. Прежде всего, будет личное усилие человеческого существа, как только оно начнет своей душой, разумом, сердцем

осознавать божественную возможность и поворачиваться к ней как к настоящей цели жизни, подготавливать себя к ней и избавляться от всего, что принадлежит более низкому действию, от всего того, что стоит на пути его открытия к духовной истине и ее силе, так чтобы благодаря этому освобождению овладеть своим духовным существом и превратить все свои природные движение в свободные средства его само-выражения. Именно благодаря этому повороту начинается само-сознательная Йога, осознающая свою цель: это новое пробуждение и восходящее изменение мотива жизни. Пока есть лишь интеллектуальная, нравственная и другие самотренировки для обычных целей жизни, которые не выходят за пределы обычного круга работ разума, жизни и тела, мы все еще находимся только в смутной и неозаренной подготовительной Йоге Природы; мы все еще преследуем только обычное человеческое совершенство. Духовное желание Божественного и божественного совершенства, единства с ним во всем нашем существе и духовного совершенства во всей нашей природе, является действенным законом этого изменения, предварительной мощью великого интегрального обращения нашего существа и жизни.

Благодаря личному усилию может быть достигнуто подготовительное изменение, предварительное обращение; оно доходит до более или менее духовного использования наших ментальных мотивов, нашего характера и темперамента, мастерства, успокоенного или измененного действия витальной и физической жизни. Эта обращенная субъективность может быть сделана базой некоего сообщения или единства души в разуме с Божественным и некоего частичного отражения божественной природы в ментальности человеческого существа. Вот насколько может дойти человек с помощью своего неподдерживаемого или косвенно поддерживаемого усилия, потому что это усилие разума, а разум не может постоянно взбираться за пределы самого себя: в лучшем случае он поднимается к одухотворенной и идеализированной ментальности. Если он быстро поднимается за пределы той границы, он теряет опору на себя, теряет опору на жизнь и приходит либо к трансу поглощения или к пассивности. Большее совершенство может быть достигнуто лишь благодаря высшей мощи, входящей и вбирающей все действия существа. Вторая стадия этой Йоги будет поэтому непрекращающейся сдачей всего действия природы в руки большей Мощи, заменой личного усилия на это воздействие, обладание и работу, пока Божественное, к которому мы стремимся, не станет прямым мастером Йоги и не вызовет духовное и идеальное обращение существа.

Этот двойной характер нашей Йоги поднимает ее за пределы мирского идеала совершенства, и в то же время он идет за пределы возвышенной, интенсивной, но гораздо более узкой религиозной формулы. Мирской идеал всегда считает человека ментальным, витальным и физическим существом, и он нацелен на человеческое совершенство внутри этих пределов, на совершенство разума, жизни и тела, на расширение и утонченность интеллекта и знания, воли и силы, этического характера, цели и поведения, эстетической чувствительности и созидательности, эмоционально сбалансированной выдержки и наслаждения, витальной и физической прочности, регулируемого действия и верной действенности. Это

широкая и полная цель — но все же не достаточно полная и широкая, потому что она игнорирует тот другой больший элемент нашего существа, который разум смутно постигает как духовный элемент и оставляет его либо неразвитым, либо недостаточно удовлетворенным просто как некое высшее случайное или производное переживание, результат действия разума в его исключительных аспектах или зависящее от разума по части своего присутствия и длительности. Она может стать высшей целью, когда она стремится развить более возвышенные и более широкие диапазоны нашей ментальности, но еще не достаточно высокие, потому что она не стремится за пределы разума к тому, по отношению к чему наш чистейший рассудок, наша ярчайшая ментальная интуиция, наше глубочайшее ощущение и чувство, сильнейшая ментальная воля и мощь или идеальная цель и намерение являются лишь бледным сиянием. Кроме того, ее цель ограничена земным совершенством обычной человеческой жизни.

Йога интегрального совершенства считает человека божественным духовным существом, вовлеченным в разум, жизнь и тело; поэтому она нацелена на освобождение и совершенство его божественной природы. Она стремится сделать внутреннее житие в совершенно развитом духовном существе своим постоянным подлинным житием, а одухотворенное действие разума, жизни и тела — только своим внешним человеческим выражением. Чтобы это духовное существо не казалось бы чем-то смутным и неопределенным, или же лишь несовершенно реализованным и зависящим от ментальной поддержки и ментальных ограничений, она стремится идти за пределы разума к супраментальному знанию, воле, ощущению, чувству, интуиции, динамическому учреждению витального и физического действия, ко всему тому, что составляет естественную природу духовного существа. Она принимает человеческую жизнь, но принимает во внимание и супраземное действие позади земного материального жития, и она соединяет себя с божественным Бытием, из которого происходит всевышнее начало всех этих частичных и низших состояний, так что вся жизнь может начать осознавать свой божественный источник и чувствовать в каждом действие знания, воли, чувства, ощущения и тела зачинающий божественный импульс. Она не отвергает ничего, что сущностно в мирской цели, а расширяет это, находит его более великий и более истинный смысл, скрытый сейчас от нее, преобразует ее из ограниченной, земной и смертной вещи в образ окончательных, божественных и бессмертных ценностей.

Интегральная Йога соприкасается в нескольких точках с религиозным идеалом, но идет за его пределы в смысле большей широты. Религиозный идеал смотрит не только за пределы этой земли, но и прочь от нее на небеса или даже за пределы всех небес в некую Нирвану. Ее идеал совершенства ограничен любой внутренней или внешней переменой, которая может, в конечном счете, послужить поворотом души от человеческой жизни к запредельному. Ее обычной идеей совершенства является религиозно-этическое изменение, коренное очищение деятельности и эмоционального существа, зачастую с аскетическим отказом и отвержением витальных импульсов для своего наиболее полного достижения совер-

шенства, и, в любом случае, супраземной мотив и вознаграждение или результат жизни благочестия и правильного поведения. Насколько она допускает изменение знания, воли, восприятия, она делает это в смысле обращения их к другой цели, нежели чем цель человеческой жизни, и обычно приносит отвержение земных целей восприятия, воли и знания. Этот метод, делает ли он упор на личное усилие или на божественное влияние, на работу и знание или на милость, не похож на мирской метод — метод развития, это скорее обращение; но в конечном счете целью является не обращение нашей ментальной и физической природы, а надевание чистой духовной природы и существа, и поскольку это не возможно здесь, на земле, то он ищет своего завершения путем перехода в другой мир или путем избавления от всего космического существования.

Но Интегральная Йога основывается на представлении о духовном существе как о вездесущем существовании, полнота которого приходит, в сущности, не путем перехода к другим мирам или через космическое само-угасание, а путем вырастания из того, чем мы сейчас феноменально являемся, в сознание вездесущей реальности, которой мы всегда являемся в сути своего существа. Она заменяет форму религиозного благочестия на более полный духовный поиск божественного единения. Она идет благодаря личному усилию к обращению через божественное влияние и обладание; но эта божественная милость, если мы можем так ее назвать, является не просто загадочным потоком или касанием, приходящим свыше, а все-проникающим действием божественного присутствия, которое мы начинаем познавать внутри как мощь высочайшего *Я* и Мастера нашего существа, входящую в нашу душу и так овладевающую ею, что мы не только чувствуем это присутствие близким к нам и давящим на нашу смертную природу, но и живем законом этой мощи, знаем этот закон, обладаем этой мощью как полной мощью нашей одухотворенной природы. Это обращение действия вызовет интегральное обращение нашего этического существа в Истину и Правоту божественной природы, нашего интеллекта — в озарение божественного знания, нашего эмоционального существа — в божественную любовь и единение, нашего динамического и волевого существа — в работу божественной мощи, нашего эстетического существа — в неограниченное восприятие и созидательное наслаждение божественной красоты, не исключая даже, в конечном счете, божественного обращения витального и физического существа. Интегральная Йога считает всю предыдущую жизнь непреднамеренным и несознательным или полусознательным подготовительным ростом к этому изменению, а саму Йогу — умышленным и сознательным усилием и реализацией изменения, при помощи которого исполняется вся цель человеческого существования во всех его частях, даже когда оно преображено. Допуская супракосмическую истину и жизнь в запредельных мирах, она также допускает земное существование как продолженное выражение одного существования и изменение индивидуальной и общественной жизни на земле как черту ее божественного смысла.

Открыть себя супракосмическому Божественному — сущностное условие этого интегрального совершенства; объединить себя с универсаль-

ным Божественным — другое сущностное условие. Здесь Йога самосовершенства совпадает с Йогой знания, работ и поклонения; ведь невозможно преобразовать человеческую природу в божественную природу или сделать ее инструментом божественного знания, воли и радости существования, пока нет единения со всевышним Бытием, Сознанием и Блаженством и нет единства с универсальным *Я* во всех вещах и существах. Невозможно полностью отдельное обладание божественной природой человеческим индивидом, в отличие от само-отошедшей поглощенности в ней. Но это единство не будет сокровенным духовным тождеством, ограниченным, пока длится жизнь, не будет отдельным существованием в разуме, жизни и теле; полное совершенство является обладанием, через это духовное единство, также единством с универсальным Разумом, универсальной Жизнью, универсальной Формой, которые являются другими постоянными терминами космического бытия. Более того, поскольку человеческая жизнь все еще принимается как само-выражение реализованного Божественного в человеке, то должно быть действие полной божественной природы в нашей жизни; и это вызывает необходимость супраментального обращения, которое заменяет несовершенное действие поверхностной природы на естественное действие духовного существа и с помощью духовной идеальности одухотворяет и преображает ее ментальные, витальные и физические части. Эти три элемента: единение со всевышним Божественным, единство с универсальным *Я* и действие супраментальной жизни из этого трансцендентного начала и через эту универсальность, но все еще с индивидом в качестве канала души и природного инструмента, составляет сущность интегрального божественного совершенства человеческого существа.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА III
Психология Само-Совершенства

Следовательно, это божественное само-совершенство, по существу является обращением человеческого в подобие и фундаментальное тождество с божественной природой, скорым формированием образа Бога в человеке и наполнением его идеальных контуров. Это то, что обычно называется *садрасья-мукти*, освобождением в божественное сходство из рабства человеческой видимости, или, используя выражение Гиты, *садхармья-гати*, начало единения в законе существа со всевышним, универсальным и внутри пребывающим Божественным. Чтобы постичь и иметь верный взгляд на наш путь к такой трансформации, мы должны сформировать нашу достаточно работающую идею о той сложной вещи, которой является человеческая природа в настоящий момент в путанном переплетении своих разнообразных принципов, так чтобы мы смогли увидеть точную природу обращения, которой должна подвергнуться каждая ее часть, а также самые действенные средства для этого обращения. Как высвободить из этого узла думающей смертной материи содержащегося в ней Бессмертного, из этого ментализированного витального животного человека — счастливую полноту его погруженных намеков Божества, все это составляет настоящую проблему человеческого существа и жизни. Жизнь развивает множество первых намеков о божественности, не выделяя их полностью; Йога является распутыванием узла трудности Жизни.

Прежде всего, мы должны узнать центральную тайну той психологической сложности, которая порождает эту проблему и все ее трудности. Но нам не поможет обычная психология, которая рассматривает лишь разум и его явления в их поверхностных смыслах; она не даст нам никакого руководства по этой линии само-исследования и само-обращения. Еще меньший ключ можем мы найти в научной психологии с материалистическим базисом, которая предполагает, что тело и биологические и физиологические факторы нашей природы являются не только нашей стартовой точкой, но и составляют целостное настоящее основание, и считает человеческий разум только тонким развитием из жизни и тела. Это может быть фактической истиной животной стороны человеческой природы и человеческого разума, насколько он ограничен и обусловлен физической частью нашего существа. Но вся разница между человеком и животным состоит в том, что животный разум, насколько мы его знаем, не может ни на мгновение оторваться своих исходных точек, не может вырваться из покрова, плотной куколки, которую телесная жизнь сплела вокруг души, и стать нечто большим, чем его настоящее *я*, стать более свободным, более

величественным и более благородным существом; но в человеке разум раскрывается как более великая энергия, ускользающая от ограниченной витальной и физической формулы бытия. Но даже это не составляет того, чем является или может являться человек: он несет в себе мощь развивать и высвобождать еще большую идеальную энергию, которая, в свою очередь, ускользает от ограничений ментальной формулы его природы и раскрывает супраментальную форму, идеальную мощь духовного существа. В Йоге мы должны выйти за пределы физической природы и поверхностного человека и открыть работы целостной природы настоящего человека. Иными словами, мы должны достичь психо-физического знания с духовным основанием и использовать его.

Человек по своей настоящей природе, — какой бы смутной ни была сейчас эта истина для нашего сегодняшнего понимания и само-сознания, мы должны в целях Йоги верить в нее, и тогда мы найдем, что наша вера оправдывается нарастающим переживанием и большим само-знанием, — является духом, использующим разум, жизнь и тело для индивидуального и общего переживания и само-манифестации во вселенной. Этот дух является бесконечным существованием, ограничивающим себя в кажущемся существе для индивидуального переживания. Это бесконечное сознание, которое оправдывает себя в конечных формах сознания ради радости разнообразного знания и разнообразной мощи существа. Это бесконечный восторг существа, расширяющего и сжимающего себя и свои силы, скрывающего и раскрывающего, формулирующего множество выражений своей радости существования, даже вплоть до кажущегося затемнения и отрицания собственной природы. В себе этот дух есть вечная Сатчитананда, но эта сложность, эта запутанность и распутывание бесконечного в конечном счете является тем аспектом, который, как мы видим, он принимает во вселенской и индивидуальной природе. Открыть вечную Сатчитананду, это сущностное *я* нашего существа внутри нас, и жить в нем — это стабильный базис; сделать его истинную природу очевидной и созидающей божественный способ жития в наших инструментах, сверхразуме, разуме, жизни и теле — это активный принцип духовного совершенства.

Сверхразум, разум, жизнь и тело — четыре инструмента, которые дух использует для своей манифестации в работах Природы. Сверхразум является духовным сознанием, действующим как само-светлое знание, воля, чувство, восприимчивость, энергия, само-созидательная и нескрываемая мощь его собственного восторга и существа. Разум является действием тех же самых мощностей, но ограниченных и только совсем косвенно и частично озаренных. Сверхразум живет в единстве, хотя он играет с разнообразием; разум живет в отдельном действии разнообразия, хотя он может открываться единству. Разум способен не только на неведение, но, поскольку он действует всегда частично и путем ограничения, он работает характерно как мощь неведения: он может позабыть себя и действительно забывает себя в полном несознании или в незнании, пробужденном в неведение частичного знания, и движется от неведения к полному знанию, — таково его природное действие в человеческом существе, — но сам по себе он никогда не может иметь полного знания. Сверхразум не способен

на настоящее неведение; даже если он удерживает полное знание позади себя в ограничении частной работы, все же его работа опирается на то, что осталось скрытым позади, и все является инстинктом с само-озарением; даже если сверхразум вовлечен в материальное незнание, все же там он точно делает работы совершенной воли и знания. Сверхразум предоставляет себя действию низших инструментов; в действительности он всегда там в ядре в качестве тайной поддержки их операций. В материи он является автоматическим действием и осуществлением скрытой идеи в вещах; в жизни самой захватывающей его формой является инстинкт, инстинктивное, подсознательное или частично подсознательное знание и оперирование; в разуме он раскрывает себя как интуиция, быстрое, прямое и само-действенное озарение интеллекта, воли, чувства и восприимчивости. Но это просто излучение сверхразума, которое приспосабливается к ограниченному функционированию более темных инструментов: его собственной характерной природой является гнозис, сверхсознательный для разума, жизни и тела; сверхразум или гнозис является характерным, озаренным, значимым действием духа в его собственной родной реальности.

Жизнь является энергией духа, подчиненной действию разума и тела, которая проявляет себя через ментальность и физичность и действует как соединительное звено между ними. Она имеет собственные характерные операции, но нигде не работает независимо от разума и тела. Вся энергия духа в действии работает в двух терминах существования и сознания, для само-формирования существования и игры и само-реализации сознания, для восторга существования и восторга сознания. В этой низшей формулировке существа, в которой мы сейчас живем, эта жизненная энергия духа работает между двумя терминами разума и материи, поддерживая и осуществляя формулировки субстанции материи и работая как материальная энергия, поддерживая взаимодействие разума и тела и работая как чувственная и нервная энергия. То, что мы называем витальностью, является для целей нашего обычного человеческого существования мощью сознательного существа, появляющейся в материи и освобождающей из нее и в ней разум и высшие силы и поддерживающей в физической жизни их ограниченное действие, — точно также, как то, что мы называем ментальностью, является мощью сознательного существа, пробуждающейся в теле к свету собственного сознания и сознания всего остального бытия непосредственно вокруг себя и работающей поначалу в ограниченном действии, ограниченном для нее жизнью и телом, но в определенных точках и на определенной высоте ускользающей от него к частичному действию за пределами этого круга. Но это не вся мощь, будь то мощь жизни или ментальности; они имеют планы сознательного существования собственного рода, отличного от этого материального уровня, где они более свободны в собственном характерном действии. Материя или само тело является ограниченной формой субстанции духа, в которую вовлечены жизнь, разум и дух, в которой они полу-скрыты, полу-забыты из-за поглощенности в собственном воплощенном действии, но обязаны всплыть из него в ходе само-вершающей эволюции. Но материя тоже спо-

собна на возвышение к более тонким формам субстанции, в которых она более явно становится форменной плотностью жизни, разума и духа. Сам человек имеет, помимо этого грубого тела, покрывающую его витальную оболочку, ментальное тело, тело блаженства и гнозиса. Но вся материя, всяческое тело содержит внутри себя тайные мощи этих высших принципов; материя является образованием жизни, которое не имеет реального существования, помимо населяющего вселенского духа, который дает ему его энергию и субстанцию.

Такова природа духа и его инструментов. Но чтобы понять его операции и получить знание, которое дает нам мощь рычага в подъеме их из наезженной колеи, по которой вращается наша жизнь, мы должны понять, что Дух основал свои работы на двух близнячных аспектах своего бытия: Душа и Природа, Пуруша и Пракрити. Мы должны обращаться с ними как с двумя различными и разнотипными в силе аспектами — ведь эта разница законна в практике сознания — хотя они являются лишь двумя сторонами одной и той же реальности, полюсами одного сознательного существа. Пуруша или душа является духом, осведомленным о работах своей природы, поддерживающим их при помощи своего существа, наслаждающимся ими или отвергающим наслаждение ими в своем восторге бытия. Природа является мощью духа, и она также является работой и ходом своей мощи, формирующим имя и форму существа, развивающим действие сознания и знания, бросающим себя в волю и побуждение, силу и энергию, исполняющим себя в наслаждении. Природа — это Пракрити, Майя, Шакти. Если мы взглянем на нее с ее самой внешней стороны, где она кажется противоположной Пуруше, мы увидим ее в качестве Пракрити, инертной и механической само-направляемой операции, несознательной или сознательной благодаря лишь свету Пуруши, поднятой разнообразными витальными, ментальными, супраментальными ступенями его душеозарений ее работ. Если мы взглянем на нее с другой стороны, где она ближе подходит к единству с Пурушей, она является Майей, волей бытия и становления или прекращения бытия и становления со всеми их результатами, видимыми сознанию, волей инволюции и эволюции, существования и не-существования, само-сокрытия духа и само-открытия духа. И то, и другое является сторонами одного и того же, Шакти, мощи бытия духа, которая действует, будь то сверхсознательно, сознательно или подсознательно в кажущемся несознании — в действительности, все эти движения сосуществуют одновременно и в одной и той же душе — в качестве духовной мощи знания, мощи воли, мощи процесса и действия, *джняна-шакти, икча-шакти, крия-шакти.* Благодаря этой мощности дух порождает все вещи в себе, скрывает и открывает всего себя в форме и за вуалью своей манифестации.

Благодаря этой силе своей природы Пуруша способен принимать любое положение, которое он захочет, и следовать закону и форме существа, соответствующим любой само-формулировке. Это вечная душа и дух в собственной мощи само-существования, превосходящей свои манифестации и управляющей ими; это универсальная душа и дух, развитые в мощи становления своего существования, бесконечного в конечном; это

индивидуальная душа и дух, поглощенный в развитии некоторого частного курса своего становления, в видимость изменчиво конечного в бесконечном. Всем этим он может быть одновременно: вечным духом, универсализированным в космосе, индивидуализированным в своих существах; он также может основать сознание, отвергающее, управляющее или отвечающее на действие Природы в любом из существ, поместить другие существа позади себя или поодаль от себя, знать себя как чистую вечность, само-поддерживающуюся универсальность или исключительную индивидуальность. Какой бы ни была формулировка его природы, душа может казаться ставшей ею и наблюдать себя ею только во фронтальной активной части своего сознания; но душа никогда не является только тем, чем она кажется; она в той же степени нечто иное, чем она может быть; на самом деле вся она еще скрыта. Она не безвозвратно ограничена какой-либо частной само-формулировкой во Времени, а может прорываться через нее и за ее пределы, разрушать или развивать ее, выбирать, отвергать, строить заново, вскрывать свою большую само-формулировку. Чем она считает себя посредством всей активной воли своего сознания в своих инструментах, тем она и является или стремится стать, *yo yacchraddhah sa eva sah*: то, чем, как она считает, она может стать и имеет в это полную веру в становлении, к тому она и изменяется в природе, то она развивает и открывает.

Эта власть души над природой крайне важна в Йоге самосовершенства; если бы ее не было, мы никогда не смогли бы путем сознательной попытки и стремления выбраться из фиксированной колеи нашего сегодняшнего несовершенного человеческого бытия; если бы намечалось какое-либо большее совершенствование, мы должны были бы ждать, пока Природа не осуществит его в своем медленном или быстром процессе эволюции. В низших формах бытия душа принимает это полное подчинение Природе, но, по мере того, как она поднимается все выше по шкале, она пробуждается к ощущению чего-то в себе, что может командовать Природой; но лишь когда душа достигает само-знания, эта свободная воля и контроль становятся полной реальностью. Это изменение осуществляется через ход природы, не какой-либо причудливой магией, а упорядоченным развитием и космическим процессом. Когда обретается полное мастерство, тогда этот процесс из-за своей само-действенной быстроты может показаться интеллекту чудом, но все же он следует закону истины Духа — когда Божественное внутри нас благодаря близкому единению нашей воли и существа с ним берет Йогу и действует как всемогущий мастер природы. Ведь Божественное является нашим высочайшим *Я* и *я* всей Природы, вечным и универсальным Пурушей.

Пуруша может обосноваться на любом плане существа, взять любой принцип существа в качестве непосредственно ведущей части своей силы и жить в работе надлежащего способа сознательного действия. Душа может пребывать в принципе бесконечного единства само-существования и осознавать все сознание, энергию, восторг, знание, волю в качестве сознательной формы этой сущностной истины, Сат или Сатья. Она может пребывать в принципе бесконечной сознательной энергии, Тапаса, и осознавать ее, развертывая из само-существования работы знания, воли и дина-

мического действия души для наслаждения бесконечного восторга бытия. Она может пребывать в принципе бесконечного само-существующего восторга и осознавать божественную Ананду, создающую из своего самосуществования с помощью своей энергии какую угодно гармонию существа. Во всех этих состояниях доминирует сознание единства; душа живет в своем осознании вечности, универсальности, единства, и какое разнообразие там ни было бы, оно является не разделяющим, а только множественным аспектом тождества. Душа может также пребывать в принципе сверхразума, в светлом само-определяющем знании, воли и действии, которые развивают некое согласование совершенного восторга сознательного существа. В высшем гнозисе базисом является единство, но оно берет свою радость в разнообразии; в низшем факте сверхразума базисом является разнообразие, но оно всегда опирается на сознательное единство и берет радость в единстве. Эти области сознания находятся за пределами нашего сегодняшнего уровня; они сверхсознательны по отношению к обычной ментальности, которая принадлежит к низшей полусфере бытия.

Это низшее бытие начинается там, где падает вуаль между душой и природой, между духом в сверхразуме и духом в разуме, жизни и теле. Там, где эта вуаль не упала, эти инструментальные мощности являются не тем, чем они являются в нас, а освещенной частью объединяющего действия сверхразума и духа. Разум приходит к идее о собственном независимом действии, когда он забывает ссылаться на свет, из которого он получает, и становится поглощенным возможностями собственного отдельного хода и наслаждения. Душа, когда она пребывает в принципе разума, еще не подчиненного жизни и телу, а использующего их, знает себя в качестве ментального существа, вырабатывающего свою ментальную жизнь, силы и образы, тела тонкой ментальной субстанции в соответствии со своим индивидуальным знанием, волей и динамикой, модифицированными своей связью с другими аналогичными существами и силами во вселенском разуме. Когда душа пребывает в принципе жизни, она знает себя в качестве существа универсальной жизни, вырабатывающего действие и сознание при помощи своих желаний при аналогичных модифицирующих условиях, свойственных универсальной жизне-душе, чье действие идет через множество индивидуальных существ жизни. Когда душа пребывает в принципе материи, она знает себя в качестве сознания материи, действуя в условиях сходного закона энергии материального существа. В той пропорции, в которой душа склоняется к стороне знания, она более или менее ясно осознает себя в качестве души разума, души жизни, души тела, наблюдает и действует в природе или подвергается воздействию природы; но там, где душа склоняется к стороне неведения, она знает себя в качестве эго, отождествленного с природой разума, жизни и тела, в качестве творения Природы. Но родная тенденция материального существа ведет к поглощенности энергии души в акте формирования и материального движения и последующего само-забвения сознательного существа. Материальная вселенная начинается с кажущегося несознания.

Универсальный Пуруша пребывает на всех этих планах в определенной одновременности и строит на каждом из этих принципов мир или се-

рию миров со своими существами, которые живут в природе того принципа. Человек, микрокосм, имеет все эти планы в собственном существе, в диапазоне от своего подсознательного к сверхсознательному существованию. Путем развития силы Йоги он может начать осознавать эти скрытые миры, сокрытые от его физического, материализованного разума и чувств, которые знают только материальный мир, и затем он начинает осознавать, что его материальное существование не является чем-то отдельным и само-существующим, а находится в постоянной связи с более высокими планами и подвергается воздействию их сил и существ. Человек может открыть и увеличить действие этих высших планов в себе и наслаждаться неким участием в жизни иных миров — которые являются или могут быть местом его обитания, так сказать, «местом его осознания», *дхамой*, местом его пристанища после смерти или между смертью и возрождением в материальном теле. Но самая важная способность человека — это способность развития сил высших принципов в самом себе, способность развития большей жизни, более чистого света разума, озарения сверхразума, бесконечного существа, сознания и восторга духа. Путем восходящего движения человек может развить свое человеческое несовершенство к большему совершенству.

Но какой бы ни была цель человека, он должен начинать с закона своего сегодняшнего несовершенства, отдавать в нем полный отчет и увидеть, как он может быть преобразован в закон возможного совершенства. Этот сегодняшний закон его существа стартует с несознания материальной вселенной, с инволюции души в форме и подчинения материальной природе; и, хотя в материи, жизни и разуме развиты их собственные энергии, все же они ограничены и связаны в действии низшим материалом, что является изначальным принципом для неведения практического сознания человека. Разум в человеке, хотя человек является воплощенным ментальным существом, должен претерпевать контроль тела и физической жизни и может сознательно контролировать жизнь и тело лишь с помощью более или менее значительного усилия энергии и концентрации. Только благодаря усилению этого контроля может человек двигаться к совершенству — и лишь при помощи развития силы души может он достичь его. Природная сила в человеке должна становиться все более и более полно сознательным действием души, сознательным выражением всей воли и знания духа. Пракрити должна раскрыть себя в качестве Шакти Пуруши.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА IV
Совершенство ментального существа

Фундаментальной идеей Йоги само-совершенства должно быть, при этих условиях, обращение сегодняшних связей души человека с его ментальной, витальной и физической природой. Человек является сейчас частично само-сознательной душой, подчиненной разуму, жизни и телу и ограниченной ими; он должен стать полностью само-сознательной душой, мастером своего разума, жизни и тела. Не ограниченная их требованиями и претензиями, совершенная само-сознательная душа будет превосходить свои инструменты и свободно обладать ими. Это усилие человека быть мастером своего существа было смыслом большей части его прошлых духовных, интеллектуальных и моральных стараний.

Чтобы обладать своим существом с какой-либо полной реальностью свободы и мастерством, человек должен найти свое высочайшее *я*, настоящего человека или высочайшего Пурушу в себе, свободного и господина своей неотъемлемой силы. Он должен перестать быть ментальным, витальным, физическим эго; ведь эго всегда является порождением, инструментом и подчиненным ментальной, витальной, физической Природы. Это эго является не настоящим *я* человека, а инструментовкой Природы, с помощью которой она развила ощущение ограниченного и отдельного индивидуального существа в разуме, жизни и теле. Из-за этой инструментовки человек действует так, как если бы он был отдельным существованием в материальной вселенной. Природа развила определенные привычные ограничительные условия, при которых происходит это действие; само-отождествленная с эго душа является средством, с помощью которого природа склоняет душу соглашаться с этим действием и принимать эти привычные ограничительные условия. Пока длится это отождествление, есть само-заточение в этом привычном круге и узком действии, и, пока это само-заточение не превзойдено, не может быть свободного использования душой своего индивидуального жития, и уж тем более не может быть настоящего само-превосхождения. По этой причине существенным движением Йоги является отход от ощущения внешнего эго, из-за которого мы отождествлены с действием разума, жизни и тела и только внутренне живем в душе. Освобождение от ощущения направленного наружу эго является первым шагом к свободе и господству души.

Когда мы таким путем отходим в душу, мы обнаруживаем себя не разумом, а ментальным существом, которое стоит за действием воплощенного разума, не ментальной и витальной персональностью — персональность является построением Природы — а ментальной Личностью, *мано-*

майя пурушей. Мы начинаем осознавать внутреннее существо, которое базируется на разуме для само-знания и знания мира и думает о себе как об индивиде для само-переживания и переживания мира, для внутреннего действия выходящего наружу действия, но все же отличном от разума, жизни и тела. Это ощущение отличия от витальных действий и физического существа явно выражено; ведь хотя Пуруша чувствует, что его разум вовлечен в жизнь и тело, все же он осознает, что даже если физическая жизнь и тело прекратятся или исчезнут, он все еще будет продолжать существовать в своем ментальном существе. Но ощущение отличия от разума более трудно и менее отчетливо. Но все же оно есть; оно характеризуется любым из трех прозрений или всеми сразу, в которых этот ментальный Пуруша живет и начинает с их помощью осознавать собственное большее существование.

Прежде всего, он имеет прозрение о себе как о ком-то, наблюдающем действие разума; это нечто, что происходит в нем и все же перед ним в качестве объекта рассматриваемого им знания. Это само-осознание является интуитивным ощущением свидетельского Пуруши, *сакши*. Свидетельский Пуруша — это чисто сознание, которое наблюдает Природу и видит ее в качестве действия, отраженного на сознание и осведомленного этим сознанием, но отличного в себе от него. Для ментального Пуруши Природа является только действием, сложным действием различающего и комбинирующего мышления, воли, чувства, эмоции, темперамента и характера, ощущения эго, что работает на основе витальных импульсов, потребностей и страстных желаний при условиях, наложенных физическим телом. Но ментальный Пуруша не ограничен ими, поскольку он не только может придать им новые направления и разнообразную вариацию, утоньшение и расширение, но и способен действовать в мышлении и воображении и в ментальном мире гораздо более тонких и гибких творений. Но также в ментальном Пуруше есть прозрение нечто большего и более великого, чем это сегодняшнее действие, в котором он живет, есть диапазон переживания, по отношению к которому это действие является фронтальной схемой или узким поверхностным отбором. Благодаря этому прозрению Пуруша стоит на пороге сублиминального *я* с более расширенной возможностью, чем эта поверхностная ментальность открывает для его самознания. Последнее и самое великое прозрение заключается во внутреннем осознании нечто, чем он более сущностно является, нечто, что настолько выше разума, как разум выше физической жизни и тела. Это внутреннее осознание есть его прозрение супраментального и духовного существа.

Ментальный Пуруша может в любое время снова вовлечь себя в поверхностное действие, от которого он отошел, жить на время полностью отождествленным с механизмом разума, жизни и тела и поглощенно повторять свое возобновляющееся обычное действие. Но как только Пуруша хотя бы раз отделил себя от движений Природы и жил в таком состоянии некоторое время, он больше никогда не может быть для себя тем, чем он был прежде. Вовлеченность во внешнее действие становится теперь только возвращающимся само-забытьем, из которого он стремится вернуться опять к себе и к чистому само-переживанию. Можно также отметить, что

путем отхода от обычного действия этого внешнего сознания, которое создало для него его сегодняшнюю природную форму само-переживания, Пуруша способен занять и два других положения. Он может иметь прозрение о себе как о душе в теле, которая выдвигает вперед жизнь в качестве деятельности и разум — в качестве света этой деятельности. Душа в теле является физическим сознательным существом, *анномаей пурушей,* которое использует жизнь и разум типично для физического переживания — все же прочее рассматривается как следствие физического переживания — не смотрит за пределы жизни тела и, насколько оно чувствует нечто за пределами своей физической индивидуальности, осознает только физическую вселенную и, самое большее, свое тождество с душой физической Природы. Но Пуруша может также иметь прозрение о себе как о душе жизни, само-отождествленной с великим движением становления во Времени, которое выдвигает вперед тело в качестве формы или основного чувственного образа и разум — в качестве сознательной деятельности жизненного переживания. Эта душа жизни является витальным сознательным существом, *пранамайя пурушей*, которое способно смотреть за границы деятельности и пределы физического тела, чувствовать вечность жизни позади себя и перед собой, чувствовать тождество с универсальным существом Жизни, но которое не смотрит за пределы постоянного витального становления во Времени. Эти три Пуруши являются душе-формами Духа, с помощью которых он отождествляет свое сознательное существование и основывает свое действие на любом из этих трех планов или принципов своего универсального существа.

Но человек является типично ментальным существом. Более того, ментальность — это его высочайший сегодняшний статус, в котором он ближе всего находится к своему настоящему *я*, легче всего и больше всего осознает дух. Его путь к совершенству — это не вовлекать себя во внешнее или поверхностное существование, а также не помещать себя в душу жизни или душу тела, а настаивать на трех ментальных прозрениях, с помощью которых он может в конечном счете поднять себя над физическим, витальным и ментальным уровнем. Это настояние может принимать две совершенно различные формы, каждая форма — с собственным объектом и путем следования. Человек вполне может сделать ударение в направлении прочь от существования в Природе, в открепленнии, отходе от разума, жизни и тела. Он может пытаться жить все больше и больше как свидетельствующий Пуруша, наблюдая действие Природы, не интересуясь ею, не давая ей своей санкции, может быть открепленным, отвергая все действия, отходя в чистое сознательное существование. Это освобождение Санкхьи. Человек может идти внутрь в то большее существование, которое он прозревает, и прочь от поверхностной ментальности в состояние грезы или в состояние сна, которые допускают его в более широкие или более высокие области сознания. Уходя в эти области, он может отделить от себя земное существо. Есть даже, как предполагалось в древние времена, переход к супраментальным мирам, возвращение из которых к земному сознанию либо не возможно, либо необязательно. Но определенная и надежная окончательность этого рода освобождения зависит от подъема мен-

тального существа в то духовное *я*, которое человек начинает осознавать, когда он смотрит прочь и вверх от всякой ментальности. Это преподносится как ключ к полному выходу из земного существования будь то путем погружения в чистое бытие или путем соучастия в супракосмическом бытии.

Но если нашей целью является не только быть свободными путем само-открепления от Природы, но и совершенными в мастерстве, тогда такого рода настояние больше не может быть достаточным. Мы должны рассмотреть наше ментальное, витальное и физическое действие в Природе, найти узлы его рабства и ослабленные точки, ведущие к освобождению, открыть ключи его несовершенства и указать на ключ к совершенству. Когда наблюдающая душа, свидетельский Пуруша отходит от своего природного действия и наблюдает его, он видит, что оно идет из собственного импульса благодаря мощи своего механизма, благодаря силе непрерывности движения, благодаря непрерывности ментальности, непрерывности жизненного импульса, непрерывности невольного физического механизма. Поначалу все кажется возобновляющимся действием автоматической машинерии, хотя итог этого действия постоянно поднимается в творение, развитие, эволюцию. Человек как бы схвачен этим колесом, прикреплен к нему ощущением эго, вращается кругами этой машинерии. Полный природный детерминизм или поток определенностей Природы, которому он придал свет своего сознания, видится природным аспектом его ментальной, витальной и физической персональности, как только он рассматривается с этой стабильной открепленной точки зрения и больше не душой, пойманной в движение и воображающей себя частью действия.

Но, взглянув дальше, мы видим, что этот детерминизм не является столь полным, как кажется; действие Природы продолжается и является тем, чем является, благодаря санкции Пуруши. Наблюдающий Пуруша видит, что он поддерживает и неким образом наполняет и пронизывает действие своим сознательным существом. Он открывает, что без него оно не может продолжаться и что там, где он настойчиво отводит свою санкцию, привычное действие начинает постепенно ослабевать, повисает и прекращается. Вся его активная ментальность может быть таким путем приведена к полному покою. Но все же есть и пассивная ментальность, которая механически продолжается, но и она может быть успокоена путем отхода Пуруши в себя из действия. Но даже тогда продолжается действие жизни в ее наиболее механических частях; но и это может быть успокоено до прекращения. Тогда может увидеться, что Пуруша является не только поддерживающим (*бхартр*) Пурушей, но и неким образом господином своей природы, Ишварой. Именно сознание этого санкционирующего контроля, эта необходимость его согласия, заставляли его в эго-ощущении постигать себя как душу или ментальное существо со свободной волей, определяющей все его собственные становления. Все же свободная воля кажется несовершенной, почти иллюзорной, поскольку сама фактическая воля является машинерией Природы, и каждое отдельное волеизлияние определяется потоком прошлого действия и итогом созданных им условий — хотя, из-за того, что результат этого потока, итог в каждый момент

является новым развитием, новым определением, то он может казаться само-рожденным волеизлиянием, чисто созидательным в каждый момент. То, что пока что вносил Пуруша, было согласие позади, санкция на то, что делает Природа. Кажется, что Пуруша не способен полностью править Природой, а может лишь выбирать между вполне определенными возможностями: в Природе есть мощь сопротивления, рожденная из ее прошлого побуждения и еще большая мощь сопротивления, рожденная из суммы фиксированных условий, созданных ею, которых она представляет ему в качестве постоянных законов, которым надо подчиняться. Пуруша не может радикально изменить способ ее действия, не может свободно осуществить свою волю изнутри ее теперешнего движения, а также, находясь в ее машинерии, не может выбраться вне ее или выше нее, так чтобы осуществлять по-настоящему свободный контроль. Есть дуальность этой зависимости: есть ее зависимость от его согласия, и есть его зависимость от ее закона, пути и границ действия, есть определенность, отрицаемая ощущением свободной воли и есть свободная воля, сводимая на нет фактом природной определенности. Он уверен, что она является его силой, но все же кажется, что он подчинен ей. Он — санкционирующий (*анумантр*) Пуруша, но он не видится абсолютным господином, Ишварой.

Тем не менее, есть где-то абсолютный контроль, есть настоящий Ишвара. Он сознает это и знает, что если он сможет найти это, он получит контроль, станет не только пассивным разрешающим свидетелем и поддерживающей душой ее воли, но и свободным мощным пользователем и определителем ее движений. Но этот контроль кажется принадлежащим другому положению, отличному от ментальности. Иногда он обнаруживает, что использует его, но в качестве канала или инструмента; это приходит к нему свыше. Тогда ясно, что это именно супраментал, мощь Духа более великая, чем мощь ментального существа, в качестве которого Пуруша уже знает себя на вершине и в тайном ядре своего сознательного существа. Войти в тождество с Духом — таким, следовательно, должен быть его путь к контролю и господству. Он может делать это пассивным путем при помощи некоего отражения и восприятия в своем ментальном сознании, но тогда он является лишь матрицей, каналом или инструментом, не обязательно обладателем силы или участником в силе. Он может достичь этого тождества путем поглощения своей ментальности во внутреннем духовном существе, но тогда сознательное действие прекращается в трансе тождества. Чтобы быть активным господином природы, он должен, очевидно, подняться до некоего высшего супраментального положения, где возможно не только пассивное, но и активное тождество с контролирующим духом. Найти путь подъема к этому более великому положению и быть само-правителем, Сварат — вот условие его совершенства.

Эта трудность восхождения возникает из-за природного неведения. Он — Пуруша, свидетель ментальной и физической Природы, *сакши*, но не полный знаток *я* и Природы, *жнатр*. Знание в ментальности освещено его сознанием; он — ментальный знаток, но он находит, что это не настоящее знание, а только частичный поиск и частичное обретение, производное неопределенное отражение и узкое использование для целей дей-

ствия из более великого запредельного света, который и является настоящим знанием. Это свет есть само-осознание и все-осознание Духа. Сущностного само-осознания он может достичь даже на ментальном плане существа, путем отражения в душе разума или путем поглощенности в духе, как, в действительности, он может достичь его путем другого типа отражения или поглощения в душе жизни и в душе тела. Но для участия в действенном все-осознании с этим сущностным само-осознанием в качестве души своего действия он должен подняться к сверхразуму. Чтобы быть господином своего существа, он должен быть знатоком *я* и Природы, *жната ишварой.* Частично это может быть проделано на высшем уровне разума, где он напрямую отвечает сверхразуму, но на самом деле в законченном виде это совершенство принадлежит не ментальному существу, а идеалу или знанию Души, *виджнамайя пуруше*. Подтянуть ментальное существо в большее существо знания и затем в *Я* Блаженства духа, *анандамайя пурушу* — вот предельный путь этого совершенства.

Но никакое совершенство и, тем более, это совершенство, не может быть достигнуто без самого радикального изменения в обращении с теперешней природой и аннулирования многого из того, что кажется фиксированным законом ее сложного узла ментального, витального и физического существа. Закон этого узла был создан для определенной и ограниченной цели, для временного поддержания, сохранения, обладания, расширения, наслаждения, переживания, нужды, действия ментального эго в живущем теле. В результате обслуживаются и другие цели, но это является непосредственной и фундаментально определенной целью и пользой. Чтобы достичь более высокого использования и более свободного инструментария, этот узел должен быть частично разрублен, превзойден, трансформирован в большую гармонию действия. Пуруша видит, что созданный закон — это закон частично устойчивой, частично неустойчивой выборочной определенности привычных и все же развивающихся переживаний из первого путанного сознания *я* и не-*я*, субъективного бытия и внешней вселенной. Эта определенность управляется разумом, жизнью и телом, воздействующими друг на друга, в гармонии и в согласии, но также и в разногласии и в расхождении, во взаимном вмешательстве и ограничении. Есть аналогичная смешанная гармония и разногласие между различными активностями самого разума, как и между активностями самой жизни и физического существа. Целое — это нечто вроде беспорядочного порядка, развитого и задуманного из постоянно окружающей и вторгающейся путаницы.

Это первая трудность, с которой должен иметь дело Пуруша, это смешанное и путанное действие Природы — действие без ясного самознания, отчетливого мотива, прочного инструментария, это только попытка достичь этих вещей и общего относительного успеха эффективности — неожиданного результата адаптации в некоторых направлениях, но и немалое бедствие неадекватности. Это смешанное и путанное действие должно быть исправлено; очищение является существенным средством к само-совершенству. Все эти примеси и неадекватности ведут к разнообразному ограничению и зависимости: но есть два-три первичных узла это-

го рабства — эго является главным узлом — из которых следует все остальное. От этих оков нужно избавиться; очищение не полное до тех пор, пока оно не принесет освобождения. Кроме того, после достижения определенного очищения и освобождения, остается еще обращение очищенных инструментов к закону высшей цели и высшего использования, широкого, настоящего и совершенного порядка действия. Путем этого обращения человек может достичь определенного совершенства полноты существа, спокойствия, силы и знания, даже большего витального действия и более совершенного физического существования. Одним из результатов этого совершенства является значительный и совершенный восторг существа, Ананда. Таким образом, очищение, освобождение, совершенство, восторг существа составляют четыре элемента Йоги — *шудхи, мукти, сидхи, бхакти.*

Но это совершенство не может быть достигнуто или оно не может быть надежным и полным в своей значительности, если Пуруша делает упор на индивидуальность. Не достаточно перестать отождествляться с физическим, витальным и ментальным эго; он должен достичь и в душе настоящей, универсализированной, не отдельной индивидуальности. В низшей природе человек является эго, делающим ясное разграничение в представлении между собой и всем прочим существованием; эго является для него *я*, а все остальное — не-*я*, внешнее по отношению к его существу. Все его действие стартует с этого само-представления и представления о мире и основывается на них. Но это представление на самом деле является ошибкой. Как бы остро он не индивидуализировал себя в ментальной идее и в ментальном или другом действии, он не отделим от вселенского существа, его тело — от вселенской силы и материи, его жизнь — от вселенской души и духа. Вселенское воздействует на его, вторгается в него, охватывает его, формирует себя в нем в каждое мгновение; он в своей реакции воздействует на вселенское, вторгается в него, пытается наложить себя на него, формирует его, преодолевает его атаку, управляет его инструментарием и использует его.

Этот конфликт является выражением лежащего в основании единства, которое предполагает аспект борьбы из-за необходимости изначального отделения; два куска, на которые разум разрезал тождество, кидаются друг на друга, чтобы восстановить тождество, и каждый пытается охватить и вобрать в себя отдельную часть. Кажется, что вселенная всегда пытается поглотить человека, бесконечное — вновь обрести это конечное, которое заняло само-оборону и даже отвечает агрессией. Но на самом деле через эту кажущуюся борьбу вселенское существо вырабатывает свою цель в человеке, хотя ключ к истине этой цели и работе утрачен для его поверхностно сознательного разума, лишь смутно удерживается в лежащем в основании подсознательном и явно известен только в верховном сверхсознательном единстве. Человек тоже побуждаем к единству постоянным импульсом расширения своего эго, которое по мере своей возможности отождествляет себя с другими эго и такими частями вселенной, которыми человек может физически, витально и ментально овладеть и использовать их. Как человек нацеливается на знание и владение собственным сущест-

вом, точно также он нацеливается на знание и владение окружающим миром природы, его объектами, его инструментарием, его существами. Сначала он пытается достичь этой цели путем эгоистического овладения, но, по мере его развития, элемент симпатии, рожденный из тайного тождества, растет в нем, и человек достигает идеи расширяющегося взаимодействия и тождества с другими существами, идеи гармонии со вселенской Природой и вселенским бытием.

Свидетельский Пуруша в разуме видит, что эта неадекватность его усилия, в действительности, вся неадекватность жизни и природы человека возникает из-за отделения и последующей борьбы, из-за потребности в знании, потребности в гармонии, потребности в тождестве. Для него сущностно важно вырасти из отдельной индивидуальности, универсализировать себя, объединить себя со вселенной. Это объединение может быть проделано только через душу, делая нашу душу разума единой со вселенским Разумом, нашу душу жизни — единой со вселенской душой Жизни, нашу душу тела — единой со вселенской душой физической Природы. Когда это может быть сделано, то в той пропорции в мощи, интенсивности, глубине, полноте, постоянстве, с которой это может быть сделано, значительные воздействия оказываются на природное действие. Особенно растет непосредственная и глубокая симпатия и причастность разума к разуму, жизни к жизни, происходит ослабление настояния тела на отдельности, растет сила прямого ментального и других сообщений и эффективного взаимного действия, что восполняет сейчас неадекватное прямое сообщение и действие, которое до сих пор составляет большую часть сознательных средств, используемых воплощенным разумом. Но все же Пуруша видит, что в ментальной, витальной, физической природе, взятых самими по себе, всегда есть дефект, неадекватность, путанное действие из-за механически неравного взаимодействия трех мод или гун Природы. Чтобы превзойти это, он должен в универсальности подняться к супраментальному и духовному, быть одним с супраментальной душой космоса, со вселенским духом. Он достигает большего света и порядка высшего принципа в себе и во вселенной, что является характерным действием божественной Сатчитананды. Он даже способен наложить воздействие того света и порядка не только на собственное природное существо, но и, в пределах круга действия Духа в нем, на мир, в котором он живет, на то, что окружает его. Он *сварат*, само-знающий, само правитель, но через это духовное тождество с превосхождением он начинает становиться и *самратом*, знатоком и господином окружающего мира.

В этом само-развитии душа находит, что она достигла на этой линии цели всей интегральной Йоги, достигла единства со Всевышним в своем *я* и своей универсализированной индивидуальности. Пока Пуруша остается в мировом существовании, это совершенство должно излучаться из него, — ведь это следствие его тождества со вселенной и ее существами, — во влияние и действие, которое помогает всем вокруг него, кто способен подняться или приблизиться к тому же самому совершенству, а всем остальным помогает так, как только может помочь само-правитель и мастер, ведя человеческую расу духовно вперед к этому достижению и к некото-

рому образу большей божественной истины в их личном и общественном существовании. Он становится светом и мощью Истины, к которой он поднимался, а также средством для восхождения других.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА V
Инструменты Духа

Если суждено быть действенному совершенству нашего существа, тогда сначала необходимо очистить работу инструментов, находящихся сейчас в разногласии друг с другом. Самому существу, духу, божественной Реальности в человеке не требуется очищения; оно всегда чистое, не затрагиваемо недостатками своих инструментов или оплошностями разума, сердца и тела в их работе, «как солнце», - говорят Упаншады, - «не затрагивается и не пятнается недостатками глаза видения». Разум, сердце, душа витального желания, жизнь в теле — все это места базирования нечистоты; именно они должны быть приведены в порядок, если работе духа суждено быть совершенной работой, не запятнанной ее сегодняшней уступкой заблудшему удовольствию низшей природы. То, что обычно называется чистотой существа, — это либо негативная белизна, свобода от греха, обретенная постоянным запрещением каждого действия, чувства, идеи или воли, которых мы считаем неправильными, либо это высочайшая негативная или пассивная чистота, полное удовлетворение Богом, бездействие, полное успокоение вибрирующего разума и души желания, что в квиетивистских дисциплинах ведет ко всевышнему покою; ведь тогда дух появляется во всей вечной чистоте своей безупречной сущности. С обретением этого не осталось бы ничего, чем можно еще наслаждаться или делать дальше. Но здесь у нас более трудная проблема тотального, неуменьшенного, даже увеличенного и более мощного действия, основанного на совершенном блаженстве существа, на чистоте инструментальной природы души в той же степени, как и на чистоте сущностной природы духа. Разуму, сердцу, жизни, телу надо делать работы Божественного, — все работы, которые они делают сейчас и даже больше, — но делать их божественно, а не так, как они делают их сейчас. Так видится проблема, поставленная перед искателем совершенства, целью которого является не негативная, запретительная, пассивная или квитестическая, а позитивная, утвердительная, активная чистота. Божественный квитецизм открывает безупречную вечность Духа, божественный кинетизм добавляет к ней верное, чистое, не отклоняющееся действие души, разума и тела.

Более того, интегральное совершенство требует от нас как раз полного очищения всей сложной инструментальности во всех частях каждого инструмента. В конечном счете, это не является более узким моральным очищением этической природы. Этика имеет дело только с душой желания и активной внешней динамической частью нашего существа; ее поле ограничено характером и действием. Она запрещает и разрешает опреде-

ленные действия, определенные желания, импульсы, склонности — она прививает в действие определенные качества, такие как правдивость, любовь, милосердие, сострадание. Работа этики заканчивается, как только она проделывает все это и устанавливает надежную базу добродетели, преобладание очищенной воли и привычку безупречного действия. Но Сидха интегрального совершенства должен пребывать на более широком плане вечной чистоты Духа за пределами добра и зла. Однако эта фраза не означает, что он будет беспристрастно творить добро и зло, заявляя, что для духа нет никакой разницы, что было бы в плане индивидуального действия очевидной неправдой и могло бы послужить прикрытием для беззаботного само-попустительства несовершенной человеческой природы. Также это не будет означать того, что поскольку добро и зло в этом мире запутанно переплетены друг с другом, подобно боли и удовольствию — хотя это и верно в настоящий момент и правдоподобно как обобщение, но это не обязательно будет верно в большей духовной эволюции человеческого существа — то освобожденный человек будет жить в духе и стоять поодаль от механически продолжающихся работ неизбежно несовершенной природы. Такое возможно в качестве ступени к окончательному прекращению всей деятельности, но, очевидно, это не план активного совершенства. Но это означает, что Сидха активного интегрального совершенства будет жить динамически в работе трансцендентной мощи божественного Духа в качестве универсальной воли через сверхразум, индивидуализированный в нем для действия. Поэтому его работы будут работами вечного Знания, вечной Истины, вечного Могущества, вечной Любви, вечной Ананды; но истина, знание, сила, любовь, восторг будут всем сущностным духом любой работы, какую бы он ни делал, и не будут зависеть от ее формы; они будут определять его действие из духа внутри, и действие не будет определять дух или подчинять его фиксированному стандарту или жесткому шаблону работы. Он не будет иметь доминирующей привычки характера, а будет иметь только духовное существо и волю с, самое большее, свободной и гибкой матрицей для действия. Его жизнь будет прямым потоком из вечных фонтанов, не формой, вырезанной для некоего временного человеческого образца. Его совершенство будет не сатвической чистотой, а чем-то, поднятым за пределы гун Природы, совершенством духовного знания, духовной мощи, духовного восторга, будет единством и гармонией единства; внешнее совершенство его работы будет свободно сформировано как само-выражение этой внутренней духовной трансцендентности и универсальности. Чтобы произошло это изменение, он должен сделать сознательной в себе ту мощь духа и сверхразума, которая сейчас сверхсознательна для нашей ментальности. Но это не может заработать в нем, пока его теперешнее ментальное, витальное, физическое существо не освобождено от своей текущей низшей работы. Это освобождение является первой необходимостью.

Другими словами, очищение не следует понимать в каком-либо ограниченном смысле отбора определенных внешних движений, их регулирования, запрещения прочих действий или освобождения определенных черт характера или каких-либо особенных ментальных и моральных спо-

собностей. Все это — вторичные знаки нашего производного существа, не сущностные мощности и не первичные силы. Мы должны принять более широкий психологический взгляд на первичные силы нашей природы. Мы должны различить сформировавшиеся части нашего существа, найти их основной дефект нечистоты или неверного действия и выправить это, и тогда все остальное правильно установится естественным образом. Нам не следует лечить симптомы нечистоты, либо делать это лишь во вторую очередь, как дополнительную помощь — а ударить по ее корням после более глубокого диагноза. Тогда мы найдем, что есть две формы нечистоты, лежащие в корне всей путаницы. Одна форма — это дефект, рожденный природой нашей прошлой эволюции, которая была природой отделительного неведения; этот дефект является радикально неверной и невежественной формой, приданной соответствующему действию каждой части нашего инструментального существа. Другая нечистота рождена последовательным ходом эволюции, где жизнь появляется в теле и зависит от него, разум появляется в жизни и в теле и зависит от них, сверхразум появляется в разуме и отдает себя его правлению, сама душа видится только как обстоятельство телесной жизни ментального существа и скрывает дух в низших несовершенствах. Этот второй дефект нашей природы вызван этой зависимостью высших частей от низших; именно из-за этого смешения функций нечистая работа низшего инструмента входит в характерное действие высшей функции и придает ей дополнительное несовершенство, вызывая путаницу и придавая неверное направление.

Так, надлежащей функцией жизни, витальной силы является наслаждение и обладание; и то, и другое совершенно законно, потому что Дух создал мир для Ананды, наслаждения и обладания Одного множеством, множества - Одним и множества - множеством; но — и это пример дефекта первого рода — отделительное неведение придает этой функции неправильную форму желания и страсти, что портит все наслаждение и обладание и накладывает на них их противоположности — потребность и страдание. Опять же, из-за того, что разум впутан в жизнь, из которой он развивается, это желание и страсть входит в действие ментальной воли и знания; это делает волю волей страсти, силой желания вместо рациональной воли и различающей силы разумного осуществления и искажает суждение и рассудок, так что мы судим и рассуждаем в соответствии с нашими желаниями и предпочтениями, а не с незаинтересованной беспристрастностью чистого суждения и честностью рассудка, который стремился бы только распознать истину и правильно понять цели ее работ. Это пример смешения. Эти два рода дефектов — неправильная форма действия и незаконное смешение действия — присущи не только рассмотренному примеру, но и каждому инструменту и каждой комбинации их работ. Такие дефекты пронизывают всю деятельность нашей природы. Они являются фундаментальными дефектами нашей низшей инструментальной природы, и если мы сможем исправить их, мы приведем наше инструментальное существо в состояние чистоты, будем наслаждаться ясностью чистой воли, чистого сердца эмоции, чистого наслаждения нашей витальности, чистого тела. Это будет предварительное, человеческое совершенство, но это мо-

жет быть сделано базисом и открыться в своем усилия само-достижения в большее, божественное совершенство.

Разум, жизнь и тело являются тремя силами нашей низшей природы. Однако их нельзя рассматривать отдельно, потому что жизнь действует как связующее звено и придает свой характер телу и в еще большей степени - нашей ментальности. Наше тело является живущим телом; жизненная сила примешивается к нему и определяет все его функционирование. Наш разум тоже в большой степени является разумом жизни, разумом физического ощущения; только в своей высшей деятельности он обычно способен на нечто большее, чем на работы физической ментальности, подчиненной жизни. Мы можем расставить все это в восходящем порядке. Прежде всего, у нас есть тело, поддерживаемое физической силой жизни, физической Праной, которая курсирует по всей нервной системе и накладывает свой отпечаток на наше телесное действие, так что все имеет характер живого, а не инертного механического тела. Прана и физичность вместе составляют грубое тело, *схула сарира.* Это только внешний инструмент, нервная сила жизни, действующая в форме тела с его грубыми физическими органами. Далее есть внутренний инструмент, *антакарана*, сознательная ментальность. Этот внутренний инструмент делится в старых системах на четыре части: *чита*, или базисное ментальное сознание, *манас*, чувственный разум, *будхи*, интеллект, *аханкара*, эго-идея. Эта классификация может служить стартовой точкой, хотя для большей пластичности мы должны провести некоторые дальнейшие различия. Ментальность пронизана жизненной силой, которая становится здесь инструментом психического сознания жизни и психического действия жизни. Каждый фибр чувственного разума и базисного сознания пронизан действием этой психической Праны, это нервная или витальная и физическая ментальность. Даже Будхи и эго одолеваются ею, хотя у них есть способность поднять разум за пределы подчинения этой витальной, нервной и физической психологии. Эта комбинация порождает в нас чувственную душу желания, являющуюся главным препятствием к высшему человеческому, как и к еще большему божественному совершенству. Наконец, под нашей сегодняшней сознательной ментальностью есть тайный сверхразум, который является надлежащим средством и естественным местом этого совершенства.

Чита, базисное сознание, в большей степени является подсознательным; оно имеет, открыто и скрыто, два вида действия: одно пассивное или восприимчивое, другое — активное или реагирующее и формирующее. В качестве пассивной силы оно воспринимает все воздействия, даже те, которые не осознает разум или к которым он не внимателен, и складывает их в грандиозный резерв пассивной подсознательной памяти, из которой разум может вытягивать их в качестве активной памяти. Но обычно разум вытягивает только то, что он наблюдал и понял в свое время — легче то, что он пристальнее наблюдал и глубже понял, менее легко — то, что он наблюдал мельком и плохо понял; в то же время в сознании есть сила посылать активному разуму то, что он вообще не наблюдал и не внимал, либо даже не переживал сознательно. Эта сила заметно действует только в

необычных условиях, когда, как правило, некоторая часть подсознательной Читы выходит на поверхность или когда сублиминальное существо в нас появляется на пороге и некоторое время играет некоторую роль во внешней палате ментальности, где происходит прямой взаимообмен и связь с внешним миром, и наши внутренние отношения с нами самими развиваются на поверхности. Действие памяти столь фундаментально для полного ментального действия, что иногда говорят, что память — это человек. Даже в сублиминальном действии тела и жизни, которое наполнено этой подсознательной Читой, есть, хотя и не под контролем сознательного разума, витальная и физическая память. Витальные и физические привычки в большой степени сформированы этой сублиминальной памятью. По этой причине они могут изменяться до неопределенных пределов более мощным действием сознательного разума и воли, когда это действие может быть развито и может найти средства сообщить подсознательной Чите волю духа для нового закона витального и физического действия. Даже, более того, все строение нашей жизни и тела может быть описано как пучок привычек, сформировавшихся прошлой эволюцией в Природе и удерживаемых вместе стойкой памятью этого тайного сознания. Ведь Чита, первичное вещество сознания, подобно Пране и телу универсальна в Природе, но подсознательна и механична в природе Материи.

Но на самом деле все действие разума или внутреннего инструмента происходит из этой Читы или базисного сознания, частично сознательного, частично подсознательного или сублиминального для нашей активной ментальности. Когда оно задевается воздействиями мира снаружи или побуждается рефлексирующими силами субъективного внутреннего существа, оно выбрасывает определенное привычные действия, форма которых была определена нашей эволюцией. Одной из этих форм деятельности является эмоциональный разум — сердце, как мы можем кратко его назвать. Наши эмоции — это волны реакции и отклика, которые поднимаются из базисного сознания, *читаврти.* Их действие также в большой степени регулируется привычкой и эмоциональной памятью. Они не императивны, не являются законами Необходимости; в действительности нет обязательного закона нашего эмоционального существа, которому мы должны безысходно подчиняться; мы не обязаны давать отклики печали на определенные воздействия на разум, отклики гнева — на другие, на третьи — отвечать ненавистью или отвращением, на четвертые — отвечать симпатией или любовью. Все это — только привычки нашей эмоциональной ментальности; они могут быть изменены сознательной волей духа; их можно запретить; мы даже можем полностью подняться над всяким подчинением печали, гневу, ненависти, дуальности симпатии и антипатии. Мы подчинены им лишь настолько, насколько мы продолжаем настаивать на подчинении механическому действию Читы в эмоциональной ментальности, от чего трудно избавиться из-за силы прошлой привычки и, особенно, из-за назойливого настояния витальной части ментальности, нервного жизне-разума или психической Праны. Эта природа эмоционального разума в качестве реакции Читы с определенной тесной зависимостью от нервных ощущений жизни и откликов психической Праны

столь характерна, что на некоторых языках она называется Читой и Праной, сердцем, жизнью души; это действительно наиболее непосредственно возбуждающее и мощно настоятельное действие души желания, которое смесь витального желания и откликающегося сознания породили в нас. И все же истинная эмоциональная душа, настоящее психическое в нас, это не душа желания, а душа чистой любви и восторга; но они, как и остальная часть нашего истинного существа, могут всплыть лишь тогда, когда деформация, созданная жизнью желания, устранена с поверхности и больше не является характерным действием нашего существа. Сделать это — необходимая часть нашего очищения, освобождения, совершенства.

Нервное действие психической Праны наиболее очевидно в нашей чисто чувственной ментальности. Нервная ментальность действительно преследует все действие внутреннего инструмента, и часто кажется, что она образует нечто большее, чем ощущение. Особенно одолеваемы ею эмоции, и они носят пранический отпечаток; страх состоит больше из нервного ощущения, чем из эмоции; гнев — это в большей степени или чаще всего чувственный отклик, транслированный в термины эмоции. Другие чувства больше принадлежат сердцу, они более внутренние, но и они вступают в союз с нервными и физическими желаниями или идущими наружу импульсами психической Праны. Любовь — это эмоция сердца, и она может быть чистым чувством — вся ментальность, и даже мыслительный процесс, поскольку мы являемся воплощенными умами, должна производить некое жизненное воздействие и давать некий отклик в веществе тела, но они не обязаны иметь физическую природу, — но любовь сердца охотно объединяется с витальным желанием в теле. Этот психический элемент может быть очищен от того подчинения физическому желанию, которое мы называем вожделением, он может стать любовью, использующей тело для физической, как и ментальной и духовной близости; но любовь может также отделить себя от всего, даже от самого невинного физического элемента, либо от всего, кроме его тени, и быть чистым движением единения души с душою, психического с психическим. Все же характерным действием чувственного разума является не эмоция, а сознательный нервный отклик и нервное чувство и склонность, импульс использования физического ощущения и тела для некоторого действия, сознательной витальной страсти и желания. Есть сторона восприимчивого отклика, сторона динамической реакции. Эти вещи обретают свое надлежащее использование, когда высший разум не подчинен им механически, а контролирует и регулирует их действие. Но еще более высокое состояние достигается, когда они претерпевают определенную трансформацию под действием сознательной воли духа, который придает свою правильную и более не неверную форму или форму желания характерного действия психической Праны.

Манас, чувственный разум, зависит в нашем обычном сознании от физических органов восприятия по части познания и от телесных органов - по части действия, направленного к объекту восприятия. Поверхностное и внешнее действие чувств является физическим и нервным по своему характеру, и их легко можно принять просто за результат действия нервов; в

старых книгах их иногда называют праной, нервной или жизненной деятельностью. Но все же самое существенное в них — это не нервное возбуждение, а сознание, действие Читы, использующей органы и нервные толчки, каналами которых являются эти органы. Манас, чувственный разум, является деятельностью, всплывающей из базисного сознания, что и составляет всю сущность того, что мы называем чувством. Зрение, слух, вкус, обоняние, осязание — это в действительности свойства ума, а не тела; но физический разум, который мы обычно используем, ограничивает себя переводом в чувство только той части воздействий, которую он воспринимает через нервную систему и физические органы. Но внутренний Манас обладает также тонким зрением, слухом, собственной мощью контакта, которая не зависит от физических органов. И, более того, он обладает силой не только прямого сообщения разума с объектом, — доходя даже на пике своего действия до ощущения сути объекта за пределами физического диапазона — но и прямого сообщения разума с разумом. Разум способен также менять, модифицировать, блокировать сферу распространения, значения, интенсивности чувственных воздействий. Эти силы разума мы обычно не используем и не развиваем; они остаются сублиминальными и иногда всплывают в нерегулярном или порывистом действии, с большей готовностью в некоторых умах, чем в других, или приходят к поверхности в ненормальных состояниях существа. Они составляют базис ясновидения, яснослышания, телепатии, большей части более обычной части оккультных сил — так называемых оккультных сил, хотя их лучше описывать и без всякого налета таинства как силы сублиминального сейчас действия Манаса. Явления гипноза и многого другого зависит от действия этого сублиминального чувственного разума; не только это составляет все элементы этих явлений, но именно это является первичным поддерживающим средством взаимообмена, сообщения и отклика, хотя многое из подлинных операций принадлежит внутреннему Будхи. Разум физический, разум супрафизический, — мы должны и можем использовать это двойное ощущение ментальности.

Будхи — это построение сознательного существа, которое всецело превышает свои начала в базисной Чите; это интеллект с его силой познания и волей. Будхи вбирает и имеет дело со всем остальным действием разума, жизни и тела. По своей природе он является силой мысли и силой воли Духа, обращенной в низшую форму ментальной деятельности. Можно различить три последовательные ступени действия этого интеллекта. Прежде всего, есть низшее воспринимающее понимание, которое просто вбирает, записывает, понимает и отвечает на сообщения чувственного разума, памяти, сердца и чувственной ментальности. Оно создает с помощью их средств элементарный мыслящий разум, который не выходит за пределы их данных, а подчиняется их шаблону и распространяет их копии, вращается по привычному кругу мысли и воли, предложенному ими, или следует, с послушным раболепством рассудка, предложениям жизни, любым свежим установкам, которые могут быть предложены его восприятию и пониманию. За пределами этого элементарного понимания, которое все мы используем с большим размахом, есть сила выстраивающего

или выбирающего рассудка и воля-сила интеллекта, которые пытаются достичь правдоподобного, достаточного, упорядоченного знания и воли для использования интеллектуального представления жизни.

Несмотря на свой более чисто интеллектуальный характер этот вторичный или промежуточный рассудок на самом деле прагматичен в своем намерении. Он порождает определенного рода интеллектуальную структуру, рамки, правила, в которые он пытается вписать внутреннюю и внешнюю жизнь, так чтобы использовать эту структуру с определенным мастерством и правлением для целей рациональной воли. Именно этот рассудок дает нашему обычному интеллектуальному существу ряд эстетических и этических стандартов, построений мнения и установленных норм идеи и цели. Он высоко развит и составляет во всех людях главную часть развитого понимания. Но за пределами этого есть разум, высочайшее действие Будхи, которое незаинтересованно преследует чистую истину и верное знание; этот разум стремится открыть настоящую Истину за жизнью и вещами и нашими кажущимися *я* и подчинить свою волю закону Истины. Мало кто из нас, если вообще кто-то, может использовать этот высочайший разум с какой-либо чистотой, но попытка сделать это является высочайшей способностью внутреннего инструмента, *антахкараны.*

Будхи в действительности является посредником между гораздо более высоким разумом Истины, являющимся прямым инструментом Духа, которым мы сейчас не обладаем, и физической жизнью человеческого разума, развитого в теле. Его силы понимания и воли берутся из этого более значительного прямого разума Истины или сверхразума. Будхи центрирует свое ментальное действие вокруг эго-идеи, той идеи, что «я» являюсь этим разумом, жизнью и телом или ментальным существом, определяемым их действием. Он служит этой эго-идее, будь то ограниченным тем, что мы называем эгоизмом, или расширенным симпатией к жизни вокруг нас. Порождается эго-ощущение, которое покоится на отдельном действии тела, индивидуализированной жизни, откликов разума, и эго-идея в Будхи централизует все действие мышления, характера, персональности этого эго. Низшее понимание и промежуточный разум являются инструментами его желания переживания и само-расширения. Но когда развивается высочайший разум и воля, мы можем повернуть то, что означают эти внешние вещи, к высочайшему духовному сознанию. Тогда «я» можно увидеть как ментальное отражение *Я*, Духа, Божественного, одного существования, трансцендентного, универсального, индивидуального в его множественности; сознание, в котором эти вещи встречаются, становятся аспектами одного бытия и принимают свои правильные связи, может тогда быть раскрыто из всех этих физических и ментальных покрытий. Когда происходит переход от к сверхразуму, силы Будхи не исчезают, а должны быть все преобразованы в свои супраментальные значения. Но рассмотрение сверхразума и преображение Будхи относится к вопросу высших Сидхи или божественного совершенства. Сейчас же нам надо рассмотреть очищение обычного существа человека, предшествующее любому такому преображению, что ведет к освобождению от оков нашей низшей природы.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА VI
Очищение - низшая ментальность

Мы должны иметь дело со сложным действием всех этих инструментов и приступить к их очищению. И простейшим способом будет сосредоточиться на двух видах радикальных дефектов в каждом инструменте; надо ясно понять, в чем они заключаются и выправить их. Но есть еще и вопрос, где нам начать. Ведь путаница велика, и полное очищение одного инструмента зависит от полного очищения всех остальных, и в этом заключается значительный источник трудности, разочарования и замешательства — когда мы думаем, что наконец-то очистили интеллект, мы обнаруживаем, что он все еще подвержен атакам и затмению из-за того, что эмоции сердца, воля и чувственный разум все еще подвержены многим загрязненностям низшей природы, которые возвращаются в освещенный Будхи и мешают ему отражать чистую истину, которую мы ищем. Но, с другой стороны, в этой ситуации у нас есть то преимущество, что один важный инструмент, достаточно очищенный, может быть использован в качестве средства для очищения всех остальных, одна прочно занятая ступень облегчает занятие всех остальных и помогает избавиться от уймы трудностей. Тогда какой же инструмент благодаря своему очищению и совершенству может легче и эффективнее всего вызвать совершенство остальных или может быстрее всего способствовать этому?

Поскольку мы являемся духом, обернутым в разум, душой, развитой здесь в качестве ментального существа в живущем физическом теле, то, естественно, что именно в разуме, *антакаране*, должны мы искать его. И, очевидно, что в разуме именно с помощью Будхи, интеллекта и воли интеллекта, человеческое существо намерено делать всякую работу, которая не сделана для него физической или нервной природой, как в растении и в животном. В ожидании эволюции какой-либо высшей супраментальной силы именно интеллект должен быть нашей главной исполнительной силой, и очистить его — первейшая необходимость. Как только наш интеллект и воля достаточно очищены от всего того, что ограничивает их и придает им неправильное действие или неправильное направление, их можно легко совершенствовать, их можно сделать отвечающими на предложения Истины, понимающими самих себя и остальную часть существа, можно ясно и с тонкой и тщательной точностью увидеть, что они делают, и проследить правильный путь делания этого без какого-либо колебания или поспешной ошибки или запинающегося отклонения. В конечном счете их отклик может открыться к совершенной проницательности, интуиции, вдохновению, откровению сверхразума и проходить с помощью все

более и более светлого и даже безупречного действия. Но это очищение не может быть осуществлено без предварительного очищения от природных препятствий в других низших частях *антакараны*, и главное природное препятствие, пронизывающее все действия *антакараны* — чувство, ментальное ощущение, эмоцию, динамический импульс, волю — это вмешательство и вынуждающее требование психической Праны. Следовательно, именно с ней надо иметь дело, надо устранить ее доминирующее вмешательство, отвергнуть ее требования, успокоить ее саму и подготовить ее к очищению.

Каждый инструмент имеет, как было сказано, свойственное ему и законное действие и также подвержен деформации или неверному принципу своего надлежащего действия. Надлежащее действие психической Праны — это чистое обладание и наслаждение, *бхога*. Наслаждаться мышлением, волей, действием, динамическим импульсом, результатом действия, эмоцией, чувством, ощущением, наслаждаться также с их помощью объектами, личностями, жизнью, миром — вот деятельность, для которой эта Прана дает нам психо-физический базис. По-настоящему совершенное наслаждение существованием может придти лишь тогда, когда то, чем мы наслаждаемся, является не миром в себе или для себя, а Богом в мире, когда не вещь, а Ананда духа в вещах составляет настоящий, сущностный объект нашего наслаждения, и вещи предстают только формой и символом духа, волнами океана Ананды. Но эта Ананда вообще может придти лишь тогда, когда мы обретем скрытое духовное существо и отразим его в наших членах, и его полнота может придти лишь тогда, когда мы поднимемся к супраментальным диапазонам. Тем не менее, есть обоснованное и допустимое, совершенно законное человеческое наслаждение этими вещами, являющееся, говоря языком индийской психологии, главным образом, сатвическим по своей природе. Это озаренное наслаждение преимущественно воспринимающим, эстетическим и эмоциональным умом, и только во вторую очередь — чувственным нервным и физическим существом, но все подчинено ясному правлению Будхи, верному разуму, верному чувству истины, верному закону, идеальному чувству, красоте, верному использованию вещей. Разум получает чистый вкус наслаждения ими, *расу*, и отвергает все искаженное, будоражащее и испорченное. В это приятие ясной и прозрачной *расы* психическая Прана должна внести полное чувство жизни и захватывающее наслаждение всем существом, *бхогу*, без чего принятие и обладание умом, *расаграхана*, будет не достаточно конкретным, будет слишком скудным, чтобы всецело удовлетворить воплощенную душу. Этот вклад — надлежащая функция Праны.

Деформация, которая входит и препятствует чистоте, является формой витального стремления; самая большая деформация, которую вносит психическая Прана в наше существо — это желание. Корень желания — это витальное стремление захватить то, что, как мы чувствуем, мы не имеем, это ограниченный инстинкт жизни к обладанию и удовлетворению. Оно порождает ощущение потребности — сначала это более простое витальное стремление, выражающееся в голоде, жажде, вожделении, затем это психический голод, жажда, вожделение разума, которые являются го-

раздо большим и более настоятельным и более пропитывающим бедствием нашего существа; это голод бесконечности, потому что это голод бесконечного бытия, эта жажда находит лишь временное удовлетворение и неутолима по своей природе. Психическая Прана вторгается в чувственный разум и вносит в него неспокойную жажду ощущений, вторгается в динамический разум со страстью контроля, обладания, доминирования, успеха, исполнения каждого импульса, наполняет эмоциональный разум желанием удовлетворения симпатии и антипатии, излияния любви и ненависти, приносит сужение и панический страх, напряжение и разочарование надежды, навлекает муки печали и краткую лихорадку и возбуждение радости, делает интеллект и разумную волю исполнителями этих вещей и превращает их в искаженные и увечные инструменты: волю — в волю желания, а интеллект — в частичный, спотыкающийся и поспешный инструмент ограниченного, нетерпеливого, воинствующего предубеждения и мнения. Желание — корень всего страдания, разочарования, несчастий; ведь хотя оно и обладает лихорадочной радостью преследования и удовлетворения, все же, из-за того, что оно всегда является напряжением существа, оно вносит в свое преследование и обретение труд, голод, борьбу, быструю покорность усталости, ощущение ограничения, неудовлетворение и скорое разочарование всеми своими обретениями, непрекращающееся нездоровое возбуждение, волнение, неспокойствие, *асанти*. Избавление от желания — единственно надежное и совершенно необходимое очищение психической Праны, ведь только так можем мы заместить душу желания с ее проникающим вмешательством во все наши инструменты ментальной душой спокойного восторга и ее ясным и спокойным обладанием нами самими, миром и Природой, что является прозрачным базисом ментальной жизни и ее совершенства.

Психическая Прана вмешивается во все высшие операции и искажает их, но сам ее дефект является следствием того, что в нее саму вмешивается и искажает ее природа физических работ в теле, которое Жизнь развила при своем появлении из Материи. Именно это породило отделение индивидуальной жизни в теле от жизни вселенной и отпечатало на индивидуальной жизни характер потребности, ограничения, голода, жажды, желания того, чего у нее нет, долгого слепого поиска наслаждения и стесненной и разочаровывающей нужды обладания. Легко регулируемая и ограниченная в чисто физическом порядке вещей, эта природа безмерно расширяет себя в психическую Прану и становится, по мере роста разума, вещью с трудно ограничиваемым, ненасытным, неровным, постоянно занятым творцом беспорядка и неполадок. Более того, психическая Прана опирается на физическую жизнь, ограничивается нервной силой физического существа, ограничивает в связи с этим операции разума и становится связующим звеном его зависимости от тела и подчинения усталости, неспособности, неполадок, беспорядка, безрассудства, мелочности, ненадежности и даже возможного исчезновения работ физической ментальности. Наш ум, вместо того, чтобы быть вещью, мощной в собственной силе, быть ясным инструментом сознательного духа, свободным и способным контролировать, использовать и совершенствовать жизнь и тело, выгля-

дит в конечном счете какой-то смешанной конструкцией; он является преобладающе физической ментальностью, ограниченной своими физическими органами и подчиненной требованиям и затруднениями жизни в теле. От этого можно избавиться лишь путем некой практической, внутренней и психологической операции анализа, с помощью которой мы начинаем осознавать ментальность как отдельную силу, изолируем ее для свободной работы, различаем также психическую и физическую Праны и делаем их каналом, передающим Идею и Волю в Будхи, послушным его предложениям и командам; тогда Прана становится пассивным средством осуществления прямого контроля разума над физической жизнью. Этот контроль, каким бы ненормальным он ни казался для нашего привычного действия, не только возможен — до некоторой степени он проявляется в явлении гипноза, хотя это явление болезненно ненормально, потому что есть чуждая воля, которая внушает и командует — но и должен стать обычным действием, когда высшее *Я* внутри берет прямое правление надо всем существом. Однако в совершенстве этот контроль может быть осуществлен лишь с супраментального уровня, поскольку именно там пребывают по-настоящему действенная Идея и Воля, а ментальный мыслящий разум, даже одухотворенный, является только ограниченный представителем, хотя он может быть сделан очень мощным представителем.

Желание обычно считается настоящей мотивирующей силой человеческой жизни, и кажется, что отбросив его, мы тем самым лишаемся пружины жизни; кажется, что удовлетворение желания — это единственное наслаждение человека, и его устранение будет означать угасание импульса жизни в однообразном аскетизме. Но настоящая мотивирующая сила жизни души — это Воля; желание является лишь искажением воли в доминирующей телесной жизни и в физическом разуме. Сущностный поворот души к обладанию и наслаждению миром состоит в воле восторга, а наслаждение удовлетворения желания — это только витальная и физическая деградация воли восторга. Нам обязательно следует различать чистую волю и желание, внутреннюю волю к восторгу и внешнюю страсть и сильное желание разума и тела. Если мы не можем сделать это разделение практически в переживании нашего существа, тогда мы можем выбирать лишь между убивающим жизнь аскетизмом и грубой волей жить или же можем пытаться достичь неуклюжего, неопределенного и сомнительного компромисса между ними. Именно это на самом деле и делает масса людей; малое меньшинство подавляет инстинкт жизни и рвется к аскетическому совершенству; большинство подчиняется грубой воле жить с такими модификациями и ограничениями, которые накладывает общество, или которые обычный социальный человек научился накладывать на собственный разум и действие; другие устанавливают баланс между этической строгостью и умеренным попустительством желающего ментального и витального *я* и видят в этом балансе золотую середину здравого ума и здоровой человеческой жизни. Но ни один из этих путей не приносит того совершенства, которое мы ищем, не приносит божественного правления воли в жизни. Вообще подавить Прану, витальное существо — это убить силу жизни, которой должно поддерживаться крупномасштабное

действие воплощенной души в человеческом существе; попустительствовать грубой воле жить — это оставаться удовлетворенным несовершенством; идти на компромисс между ними — это остановиться на полпути и не обладать ни землей, ни небесами. Но если мы сможем добиться чистой воли, не искаженной желанием, — которую мы найдем гораздо более свободной, спокойной, ровной и действенной силой по сравнению с переменчивым, отравляющим дымом, скоро выдыхающимся и обманчивым огнем желания, — и спокойной внутренней воли восторга, не подверженной или ограниченной какой-либо помехой желания, тогда мы сможем преобразовать Прану из тирана, врага, противника разума в послушный инструмент. Если угодно, мы можем назвать и более значительные вещи желанием, но тогда мы должны предположить, что есть божественное желание в отличие от витального желания, есть желание Бога, по отношению к которому это другое и низшее явление является темной тенью и в которое эта тень должна быть преобразована. Но лучше по-разному называть вещи, совершенно различные по своему характеру и действию.

Следовательно, первым шагом очищения будет очищение Праны желания и сопутствующее обращение обычного положения нашей природы и преобразование витального существа из беспокоящей доминирующей силы в послушный инструмент свободного и несвязанного ума. По мере исправления этой деформации психической Праны очищение остальных промежуточных частей *антахкараны* идет легче, и как только это исправление закончено, их очищение может быть легко сделано абсолютным. Эти промежуточные части — это эмоциональный разум, воспринимающий чувственный разум и активный чувствующий разум или разум динамического импульса. Они все повязаны в запутанном взаимодействии. Искажение эмоционального разума замешено на дуальности симпатии и антипатии, *рага-двеса* эмоционального притяжения и отталкивания. Любовь и ненависть, надежда и страх, печаль и радость берут свое начало в этом источнике. Симпатия, любовь, расположение, надежда, радость чему угодно в нашей природе, первая привычка нашего существа или же сформированная (часто искаженная) привычка, вторая природа нашего существа, представляются нашему разуму приятным делом, *приям*; ненависть, антипатия, страх, отвращение или страдание представляются нам неприятным, *априям*. Эта привычка эмоциональной природы встает на пути разумной воли и часто делает ее рабом эмоционального существа или, по крайней мере, препятствует ей осуществлять свободное суждение и правление природой. Это искажение должно быть исправлено. Избавляясь от желания в психической Пране и от ее вмешательства в эмоциональный разум, мы облегчаем это исправление. Ведь тогда прикрепленность, являющаяся сильными оковами сердца, спадает со струн жизни; невольная привычка *рага-двесы* остается, но с ней уже легче иметь дело с помощью воли и интеллекта, поскольку тогда она перестает упорствовать. Беспокойное сердце может быть покорено и избавлено от привычки притяжения и отталкивания.

Но тогда, если это сделано, то можно подумать, как это было в случае с желанием, что это будет смертью эмоционального существа. Так оно и

будет, если деформация уничтожена, а не замещена на правильное действие эмоционального разума; тогда разум перейдет в нейтральное состояние пустого безразличия или в светлое состояние мирной беспристрастности без шевеления или волны эмоции. Предыдущее состояние никоим образом не желательно; последнее состояние может быть совершенством квиетивистской дисциплины, но в интегральном совершенстве, которое не отвергает любовь и не избегает различных движений восторга, оно может быть не более, чем стадией, которая должна быть преодолена, не более, чем предварительной пассивностью в качестве первого базиса для верной деятельности. Притяжение и отталкивание, симпатия и антипатия составляют необходимый механизм для обычного человека, они образуют первый принцип природного инстинктивного выбора среди тысячи приятных и грозных, полезных и опасных воздействий мира вокруг него. Будхи стартует с этого материала, чтобы работать над ним, и пытается скорректировать природные и инстинктивные движения с помощью более глубоко обоснованного и желаемого выбора; ведь, очевидно, приятное не всегда является верной вещью, тем объектом, который следует предпочитать и выбирать, а также неприятное не является неверной вещью, тем объектом, которого следует остерегаться и отвергать; следует различать приятное и благое, *преяс* и *среяс*, и выбирать должен верный рассудок, а не каприз эмоции. Но он может сделать это гораздо лучше, когда отведено эмоциональное предложение, и сердце покоится в светлой пассивности. Тогда и верная деятельность сердца может быть выведена к поверхности; ведь тогда мы находим, что за этой душой желания, очищенной от эмоции, все это время ждала душа любви и светлой радости и восторга, ждало чистое психическое, которое было затемнено деформациями гнева, страха, ненависти, отвержения и не могло охватить мир с беспристрастной любовью и радостью. Но очищенное сердце освобождено от гнева, освобождено от страха, освобождено от ненависти, освобождено от любого сужения и отталкивания: оно обладает вселенской любовью, оно может воспринять со спокойной сладостью и ясностью разнообразный восторг, который Бог дает ему в мире. Но оно не является покорным рабом любви и восторга; это не желание, не попытка навязать себя в качестве господина действий. Отборочный процесс, необходимый для действия, оставлен, главным образом, Будхи, а когда Будхи превзойден — духу в супраментальной воле, знании и Ананде.

Воспринимающий чувственный разум является первым ментальным базисом привязанностей; он ментально воспринимает воздействия вещей и придает им отклики ментального удовольствия и боли, которые являются стартовой точкой дуальности эмоциональной симпатии и антипатии. Все эмоции сердца имеют соответствующее нервно-ментальное сопровождение, и мы часто обнаруживаем, что когда сердце очищено от всякой воли дуальностей, там все еще остается корень возбуждения нервного разума, либо память в физическом разуме, которая все больше спадает до чисто физического характера, по мере того, как она все больше отвергается волей в Будхи. В конечном счете она становится простым внушением снаружи, на которое привычные струны разума все еще время от времени от-

вечают, пока полная чистота не освободит их в некую светлую универсальность восторга, которой уже обладает чистое сердце. Активный динамический разум побуждения является низшим органом или каналом откликающегося действия; его деформация заключается в подчинении внушению нечистотой эмоциональной и чувственной ментальности и желанию Праны, импульсам действия, диктуемым огорчением, страхом, ненавистью, желанием, вожделением, страстью и остальной частью беспокойного выводка. Его верной формой действия является чистая динамическая сила поддержки, отваги, темпераментная мощь, действующая не для себя или в подчинении низшим членам, а в качестве беспристрастного канала для повелений чистого интеллекта и воли или супраментального Пуруши. Когда мы избавлены от этих деформаций и вычистили ментальность для этих более истинных форм действия, тогда низшая ментальность очищена и готова для совершенствования. Но это совершенство зависит от обладания очищенным и освещенным Будхи; ведь Будхи является главной мощью в ментальном существе и главным ментальным инструментом Пуруши.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА VII
Очищение – интеллект и воля

Чтобы очистить Будхи, нам надо сначала понять довольно сложное его строение. И, прежде всего, мы должны выяснить различие, игнорируемое в обычной речи, между *манасом*, разумом, и *будхи*, различающим интеллектом и освещенной волей. Манас — это чувственный разум. Изначальная ментальность человека вовсе не является делом разума и воли; это животная, физическая или чувственная ментальность, которая составляет все переживание от впечатлений, оказанных на нее внешним миром и ее собственным воплощенным сознанием, которое отвечает на внешние стимулы переживанием этого рода. Будхи приходит только как вторичная сила, которая вышла в эволюцию на первое место, но все еще зависит от низшего инструмента, который она использует; она зависит в своих работах от чувственного разума и делает то, что может, на собственном высшем диапазоне при помощи трудного, тщательно вырабатываемого и довольно сбивчивого расширения знания и действия от физического или чувственного базиса. Полуосвещенная физическая или чувственная ментальность — вот обычный тип разума человека.

В действительности Манас является развитием из внешней Читы; это первый организатор грубого вещества сознания, пробужденного и понятого внешними контактами, *байя-спарса.* То, чем мы являемся физически, — это душа, спящая в материи, которая развилась к частичной пробужденности живого тела, пропитанного грубым веществом внешнего сознания, более или мене чуткого и внимательного ко внешним толчкам внешнего мира, в котором мы развиваем наше сознательное существо. В животном это вещество внешне направленного сознания организуется в хорошо-регулируемое ментальное чувство или орган воспринимающего и действующего разума. Чувство является на самом деле ментальным контактом воплощенного сознания со своим окружением. Этот контакт всегда в сущности есть ментальное явление; но на деле он зависит, главным образом, от развития определенных физических органов контакта с объектами и с их свойствами, чьим образам он способен по привычке придавать их ментальные значения. То, что мы называем нервным чувством, имеет двойной элемент: физически — нервное впечатление от объекта и ментально — нервное значение, которое мы придаем ему, и эти два элемента вместе составляют наше зрение, слух, обоняние, вкус, осязание со всеми теми многообразиями ощущений, для которых они, и особенно вкус, являются стартовой точкой первого передающего средства. Но Манас способен воспринимать чувственные впечатления и выводит из них

результаты путем прямой передачи, не зависимо от физического органа. Это более ясно в низшем творении. Человек, хотя он на самом деле обладает большей способностью этого прямого чувства — шестым чувством в разуме — позволил ему впасть в бездействие и забытье, полагаясь исключительно на физические чувства, пополненные деятельностью Будхи.

Поэтому Манас является прежде всего организатором чувственного переживания; в дополнении к этому он организует природные реакции воли в воплощенном сознании и использует тело в качестве инструмента, использует, как обычно выражаются, органы действия. Природное действие тоже имеет двойной элемент: физико-нервный импульс, а за ним — ментально-нервное значение силы инстинктивного импульса воли. Это составляет связь первых восприятий и действий, общих для всей развивающейся животной жизни. Но в дополнении к этому в манасе или чувственном разуме есть первый итоговый мыслящий элемент, который сопровождает операции животной жизни. Как живое тело обладает определенным пронизывающим и завладевающим действием сознания, *кита*, которое оформляется в этот чувственный разум, так и чувственный разум имеет в себе определенную пронизывающую и завладевающую силу, которая ментально использует чувственные данные, обращает их в восприятия и первые идеи, связывает переживание с другими переживаниями и тем или иным образом думает, чувствует и проявляет волю на этом чувственном базисе.

Этот чувственный мыслящий разум, базирующийся на чувстве, памяти, ассоциации, первых идеях и итоговых обобщениях или вторичных идеях, является общим для всей развитой животной жизни и ментальности. Человек в самом деле придал ему грандиозное развитие, масштаб и сложность, невозможные для животных, но все же, если он остановится здесь, он будет лишь более действенным животным. Человек выбрался за пределы животной сферы и животного уровня, потому что он способен оторвать и до той или иной степени отделить свое мыслящее действие от чувственной ментальности, способен отойти от последней, наблюдать ее данные и воздействовать на них свыше с помощью отделенного и частично освобожденного интеллекта. Интеллект и воля животного вовлечены в чувственный разум и поэтому всецело управляются им и переносят его поток ощущений, чувственных восприятий, импульсов; таков инстинкт. Человек способен использовать разум и волю, само-наблюдающий, думающий и все-наблюдающий, разумно желающий разум, который больше не вовлечен в чувственный разум, а действует выше него и за ним по собственному праву, с определенной отдельностью и свободой. Человек — рефлексирующее существо, он обладает определенной относительной свободой разумной воли. Он освободил в себе Будхи и сформировал его в отдельную силу.

Но что такое Будхи? С точки зрения Йогического знания мы можем сказать, что это инструмент души, внутреннего сознательного существа в природе, Пуруши, с помощью которого она приходит к некоторому сознательному и упорядоченному обладанию как собой, так и своим окружением. За всем действием Читы и Манаса есть эта душа, этот Пуруша; но в

низших формах жизни эта душа, главным образом, подсознательна, спит или полу-пробуждена, поглощена в механическое действие Природы; но она становится все более пробужденной и выходит все больше вперед по мере своего подъема по шкале жизни. С помощью деятельности Будхи она начинает полностью пробуждаться. В низших действиях разума душа скорее терпит Природу, чем обладает ею; ведь там она полностью является рабом механизма, который ввел ее в сознательное воплощенное переживание. Но в Будхи мы обретаем нечто, все еще являющееся природным инструментом, с помощью которого Природа все же помогает Пуруше и вооружает его, чтобы он смог понять, завладеть ею и господствовать над ней.

Но ни понимание, ни обладание, ни господство не является полным — либо из-за того, что Будхи в нас все еще не полон, еще только наполовину развит и полусформирован, либо из-за того, что по своей природе он является только промежуточным инструментом, и прежде, чем мы сможем овладеть полным знанием и мастерством, мы должны подняться к нечто большему, чем Будхи. Все же это является движением, с помощью которого мы узнаем, что в нас есть сила большая, чем животная жизнь, есть истина, большая, чем первые истины или видимости, воспринятые чувственным разумом, и мы можем попытаться обрести эту истину и трудиться к большей и более успешной силе действия и контроля, к более эффективному управлению как нашей собственной природой, так и природой вещей вокруг нас, попытаться обрести более высокое знание, более высокую силу, более высокое и более широкое наслаждение, более возвышенный диапазон бытия. Что тогда является конечной целью этой тенденции? Очевидно, Пуруша должен достичь высочайшей и самой полной истины себя и вещей, самой большей истины души или *я* и самой большей истины Природы, а также действия и статуса существа, которые станут результатом этой Истины или будут тождественны с Ней, он должен достичь мощи этого высочайшего знания и наслаждаться этим величайшим бытием и сознанием, к которому оно открывается. Таким должен быть конечный результат эволюции сознательного существа в Природе.

Следовательно, достижение полной истины нашего *я* и Духа, а также знания, величия, блаженства нашего свободного и полного существа должно быть целью очищения, освобождения и совершенства Будхи. Но в общем представлении это означает не полное обладание Пуруши Природой, а отвержение Природы. Мы должны добраться до *я* путем устранения действия Пракрити. Как Будхи, приходя к знанию того, что чувственный разум дает нам только видимости, в которых душа подчинена Природе, открывает более реальные истины за ними, так и душа должна достичь того знания, что и Будхи, когда он повернут к Природе, может дать нам только видимости и расширить это подчинение, и открыть за ними чистую истину *Я*. *Я* — это нечто совершенно отличное от Природы, и Будхи должен очиститься от прикрепленности и занятости природными вещами; только так сможет он различить и отделить от них чистое *Я* и Дух: знание чистого *Я* и Духа — единственно настоящее сознание и бытие. Действие и воля должны прекратиться, потому что всякое действие при-

надлежит Природе; воля быть чистым *Я* и Духом означает прекращение всей воли к действию.

Но, заявляя, что обладание существом, сознанием, восторгом, мощью Духа является условием совершенства — ведь только благодаря знанию и обладанию и жизни в своей истине душа может стать свободной и совершенной — мы придерживаемся того, что Природа является вечным действием и манифестацией Духа; Природа — это не дьявольская ловушка, не ряд обманывающих видимостей, порожденных желанием, чувством, жизнью и ментальной волей и интеллектом, но эти явления служат намеками и указаниями, и за всеми ними скрывается истина Духа, которая превосходит их и использует их. Мы придерживаемся того, что должен существовать внутренне присущий духовный гнозис и воля, с помощью которых тайный Дух во всем знает собственную истину, проводит волю, проявляет свое существо и правит в Природе; достижение этого, достижение сообщения с этим или участие в этом должно быть частью нашего совершенства. Тогда целью освобождения Будхи должно быть достижение обладания нашей собственной истиной само-бытия, но также и обладание высочайшей истиной нашего бытия в Природе. С этой целью мы должны сначала очистить Будхи от всего того, что делает его подчиненным чувственному разуму и, как только это сделано, мы должны очистить его от его собственных ограничений и обратить его низший ментальный интеллект и волю в большее действие духовной воли и знания.

Движение Будхи превзойти пределы чувственного разума является усилием, уже наполовину осуществленным в человеческой эволюции; это часть общей операции Природы в человеке. Изначальное действие мыслящего разума, интеллекта и воли в человеке является подчиненным действием. Оно принимает показания чувств, команды жизненных пристрастий, инстинктов, эмоций, импульсов динамического чувственного разума и только пытается придать им более упорядоченное направление и действенный успех. Но человек, чей рассудок и воля ведомы и управляемы низшим разумом, являет собой низший тип человеческой природы, и та часть нашего сознательного существа, которая согласна на это господство, является низшей частью нашей человечности. Высшее действие Будхи состоит в том, чтобы превзойти низший разум и контролировать его, в действительности не избавиться от него, а поднять все действие, на которое он указывает, на более благородный план воли и интеллекта. Впечатления чувственного разума используются мышлением, которое превосходит их и которое достигает истин, которых они не знают, достигают идейных истин мышления, истин философии и науки; мыслящий, открывающий, философский разум преодолевает, исправляет первый разум чувственных впечатлений и господствует над ними. Импульсная реагирующая чувственная ментальность, пристрастия жизни и разума эмоционального желания подбираются разумной волей и превосходятся, исправляются и подчиняются большим этическим разумом, который открывает и устанавливает над ними закон правильного импульса, правильного желания, правильной эмоции и правильного действия. Воспринимающая, грубо наслаждающаяся чувственная ментальность, эмоциональный разум и жизнь

вбираются интеллектом и превосходятся, исправляются и подчиняются более глубокому, более счастливому эстетическому разуму, который открывает и устанавливает над ними закон истинного восторга и красоты. Все эти формации используются общей Силой интеллектуального, мыслящего и волевого человека в душе правящего интеллекта, воображения, суждения, памяти, волеизъявления, различающего разума и чувства идеала, которая использует их для познания, само-развития, переживания, открытия, творения, осуществления, а также стремится, старается, внутренне достигает, пытается сделать нечто более высокое из жизни души в Природе. Примитивная душа желания больше не правит существом. Она все еще остается душой желания, но она сдерживается и управляется более высокой силой, чем-то, что проявило в себе божества Истины, Воли, Блага, Красоты и пытается подчинить им жизнь. Грубая душа желания и разум пытаются преобразоваться в идеальную душу и разум, и та пропорция, в которой было найдено и установлено некое воздействие и гармония этого большего сознательного существа, является мерой нашего растущего человечества.

Но это все еще является весьма неполным движением. Мы обнаруживаем, что оно идет к большей полноте в той мере, как мы достигает двух видов совершенства; во-первых, все большей и большей открепленности от контроля низших предложений; во-вторых, нарастающего открытия само-существующего Бытия, Силы, Мощи и Ананды, которые превосходят обычное человечество и трансформируют его. Этический разум становится совершенным в той мере, в какой он открепляет себя от желания, предложения чувств, импульса, обычно диктуемого действия и открывает *я* Правоты, Любви, Силы и Чистоты, в котором он может жить исполненным и делать его основанием всех своих действий. Эстетический разум совершенствуется в той степени, в которой он открепляется от своих более грубых удовольствий и от внешних условных канонов эстетического рассудка и открывает само-существующее *я* и дух чистой и бесконечной Красоты и Восторга, который придает материалу эстетики собственный свет и радость. Разум знания совершенствуется, когда он отходит от впечатления, догмы и мнения и открывает свет само-знания и интуиции, который озаряет все работы чувства и рассудка, все само-переживание и переживание мира. Воля совершенствуется, когда она отходит от своих импульсов и своей обычной колеи осуществления и открывает внутреннюю мощь Духа, являющуюся источником интуитивного и светлого действия и изначального гармоничного творения. Движение совершенства — это движение прочь от всякого господства низшей природы, к чистому и мощному отражения существа, мощи, знания и восторга Духа и *Я* в Будхи.

Йога само-совершенства заключается в том, чтобы сделать это двойное движение столь чистым и полным, как это возможно. Всякое вплетение желания в Будхи — это нечистота. Интеллект, окрашенный желанием, — это нечистый интеллект, и он искажает Истину; воля, окрашенная желанием, — это нечистая воля, и она накладывает штамп искажения, боли и несовершенства на деятельность души. Вплетение эмоций души жела-

ния — это нечистота, и она аналогично искажает как знание, так и действие. Всякое подчинение Будхи ощущениям и импульсам — это нечистота. Мышление и воля должны открепиться от желания, будоражащих эмоций, от уводящего в сторону и подчиняющего себя импульса и действовать по собственному праву, пока они не смогут открыть большего руководителя, Волю, Тапас или божественную Шакти, которые заместят желание и ментальную волю и импульс, пока не смогут открыть Ананду или чистый восторг духа и озаренное духовное знание, которое выразит себя в действии Шакти. Это полное открепление, невозможное без полного самоправления, ровности, спокойствия, *шама*, *самата*, *шанти*, является самым надежным шагом к очищению Будхи. Только спокойный, ровный и открепленный разум может отражать покой или основывать действие освобожденного духа.

Сам Будхи отягощен смешанным и нечистым действием. Когда мы сводим его к свойственным ему формам, мы обнаруживаем, что он имеет три ступени или уровня своей деятельности. Прежде всего, его самым нижним базисом является обычное, привычное действие, являющееся связующим звеном между высшим рассудком и чувственным разумом, это нечто вроде текущего понимания. Само это понимание зависит от свидетельствования чувств и правила действия, которое рассудок выводит из восприятия чувственного разума и его позиции по отношению к жизни. Само оно не способно формировать чистое мышление и волю, но оно берет работы высшего рассудка и обращает их в разменную монету мнения, обычного стандарта мышления или в канон действия. Когда мы делаем нечто вроде практического анализа думающего разума, отбрасываем этот элемент и удерживаем высший рассудок свободным, наблюдающим и молчаливым, мы обнаруживаем, что это текущее понимание начинает бегать по бесплодному кругу, повторяя все свои сформированные мнения и отклики на впечатления о вещах, но не способно на какую-то серьезную переделку или начинание. По мере того, как оно все больше чувствует отказ в санкции от высшего рассудка, оно начинает ослабевать, терять веру в себя и в свои формы и привычки, не доверять интеллектуальному действию и впадать в слабость и молчание. Смолкание этого текущего, бегущего, вращающегося, повторяющегося мыслящего разума является принципиальной частью того успокоения мышления, которое составляет одну из наиболее действенных дисциплин Йоги.

Но сам высший рассудок имеет первую стадию динамической, прагматической интеллектуальности, в которой творение, действие и воля составляют настоящий мотив, а мышление и знание применяются для образования базисных конструкций и предложений, которые используются, главным образом, для приведения в исполнение. Для этого прагматического рассудка истина является только образованием интеллекта, эффективным для действия внутренней и внешней жизни. Когда мы отделяем его от еще более высокого разума, который скорее безличностно стремится открыть Истину, чем сотворить персонально действенную истину, тогда мы находим, что этот прагматический рассудок может зачинать, продвигать, расширять опыт при помощи динамического знания, но он вы-

нужден зависеть от текущего понимания как от пьедестала и базы и придавать его полное значение жизни и становлению. Поэтому он сам является разумом Воли к жизни и действию, является в гораздо большей степени разумом воли, чем разумом знания: он живет не в какой-либо гарантированной, постоянной и вечной Истине, а в прогрессирующих и меняющихся аспектах Истины, которые служат движущимися формами нашей жизни и становления или, самое большее, помогают жизни расти и прогрессировать. Сам по себе этот прагматический разум не может дать нам ни надежного основания, ни фиксированной цели; он живет в истине часа, а не в какой-либо истине вечности. Но, будучи освобожденным от зависимости от текущего понимания, он является великим творцом и, в связке с высочайшим ментальным рассудком, становится могучим каналом и мощным служащим для осуществления Истины в жизни. Ценность его работы будет зависеть от ценности и мощности высочайшего рассудка, ищущего истины. Но сам по себе этот прагматический разум является проделкой Времени и цепным рабом Жизни. Искатель Молчания должен отбросить его от себя; искатель интегральной Божественности должен выйти за его пределы, должен заменить и трансформировать этот думающий разум, сосредоточенный на Жизни, с помощью большей осуществляющей духовной Воли, Воли Истины духа.

Третья и самая благородная стадия интеллектуальной воли и разума — это интеллект, ищущий некой универсальной реальности или еще более высокой само-существующей Истины ради нее самой и пытающийся жить в этой Истине. Это, главным образом, разум знания, и только во вторую очередь — разум Воли. В крайности этой тенденции познания он часто становится неспособным на Волю, кроме единственной воли знать; по части действия он зависит от помощи практического разума, и поэтому человек в действии склонен спускаться с чистоты этой Истины, так что его высочайшее знание удерживается в смешанном, низком, непостоянном и нечистом осуществлении. Это несоответствие между знанием и волей, даже когда оно не выливается в противостояние, является одним из главных дефектов человеческого Будхи. Но есть и другие ограничения, свойственные человеческому мышлению. Этот высочайший Будхи не работает в человеке в своей собственной чистоте; он одолеваем дефектами низшей ментальности, непрерывно пятнается ею, искажается, вуалируется и препятствуется или искажается в свойственном ему действии. Очищенный насколько возможно от этой привычки ментальной деградации, человеческий Будхи все еще является силой, которая ищет Истину, но никогда полностью или напрямую не обладает ею; Будхи может лишь отражать истину духа и пытаться сделать ее своей собственной, придавая ей ограниченное ментальное значение и явно выраженную ментальную плоть. Кроме того, Будхи не отражает Истину интегрально, а охватывает либо неопределенную тотальность, либо сумму ограниченных частностей. Прежде всего, он захватывает то или иное частное отражение и из-за подчинения привычке обычного разума обращает его в фиксированное заключенное мнение; о всякой новой истине он судит со сформированной таким образом точки зрения и поэтому окрашивает ее ограничивающей

предвзятостью. Освобожденный, насколько это возможно, от этой привычки ограничивающего мнения, Будхи все еще подвержен другому недостатку — требованию прагматического разума к немедленному осуществлению, что не дает ему времени перейти к большей истине, а фиксирует его силой действенной реализации во всем, о чем он уже вынес суждение, что узнал, в чем жил. Освобожденный от всех этих оков, Будхи может стать чистым гибким зеркалом Истины, добавляя свет к свету, идя от реализации к реализации. Тогда он ограничен только свойственными ему ограничениями.

Эти ограничения бывают, главным образом, двух видов. Прежде всего, реализации и представления Будхи — это только ментальные реализации и представления; чтобы добраться до самой Истины, мы должны идти за пределы ментального Будхи. Опять же, природа разума препятствует ему сделать эффективное объединение истин, которые он охватывает. Он может только разложить их рядом и увидеть противоположности или осуществлять некую частичную, организующую и практическую комбинацию. Но, в конечном счете, он находит, что аспекты Истины бесконечны и что ни одна из его интеллектуальных форм не является законной, потому что дух бесконечен, и в духе все верно, но ничто в разуме не может дать полной истины духа. Либо затем Будхи становится чистым зеркалом многих отражений, отражая всю истину, что падает на него, но недейственным и, будучи повернутым к действию, оказывается или неспособным на решения или хаотическим, либо должен делать выбор и действовать так, как если бы эта частичность была бы всей истиной, хотя он и знает, что это не так. Он действует в беспомощном ограничении Неведения, хотя он может охватывать Истину гораздо большую, чем свое действие. С другой стороны, Будхи может отвернуться от жизни и мышления и стремиться превзойти себя и перейти в Истину за своими пределами. Он может делать это, хватаясь за некий аспект, некий принцип, некий символ или предложение реальности и доводя его до абсолюта, все-поглощающего, все-исключающего термина реализации, либо хватаясь и реализуя некую идею неопределимого Бытия или Не-Бытия, где прекращается все мышление и вся жизнь. Будхи бросает себя в светлую спячку, и душа переходит на некую невыразимую высоту духовного бытия.

Поэтому, имея дело с Будхи, мы должны либо сделать один из этих выборов, либо попытаться предпринять более необычное приключение, подняв душу из ментального бытия в духовный гнозис, чтобы увидеть, что мы можем найти в самом ядре небесного света и силы. Этот гнозис содержит солнце божественного Знания-Воли, горящего на небесах всевышнего сознательного Бытия, по отношению к которому ментальный интеллект и воля являются только фокусом размытых и искривленных лучей и отражениями. Этот гнозис обладает божественным единством и все же или, скорее поэтому, может управлять множественностью и разнообразием: какой бы отбор, само-ограничение, комбинацию он ни делал, все это не будет наложенным Неведением, а будет само-развитым мощью самообладающего божественного Знания. Когда обретен этот гнозис, он может быть повернут ко всей природе, чтобы обожествить человеческое сущест-

во. Невозможно сразу подняться в этот гнозис; если это можно было бы сделать, это означало бы внезапный и насильственный скачок, прорыв или проскальзывание через врата Солнца, *сурьяса двара*, без возможности возврата. В качестве связующего звена или моста мы должны сформировать интуитивный или озаренный разум, который не является прямым гнозисом, но в котором может быть сформировано первое производное тело гнозиса. Этот озаренный разум будет поначалу смешанной силой, которую мы должны очистить от любой ментальной зависимости и ментальных форм, так чтобы превратить все волеизлияние и мышление в видение истины и видящую истину волю с помощью озаренного различения, интуиции, вдохновения, откровения. Это явится окончательным очищением интеллекта и подготовкой Сидхи гнозиса.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА VIII
Освобождение Духа

Очищение ментального существа и психической Праны — мы оставим на время в стороне вопрос физического очищения, то есть, вопрос очищения тела и физической Праны, хотя и это необходимо для интегрального совершенства, — подготавливает почву для духовного освобождения. *Сидхи* — условие для *мукти*. Всякое очищение — это избавление, освобождение; ведь оно является отбрасыванием ограничивающих, связывающих, затемняющих несовершенств и путаниц: очищение от желания приносит свободу психической Праны, очищение от неверных эмоций и будоражащих реакций — свободу сердца, очищение от затемненного ограниченного мышления чувственного разума — свободу интеллекта, очищение от простой интеллектуальности — свободу гнозиса. Но все это является освобождением инструментов. Свобода души, *мукти*, носит больший и более сущностный характер; это раскрытие из смертного ограничения в безграничную бессмертность Духа.

Для определенных путей мышления освобождение является отбрасыванием всей природы, молчаливым состоянием чистого бытия, Нирваной или угасанием, растворением природного существования в некотором неопределенном Абсолюте, это *мокша*. Но поглощающее и погружающее блаженство, широта бездействующего покоя, освобождение само-угасания или само-погружение в Абсолюте не является нашей целью. Мы же придаем идее освобождения, *мукти*, только значение того внутреннего изменения, которое является общим для всего переживания этого рода, существенным для совершенства и совершенно необходимым для духовной свободы. Тогда мы находим, что эта идея всегда подразумевает две вещи: отвержение и принятие, негативную и позитивную сторону; негативное движение свободы — это освобождение от главных оков, определяющих узлов низшей природы души, а позитивная сторона — это раскрытие или рост в высшее духовное существование. Но в чем заключаются эти определяющие узлы — другие и более глубокие искажения, чем инструментальные узлы разума, сердца, психической силы жизни? Мы обнаруживаем, что на них указывается и настаивается в Гите, все время и с нарастающей силой и с постоянным подчеркивающим повторением; их четыре — это желание, эго, двойственности и три гуны Природы; ведь быть без желания, лишенным эго, ровным умом и душой и духом и *нистрайгуньей* — значит, в представлении Гиты, быть свободным, быть *мукти*. Мы можем принять это описание, ведь в него включено все сущностное. С другой стороны, позитивное ощущение свободы — это быть универсальным в

душе, трансцендентно единым в духе с Богом, обладать высочайшей божественной природой — как мы можем сказать, быть подобным Богу или быть единым с ним в законе нашего существа. В этом заключается весь и полный смысл освобождения, и в этом — интегральная свобода духа. Мы уже говорили об очищении от психического желания, для которого страстное желание Праны является эволюционным или, можно сказать, практическим базисом. Но это лежит в ментальной и психической природе; духовное отсутствие желаний имеет более широкий и более существенный смысл: ведь желание состоит из двух узлов: низшего узла в Пране, что является желанием в инструментах, и очень тонкого узла в самой душе с Будхи в качестве первой поддержки и *пратишти*, что является внутренним истоком этой сети нашего рабства. Когда мы смотрим снизу, желание представляется нам страстью жизненной силы, которая утоньшается в эмоциях в страсть сердца и еще дальше, в интеллекте, утоньшается в старсть, предпочтение, жажду эстетического, этического, динамического или рационального поворота Будхи. Это желание существенно для обычного человека; он не может жить или действовать как индивид, кроме как поставив все свое действие на службу некоторого рода высшего или низшего желания, предпочтения или страсти. Но когда мы способны взглянуть на желание свыше, мы видим, что то, что поддерживает это инструментальное желание — это воля духа. Существует воля, *тапас*, *сакти*, с помощью которой тайный дух навязывает своим внешним членам все их действие и извлекает из него активный восторг своего бытия, Ананду, которую они очень смутно и несовершенно, если вообще сознательно, разделяют. Этот Тапас является волей трансцендентного духа, который создает вселенское движение, волей вселенского духа, который поддерживает и информирует его, волей свободного индивидуального духа, который является душевным центром этих множественностей. Тапас —это единая воля, свободная во всем этом одновременно, исчерпывающая, гармоничная, унифицированная; мы находим ее, когда мы живем и действуем в духе, без усилий и без желаний, спонтанной и озаренной, самоисполняющейся и само-обладающей, удовлетворенной и блаженной волей духовного восторга бытия.

Но в тот момент, когда индивидуальная душа отходит от вселенской и трансцендентной истины своего существа, склоняется к эго, пытается сделать эту волю своей собственной, сделать ее отдельной личной энергией, тогда эта воля меняет свой характер: она становится усилием, напряжением, накалом силы, который может иметь собственные огненные радости исполнения и обладания, но также подвержен отвращениям и боли труда. Именно это обращается в каждом инструменте в интеллектуальную, эмоциональную, динамическую, чувственную или витальную волю желания, стремления, страсти. Даже когда инструменты сами по себе очищены от их собственного частного желания, кажущегося зачинательным, этот несовершенный Тапас все еще может оставаться, и пока он скрывает свой источник или искажает тип внутреннего действия, душа не имеет блаженства свободы или может иметь ее только благодаря воздержанию от всякого действия; если позволить остаться этому Тапасу, он да-

же сам будет снова разжигать праническое или другое желание, либо, по меньшей мере, будет набрасывать на существо вспоминающую их тень. Духовное семя или начало желания также должно быть изгнано, отвергнуто, отброшено: Садхак должен либо предпочесть действенный мир и покой и полное внутреннее молчание, либо должен утратить индивидуальное начинание, *санкалпарамбха*, в единении с универсальной волей, Тапасом божественной Шакти. Пассивный путь — это быть внутренне неподвижным, без усилия, желания, ожидания или какого-либо обращения к действию, *нисцеста*, *аниха*, *нирапекша*, *ниврта*; активный путь — быть столь же недвижимым и безличностным в разуме, но также позволять всевышней Воле в ее духовной чистоте действовать через очищенные инструменты. Тогда, если душа пребывает на уровне одухотворенной ментальности, она становится только инструментом, но из нее самой не исходит ни инициативы, ни действия, *нишкрия*, *сарварамбха-паритьяги*. Но если она поднимается к действию, она становится одновременно инструментом и участницей в блаженстве божественного действия и блаженстве божественной Ананды; она объединяет в себе *пракрити* и *пурушу*.

Поворот эго, отделительный поворот существа является точкой опоры всего обремененного труда неведения и рабства. Пока человек не свободен от эго ощущения, для него не может быть настоящей свободы. Говорится, что эго расположено в Будхи; это неведение различающего ума и рассудка, которое неверно различает и принимает индивидуализацию разума, жизни и тела за истину отдельного существования и повернуто от большей примиряющей истины тождества всего существования. В любом случае, в человеке именно эго-идея, главным образом, поддерживает ложь отдельного существования; поэтому действенным средством будет избавиться от этой идеи, базироваться на противоположной идее единства, одного *я*, одного духа, одного бытия природы; но само по себе это не полностью действенно. Ведь эго, хотя оно и поддерживает себя этой эго-идеей, *ахам-будхи*, находит свои самые средства для определенного упорства и настойчивой страсти в обычном действии чувственного разума, Праны и тела. Отбросить от себя эго-идею — такое действие не полностью возможно или не полностью эффективно, пока эти инструменты не претерпели очищения; ведь, поскольку их действие упорно остается эгоистическим и отделительным, то Будхи уносится ими — как парусная лодка на море уносится ветром, как говорит Гита, — знание в интеллекте постоянно затмевается или временно теряется и должно быть снова восстановлено — это Сизифов труд. Но если низшие инструменты очищены от эгоистического желания, эгоистической воли, эгоистической страсти, эгоистической эмоции, и сам Будхи — от эгоистической идеи и предпочтения, тогда знание духовной истины тождества может обрести прочное основание. До тех пор эго принимает всевозможные тонкие формы, и мы воображаем себя свободными от него, тогда как на самом деле мы действует как его инструменты, и все, чего мы достигли — это определенный интеллектуальный статус, который не является истинным духовным освобождением. Более того, не достаточно отбросить активное ощущение эго; это может принести просто неактивное состояние ментальности, опреде-

ленное пассивное инертное спокойствие отдельного существа может занять место кинетического эгоизма, что также не является настоящим освобождением. Ощущение эго должно быть замещено тождеством с трансцендентным Божественным и со вселенским существом.

Эта необходимость возникает из того факта, что Будхи является только *пратиштой* или главной поддержкой эго-ощущения в его многогранной игре, *аханкарой*; но в своем источнике это является деградацией или деформацией истины духовного существа. Истина существа состоит в том, что есть трансцендентное существование, всевышнее *я* или дух, безвременная душа существования, вечная, Божественная, или мы можем говорить о ней даже в связи с текущими ментальными идеями о Божестве и супра-Божественном, которое является здесь имманентным, всеохватывающим, все-зачинающим и всем-управляющим, великим вселенским Духом; и индивид является сознательной мощью бытия Вечного, вечно способной на связи с ним, но также единой с ним в самом ядре реальности собственного вечного существования. Это та истина, которую интеллект может постичь, может, будучи очищенным, отразить, передать, удержать в производной форме, но она может быть полностью реализована, прожита и сделана эффективной только в духе. Когда мы живем в духе, тогда мы не только знаем истину своего существа, но и являемся ею. Тогда индивид в духе, в блаженстве духа наслаждается своим тождеством со вселенским существованием, своим тождеством со вневременным Божественным и своим тождеством со всеми другими существами, и в этом заключается сущностное ощущение духовного освобождения от эго. Но в тот момент, когда душа склоняется к ментальному ограничению, возникает определенное ощущение духовной отделенности, которая имеет свои радости, но может в любой момент впасть в полное эго-ощущение, неведение, забвенье тождества. Чтобы избавиться от этой отделенности, делается попытка поглотить себя в идее и реализации Божественного, и в определенных формах духовной аскезы это принимает поворот напряжения к устранению всего индивидуального бытия и к отбрасыванию, в трансе поглощения, всех индивидуальных или вселенских связей с Божественным; в других формах аскезы это становится поглощенным пребыванием в нем, а не в этом мире или непрерывным поглощенным или сосредоточенным житием в его присутствии, *саюя*, *салокья*, *саминья мукти*. Путь, предлагаемый для интегральной Йоги — это подъем и сдача всего существа Божественному, с помощью чего мы не только становимся едиными с ним в нашем духовном поле существования, но и пребываем в нем, как и он пребывает в нас, так что вся природа наполнена его присутствием и превращается в божественную природу; мы становимся одним духом и сознанием и жизнью и субстанцией с Божественным, и одновременно мы живем и движемся в нем и имеем разнообразную радость этого тождества. Интегральное высвобождение из эго в божественный дух и божественную природу может быть лишь относительно полным на нашем теперешнем уровне, но оно начинает становиться абсолютным по мере того, как мы открываемся гнозису и поднимаемся к нему. Таково освобожденное совершенствование.

Освобождение от эго, освобождение от желания вместе составляют центральную духовную свободу. Ощущение, идея, переживание того, что «я» являюсь отдельным само-существующим существом во вселенной, и формирование сознания и силы существа по шаблону этого переживания является корнем всего страдания, неведения и зла. И это так, потому что это фальсифицирует как на практике, так и в познании, всю реальную истину вещей; это ограничивает существо, ограничивает сознание, ограничивает мощь нашего существа, ограничивает блаженство нашего существа; это ограничение, опять же, производит неправильный способ существования, неправильный способ познания, неправильный способ использования мощи нашего существа и сознания, а также неправильные, искаженные и противоположные формы восторга существования. Душа, ограниченная в существе и само-изолированная в своем окружении, больше не чувствует себя в единстве и в гармонии с *Я*, с Богом, со вселенной, со всем вокруг себя; скорее она находит себя не в паре со вселенной, в конфликте и в разногласии с другими существами, которые являются ее другими *я*, но которые она считает не-*я*; и пока длится это расхождение и разногласие, душа не может обладать своим миром и не может наслаждаться вселенской жизнью, а наполнена беспокойством, страхом, всевозможными бедствиями, находится в болезненной борьбе за сохранение и наращивание себя и обладание своим окружением, — ведь обладание своим миром является природой бесконечного духа и необходимым побуждением во всем существе. Удовлетворения, которые она получает из этого труда и усилия, носят урезанный, искаженный и неудовлетворительный характер: ведь единственное настоящее удовлетворение, которое она имеет, это удовлетворение роста, приближающегося возвращения к себе, некоторой реализации согласия и гармонии, удачного само-творения и самореализации, но то малое из того, чего она может достичь на базисе эго-сознания, всегда ограничено, ненадежно, несовершенно, преходяще. Душа находится в состоянии войны с собственным *я*, — во-первых, из-за того, что, поскольку она больше не обладает центральной гармонизирующей истиной собственного существа, она не может должным образом контролировать свои природные члены или согласовывать их тенденции, силы и требования; она не обладает секретом гармонии, потому что она не обладает секретом собственного единства и само-обладания; и, во-вторых, из-за того, что не обладая своим высочайшим *я*, она должна бороться к этому, и ей не позволительно находиться в покое, пока она не завладеет собственным истинным высочайшим существом. Все это означает, что она не едина с Богом; ибо быть единым с Богом — это быть единым с собой, единым со вселенной и единым со всеми существами. Это единство составляет секрет верного и божественного существования. Но эго не может обладать этим секретом, потому что по самой своей природе оно является отделенным и потому что даже по отношению к нам самим, к нашему собственному психологическому существованию эго является ложным центром единства; ведь оно пытается найти единство нашего существа в отождествлении с меняющейся ментальной, витальной, физической персональностью, а не с вечным *я* нашего телесного существования. Только в духовном

я можем мы завладеть истиной единства; ведь там индивид расширяется к своему собственному тотальному существу и находит себя единым со вселенским существованием и с превосходящей Божественностью.

Все бедствия и страдания души проистекают из этого неправильного эгоистического и отдельного способа существования. Душа не обладает своим свободным само-существованием, *анатмаван*, потому что она ограничена в своем сознании, ограничена в знании; и это ограниченное знание принимает форму фальсифицированного знания. Душе навязывается возвращение к истинному знанию, но эго в отдельном разуме удовлетворено видимостями и фрагментами знания, которые оно складывает вместе в некое ложное или несовершенное целое или руководящее представление, и это знание подводит душу, так что это знание должно быть оставлено ради нового преследования одной вещи, которую следует узнать. Эта одна вещь есть Божественное, *Я*, Дух, в нем вселенское и индивидуальное существо наконец-то находят свое верное основание и свои верные гармонии. Опять же, из-за ограниченности в силе, заключенная в эго душа подвержена многим неспособностям; неправильное знание сопровождается неправильной волей, неправильными тенденциями и импульсами существа, и острое ощущение этой неправильности является корнем человеческого сознания греха. Этот недостаток своей природы душа пытается исправить с помощью правил поведения, которые должны помочь ей заменить эгоистическое сознание и удовлетворение греха на эгоистическое сознание и удовлетворение добродетели, заменить раджасический эгоизм на эгоизм сатвический. Но должен быть исправлен изначальный грех — отделение существа и воли от божественного Существа и божественной Воли; когда душа возвращается к единству с божественной Волей и божественным Существом, она поднимается за пределы греха и добродетели к бесконечной само-существующей чистоте и надежности собственной божественной природы. Она пытается исправить свои неспособности, организуя свое несовершенное знание и дисциплинируя свою полуосвещенную волю и силу и направляя их с помощью некоторого систематического усилия рассудка; но в результате неизбежно получается ограниченный, неопределенный, зыбкий и спотыкающийся способ и стандарт действия. Только когда душа снова возвращается к широкому единству свободного духа, *бхума*, только тогда может действие ее природы идти совершенно в качестве инструмента бесконечного Духа и шагами Правильности, Истины и Силы, которые принадлежат свободной душе, действуют из всевышнего центра своего существования. Опять же, поскольку душа ограничена в восторге существа, она неспособна завладеть надежным, само-существующим блаженством духа или восторгом, Анандой вселенной, удерживающей мир в движении, но душа способна двигаться лишь в смешанной и измененной смене удовольствия и боли, радостей и печалей, либо должна обрести пристанище в некотором сознательном несознании или нейтральном безразличии. Разум эго не может действовать иначе, и душа, облаченная в эго, подчинена этому неудовлетворительному, вторичному, несовершенному, зачастую искаженному, беспокойному или сходящему на нет наслаждению существования; все же все время духовная

и вселенская Ананда находится внутри, в *я*, в духе, в тайном единстве с Богом и существованием. Сбросить цепи эго и вернуться к свободному *я*, бессмертному духовному существу означает возвращение души к ее собственной вечной божественности.

Воля к несовершенному отдельному бытию, этот неверный Тапас, который заставляет душу в Природе пытаться индивидуализировать себя, индивидуализировать свое бытие, сознание, силу бытия, восторг существования в отдельном ощущении, обладать этими вещами как своими собственными, по собственному праву, а не по праву Бога и вселенского тождества — это то, что вызывает этот неверный поворот и порождает эго. Поэтому совершенно необходим поворот от изначального желания, возвращение к воле без желания, чье полное наслаждение бытием и полная воля в существе являются наслаждением и волей вселенской и объединяющей Ананды. Освобождение от воли, чья природа является природой желание и освобождение от эго составляют одно дело, и тождество, приносимое счастливой утратой воли желания и эго, составляет сущность Мукти.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА IX
Освобождение Природы

Эти две стороны нашего существа — сознательно переживающая душа и исполнительная Природа, непрерывно и разнообразно предоставляющая душе ее переживания — определяют при своем слиянии все наклонности нашего внутреннего статуса и его отклики. Природа вносит свой вклад в виде характера происходящего и форм инструментов переживания, душа отвечает на это санкцией на природные установки отклика на это происходящее, а также отвечает на это волей к другим установкам, которые она накладывает на природу. Принятие инструментального эго-сознания и воли-к-желанию является изначальным согласием *я* на падение в низшие сферы переживания, в котором оно забывает божественную природу своего существа; отвержение этих вещей, возвращение к свободному *я* и к воле божественного восторга в существе является освобождением духа. Но на другой стороне стоят вклады самой Природы в эту смешанную путаницу, которые она навязывает переживанию души в ее свершениях, раз уж было дано изначальное согласие, которое было сделано законом всех внешних операций. Два главных вклада Природы — это гуны и дуальности. Низшее действие Природы, в котором мы живем, обладает двумя главными характерными модами, составляющими весь базис ее более низкого положения. Постоянное воздействие этих мод на душу в ее природных силах разума, жизни и тела является несогласованным и раздельным переживанием, борьбой противоположностей, *двандвой*, движением во всем ее переживании и колебании между постоянными парами противоположностей, комбинированных позитивов и негативов, дуальностей. Полное освобождение от эго и воли желания должно нести с собой превосхождение характерных мод низшей Природы, *трайгуньятитья*, освобождение от этого смешанного и противоречивого переживания, прекращение или растворение дуального действия Природы. Но и на этой стадии есть два вида свободы. Освобождение от природы в молчаливом блаженстве духа — это первая форма освобождения. Дальнейшее освобождение Природы в божественное качество и духовную мощь переживания мира наполняет всевышний покой неким всевышним кинетическим блаженством знания, мощи, радости и мастерства. Божественное единство всевышнего духа и его всевышней природы составляет интегральное освобождение.

Природа, поскольку она является мощью духа, существенным образом качественна в своем действии. Можно даже сказать, что Природа представляет единственную силу в существе и развитие в действии беско-

нечных качеств духа, *анантагуна*. Все прочее принадлежит ее внешним и более механическим аспектам; но эта игра качеств — существенная вещь, по отношению к которой все остальное является результатом и механической комбинацией. Как только мы выправили работу этой сущностной мощи и качества, все остальное становится подчиненным контролю переживающего Пуруши. Но в низшей природе вещей игра бесконечного качества подчинена ограниченным меркам, разделенной и конфликтующей работе, системе противоположностей и разногласий, между которыми должна быть найдена и удержана в действии некая практическая мобильная система согласий; эта игра скоординированных разногласий, конфликтующих качеств, несоизмеримых мощностей и путей переживания, вынужденных приходить к некоторому только компромиссному, частичному, сомнительному согласию, неустойчивому, переменчивому равновесию, управляется фундаментальной работой в трех качественных модах, которые конфликтуют друг с другом и скомбинированы вместе во всех творениях Природы. Эти три моды называются *сатвой*, *раджасом* и *тамасом*[1] — свое название они получили в системе Санкхьи, что повсеместно одобрено всеми школами философской мысли и Йоги в Индии. Тамас — это принцип и сила инерции; Раджас — это принцип кинетики, страсти, усилия, борьбы, начинания (*арамбха*); Сатва — это принцип ассимиляции, равновесия и гармонии. Метафизическая сторона этой классификации нас не касается; но в своем психологическом и духовном аспекте эта классификация безмерно важна с практической точки зрения, поскольку эти три принципа входят во все вещи, комбинируются с тем, чтобы дать им их поворот активной природы, так что результатом, исполнением и их неровной работой в переживании души становится сила, составляющая нашу активную персональность, наш темперамент, тип природы и склад психологического отклика на переживание. Весь характер действия и переживания в нас определяется преобладанием и пропорциональным взаимодействием этих трех качеств или мод Природы. Душа в своей персональности вынуждена, как обычно, подстраиваться под их форматы; а также, главным образом, она скорее контролируется ими, чем сама обладает каким-либо свободным контролем над ними. Душа может стать свободной, лишь поднявшись выше и отвергнув досаждающую борьбу их неровного действия и их недостаточного согласия и комбинации и сомнительные гармонии, будь то в смысле полного отхода от полу-регулируемого хаоса их действия или в смысле превосходства по отношению к этому низшему повороту природы и высшего контроля или трансформации их работ. Должна быть либо пустота гун, либо превосхождение по отношению к ним.

Гуны воздействуют на каждую часть нашего природного существа. Самую сильную поддержку они находят в трех различных частях существа — в разуме, жизни и теле. Тамас, принцип инерции, наиболее силен в материальной природе и в нашем физическом существе. Действие этого принципа бывает двух видов: это инерция силы и инерция знания. Все,

[1] Этот вопрос рассматривался в «Йоге Работ» (часть I). Теперь он затрагивается с точки зрения общего типа природы и полного освобождения существа.

что управляется преимущественно Тамасом, стремится в своей силе к застойному бездействию и недвижимости или к механическому действию, которым оно не владеет, а само охвачено смутными силами, которые ведут его по механическому кругу; равным образом, в своем сознании все это повернуто к несознанию или окружающему подсознанию, либо к неохотному, вялому или неким образом механически сознательному действию, у которого нет идеи о собственной энергии, но которое направляется идеей, кажущейся внешней по отношению к нему или, по крайней мере, скрытой от его активного осознания. Таким образом, принцип нашего тела по своей природе является инертным, подсознательным, неспособным на что-либо, кроме механического и привычного само-направления и действия: хотя, как и все прочее, он имеет и принцип кинезиса и принцип равновесия своего состояния и действия, внутренне присущий принцип отклика и тайного сознания, но самая большая часть его раджасических движений поставляется жизненной силой, а все открытое сознание — ментальным существом. Принцип раджаса больше всего опирается на витальную природу. Это Жизнь внутри нас, которая является самой сильной кинетической движущей силой, но в земных существах жизненная сила охвачена силой желания, поэтому Раджас всегда обращен к действию и желанию; желание — это самый сильный человеческий и животный инициатор большей части кинезиса и действия, преобладающий до такой степени, что многие считают его родителем всего действия и даже творцом нашего существа. Более того, Раджас, оказываясь в мире материи, который стартует с принципа несознания и механически правящей инерции, должен работать в противовес грандиозной силе; поэтому все его действие приобретает природу усилия, столкновения, окружающей и препятствующей борьбы за обладание, которая окрашена на каждом шагу ограничивающей неспособностью, разочарованием и страданием: даже его обретения сомнительны и ненадежны, ограничены и сопровождаются реакцией усилия и привкуса недостаточности и неустойчивости. Принцип Сатвы больше всего опирается на разум, причем не столько в низших частях разума, которые управляемы раджасической жизненной силой, сколько в интеллекте и в воле рассудка. Интеллект, рассудок, рациональная воля движимы природой своего господствующего принципа к постоянному усилию усвоения, усвоения знанием, усвоения силой понимающей воли, к постоянному усилию к равновесию, к некой устойчивости, правилу, гармонии конфликтующих элементов природных событий и переживаний. Принцип Сатвы получает это удовлетворение разнообразными путями и в различных степенях обретения. Достижение усвоения, равновесия и гармонии всегда приносит с собой относительное, но более или менее интенсивное и удовлетворяющее чувство непринужденности, счастья, мастерства, надежности, что явно отличается от будоражащих и неистовых удовольствий, ненадежно дарованных удовлетворением раджасического желания и страсти. Свет и счастье — характеристики сатвической Гуны. Вся природа воплощенного ментального существа определяется тремя этими гунами.

Но эти гуны — только преобладающие силы в каждой части нашего сложного существа. Эти три качества смешиваются, комбинируются и со-

стязаются в каждом фибре и в каждом члене нашей запутанной психологии. Ими сотворен ментальный характер, характер нашего рассудка, характер нашей воли, характер нашего морального, эстетического, эмоционального, динамического, чувственного существа. Тамас вносит все неведение, инерцию, слабость, неспособность, которые поражают нашу природу, а также вносит затуманенный рассудок, незнание, непонимание, цепляние за обычные представления и механические идеи, отказ думать и знать, маленький разум, узкие проходы, скаковой круг ментальной привычки, темные и сумеречные места. Тамас вносит немощную волю, недостаток веры и само-уверенности и инициативы, несклонность действовать, уклонение от старания и стремления, бедный и маленький дух; в наше моральное и динамическое существо он вносит инерцию, трусость, низость, леность, вялое подчинение малым и неблагородным мотивам, уступчивость нашей низшей природе. Тамас вносит в нашу эмоциональную природу нечувствительность, безразличие, недостаток симпатии и открытости, закрытую душу, бесчувственное сердце, быстро теряемое расположение и вялость чувств; в нашу эстетическую и чувственную природу — тупое восприятие, ограниченный диапазон отклика, нечувствительность к красоте, все, что составляет в человеке грубый, тяжелый и вульгарный дух. Раджас снабжает нашу обычную активную природу всем ее добром и злом; при нехватке достаточного элемента Сатвы это обращается в эгоизм, само-волю и насилие, извращенное, упорствующее или преувеличенное действие рассудка, предубеждение, прикрепленность ко мнению, цепляние к ошибке, раболепство интеллекта по отношению к желаниям и предпочтениям, а не к истине, обращается в фанатический или сектанский разум, само-волю, гордыню, высокомерие, себялюбие, амбиции, вожделение, жадность, жестокость, ненависть, ревность, эгоизм любви, все пороки страсти, преувеличения восприятия, болезненность и извращения чувственного и витального существа. Тамас по собственному праву производит грубый, тупой и невежественный тип человеческой природы; Раджас — подвижного, беспокойного, кинетического человека, движимого дыханием действия, страстью и желанием. Сатва производит высший тип. Дары Сатвы — это разум рассудка и баланса, ясность незаинтересованно ищущего истину открытого интеллекта, воля, подчиненная рассудку или ведомая этическим духом, само-контроль, ровность, спокойствие, любовь, симпатия, утонченность, мера, тонкость эстетического и эмоционального разума; в чувственное существо Сатва вносит утонченность, верную восприимчивость, выдержанность и равновесие, витальность, подчиненную и управляемую господствующим интеллектом. Законченные типы сатвического человека — это философ, святой и мудрец; раджасического человека — политик, воин, сильный человек действия. Но во всех людях есть, в большей или меньшей пропорции, переплетение гун и множественная персональность, и в большинстве людей происходят постоянные переходы от преобладания одной гуны к превалированию другой; даже в главенствующей форме своей природы большинство человеческих существ являют собой смешанный тип. Весь цвет и разнообразие жизни сотворены по замысловатому образу переплетения гун.

Но богатство жизни, даже сатвическая гармония разума и природы, не дает духовного совершенства. Есть относительное возможное совершенство, но это совершенство неполноты, некой частичной высоты, силы, красоты, некоторой меры благородства и величия, некоторого вынужденного и ненадежно поддерживаемого баланса. Есть относительное владение, но это владение жизни телом или разума жизнью, а не свободное владение освобожденного и само-обладающего духа своими инструментами. Эти гуны должны быть превзойдены, если нам суждено достичь духовного совершенства. Очевидно, Тамас должен быть превзойден: инерция, неведение и неспособность не могут быть элементами настоящего совершенства; но Тамас может быть превзойден в Природе лишь силой Раджаса, которому помогает растущая сила Сатвы. Раджас тоже должен быть превзойден: эгоизм, личное желание и само-ищущая страсть не являются элементами настоящего совершенства; но Раджас может быть превзойден лишь силой Сатвы, освещающей существо, и силой Тамаса, ограничивающей действие. Но и сама Сатва не дает высочайшего или интегрального совершенства; Сатва — это всегда качество ограниченной природы; сатвическое знание — это свет ограниченной ментальности; сатвическая воля — это правление ограниченной разумной силы. Более того, Сатва не может действовать сама по себе в Природе, и она должна полагаться для всякого действия на помощь Раджаса, так что даже сатвическое действие всегда подвержено несовершенствам Раджаса; эгоизм, запутанность, несовместимость, односторонний поворот, ограниченная и раздутая воля, преувеличивающая себя в интенсивности своих ограничений, преследует разум и действия даже святого, философа и мудреца. Подобно раджасическому или тамасическому эгоизму есть эгоизм сатвический, есть эгоизм знания или добродетели; но любой эгоизм разума не совместим с освобождением. Все три гуны должны быть превзойдены. Сатва может ближе подвести нас к Свету, но ее ограниченная ясность отпадает, как только мы входим в светлое тело божественной Природы.

Этого превосхождения обычно ищут путем отхода от действия низшей природы. Такой отход приносит с собой упор на тенденцию бездействия. Сатва, когда она хочет усилить себя, стремится избавиться от Раджаса и призывает в помощь тамасический принцип бездействия; вот причина того, почему определенный тип в высочайшей степени сатвических людей интенсивно живет во внутреннем существе, но вряд ли вообще живет во внешней жизни действия, либо такие люди некомпетентны и неэффективны там. Ищущий освобождения идет еще дальше в этом направлении, пытаясь путем наложения освещенного Тамаса на свое природное существо, того Тамаса, который благодаря этому спасающему освещению характеризуется скорее покоем, чем неспособностью, дать сатвической Гуне свободу потерять себя в свете духа. Покой и молчание накладывается на тело, на активную душу желания и эго, на внешний разум, тогда как сатвическая природа путем упора на медитацию, путем исключительной концентрации поклонения, при помощи воли, обращенной внутрь ко Всевышнему, стремится слиться в духе. Но если этого достаточно для пассивного высвобождения, то этого не достаточно для свободы интегрального

совершенства. Это освобождение зависит от бездействия и не является полностью само-существующим и абсолютным; в тот момент, когда душа обращается к действию, она находит, что активная природа все еще остается старым несовершенным движением. Это освобождение души от природы, которое достигается благодаря бездействию, но это не освобождение души в природе, совершенное и само-существующее будь то в действии или в бездействии. Тогда возникает вопрос, возможно ли вообще такое освобождение и совершенство и что может быть условием этой совершенной свободы.

Обычное представление состоит в том, что такое совершенное освобождение невозможно, потому что все действие принадлежит низшим гунам, а потому оно неизбежно дефектно, *садосам*, будучи вызванным движением, неровностью, нехваткой баланса, неустойчивой борьбой гун; а когда эти неровные гуны попадают в совершенное равновесие, тогда прекращается все действие Природы, и душа покоится в их молчании. Тогда мы могли бы сказать, что божественное Бытие может существовать либо в своем молчании, либо действовать в Природе через ее инструментарий, но в этом случае оно неизбежно принимает видимость ее борьбы и несовершенства. Это может быть верно для обычного делегированного действия Божественного в человеческом духе с его сегодняшними связями души с природой в воплощенном несовершенном ментальном существе, но это неверно для божественной природы совершенства. Борьба гун является только представлением в несовершенстве низшей природы; то, что представляют эти три гуны, является тремя сущностными мощностями Божественного, которые не просто существуют в совершенном равновесии покоя, а объединены в совершенное согласие божественного действия. В духовном существе тамас становится божественным покоем, который является не инерцией и неспособностью действия, а совершенной мощностью, *шакти*, удерживающей в себе всю свою способность и способную контролировать и подчинять закону покоя даже самую грандиозную и колоссальную деятельность: Раджас становится само-действенной зачинающей сущей Волей духа, которая является не желанием, усилием, борющейся страстью, а той же самой совершенной мощью существа, *шакти*, способной на бесконечное, невозмутимое и блаженное действие. Сатва становится не модифицированным ментальным светом, *пракашей*, а самосуществующим светом божественного существа, *йоти*, который является душой совершенной мощи существа и озаряет в их единстве божественный покой и божественную волю к действию. Обычное освобождение обретает спокойный божественный свет в божественном покое, но интегральное совершенство будет нацелено на это более великое триединство.

Когда приходит это освобождение природы, наступает также освобождение от всего духовного ощущения дуальностей Природы. В низшей природе дуальности являются неизбежным воздействием игры гун на душу, затрагиваемую формациями сатвического, раджасического и тамасического эго. Узлом этой дуальности является неведение, не способное охватить духовную истину вещей и концентрирующееся на несовершенных видимостях, но встречающее их не с мастерством их внутренней истины, а

с борьбой и переменчивым балансом притяжения и отталкивания, способности и неспособности, симпатии и отвращения, удовольствия и боли, радости и печали, принятия и отвержения; вся жизнь представляется нам переплетением этих вещей, приятного и неприятного, прекрасного и отвратительного, истины и лжи, удачи и неудачи, успеха и падения, добра и зла, путанной двойной сетью Природы. Прикрепленность к симпатии и антипатии держит душу связанной в этой сети добра и зла, радостей и печалей. Искатель освобождения избавляется от прикрепленности, отбрасывает дуальность от своей души, но, поскольку эти дуальности кажутся полным действием, веществом и каркасом жизни, то кажется, что это освобождение легче всего достигается путем отхода от жизни, будь то путем внутреннего ухода, отказа от санкции, освобождающего отвращения, *вайрагьи*, ко всему действию Природы. Это отделение души от Природы. Тогда душа, возвышаясь и оставаясь неподвижной, *удасина*, наблюдает борьбу гун в природном существе и рассматривает, как безучастный свидетель, удовольствие и боль разума и тела. Либо душа может наложить свое безразличие даже на внешний разум и наблюдать с беспристрастным покоем или беспристрастной радостью открепленного наблюдателя вселенское действие, в котором она больше не принимает активного внутреннего участия. Завершением этого движения является отвержение рождения и отход в молчаливое *я*, это *мокша*.

Но это отвержение не является последним возможным словом освобождения. Интегральное освобождение приходит тогда, когда эта страсть к освобождению, *мумукшутва*, основанная на отвращении, *вайригьи*, тоже превосходится; тогда душа освобождается как от прикрепленности к низшему действию природы, так и от всего отвращения к космическому действию Божественного. Это освобождение обретает свою полноту тогда, когда духовный гнозис может действовать с супраментальным знанием и принятием действия Природы и с супраментальной светлой волей в начинании. Этот гнозис раскрывает духовный смысл в Природе, Бога в вещах, душу блага во всех вещах, имеющих противоположную видимость; эта душа высвобождается в них и из них, искажения несовершенных или противоположных форм спадают или трансформируются в свою высшую божественную истину, — как раз тогда, когда гуны возвращаются к свои божественным принципам, — и дух живет в универсальной, бесконечной и абсолютной Истине, Благе, Красоте, Блаженстве, которое является супраментальной или идеальной божественной Природой. Освобождение Природы становится единым с освобождением духа, и в интегральной свободе основывается интегральное совершенство.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА X
Элементы совершенства

Когда *я* очищено от неправильного и путанного действия инструментальной Природы и высвобождено в свое само-существующее существо, сознание, силу и блаженство, а сама Природа высвобождена из клубка этого низшего действия борющихся гун и дуальностей в высшую истину божественного покоя и божественного действия, тогда становится возможным духовное совершенство. Очищение и свобода — совершенно необходимые предшественники совершенства. Духовное само-совершенство может означать только рост в тождество с природой божественного бытия, и поэтому цель, программа и метод нашего поиска этого совершенства будет находиться в соответствии с нашим представлением о божественном бытии. Для Майявадина высочайшей или, скорее, единственно реальной истиной бытия является безразличный, безличностный, само-осознающий Абсолют, и поэтому рост в безразличный покой, безличностность и чистое само-осознание духа составляет его представление о совершенстве, а отвержение космического и индивидуального бытия и укоренение в молчаливом само-знании составляет его путь. Для Буддиста, для кого высочайшей истиной является отрицание бытия, совершенным путем будет признание временности и неприятности бытия, а также гибельной никчемности желания и растворение эгоизма, поддерживающих связей Идеи и последовательностей Кармы. Другие представления о Высочайшем менее негативны; каждое, в соответствии со своей идеей, ведет к некоторому подобию Божественного, *садрсия*, и каждое находит собственный путь, такой как любовь и поклонение Бхакты и рост в подобие Божественного с помощью Любви. Но для интегральной Йоги совершенство будет означать божественный дух и божественную природу, которая допустит божественную связь и божественное действие в мире; оно также будет означать в своей целостности обожествление всей природы, отвержение всех ее неправильных узлов бытия и действия, но никакого отвержения какой-либо части нашего существа или какого-либо поля нашего действия. Этот подход к совершенству должен быть поэтому широким и сложным движением, и его результаты и наработки будут иметь бесконечный и разнообразный размах. Чтобы найти ключ и метод этого совершенства, мы должны зафиксировать определенные существенные и фундаментальные элементы и требования совершенства, *сидхи*; ибо если они достигнуты, тогда все остальное явится только их естественным развитием или частной наработкой. Мы можем разделить эти элементы на шесть частей, в большой степени независимых друг от друга, но все еще опреде-

ленным образом естественно последовательных в порядке их достижения. Движение будет начинаться с базисной ровности души и подниматься к идеальному действию Божественного через наше совершенствующееся существо в величие единства Брахмана.

Первая необходимость — это некое фундаментальное состояние равновесия души как в ее сущностном, так и в природном бытии, рассматривающее и встречающее вещи, воздействия и работы Природы. Мы достигаем этого состояния путем роста в совершенную ровность, *самату. Я*, дух или Брахман един во всем, и поэтому един для всего; именно тот, как говорится в Гите, кто полностью развил эту идею ровности и означил свое переживание на, по крайней мере, одной стороне ровности, является ровным Брахманом, *самам брахма*; в одном из отрывков Гита доходит даже до того, что отождествляет ровность и йогу, *саматвам йога укьет.* То есть, ровность является знаком единства с Брахманом, становления Брахманом, роста в невозмущенное духовное состояние бытия в Бесконечном. Вряд ли можно преувеличить важность ровности, ибо она является знаком нашего перехода за пределы эгоистических определенностей нашей природы, нашего покорения наших рабских откликов на дуальности, нашего превосхождения меняющейся сумятицы гун, нашего вступления в мир и покой освобождения. Ровность — это термин сознания, который вносит в целостность нашего существа и природы вечное спокойствие Бесконечного. Более того, ровность является условием надежного и совершенно божественного действия; надежность и необъятность космического действия Бесконечного базируется на вечном спокойствии и никогда не нарушает или лишается его. Это также должно быть характером совершенного духовного действия; быть ровным и единым со всеми вещами в духе, понимании, разуме, сердце и природном сознании, — даже в самом физическом сознании, — и делать все их работы, будь то их внешнюю адаптацию к вещам, которые должны быть сделаны, всегда и неизменно наполненными божественной ровностью и покоем — это должно быть самым сокровенным принципом. Это можно назвать пассивной или базисной, фундаментальной и восприимчивой стороной ровности, но есть также активная и обладающая сторона, есть ровное блаженство, которое может придти лишь тогда, когда установится мир и покой ровности, и которое является блаженным расцветом своей полноты.

Следующее обязательное условие совершенства — это поднять все активные части человеческой природы на такую высоту и на такой пик работы их силы и способности, *шакти*, где они становятся способными на божественное превращение в истинные инструменты свободного, совершенного, духовного и божественного действия. Для практических целей мы можем взять понимание, сердце, Прану и тело в качестве четырех членов нашей природы, которые нужно так подготовить, и мы должны найти подобающее выражение их совершенства. В нас также есть динамическая сила (*вирья*) темперамента и характера, а также природа души, *свабхава*, которые делают эффективной в действии мощь наших членов и придают им их тип и направление; это тоже должно быть освобождено от своих ограничений, должно быть расширено, повернуто так, чтобы вся человеч-

ность в нас смогла бы стать базисом божественной человечности, когда Пуруша, настоящий человек в нас, божественная Душа, будет совершенно действовать в этом человеческом инструменте и полностью просветит через этот человеческий сосуд. Чтобы обожествить совершенствующуюся природу, мы должны призвать божественную Мощь или Шакти заменить нашу ограниченную человеческую энергию, так чтобы она могла быть вылеплена по образу и быть наполненной силой большей бесконечной энергии, *дайви пракрити, бхагавати шакти.* Это совершенство будет расти в той мере, в которой мы сможем сдать себя сначала руководству, а затем прямому действию той Силы и Мастера нашего существа и наших работ, кому оно принадлежит, и для этой цели вера существенна; вера является великой движущей силой нашего существа в наших стремлениях к совершенству, — вера в Бога и Шакти, которая начнется в сердце и в понимании, а затем охватит всю нашу природу, все ее сознание, всю ее динамическую мотивирующую силу. Эти четыре вещи составляют суть второго элемента совершенства: полные силы членов инструментальной природы, совершенствующаяся динамика природы души, вступление их в действие божественной Мощи и совершенная вера во все наши члены, чтобы призывать и поддерживать это вступление, *шакти*, *вирья*, *дайви пракрити*, *шрадха*.

Но пока это развитие происходит только на высочайшем уровне нашей обычной природы, мы можем лишь иметь отраженный и ограниченный образ совершенства, транслированный в низшие выражения души в разуме, жизни и тела, но не обладать божественным совершенством в высочайших выражениях божественной Идеи и ее Силы, какие только возможны для нас. Этого обладания надо искать за пределами этих низших принципов в супраментальном гнозисе; поэтому следующим шагом совершенства будет эволюция ментального существа в гностичское существо. Эта эволюция осуществляется путем прорыва за пределы ментального ограничения, большого шага вверх на следующий высший план или регион нашего существа, скрытый от нас сейчас сияющей крышей ментальных отражений, и путем преобразования всего того, чем мы сейчас являемся, в выражение этого большего сознания. В самом этом гнозисе, *виджняна*, есть несколько градаций, которые на самом верху открываются в полную и бесконечную Ананду. Этот гнозис, однажды эффективно призванный в действие, будет постепенно занимать все выражения интеллекта, воли, чувственного разума, сердца, витального и чувственного существа и транслировать их путем светлого и гармонизирующего превращения в единство истины, мощи и восторга божественного существования. Он поднимет в этот свет и силу и преобразит в их собственный высочайший смысл все наше интеллектуальное, волевое, динамическое, этическое, эстетическое, чувственное, витальное и физическое существо. Этот гнозис также обладает силой преодолеть физическое ограничение и развить более совершенное и божественно инструментальное тело. Его свет открывает поля сверхсознания и устремляет свои лучи и направляет свой светлый поток в подсознательное и освещает его темные намеки и удерживаемые секреты. Он допускает нас к большему свету Бесконечности, чем

тот, что отражен в более блеклой светимости даже высочайшей ментальности. Совершенствуя индивидуальную душу и природу в смысле более божественного существования и организуя полную гармонию многообразия нашего существа, этот гнозис основывает свое действие на Единстве, из которого он проистекает, и вбирает все в это Единство. Личность и безличностность, два вечных аспекта существования, делаются одним благодаря его действию в духовном существе и в теле Природы Пурушотамы.

Гностическое совершенство, духовное по своей природе, должно быть закончено здесь, в теле, и оно должно принять жизнь в физическом теле в качестве одного из своих полей, даже если гнозис открывает для нас владение планами и мирами за пределами материальной вселенной. Поэтому физическое тело является базисом действия, *пратиштой*, который нельзя презирать, которым нельзя пренебрегать или который нельзя исключать из духовной эволюции: совершенство тела как внешнего инструмента полного божественного жития на земле обязательно составляет часть гностического преображения. Это изменение будет вызвано путем привнесения в физическое сознание и его члены закона гностического Пуруши, *виджнамайя пуруша*, и закона того, во что оно открывается, закона Анандамайи. Доведенное до своего верха, это движение приносит одухотворение и озарение всего физического сознания и обожествление закона тела. Ведь за грубой физической оболочкой этого материально видимого и ощущаемого каркаса существует сублиминально поддерживающее его и открываемое с помощью более тонкого сознания тонкое тело ментального существа и духовное и причинное тело гностической и блаженной души, в которой должно быть найдено все совершенство духовного воплощения, еще не проявленный закон тела. Большинство физических сидхи, достигнутых определенными Йогинами, вызвано неким открытием закона тонкого тела и призывом вниз нечто из закона духовного тела. Обычный метод состоит в открытии Чакр с помощью физического процесса хатха-йоги (из которого кое-что также включено в раджа-йогу) или с помощью методов Тантрической дисциплины. Но хотя эти методы могут быть использованы на определенных стадиях интегральной Йоги, они не являются совершенно необходимыми; ведь в интегральной Йоге ставка делается на то, чтобы мощь высшего бытия изменила низшее существование, и работа ведется, главным образом, сверху-вниз, а не в обратном направлении, и поэтому развитие высшей мощи гнозиса будет ожидать инструментального изменения в этой части Йоги.

Там останется совершенное действие и наслаждение существа на гностическом базисе, поскольку тогда это будет полностью возможно. Пуруша входит в космическую манифестацию для вариаций своего бесконечного существования, для знания, действия и наслаждения; гнозис приносит полноту духовного знания, и он будет основывать на нем божественное действие и отольет наслаждения мира и бытия в закон истины, свободы и совершенства духа. Но ни действие, ни наслаждение не явится низшим действием гун и вытекающим отсюда эгоистическим наслаждением удовлетворения раджасического желания, что является сейчас на-

шим способом жития. Какое желание ни останется, если его можно назвать желанием, это будет божественное желание, воля к восторгу Пуруши, наслаждающегося в своей свободе и совершенстве действием совершенной Пракрити и всех ее членов. Эта Пракрити поднимет всю природу в закон своей высшей божественной истины и будет действовать в этом законе, принося вселенское наслаждение своего действия и бытия Анандамайе Ишваре, Господу существования и работ и Духу блаженства, который возвышается над ее работами и управляет ими. Индивидуальная душа будет каналом этого действия и подношения, и она будет наслаждаться одновременно своим единством с Ишварой и своим единством с Пракрити, и будет наслаждаться всеми связями с Бесконечным и конечным, с Богом и вселенной и существами во вселенной в высочайших терминах единения вселенского Пуруши и Пракрити.

Вся гностическая эволюция открывается в божественный принцип Ананды, являющийся основанием полноты духовного бытия, сознания и блаженства Сатчитананды или вечного Брахмана. Владеемая поначалу с помощью отражения в ментальном переживании, затем она будет владеться с большей полнотой и непосредственностью в массовом и светлом сознании, *кидхана*, что приходит благодаря гнозису. Сидха или совершенная душа будет жить в единении с Пурушотамой в этом сознании Брахмана, она будет сознательна в Брахмане, являющемся Всем, *сарвам брахма*, в Брахмане, бесконечном в бытии и бесконечном в качестве, *анантам брахма*, в Брахмане как в само-существующем сознании и вселенском знании, *джнана брахма,* в Брахмане как в само-существующем блаженстве и в его вселенском восторге бытия, *ананда брахма*. Совершенная душа будет переживать всю вселенную как манифестацию Одного, все качество и действие — как игру его универсальной и бесконечной энергии, все знание и сознательное переживание — как истечение того сознания, и все — в терминах одной Ананды. Ее физическое существо будет едино со всей материальной Природой, ее витальное существо будет едино с жизнью вселенной, ее разум — с космическим разумом, ее духовное знание и воля — с божественным знанием и волей, ее дух — с одним духом во всех существах. Для совершенной души все разнообразие космического существования будет преобразовано в то единство и раскрыто в секрете своего духовного значения. Ведь в этом духовном блаженстве и бытии совершенная душа будет едина с Тем, что является истоком и содержимым и жителем и духом и составляющей мощью всего существования. Это будет высочайшим достижением само-совершенства.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XI
Совершенство ровности

Самая первая необходимость для духовного совершенства — это совершенная ровность. Совершенство в том смысле, который мы подразумеваем в Йоге, означает рост из низшей небожественной в высшую божественную природу. В терминах знания это означает соединение существа с высшим *я* и отбрасывание более темного неровного низшего *я* или трансформацию нашего несовершенного состояния в завершенную светлую полноту нашей настоящей и духовной личности. В терминах поклонения и преданности это означает рост в подобие природы или закон бытия Божественного, к объединению с которым мы стремимся, — ведь не будь этого подобия, этого тождества закона бытия, объединение между трансцендентным, вселенским и индивидуальным духом было бы невозможно. Всевышняя божественная природа основывается на ровности. Это заявление верно не зависимо от того, смотрим ли мы на Всевышнее Существо как на чистое молчаливое *Я* и Дух или как на божественного Мастера космического существования. Чистое *Я* является ровным, недвижимым, свидетелем в безучастном покое по отношению ко всему происходящему и к связям космического существования. Хотя оно не питает отвращения к ним, — отвращение не есть ровность и, кроме того, если таковой была бы позиция *Я* по отношению к космическому существованию, то вселенная вообще не смогла придти в бытие или следовать своим циклам, — открепленность, спокойствие ровного взгляда, превосходство по отношению к реакциям, которые беспокоят и являются бессильной слабостью души, вовлеченной во внешнюю природу — такова сама субстанция чистоты молчаливой Бесконечности и условие ее беспристрастного согласия и поддержки многостороннего движения вселенной. Но и в той силе Всевышнего, которая управляет этими движениями и развивает их, та же самая ровность тоже является базисным условием.

Мастер и господин вещей не может быть затрагиваемым реакциями вещей или обеспокоенным ими; если бы это было так, он был бы подчинен им, не являлся бы мастером, не был бы свободен развивать их согласно своей суверенной воле и мудрости и согласно внутренней истине и необходимости того, что стоит за их реакциями, а скорее был бы обязан действовать согласно требованию временного случая и явления. Истина всех вещей кроется в покое их глубин, а не в меняющейся непостоянной волновой форме на поверхности. Всевышнее сознательное Существо в своем божественном знании, воли и любви управляет их эволюцией, — так часто являющейся нашему неведению жестокой путаницей и сумятицей,

— из этих глубин и не затрагиваемо волнением поверхности. Божественная природа не разделяет наших поисков вслепую и наших страстей; когда мы говорим о божественном гневе или милости, либо о Боге, страдающем в человеке, мы используем человеческий язык, который неправильно передает внутреннее значение движения, которое мы характеризуем. Мы видим нечто из настоящей истины этих движений, когда мы поднимаемся из поверхностного разума на высоты духовного бытия. Ведь тогда мы воспринимаем, будь то в молчании *я* или в его действии в космосе, что Божественное всегда является Сатчитанандой, бесконечным существованием, бесконечным сознанием и само-основанной мощью сознательного бытия, бесконечным блаженством во всем его существовании. Мы сами начинаем пребывать в ровном свете, силе, радости — это психологическая передача божественного знания, воли и восторга в *я* и вещах, которые являются активными вселенскими излияниями из тех божественных источников. В силе того света, мощи и радости тайное *я* и дух внутри нас всегда принимает и преобразует в пищу своего совершенного переживания дуальные буквы записи разумом жизни, и если бы не скрытое большее существование внутри нас, присутствующее даже сейчас, мы не смогли бы вынести давления вселенской силы или существовать в этом громадном и опасном мире. Совершенная ровность нашего духа и природы является тем средством, с помощью которого мы можем отойти от беспокойного и невежественного внешнего сознания в это внутреннее царство небес и завладеть вечным царством духа величия, радости и покоя, *райям самрдхам*. Это само-возвышение к божественной природе является завершенным плодом и всей возможностью дисциплины ровности, требуемой от нас целью самосовершенствования в Йоге.

Совершенная ровность и покой души совершенно необходимы для преобразования всей субстанции нашего существа, состоящей сейчас из вещества беспокойной ментальности, в субстанцию *я*. Это равным образом необходимо, если мы стремимся заменить наше сегодняшнее путанное и невежественное действие на само-обладающие и светлые работы свободного духа, правящего своей природой в гармонии со вселенским бытием. Божественное действие или даже совершенное человеческое действие не возможно, если у нас нет ровности духа и ровности в мотивирующих силах нашей природы. Божественное ровно ко всему, является бесстрастной поддержкой своей вселенной, является тем, кто обозревает все ровным взглядом, соглашается с законом развивающегося существа, которое он вынес из глубин своего существования, дозволяет то, что надо дозволить, подавляет то, что надо подавить, поднимает то, что надо поднять, творит, поддерживает и разрушает с совершенным и ровным пониманием всех причин и результатов и с выработкой духовного и прагматического смысла всех явлений. Бог не творит в подчинении какой-либо беспокойной страсти желания, не поддерживает и не сохраняет из-за прикрепленности к какому-то частному предпочтению и не разрушает в приступе гнева, отвращения или недовольства. Божественное имеет дело с большим и малым, праведным и неправедным, невежественным и мудрым в качестве *Я* всего, которое, являясь глубоко сокровенным и одним с суще-

ством, ведет все в соответствии с их природой и потребностью с совершенным пониманием, силой и точной пропорцией. Но Божественное ведет вещи через все это в соответствии со своей великой целью в циклах и тянет душу вверх в эволюции через ее видимый прогресс и регресс ко все большему и большему развитию, что составляет смысл космического побуждения. Само-совершенствующийся индивид, стремящийся быть единым в воли с Божественным и делающий свою природу инструментом божественной цели, должен расширить себя из эгоистических и частных взглядов и мотивов человеческого неведения и отлить себя по образу этой всевышней ровности.

Это ровное состояние в действии особенно необходимо для Садхака интегральной Йоги. Прежде всего, он должен обрести то ровное согласие и понимание, которое будет отвечать на закон божественного действия, не пытаясь наложить на него частную волю и искаженное требование личного стремления. Мудрая безличностность, спокойная ровность, универсальность, которая видит все вещи как проявление Божественного, как одно Существование, не встревожена, обеспокоена или нетерпелива к тому, как развиваются вещи, либо, напротив, возбуждена, страстно стремится или торопится, а видит тот закон, которому надо подчиниться, и уважает поступь времени, наблюдает и понимает с симпатией фактическое положение вещей и существ, но смотрит и за их сегодняшнюю видимость на их внутреннюю значимость, а также вперед к развертыванию их божественных возможностей, является первой вещью, требуемой от тех, кто хотел бы делать работы в качестве совершенного инструмента Божественного. Но это безличностное молчаливое согласие — только базис. Человек является инструментом эволюции, который носит поначалу маску борьбы, но все больше и больше растет в более истинный и более глубокий смысл постоянного мудрого согласования и должен обрести на высочайшей шкале глубочайшую истину и значение вселенской гармонии, которая сейчас лишь лежит в основании согласования и борьбы. Совершенная человеческая душа должна всегда быть инструментом для ускорения путей этой эволюции. Для этой цели божественная мощь, действующая с королевским достоинством божественной воли, должна хоть в какой-то степени присутствовать в природе. Но чтобы быть законченной и постоянной, непоколебимой в действии, поистине божественной, она должна действовать на базисе духовной ровности, покоя, безличностного и ровного самоотождествления со всеми существами, понимания всех энергий. Божественное действует с могучей силой в мириадах работ вселенной, но с поддерживающим светом и силой невозмутимого тождества, свободы и покоя. Таким должен быть божественных работ совершенной души. Ровность является условием существа, дающим возможность действовать преображенному духу.

Но даже человеческое совершенство не может обойтись без ровности как одного из главных элементов и даже его сущностной атмосферы. Цель человеческого совершенства должна включать, если оно заслуживает своего названия, две вещи: само-выражение и владение окружающей обстановкой; она должна искать их в высочайшей степени их мощностей, какие

только вообще достижимы нашей человеческой природой. Выражаясь древним языком, побуждение к само-совершенству должно делать человека, *сварат* и *самрат*, само-правителем и королем. Но человек не может стать само-правителем, если он подвержен атакам низшей природы, бурным страстям горя и радости, острым прикосновениям удовольствия и боли, сумятице эмоций и страстей, рабству своих личных симпатий и антипатий, узости личного и эмоционально предпочитаемого суждения и мнения, всей массе касаний своего эгоизма и его штампу, преследующего его мысли, чувства и действия. Все эти вещи представляют собой раболепство по отношению к низшему *я*, на которое большее «я» в человеке должно наложить свою стопу, если человеку суждено быть королем собственной природы. Преодолеть их — условие само-правления; но в этом преодолении опять же ровность является условием и сущностью этого движения. Быть свободным от этих вещей — если это возможно, либо, по меньшей мере, быть их господином и превосходить их – это ровность. Далее, тот, кто не владеет самим собой, не может владеть своим окружением. Знание, воля, гармония, необходимые для этого внешнего мастерства, могут придти лишь как венец внутреннего завоевания. Это завоевание принадлежит само-обладающей душе и разуму, который следует с незаинтересованной ровностью Истине, Праву, вселенской Широте, только для которой возможно это мастерство — следуя всегда вселенскому идеалу, который они представляют для нашего несовершенства, в то же время понимая и принимая во внимание также все, что кажется конфликтующим с ними и стоящим на пути их манифестации. Это правило верно даже на уровнях нашей сегодняшней человеческой ментальности, где мы можем обрести только ограниченное совершенство. Но идеал Йоги вбирает эту цель Сварати и Самрати и ставит ее на большее духовное основание. Там он обретает свою полную силу, открывается к более божественным степеням духа; ибо именно путем тождества с Бесконечным, благодаря духовной мощи, воздействующей на конечные вещи, находит свое родное основание некое высочайшее совершенство нашего существа и природы.

Условием Йоги само-совершенствования является не только совершенная ровность *я*, но и ровность в природе. Первым очевидным шагом на пути к этом будет покорение нашего эмоционального и витального существа, ведь именно здесь находится источник величайшего беспорядка, находятся самые буйные силы неровности и зависимости, наиболее настоятельное притязание нашего несовершенства. Ровность этих частей нашей природы приходит путем очищения и освобождения. Чтобы быть свободным от власти побуждения витального желания и буйного господства страстей, надо иметь спокойное и ровное сердце, а также жизненный принцип, управляемый необъятным и ровным взглядом вселенского духа. Желание — это нечистота Праны, жизненного принципа, это его цепи рабства. Свободная Прана подразумевает согласную и удовлетворенную душу жизни, которая без желания соприкасается с внешним вещами и воспринимает их с ровным откликом; освобожденная, поднятая над рабской дуальностью симпатии и антипатии, безразличная к побуждениям удовольствия и боли, не возбуждаемая приятным, не огорчаемая и не за-

тмеваемая неприятным, не цепляющаяся с прикрепленностью к предпочитаемым касаниям или неистово отвергающая те касания, которые ей отвратительны, Прана будет открыта к большей системе ценностей переживания. Все, что приходит к ней из мира с угрозой или соблазном, она будет соотносить с высшими принципами, с разумом и сердцем, находящимися в соприкосновении со светом и спокойной радостью духа или преобразованными ими. Так успокоенная, подчиненная духу и больше не пытающаяся наложить собственное господство на более глубокую и более тонкую душу в нас, эта душа желания сама будет одухотворена и сама будет работать как ясный и благородный инструмент более божественных обращений духа с вещами. Здесь не стоит вопроса об аскетическом убивании жизненного импульса и его природной пользы и природных функций; требуется не убить жизненный импульс, а трансформировать его. Функцией Праны является наслаждение, но настоящее наслаждение существования заключено во внутренней духовной Ананде, не в частичной или беспокойной, подобно нашему витальному, эмоциональному или ментальному удовольствию, деградированной как оно из-за преобладания физического разума, а во вселенской, глубокой массовой концентрации духовного блаженства, обладаемого в спокойном экстазе *я* и всего существования. Обладание — это функция Праны, благодаря обладанию приходит наслаждение души вещами, но должно быть настоящее обладание, более широкое и внутреннее, не зависящее от внешнего охвата, который заставляет нас подчиняться тому, что мы захватываем. Всякое внешнее обладание и наслаждение будет возникать лишь по случаю в ходе удовлетворенной и ровной игры духовной Ананды с формами и явлениями ее собственного мирового бытия. Эгоистическое обладание, делание вещей своими собственными в смысле требований эго, предъявляемых Богу, существу и миру, *парااграха*, должно быть отвергнуто, чтобы смогла придти эта большая вещь, эта широчайшая, универсальная и совершенная жизнь. *Тьяктена бхунжитхам*, отвергая эгоистическое ощущение желания и обладания, душа божественно наслаждается своим *я* и вселенной.

Свободное сердце — это аналогично, сердце, освобожденное от побуждений и бурь привязанностей и страстей; атакующие касания страдания, гнева, ненависти, страха, неровности любви, беспокойство радости, боль печали отпадают от ровного сердца и оставляют его широким, спокойным, ровным, светлым, божественным. Эти вещи не основываются на сущностной природе нашего существа, а являются текущими порождениями нашей внешней активной ментальной и витальной природы и ее взаимодействия со своим окружением. За эти отклонения ответственно эго-ощущение, которое побуждает нас действовать как отдельные существа, которые делают свои изолированные требования и переживания тестом ценностей вселенной. Когда мы живем в единстве с Божественным в нас самих и с духом вселенной, эти несовершенства отпадают от нас и исчезают в покое, ровной силе и восторге внутреннего духовного существования. Это всегда находится внутри нас и трансформирует внешние касания, прежде чем они достигнут его, путем прохода через сублиминальную психическую душу в нас, которая является скрытым инструментом его

восторга существования. С помощью ровности сердца мы избавляемся от беспокойной души желания на поверхности, открываем ворота этого более глубокого существа, выявляем его отклики и накладываем их истинные божественные ценности на все то, что подстрекает наше эмоциональное существо. Свободное, ровное и все-охватывающее сердце духовного чувства является продуктом этого совершенства.

В этом совершенстве также не возникает вопроса строгой аскетической нечувствительности, отчужденного духовного безразличия или деланной тяжелой строгости само-подавления. Это не убивание эмоциональной природы, а ее трансформирование. Все, что представляется здесь во внешней природе в искаженных или несовершенных формах, имеет важность и ценность, которые появляются тогда, когда мы отходим к большей истине божественного существа. Любовь будет не уничтожена, а усовершенствована, расширена до своей широчайшей способности, углублена до своего духовного экстаза, станет любовью Бога, любовью человека, любовью всех вещей как нас самих и существ и сил Божественного; большая, вселенская любовь, вовсе не неспособная на разнообразные связи, заменит требовательную, эгоистическую, само-считающуюся любовь маленьких радостей и печалей, а также настоятельные требования, пораженные всем пестрым образцом гневов, завистей и удовлетворений, приводящих к движениям усталости, раздора и отделения, чему мы сейчас придаем столь большое значение. Печаль перестает существовать, и ее заменяет вселенская, ровная любовь и симпатия, не страдающая симпатия, а мощь, которая, будучи освобожденной, сильна, чтобы поддерживать, помогать, освобождать. Для свободного гнев и ненависть не возможны, но не сильная энергия Рудры Божественного, которая может сражаться без ненависти и разрушать без гнева, потому что все время она осознает разрушаемые вещи как часть себя, часть собственных манифестаций, и поэтому она неизменна в своей симпатии и понимании тех, в ком воплощены эти манифестации. Вся наша эмоциональная природа подвергнется этой высшей освобождающей трансформации; но чтобы она могла сделать это, необходима совершенная ровность.

Та же самая ровность должна быть привнесена в остальную часть нашего существа. Все наше динамическое существо действует под влиянием нервных импульсов, проявлений низшей невежественной природы. Мы подчиняемся этим побуждениям, либо частично контролируем их, либо накладываем на них меняющее и модифицирующее их влияние нашего рассудка, нашего утончающего эстетического ощущения, нашего разума и регулирующих этических представлений. Запутанное напряжение правильной и неправильной, полезной и вредной, гармоничной или беспорядочной деятельности является смешанным результатом нашей попытки, переменчивым стандартом человеческой рассудительности и безрассудства, добродетели и порока, чести и бесчестия, благородного и постыдного, вещей, одобряемых и неодобряемых людьми, стандартом, в значительной степени подверженным само-одобрению и неодобрению или само-оправданию и отвращению, раскаянию, стыду и моральной депрессии. Несомненно, сейчас эти вещи необходимы для нашей духовной эволюции.

Но искатель большего совершенства отойдет от этих дуальностей, будет смотреть на них с ровным взглядом и через ровность будет достигать беспристрастного и универсального действия динамического Тапаса, духовной силы, в которой его собственные силы и воля обращены в чистые и верные инструменты большего спокойного секрета божественной работы. Обычные ментальные стандарты будут превзойдены на базисе этой динамической ровности. Глаз его воли должен смотреть за пределы этих вещей на чистоту божественного бытия, на мотив божественной мощи воли, направляемой божественным знанием, для которого его совершенствующаяся природа будет двигателем, *янтрой.* В своей полноте это будет оставаться невозможным, пока в его действие вмешивается динамическое эго со своим раболепством к эмоциональным и витальным импульсам и предпочтениям личного суждения. Совершенная ровность воли — это сила, которая растворяет эти узлы низшего побуждения к работам. Эта ровность не будет отвечать на низшие импульсы, а будет следовать за большим видящим побуждением Света над разумом; она не будет судить и управлять с интеллектуальным суждением, а будет ждать озарения и направления с превосходящего плана видения. По мере подъема вверх к супраментальному бытию и по мере расширения внутри к духовной необъятности динамическая природа будет трансформирована, одухотворена подобно эмоциональной и пранической природе, и будет расти к мощи божественной природы. Будет множество запинок, ошибок и несовершенств при настройке инструментов к их новой работе, но ровная душа не будет излишне обеспокоена этим или печалиться этому, поскольку, освобожденная для управления Светом и Мощью внутри *я* и над разумом, она с надежной уверенностью будет следовать своим путем и с растущим спокойствием будет ожидать завершения процесса трансформации. Обещание Божественного Бытия в Гите будет надежнейшим фундаментом ее решимости: «Оставь все дхармы и обрети пристанище только во Мне; я освобожу тебя от всего зла и греха; не печалься.»

Ровность мыслящего разума будет частью и очень высокой частью совершенства инструментов в природе. Наша сегодняшняя притягательная само-оправдывающаяся прикрепленность к нашим интеллектуальным предпочтениям, суждениям, мнениям, воображениям, ограничивающим ассоциациям памяти, что составляет базис нашей ментальности, прикрепленность к текущим повторениям нашего первичного разума, к настояниям нашего прагматического разума, к ограничениям даже нашего интеллектуального разума истины должна пройти путь других прикрепленностей и сдаться беспристрастности ровного видения. Ровный мыслящий разум будет взирать на знание и неведение, на истину и ошибку, на эти дуальности, порожденные нашей ограниченной природой сознания и частностью нашего интеллекта и его малого фонда суждений и интуиций, будет принимать и то, и другое, не будучи связанным какой-либо нитью этого клубка, и ждать светлого превосхождения. В неведении он будет видеть зачаточное знание, которое ищет или ждет освобождения, в ошибке — работающую истину, которая потеряла себя или брошена в заблудшую форму на ощупь ищущего разума. С другой стороны, он не будет удержи-

вать себя связанным и ограниченным своим знанием или запрещаемым им перейти к свежему озарению, а также он не будет слишком неистово хвататься за истину, даже используя ее в полной мере или деспотически привязывая ее к своим текущим формулировкам. Совершенно необходима эта совершенная работа мыслящего разума, поскольку целью его прогресса является больший свет, который принадлежит высшему плану духовного познания. Эта ровность — само деликатное и трудное из всего, и менее всего практикованное человеческим разумом; его совершенство не возможно до тех пор, пока супраментальный свет не пал полностью на нацеленную вверх ментальность. Но требуется нарастающая воля к ровности в интеллекте, прежде чем этот свет сможет свободно работать над ментальной субстанцией. Это также не является само-отречением от поисков и космических целей интеллекта, не является безразличным или безучастным скептицизмом и даже не успокоением всего мышления в молчании Невыразимого. Успокоение ментального мышления может составлять часть дисциплины, когда целью является освобождение разума от его собственных частных работ, чтобы он смог стать ровным каналом высшего света и знания; но должна произойти и трансформация ментальной субстанции, ведь иначе высший свет не сможет полностью овладеть ею, и не сможет быть создана неотразимая форма для упорядоченных работ божественного сознания в человеческом существе. Молчание Невыразимого является истиной божественного бытия, но Слово, происходящее из этого молчания, также является истиной, и именно это Слово должно быть дано телу в сознательной форме природы.

Но, в конечном счете, все это выравнивание природы является подготовкой к тому, чтобы высочайшая духовная ровность овладела всем существом и сотворила пропитанную собой атмосферу, в которой свет, сила и радость Божественного может проявиться в человеке среди нарастающей полноты. Эта ровность есть вечная ровность Сатчитананды. Эта ровность является само-существующей ровностью вечного духа, но она отольет по собственному образцу разум, сердце, волю и физическое существо. Эта ровность является ровностью бесконечного духовного сознания, которое будет содержать и основывать божественное истечение и удовлетворение воли божественного знания. Эта ровность является ровностью божественного Тапаса, который будет зачинать светлое действие божественной воли во всей природе. Эта ровность является ровностью божественной Ананды, которая заложит игру божественного универсального восторга, универсальной любви и неограниченного восприятия универсальной красоты. Идеальный ровный мир и покой Бесконечного будет необъятным эфиром нашего совершенствующегося существа, но и идеальное, ровное и совершенное действие Бесконечного через природу, воздействующее на связи вселенной, явится беспрепятственным излиянием его сил в наше существо. В этом смысл ровности в терминах интегральной Йоги.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XII
Путь ровности

Из этого описания полной и совершенной ровности следует, что она имеет две стороны. Поэтому ее надо достигать двумя последовательными движениями. Одно движение освободит нас от действия низшей природы и позволит нам войти в спокойный мир божественного бытия; второе движение высвободит нас в полное бытие и силу высшей природы и позволит нам войти в ровное состояние и универсальность божественного и бесконечного знания, воли действия, Ананды. Первое может быть описано как пассивная или негативная ровность, ровность восприятия, которая беспристрастно встречает коллизии и явления существования и отрицает дуальность видимостей и реакции, которые они навязывают нам. Второе — это активная, позитивная ровность, которая принимает явления существования, но только как манифестацию одного божественного бытия и с ровным откликом на них, приходящим из божественной природы в нас и трансформирующим их в свои сокрытые ценности. Первая ровность живет в мире и покое одного Брахмана и отстраняет от себя природу активного Неведения. Вторая ровность живет в этом же мире и покое, но также и в Ананде Божественного и накладывает на жизнь души в природе знаки божественного знания, силы и блаженства бытия. Именно эта двойная ориентация, объединенная общим принципом, будет определять движение ровности в интегральной Йоге.

Стремление к пассивной или чисто восприимчивой ровности может стартовать с трех разных принципов или позиций, каждая из которых ведет к одному и тому же результату — это стойкость, безразличие и покорность. Принцип стойкости полагается на силу духа внутри нас переносить все контакты, воздействия, внушения феноменальной Природы, которая осаждает нас со всех сторон, без того, чтобы быть одолеваемыми ими и вынужденными терпеть их эмоциональные, чувственные, динамические, интеллектуальные реакции. Внешний разум низшей природы не имеет этой силы. Его сила — это ограниченная сила сознания, которая пытается делать самое лучшее, на что она только способна, со всем тем, что приходит к ней или осаждает ее из большего кружения сознания и энергии, что окружает ее на этом плане существования. То, что внешний разум вообще может поддерживать себя и утверждать свое индивидуальное существо во вселенной, является, в действительности, следствием силы духа внутри него, но он не может привнести вперед всю эту силу или божественность этой силы, чтобы встречать атаки жизни; если бы он мог это делать, он был бы одновременно ровным разумом и мастером и господином своего

мира. В действительности, внешний разум должен справляться, как только он может. Определенные воздействия он способен ассимилировать, выровнять или овладеть ими частично или полностью, на некоторое время или на все время, и в этой степени он имеет эмоциональные и чувственные реакции радости, удовольствия, удовлетворения, симпатии, любви и т.п., либо интеллектуальные и ментальные реакции принятия, одобрения, понимания, знания, предпочтения, и такие воздействия его воля схватывает с притягательностью, желанием, попыткой продлить, повторить, сотворить, завладеть, сделать их приятной привычкой жизни. Другие воздействия внешний разум находит слишком сильными для себя, либо несходными и несогласующимися, либо слишком слабыми, чтобы дать ему удовлетворение; это то, что он не может вынести, либо выровнить с собой, либо усвоить, и он вынужден отвечать на них реакциями страдания, боли, дискомфорта, неудовлетворения, антипатии, неодобрения, отвержения, неспособности понять или узнать, отказа допустить. Он стремится защититься от них, убежать от них, избегать их или свести к минимуму их повторение; для них у него припасены движения страха, гнева, сжатия, ужаса, отвращения, раздражения, досады; он рад бы освободиться от них, но не может избавиться от них, поскольку он привязан к ним и даже провоцирует и привлекает их; ведь эти воздействия составляют часть жизни, он связан с теми вещами, которых мы желаем, и неспособность обращаться с ними является частью несовершенства нашей природы. Третьи же воздействия обычному внешнему разуму удается держать на расстоянии или нейтрализовать их; по отношению к ним он имеет реакцию безразличия, нечувствительности или терпимости, что не является ни позитивным принятием и наслаждением, ни отвержением или страданием. На все вещи, личности, события, идеи, работы, на все, с чем сталкивается разум, у него всегда есть эти три вида реакций. В то же время, несмотря на их обобщенность, в этих реакциях нет ничего абсолютного; они образуют схему привычной шкалы, которая не является точно одинаковой для всех разумов или одного и того же разума в разные времена или при различных условиях. Одно и то же воздействие может вызвать у него в разное время приятные и позитивные реакции, либо неблагоприятные и негативные реакции, либо безразличные и нейтральные реакции.

Душа, которая стремится к мастерству и господству, может начать накладывать на эти реакции встречную и противоположную силу сильной и ровной стойкости. Вместо того, чтобы стремиться защититься от неприятных контактов, либо остерегаться и избегать их, она может встречать их и учить себя дозволять и выносить их со стойкостью, силой, нарастающей ровностью, либо строгим и спокойным принятием. Эта позиция, эта дисциплина приносит три результата, дает три силы души в связи с вещами. Во-первых, душа обнаруживает, что то, что раньше было несносно, теперь стало легко переносимым; возрос масштаб силы, которая встречает это воздействие; требуется все большая и большая сила этого воздействия или его охвата, чтобы вызвать неприятность, боль, страдание, отвержение или любую другую ноту в гамме неприятных реакций. Во-вторых, душа обнаруживает, что сознательная природа делит себя на две части: одна часть

— это обычная ментальная и эмоциональная природа, в которой продолжают происходить привычные реакции, другая же часть относится к высшей воле и высшему разуму, наблюдающему и не затрагиваемому или подверженному страстям этой нишей природы, не принимающему их как свои собственные, не одобряющему, не санкционирующему их и не принимающему в них участия. Тогда низшая природа начинает терять мощь и силу своих реакций, начинает подчиняться внушениям покоя и стойкости из высшего разума и воли, и постепенно это спокойствие и стойкость завладевает ментальным и эмоциональным, даже чувственным, витальным и физическим существом. Это приводит к третьему результату и приносит третью силу — силу благодаря этой стойкости и мастерству, благодаря этому отделению и отвержению низшей природы избавляться от обычных реакций и даже, если мы пожелаем, силой духа переформировывать все наши моды переживания. Этот метод применим не только к неприятным, но и к приятным реакциям; душа отказывается сдаваться им или увлекаться ими; она переносит со спокойствием воздействия, приносящие радость и удовольствие, отказывается возбуждаться ими и заменяет радость и нетерпеливый поиск разума приятных вещей на спокойствие духа. Этот метод применим также к мыслящему разуму в спокойном восприятии знания и ограничений знания, который отказывается увлекаться очарованием притягательных мысле-внушений или отшатываться из-за неприязни к непривычным или неприятным мысле-формам, и ждет Истины с открепленным наблюдением, что позволяет ему расти к сильной, незаинтересованной, мастерской воле и разуму. Так душа постепенно становится ровной по отношению ко всем вещам, становится мастером и господином самой себя, подготовленной к тому, чтобы встречать мир с сильной позицией в разуме и с невозмутимой искренностью духа.

Второй путь обретения ровности — позиция бесстрастного безразличия. Его метод состоит в том, чтобы отвергать одновременно притяжение или отвержение вещей, культивировать для них светлую невозмутимость, запрещающее неприятие, привычку отмежевания и неупотребления. Эта позиция меньше опирается на волю, чем на знание, хотя воля всегда необходима. Именно эта позиция рассматривает эти страсти разума как вещи, рожденные из иллюзии внешней ментальности или как низшие движения, не стоящие спокойной истины единственного и ровного духа или как витальное и эмоциональное возбуждение, которое надо отвергнуть с помощью спокойной наблюдающей воли и бесстрастного интеллекта мудреца. Эта позиция отбрасывает желание от разума, отвергает эго, которое приписывает вещам эти дуальные ценности, и замещает желание на безучастный и безразличный мир и покой, а эго — на чистое *я*, которое не затрагивается, не возбуждается и не расстраивается коллизиями мира. Но при этом не только успокаивается эмоциональный разум, но и интеллектуальное существо тоже отвергает мысли неведения и поднимается за пределы интересов низшего знания к одной истине, сущностной и неизменной. Этот путь также приводит к трем последовательным результатам и дает три силы.

Во-первых, обнаруживается, что разум добровольно связан маленькими радостями и горестями жизни и что в действительности у них нет внутренней власти над ним, если душа просто выбирает отбросить свою привычку беспомощного определения внешними и преходящими вещами. Во-вторых, обнаруживается, что и здесь может быть сделано деление, психологическое разделение между низшим и высшим разумом, между разумом, все еще подчиненным старым привычным связям, и высшим разумом и волей, стоящими позади, чтобы жить в безразличном покое духа. Другими словами, в нас растет внутренний отдельный покой, который наблюдает волнение низших членов, не принимая в нем участия или давая ему какую-то санкцию. Поначалу высший разум часто затуманивается, захватывается, увлекается возбуждением низших членов, но в конце концов это покой становится непреодолимым, постоянным, не сотрясаемым самыми неистовыми толчками, *на дукхена гуринапи викальяте*. Внутренняя душа покоя взирает на волнение внешнего разума с открепленным превосходством или проходящим, невовлеченным снисхождением, таким, какое может быть оказано тривиальным радостям и печалям ребенка; она не считает их своими собственными или опирающимися на какую-либо постоянную реальность. И, в конечном счете, и внешний разум постепенно принимает этот покой и безразличную безмятежность; он перестает быть притягиваемым вещами, которые притягивали его или беспокоили страданиями и неприятностями, которым он обычно приписывал нереальную важность. Так приходит третья мощь, все-пронизывающая сила необъятного спокойствия и мира, блаженство освобождения от осады нашей навязчивой капризной само-терзаемой природы, приходит глубокое невозмутимое огромное счастье касания вечного и бесконечного, замещающее своим постоянством борьбу и сумятицу переменчивых вещей, *брахма-самспаршам атьянтам сукхам ашнуте.* Душа закрепляется в восторге *я, атмарати*, в единственной и бесконечной Ананде духа и больше не охотится за внешними касаниями и их страданиями и удовольствиями. Она обозревает весь мир только как наблюдатель за игрой или действием, в котором она больше не вынуждена участвовать.

Третий путь — это путь покорности, который может быть путем христианского смирения, основанным на покорности воле Бога, либо неэгоистическим принятием вещей и событий как манифестации вселенской Воли во времени, либо полной сдачей личности Божественному, всевышнему Пуруше. Как первый путь ровности был путем воли, а второй путь — путем знания, понимающего рассудка, так и этот третий путь является путем темперамента и сердца и самым сокровенным образом связан с принципом Бхакти. Доведенный до конца, он приводит к тому же самому результату совершенной ровности. Поскольку узел эго ослаблен, и начинает исчезать личное притязание, то мы обнаруживаем, что больше не связаны радостью в приятных вещах или печалью в вещах неприятных; мы встречаем их как без нетерпеливого принятия, так и без взволнованного отвержения, адресуем их Мастеру нашего существа, все меньше и меньше считаемся с их воздействием на нас и придерживаемся только одной вещи, которую мы считаем важной — приближаться к Богу, быть в сопри-

косновении и в согласии с универсальным и бесконечным Существованием, либо быть объединенным с Божественным, быть его каналом, инструментом, слугой, любящим, радуясь в нем и в нашей связи с ним и не имея никакого другого объекта или причины радости или печали. Здесь тоже некоторое время может быть деление между низшим разумом привычных эмоций и высшим психическим разумом любви и само-сдачи, но постепенно низший разум сдается, меняется, трансформируется, поглощается в любви, радости, восторге Божественного и не имеет других интересов или притяжений. Затем все внутри становится ровным миром и покоем и блаженством этого единения, одним молчаливым блаженством, которое превосходит понимание, становится миром и покоем, который остается незатрагиваемым соблазном низших вещей в глубинах нашего духовного существования.

Несмотря на разные стартовые точки, эти три пути совпадают, во-первых, благодаря запрещению обычных реакций разума на касания внешних вещей, *бахья-спаршан*, и, во-вторых, благодаря отделению *я* или духа от внешнего действия Природы. Но, очевидно, наше совершенство будет еще большим и более охватывающе полным, если мы сможем обрести более действенную ровность, которая позволит нам не только отходить от мира или встречать мир в открепленном и отдаленном покое, но и вернуться в него и завладеть им в мощи спокойного и ровного Духа. Это возможно, потому что мир, Природа, действие является на самом деле не совершенно отдельной вещью, а манифестацией *Я*, Все-Души, Божественного. Реакции обычного разума являются деградацией божественных ценностей, которые, не будь этой деградации, сделали бы эту истину очевидной для нас, — это фальсификация, неведение, которое меняет их работы, неведение, которое стартует с инволюции *Я* в слепом материальном незнании. Как только мы вернулись к полному сознанию *Я*, Бога, мы можем затем наложить настоящую божественную ценность на вещи и воспринимать их и воздействовать на них со спокойствием, радостью, знанием, видящей волей Духа. Когда мы начинаем делать так, тогда душа начинает обретать ровную радость во вселенной, ровную волю, обращающуюся со всеми энергиями, ровное знание, которое завладевает духовной истиной за всеми явлениями этой божественной манифестации. Тогда душа владеет миром так, как Божественное владеет им, в полноте бесконечного света, мощи и Ананды.

Поэтому все это существование может быть достигнуто в ходе Йоги позитивной и активной ровности вместо ровности негативной и пассивной. Это требует, прежде всего, нового знания, являющегося знанием единства, — чтобы видеть все вещи как себя и видеть все вещи в Боге и Бога во всех вещах. Тогда есть воля к ровному принятию всех явлений, всех событий, всех личностей и сил в качестве масок *Я*, движений одной энергии, результатов одной мощи в действии, направляемом одной божественной мудростью; и на фундаменте этой воли большего знания растет сила встречать все с необеспокоенной душой и разумом. Должно быть отождествление себя самого с *я* вселенной, должно быть видение и чувствование тождества со всеми творениями, должно быть восприятие всех

сил и энергий и результатов как движений этой энергии своего *я* и поэтому сокровенно своих собственных движений — конечно же, не своего эго-*я*, которое должно смолкнуть, которое должно быть устранено, отброшено, — иначе это совершенство не может придти, — а большего безличностного или универсального *я*, с которым мы теперь едины. Ведь наша персональность является теперь только центром действия того универсального *я*, но центром, сокровенно находящимся в связи и в унисоне со всеми другими персональностями, а также со всеми другими вещами, которые являются для нас только безличностными объектами и силами: но на самом деле они тоже являются мощностями одной безличностной Личности (Пуруши), Бога, *Я* и Духа. Наша индивидуальность является теперь индивидуальностью этой Личности и больше не несовместима со вселенским бытием или отделена от него; эта индивидуальность сама универсализирована, является знатоком вселенской Ананды и составляет одно и любит все, что она знает, на что она воздействует и чем она наслаждается. Ведь к ровному знанию вселенной и к ровной воли принятия вселенной будет добавлен ровный восторг во всей космической манифестации Божественного.

Здесь мы тоже можем описать три результата или три мощности этого метода. Прежде всего, мы развиваем эту силу ровного принятия в духе и в высшем разуме и в воле, которые отвечают духовному знанию. Но также мы находим, что хотя природу можно побудить занять эту общую позицию, но все же есть борьба между высшим разумом и волей и низшим ментальным существованием, которое цепляется за старый эгоистический путь видения мира и реагирования на его коллизии. Затем мы обнаруживаем, что и эти двое, хотя поначалу они запутаны, переплетены друг с другом, перемежевываются, воздействуют друг на друга, борются за обладание, могут быть разделены — высшее духовное может быть выпутано из низшей ментальной природы. Но на этой стадии, пока разум все еще подвержен реакциям страдания, беспокойства, низшей радости и удовольствия, есть и нарастающая трудность, которая не проявляется в той же степени в более ярко выраженной индивидуальной Йоге. Ведь разум чувствует не только собственные неприятности и трудности, но и разделяет радости и страдания других, резонирует с ними в острой симпатии, чувствует их сотрясения с тонкой чувствительностью, делает их своими собственными; и не только это, но и трудности других добавляются к нашим собственным, и силы, противостоящие совершенству, действуют с большим упорством, потому что они чувствуют, что это движение является посягательством на их вселенское царство и попыткой завладеть им, а не просто бегством изолированной души из их империи. Но в конечном счете мы находим, что приходит сила, чтобы преодолеть и эти трудности; высший разум и воля накладывают себя на низший разум, который ощутимо меняется в широкие типы разумов духовной природы; он даже получает восторг, чувствуя, встречая и преодолевая все бедствия, препятствия и трудности, пока они не будут устранены благодаря его собственной трансформации. Тогда все существо начнет жить в окончательной мощи, во вселен-

ском покое и радости, в видящем восторге и воле Духа в себе и в своей манифестации.

Чтобы увидеть, как работает этот позитивный метод, мы можем очень кратко отметить его принцип в трех великих мощностях знания, воли и чувства. Всякая эмоция, чувство, ощущение является способом души встречать манифестации *Я* в природе и приписывать им действенные значения. И то, что чувствует *я*, это вселенский восторг, Ананда. Но, как мы видели, душа в низшем разуме придает им, напротив, значения боли, удовольствия и нейтрального безразличия, которые постепенно переходят друг в друга, и эта постепенность зависит от мощи индивидуализированного сознания встречать, ощущать, усваивать, выравнивать, овладевать тем, что приходит от большего *я*, которое она в ходе отдельной индивидуализации поместила вне себя и сделала как бы не-*я* для своего переживания. Но все время, благодаря большему *Я* внутри нас, существует тайная душа, которая берет восторг во всех этих вещах и черпает силу из всего, что касается ее, и растет благодаря этому, извлекает пользу как из благоприятного, так и неблагоприятного переживания. Это может почувствовать и внешняя душа желания, и, в действительности, благодаря этому мы имеем восторг существования и даже извлекаем определенное удовольствие из борьбы, страдания и более грубых цветов существования. Но чтобы добраться до вселенской Ананды, все наши инструменты должны научиться извлекать не какую-то частичную или искаженную, а сущностную радость всех вещей. Во всех вещах есть принцип Ананды, который может охватить понимание и который может почувствовать восприимчивость как вкус восторга в них, их *расу*; но обычно, вместо этого, они приписывают им произвольные, неровные и противоположные значения; их надо вести воспринимать вещи в свете духа и трансформировать эти предварительные значения в настоящую, ровную и сущностную, духовную Расу. Жизненный принцип должен придавать этому охвату принцип восторга, *раса-грахана*, форму сильного обладающего наслаждения, *бхогу*, благодаря чему все существо жизни резонирует с ним, принимает его и радуется в нем; но обычно, из-за желания, жизненный принцип не может справиться с этой задачей и обращает *бхогу* в три низшие формы — боль и удовольствие, *сукха-бхога дукха-бхога*, и отвержение того и другого, что мы называем нечувствительностью или безразличием. Прана или витальное существо должно быть освобождено от желания и неровностей и принять и обратить в чистое наслаждение *расу*, воспринимаемую пониманием и эстетическим чувством. Тогда больше ничто в инструментах не препятствует тому, чтобы сделать третий шаг, после которого все превращается в полный и чистый экстаз духовной Ананды.

В области знания есть опять же три реакции на вещи: неведение, ошибка и истинное знание. Позитивная ровность принимает все три реакции в качестве стартовой точки движений само-манифестации, которая развивается из неведения через частичное или искаженное знание, что является ошибкой по отношению к истинному знанию. Она будет иметь дело с неведением разума, с тем, чем оно является психологически — затуманенным, завуалированным или завернутым состоянием субстанции

сознания, в котором знание все-знающего *Я* скрыто как в темной оболочке: позитивная ровность будет сосредотачиваться на неведении и с помощью разума и с помощью родственных истин, уже известных, с помощью интеллекта или с помощью интуитивной концентрации будет высвобождать знание из вуали неведения. Она не будет прикреплять себя только к известному или пытаться втиснуть все в его маленькую конструкцию, а будет пребывать на известном и неизвестном с ровным разумом, открытым ко всякой возможности. Точно также она будет обращаться с ошибкой; она будет принимать запутанный клубок истин и ошибок, но не будет прикрепляться к какому-либо мнению, а будет скорее искать элемент истины за всеми мнениями, будет искать знание, сокрытое внутри ошибки, — ибо всякая ошибка является искажением некоторых неправильно понятых фрагментов истины и берет свою жизненность из этого, а не из своего неверного охвата; позитивная ровность будет принимать, но не ограничиваться даже установленными истинами, будет всегда готова к новому знанию и будет искать все более интегральную, более расширенную, примиряющую, объединяющую мудрость. В своей полноте это может придти только путем подъема к идеальному сверхразуму, и поэтому ровный искатель истины не будет прикреплен к интеллекту и его работам или будет думать, что все кончается здесь, а будет готов подняться за пределы этого, принимая каждую стадию восхождения и вклады каждой мощи своего существа, но только будет поднимать их в более высокую истину. Он должен принимать все, но не цепляться ни к чему, не отталкиваться ничем, сколь бы несовершенными или разрушительными ни были бы эти представления, но и не позволять ничего, что завладело бы им в ущерб свободной работе Духу Истины. Эта ровность интеллекта является сущностным условием для подъема к высшему супраментальному и духовному знанию.

Воля в нас, потому что это обычно самая сильная мощь нашего существа, — есть воля знания, воля жизни, воля эмоции, воля, действующая в каждой части нашей природы, — принимает множество форм и отвечает на все различными реакциями, таким как неспособность, ограниченность мощности, мастерство, либо верная воля, неверная или искаженная воля, нейтральное волеизлияние, — в этическом разуме это добродетель, грех и не-этическое волеизлияние, — и другими подобными. Позитивная ровность тоже принимает эти реакции в качестве переплетения временных ценностей, с которого он должен стартовать, но которое он должен трансформировать в универсальное мастерство, в волю Истины и универсального Права, в свободу божественной Воли в действии. Ровной воли не требуется чувствовать раскаяние, печаль или обескураженность над своими ошибками; если эти реакции происходят в обычной ментальности, то ровная воля будет видеть, насколько далеко они указывают на несовершенство и то, что должно быть исправлено, и будет переходить за их пределы к спокойному и ровному руководству. Она будет видеть, что эти ошибки сами по себе необходимы для опыта и в конечном счете являются шагами на пути к цели. Позади внутри всего того, что происходит в нас самих и в мире, она будет искать божественный смысл и божественное руководство; она будет обращена за пределы наложенных ограничений к

умышленному само-ограничению универсальной Мощи, с помощью чего она регулирует свои шаги и ступени, — наложенные на наше неведение, само-наложенные в божественном знании, — и идет за их пределы к единству с неограничиваемой мощью Божественного. Все энергии и действия она будет видеть как силы, исходящие из одного Существования, а их искажения — как несовершенства, неизбежные в развивающийся момент, несовершенства сил, которые были нужны для этого движения; поэтому она будет иметь сострадание ко всем несовершенствам, даже постоянно нажимая ко вселенскому совершенству. Эта ровность откроет природу к руководству божественной и универсальной Воли и подготовит ее к супраментальному действию, в котором мощь души в нас светло наполнена мощью всевышнего Духа и едина с ней.

Интегральная Йога будет использовать как пассивный, так и активный методы согласно потребности природы и водительству внутреннего духа, Антарьямина. Она не будет ограничивать себя пассивным путем, ведь он приведет только к некоторому индивидуальному покойному спасению или отрицанию активного и универсального духовного бытия, что будет несовместимо с тотальностью ее цели. Интегральная Йога будет использовать метод терпеливой стойкости, но она не остановится на обособленной силе и безмятежности, а будет двигаться к позитивной силе и мастерству, в котором больше не будет требоваться стойкость, поскольку *я* тогда будет спокойно и мощно спонтанно обладать вселенской энергией и будет способно легко и счастливо определять все свои реакции в тождестве и Ананде. Интегральная Йога будет использовать метод безучастного безразличия, но не закончится в отчужденном безразличии ко всем вещам, а будет двигаться к высоко расположенному беспристрастному принятию жизни, обладающему силой для трансформации всего переживания в большие ценности ровного духа. Интегральная Йога также будет временно использовать покорность и смирение, но путем полной сдачи личного существа Божественному она достигнет все-обладающей Ананды, в которой не требуется смирения, достигнет совершенной гармонии со вселенским, которая является не просто согласием, а объемлющим тождеством, достигнет совершенной инструментальности и подчинения природного *я* Божественному, благодаря чему Божественное также овладевается индивидуальным духом. Интегральная Йога будет полностью использовать позитивный метод, но выйдет за пределы какого-либо индивидуального принятия вещей, результатом чего явится обращение существования в поле совершенствующегося индивидуального знания, мощи и Ананды. Индивидуальное существо будет иметь все это, но оно также будет обладать тождеством, благодаря которому оно сможет жить в существовании других ради них и не только ради себя, а также для помощи им и в качестве одного из их средств, в качестве сопутствующей и помогающей силы в движении к одному и тому же совершенству. Индивидуальное существо будет жить для Божественного, не избегая существования в мире, не прикрепляясь к земле и небесам, не прикрепляясь и к супракосмическому освобождению, а оставаясь равно единым с Божественным на всех

его планах и способным жить в нем равным образом как в *Я*, так и в манифестации.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XIII
Действие ровности

Проведенные разграничения в достаточной мере показали, что подразумевается под статусом ровности. Это не простой покой и безразличие, не отход от переживания, а превосхождение теперешних реакций разума и жизни. Это духовный способ ответа жизни или, скорее, охвата ее и принуждения ее стать совершенной формой действия *я* и духа. Это первый секрет мастерства души над существованием. Когда мы овладеваем им в совершенстве, мы допускаемся к самому первому основанию божественной духовной природы. Ментальное существо в теле пытается подчинить и покорить жизнь, но на самом деле на каждом шагу оно само подчиняется ей, поскольку подчиняется желанию реакции витального *я*. Быть ровным, не быть превосходимым любым напряжением желания — вот первое условие для настоящего мастерства; само-господство — его базис. Но простая ментальная ровность, сколь бы большой она ни была, склонна к покою и тишине. Она должна предохраняться от желания путем самоограничения в воле и в действии. Только дух способен возвысить как невозмутимую быстроту воли, так и безупречное терпение, быть равно верным как в медленном и взвешенном, так и в быстром и резком действии, быть равно надежным как в тщательно выстроенном и ограниченном, так и необъятном и грандиозном действии. Дух может принять мельчайшую работу в самом узком круге космоса, но он может работать и над кружением хаоса с понимающей и созидательной силой; и он может делать это из-за того, что благодаря своему ограниченному и все же сокровенному принятию он вносит и в то, и в другое бесконечный покой, знание, волю и силу. Он обладает этой открепленностью, потому что он находится над всеми событиями, формами, идеями и движениями, которые он охватывает в своем размахе; и он обладает этим сокровенным принятием, потому что он все же един со всеми вещами. Если бы не это свободное единство, *экатвам анунасьята*, мы не имели бы полной ровности духа.

Первое дело Садхака — это увидеть, обладает ли он совершенной ровностью, как далеко он прошел в этом направлении или же в чем заключается упущение, и постоянно упражнять свою волю на своей природе, либо приглашать волю Пуруши, которая избавила бы его от дефекта и его причины. Садхак должен обладать четырьмя вещами; во-первых, ровностью в самом конкретном практическом смысле этого слова, *саматой*, свободной от ментальных, витальных, физических предпочтений, ровным принятием всех работ Бога внутри и вокруг себя; во-вторых, прочным миром и отсутствием любой возмутимости и обеспокоенности, *шанти*; в-

третьих, позитивным внутренним духовным счастьем и духовной непринужденностью естественного существа, что ничто не может умалить, *сукхам*; в-четвертых, чистой радостью и смехом души, охватывающей жизнь и существование. Быть ровным — это быть бесконечным и универсальным, не ограничивая себя, не связывая себя той или иной формой разума и жизни и ее частными предпочтениями и желаниями. Но поскольку человек в своей теперешней обычной природе живет своими ментальными и витальными формациями, не в свободе духа, то привязанность к ним и желание и предпочтение, которые они включают, также составляют его обычные условия. Поначалу у нас нет выбора, кроме как принять их; выйти за их пределы чрезвычайно трудно и, может быть, полностью не возможно, пока мы вынуждены использовать разум как главный инструмент нашего действия. Поэтому сначала совершенно необходимо отойти от них хотя бы чуть-чуть, не допускать их, даже когда они настаивают в самой сильной форме, навязывают нашей природе свое самое неистовое требование.

Тестом, доказывающим, что мы сделали это, является присутствие невозмутимого покоя в разуме и в духе. Садхак должен быть начеку как свидетельствующий и волящий Пуруша позади разума или, лучше, как только он сможет делать это, над разумом, и отторгать даже малейшие намеки или знаки неспокойствия, тревоги, огорчения, протеста, возмущения в своем разуме. Если эти вещи приходят, он должен сразу же определить их источник, тот дефект, на который они указывают, проступок эгоистического требования, витальное желание, эмоцию или идею, с которых они стартуют, и он должен их расхолаживать с помощью своей воли, своего одухотворенного интеллекта, благодаря единению своей души с Мастером своего существа. Ни на каком основании он не должен признавать никакого их оправдания, сколь бы естественным или допустимым оно бы ни казалось или представлялось бы благовидным. Если это Прана неспокойна и настойчива, тогда он должен отделить себя от беспокойной Праны, держать свою высшую природу укорененной в Будхи, и с помощью Будхи сдерживать и отвергать требования души желания в себе; и точно также он должен поступить, если это сердце эмоции чинит беспокойство и возмущение. Если, с другой стороны, виной этому служит сама воля и интеллект, тогда уже труднее иметь дело с неспокойствием, поскольку в этом случае его главный помощник и инструмент становится соучастником бунта против божественной Воли, и старые грехи низших членов извлекают свою выгоду из этой санкции, поднимая свои пригнутые головы. Поэтому должно быть постоянное настояние на главной идее, на самосдаче Мастеру нашего существа, Богу внутри нас и в мире, всевышнему *Я*, вселенскому Духу. Будхи, всегда пребывая в этой главенствующей идее, должен расхолаживать все свои собственные низшие настояния и предложения и учить все существо тому, что эго, выдвигает ли оно свои требования через рассудок, личную волю, сердце или душу желания в Пране, не имеет ни одного справедливого притязания, и что все страдания, протесты, нетерпения, беспокойства являются выступлениями против Мастера существа.

Эта полная само-сдача должна быть главным оплотом Садханы, потому что это единственный путь, кроме полной тишины и безразличия ко всякому действию, — а этого второго пути надо избегать, — через который может придти абсолютный мир и покой. Не следует позволять тому времени, когда длится неспокойствие, *ашанти*, промежутку времени, затрачиваемому на очищение и совершенствование, становиться причиной для обескураживания и нетерпения. Оно приходит из-за того, что в природе Садханы все еще остается нечто, что отвечает на неспокойствие, и возвращение его служит тому, чтобы выявить наличие этого дефекта, заставить Садхака быть начеку и вызвать более освещенное и сообразное действие воли, чтобы избавиться от него. Когда неспокойствие слишком сильно, чтобы сдержать его, следует позволить ему проявиться, а затем препятствовать его возвращению с помощью большей бдительности и настояния одухотворенного Будхи. При таком настоянии обнаружится, что эти вещи все больше теряют свою силу, становятся все более внешними и краткими в своем возвращении, пока, наконец, покой не станет законом существа. Это правило действует до тех пор, пока ментальный Будхи является главным инструментом; но когда супраментальный свет завладел разумом и сердцем, тогда не может быть неспокойствия, огорчения или возмущения; ведь это принесет с собой духовную природу озаренной силы, в которой эти вещи не могут иметь места. В ней могут быть только те вибрации и эмоции, которые принадлежат природе *анадамайи* божественного единства.

Покой, установленный во всем существе, должен оставаться одним и тем же, не зависимо от происходящего, в здравии и в болезни, в удовольствии и в боли, даже в самой сильной физической боли, в удаче и в неудаче, нашей собственной и тех, кого мы любим, в успехе и в падении, в чести и в надругательстве, в похвале и в упреке, в справедливости по отношению к нам и в несправедливости — во всем том, что обычно воздействует на разум. Если мы видим единство везде, если мы распознаем, что все приходит божественной волей, если мы видим Бога во всем, в наших врагах или, скорее, в наших противниках по игре жизни, как и в наших друзьях, в силах, которые противостоят и сопротивляются нам, как и в силах, которые благоприятствуют и помогают нам, во всех энергиях и силах и во всем происходящем, и если, помимо этого, мы может чувствовать, что все неотделимо от нашего *я*, что весь мир един с нами внутри нашего вселенского бытия, тогда эта позиция становится гораздо более легкой для сердца и разума. Но даже прежде чем мы сможем достичь этого универсального видения или прочно закрепиться в нем, мы должны всеми средствами в наших силах настаивать на этой восприимчивой и активной ровности и покое. Даже что-то от этого покоя, *svalpam api asya dharmasya*, является большим шагом к совершенству; первое укоренение в нем является началом освобожденного совершенства; его полнота станет абсолютной гарантией быстрого прогресса во всех остальных членах совершенства. Ведь без этого покоя у нас нет прочной базы; и из-за явного недостатка его мы будем постепенно скатываться к низшему статусу желания, эго, дуальности, неведения.

Как только достигнут этот покой, витальное и ментальное предпочтение теряет свою возмущающую силу; оно остается лишь как формальная привычка разума. Витальное приятие или отвержение, большая готовность приветствовать то, а не другое событие, ментальное приятие или отвержение, предпочтение той, а не иной идее или истине, как более подходящей, сосредоточение на воли к тому, а не к другому результату, становится формальным механизмом, все еще необходимым в качестве указателя направления, в котором Шакти намеревается повернуть, или используемым сейчас Мастером нашего существа в качестве побудительной силы. Но оно теряет свой возмущающий аспект сильной эгоистической воли, нетерпимого желания, упрямой склонности. Эти видимости могут оставаться некоторое время в уменьшенной форме, но, по мере того, как покой ровности нарастает, углубляется, становится более сущностным и плотным, *гхана*, они исчезают, перестают окрашивать ментальную и витальную субстанции или встречаются только как касания самого внешнего физического разума; они не способны проникнуть внутрь, и, наконец, прекращается даже это возобновление, это появление у наших ворот разума. Тогда может придти живая реальность восприятия того, что все в нас делается и направляется Мастером нашего существа, *yatha prayukto'smi tatha karomi*, что раньше было только слепой идеей и верой с редкими и вторичными проблесками божественного действия за становлением нашей личной природы. Теперь же каждое движение видится формой, даваемой Шакти, божественной мощью в нас, формой на указания Пуруши, все еще, несомненно, персонализированного, все еще приниженного в низшей ментальной форме, но не в первично эгоистической, несовершенной форме, не в позитивной деформации. Затем мы должны выйти за пределы даже этой стадии. Ведь совершенное действие и переживание определяется не каким-либо ментальным или витальным предпочтением, а раскрывающей и вдохновляющей духовной волей, которую направляет Шакти и реальной зачинательницей которой она является. Когда я говорю, что я назначен, что я работаю, я все еще вношу ограничивающий персональный элемент и ментальную реакцию. Но именно Мастер будет делать свою работу через меня как через инструмент, и во мне не должно быть никакого ментального или иного предпочтения, которое ограничивало бы, вмешивалось, служило источником несовершенной работы. Разум должен стать молчаливым светлым каналом супраментальной Истины и Воли, вовлеченной в ее видение. Тогда действие будет действием того высочайшего Существа и Истины, а не ослабленной трансляцией или неверной трансляцией в разуме. Какие ограничения, выборы, связи не будут наложены, они будут само-наложены Божественным на себя самого в индивиде в какой-то момент для его собственной цели, и не будет связывающим, конечным, невежественным определением разума. Тогда мышление и воля станут действием из светлого Бесконечного, формулировкой, поглощающей или даже трансформирующей их и переходящей к более крупным формациям божественного знания и действия.

Первый приходящий покой имеет природу мира, отсутствия всякого беспокойства, огорчения и волнения. По мере того, как ровность стано-

вится все более интенсивной, она обретает более полную субстанцию позитивного согласия и духовной легкости. Это сама радость духа в себе, не зависящая ни от чего внешнего для своего абсолютного существования, *нирашрайя*, как Гита описывает ее, *antah-sukho'ntararamah*, превышающая внутреннее счастье, *brahmasamsparsam atyantam sukham asnute.* Ничто не может возмутить эту ровность, и она расширяется на взгляд души на внешние вещи, накладывает на них тоже закон этой спокойной духовной радости. Ведь базисом этой ровности является недвижимый покой, это ровная и спокойная нейтральная радость, *ахайтука*. И по мере того, как нарастает супраментальный свет, приходит большая Ананда, базис обильного экстаза духа во всем сущем, она имеет природу смеха Шакти, светло делающей работу Божественного и берущей его Ананду во всех мирах.

Совершенное действие ровности трансформирует все ценности вещей на базисе божественной мощи *анандамайи*. Внешнее действие может оставаться таким, каким оно было, или может измениться, — это как решит Дух в соответствии с необходимостью той работы, которая должна быть проделана для мира, — но все внутреннее действие будет принадлежать другому роду. Шакти в своих различных мощностях знания, действия, наслаждения, творения, формулировки будет направлять себя к различным целям существования, но в другом духе; они будут целями, плодами, линиями работы, заложенными Божественным из его света свыше, не чем-то, требующим это ради его собственной отдельной выгоды. Разум, сердце, витальное существо, само тело будет удовлетворено всем, что приходит к ним из распределения Мастера существа, и в этом они будут находить самое тонкое и все же самое полное одухотворенное удовлетворение и восторг; но божественное знание и воля свыше будут работать ко своим дальнейшим целям. Здесь как успех, так и неудача теряют свой сегодняшний смысл. Не может быть неудачи; ведь все происходящее является намерением Мастера миров, не окончательным, а шагом на его пути, и если оно кажется противодействием, поражением, отрицанием, даже, на минуту, полным отрицанием цели, поставленной перед инструментальным существом, то это так только в видимости, и впоследствии это окажется на своем верном месте в системе действий Божественного, — более полное супраментальное видение может сразу же или прежде увидеть необходимость и истинную связь происходящего с конечным результатом, по отношению к которому оно кажется столь противоположным и даже, возможно, его явным запрещением. Или, если — пока свет недостаточный — было неправильное понимание будь то по отношению к цели или ходу действия и шагов к результату, тогда неудача приходит как поправка и спокойно принимается без разочарования или колебания воли. В конце концов обнаруживается, что нет такой вещи, как падение, и душа извлекает равный пассивный или активный восторг из всего происходящего как из шагов и формулировок божественной Воли. Та же самая эволюция происходит и по отношению к везению и невезению, приятному и неприятному в любой форме, *mangala amangala, priya apriya.*

И что касается происходящего, то касается и личностей — ровность приносит полное изменение взгляда и позиции. Как первый результат

ровного разума и духа приходит нарастающее сострадание и внутренняя терпимость ко всем личностям, идеям, взглядам, действиям, потому что становится видно, что Бог находится во всех существах, и каждое существо действует согласно своей природе, своей *свабхаве*, и ее теперешним формулировкам. Когда есть позитивная ровная Ананда, тогда это ощущение углубляется до сочувственного понимания и, наконец, до ровной универсальной любви. Ни одной из этих вещей не требуется препятствовать разнообразным связям или различным формулировкам внутренней позиции, соответствующим потребности жизни, определяемой духовной волей, либо надежным продвижением этой идеи, взгляда, действия против другой идеи, взгляда, действия для той же самой потребности и цели в ходе того же самого определения, либо предохраняться от сильного внешнего или внутреннего сопротивления, противодействия и действия против сил, вызванных стоять на пути предписанного движения. И может быть даже натиск энергии Рудры, мощно работающей или разбивающей человеческие или другие препятствия, потому что это необходимо как для человека, так и для мировой цели. Но сущность ровной внутренней позиции не меняется и не уменьшается этими более поверхностными формулировками. Дух, коренная душа остается одной и той же, даже в то время, когда Шакти знания, воли, действия, любви делает свою работу и принимает различные формы, необходимые для своей работы. И в конце концов все становится формой светлого духовного единства со всеми личностями, энергиями, вещами в бытии Бога и светлой, духовной, одной и универсальной силы, в которой собственные действия становятся нераздельной частью действия всего, не отделено от него, а полностью чувствует каждую связь как связь с Богом во всем в комплексных выражениях его вселенского тождества. Эта полнота вряд ли может быть описана на языке делящего ментального разума, поскольку она использует все свои противоположности и все же избегает их, а также она не может быть выражена в терминах нашей ограниченной ментальной психологии. Эта полнота принадлежит другой сфере сознания, другому плану нашего бытия.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XIV
Сила инструментов

Вторую часть Йоги само-совершенства составляет возвышенная, расширенная и очищенная сила инструментов нашей обычной Природы. Для культивирования этого второго совершенства не требуется ждать надежной гарантии ровного разума и духа, но только в этой гарантии это совершенство может стать полным и действовать в безопасности божественного руководства. Цель этого культивирования — сделать природу подходящим инструментом для божественных работ. Вся работа делается силой Шакти, и поскольку интегральная Йога предполагает не отказ от работы, а делание всех работ из божественного сознания и со всевышним водительством, то характерные мощности инструментов — разум, жизнь и тело — должны быть не только очищены от дефектов, но и подняты к способности большего действия. В конечном счете они должны подвергнуться духовной и супраментальной трансформации.

Есть четыре составляющих этой второй части Садханы или дисциплины само-совершенства, и первой составляющей является верная Шакти, верное состояние мощностей интеллекта, сердца, витального разума и тела. Сейчас можно предлагать только предварительное совершенство последнего инструмента из этой четверки, поскольку с полным Сидхи мы будем иметь дело лишь после того, как я скажу о сверхразуме и его влиянии на остальную часть существа. Тело является не только необходимым внешним инструментом физической части действия, но и, для целей этой жизни, базой или пьедесталом для всего внутреннего действия. Всякая работа разума или духа отражается вибрацией в физическом сознании, записывается там в некоторой вторичной системе телесной символики и передается материальному миру, по меньшей мере, частично, через физическую машину. Но тело человека имеет природные ограничения этой способности, которые накладываются на игру высших частей его существа. И, во-вторых, тело имеет собственное подсознательное сознание, в котором оно с упрямой верностью хранит прошлые привычки и прошлую природу ментального и витального существа и которое автоматически противостоит и сопротивляется любому самому значительному изменению или, по крайней мере, препятствует тому, чтобы оно стало радикальной трансформацией всей природы. Очевидно, что если нам суждено иметь свободное божественное или духовное и супраментальное действие, ведомое силой и соответствующее характеру более божественной энергии, тогда некая гораздо более полная трансформация должна быть проведена в этом внешнем характере телесной природы. Физическое существо чело-

века всегда ощущалось искателями совершенства как великое препятствие, так что вошло в привычку отворачиваться от него с презрением, отвержением или отрицанием и желанием полностью, или насколько возможно, подавить тело и физическую жизнь. Но это не может быть верным методом интегральной Йоги. Тело дается нам как инструмент, необходимый для полноты наших работ, и его надо использовать, а не пренебрегать им, портить его, подавлять или разрушать. Если он несовершенен, сопротивляется, упорствует, то же самое делают и другие члены — витальное существо, сердце и разум и рассудок. Подобно им тело должно быть изменено и усовершенствовано, и оно также должно подвергнуться трансформации. Как мы должны обрести для себя новую жизнь, новое сердце, новый разум, так, в определенном смысле, мы должны построить для себя новое тело.

Первым делом воля должна накладывать на тело новую привычку всего его бытия, сознания, силы и внешнего и внутреннего действия. Тело должно учиться быть полностью пассивным сначала в руках высших инструментов, но в конечном счете — в руках духа и управляющей и осведомляющей Шакти. Тело должно приучиться не накладывать собственные пределы на более возвышенные члены, а формировать свое действие и свой отклик на их требования, развивать, можно сказать, более высокую нотную грамоту, более высокую шкалу откликов. Сейчас нотная грамота тела и физического сознания в очень большой степени ограничивает музыку, производимую этой человеческой арфой Бога; ноты, которые мы получаем из духа, из психической души, из большей жизни за нашей физической жизнью, не могут свободно приходить, не могут развивать свои высокие, мощные и надлежащие мелодии. Это условие должно быть обращено; тело и физическое сознание должны развить привычку допускать эти высшие мелодии и формировать себя в соответствии с ними, так что теперь не тело и физическое сознание, а более благородные части природы должны определять музыку нашей жизни и существа.

Контроль над телом и жизнью с помощью разума и его мышления и воли является первым шагом к этому изменению. Вся Йога подразумевает доведение этого контроля до очень высокого уровня. Но затем разум сам должен уступить место духу, духовной силе, сверхразуму и супраментальной силе. И в конечном счете тело должно развить совершенную мощь содержать любую силу, внесенную в него духом, и проводить ее действия, не проливая и не тратя ее впустую или ломаясь самому. Тело должно быть способно наполняться и мощно использоваться любой интенсивностью духовного или высшего разума, либо жизненной силы, но без того, чтобы какая-либо часть механического инструмента возбуждалась, расстраивалась, ломалась или повреждалась напором или давлением, — как мозг, витальная оболочка или моральная природа часто повреждаются в тех, кто неблагоразумно пытаются практиковать Йогу без подготовки или чрезмерными средствами, либо опрометчиво приглашают мощь, которую они не в состоянии интеллектуально, витально или морально вынести, — и, таким образом наполненное, тело должно иметь способность работать нормально, автоматически, точно в согласии с волей духовного или дру-

гого необычного на сегодня агента, не искажая, ослабляя или неправильно транслируя его намерения и упор. Эта способность удержания, *дхаранашакти*, в физическом сознании, энергии и машинерии является самой важной Сидхи или совершенством тела.

Цель этих изменений — сделать тело совершенным инструментом духа. Духовная сила сможет делать то, что хочет и как хочет в теле и через тело. Она сможет проводить неограниченное действие разума или, на высшей стадии, сверхразума, без того, чтобы тело предавало это действие усталостью, неспособностью, непригодностью или фальсификацией. Духовная сила также сможет вливать в тело полный поток жизненной силы и проводить широкое действие и радость совершенного витального существа без того раздора и несоответствия, что возникает между жизненными инстинктами и жизненными импульсами и недостаточным физическим инструментом, который они обязаны использовать. Духовная сила также сможет проводить полное действие одухотворенного психического существа — действие не фальсифицированное, деградированное или каким-либо образом смешанное с низшими инстинктами тела — и использовать физическое действие и выражение как свободное символьное отображение более высокой психической жизни. И в самом теле будет присутствие величия поддерживающей силы, обильная прочность, энергия и могущество исходящей и управляющей силы, легкость, быстрота и приспособляемость нервного и физического существа, удерживающая и отзывчивая мощь во всей физической машине и в ее ведущих пружинах*, на что сейчас не способно тело даже в своем самом сильном и самом лучшем состоянии.

Эта энергия не будет, по существу, внешней, физической или мускульной силой, а будет иметь природу, прежде всего, неограниченной жизненной мощи или пранической силы и, во-вторых, поддерживающей и использующей эту праническую энергию, превосходящей или всевышней воли-мощи, действующей в теле. Игра пранической Шакти в теле или форме является условием всего действия, даже кажущегося самого неоживленного физического действия. Именно вселенская Прана, как древние знали об этом, в разнообразных формах поддерживает или правит материальной энергией во всех физических вещах начиная с электрона, атома и газа вплоть до метала, растения, животного, физического человека. Заставить эту праническую Шакти действовать более свободно и более мощно в теле являлось намеренной или ненамеренной попыткой всех, кто стремился к большему совершенству тела и в теле. Обычный человек пытается командовать телом механически и с помощью физических упражнений и других телесных средств, хатха-йогин делает это более возвышенно и гибче, но все еще механически с помощью асан и пранаям; но для нашей цели телом можно командовать с помощью более тонких, существенных и более гибких средств; прежде всего, с помощью воли в разуме, широко открывая себя к и мощно призывая вселенскую праническую Шакти и закрепляя ее самое сильное присутствие и наиболее мощную работу в теле; затем с помощью воли в разуме, открывая себя больше духу и его мощи и призывая высшую праническую энергию свыше, супрамен-

---

* *mahattva, bala, laghuta, dharana-samarthya*.

тальную праническую силу; наконец, на последнем шаге, с помощью высочайшей супраментальной воли духа, входящей и принимающей непосредственно на себя задачу совершенствования тела. В действительности, это всегда именно воля внутри правит и делает эффективным праническим инструмент, даже когда она использует то, что кажется чисто физическими средствами; но поначалу она зависит от низшего действия. Когда мы идем выше, это отношение постепенно обращается; тогда воля способна действовать в собственной мощи или обращаться с остальным только как с подчиненным инструментарием.

Большинство людей не сознают эту праническую силу в теле или не могут отделить ее от более физической формы энергии, которую она наполняет и использует в качестве своего транспортного средства. Но по мере того, как в ходе практики Йоги сознание становится более тонким, мы можем начать осознавать море пранической Шакти вокруг нас, чувствовать ее ментальным сознанием, видеть ее течения и движения, и направлять ее и воздействовать на нее непосредственно с помощью воли. Но пока мы не начали таким образом осознавать ее, мы должны иметь, по крайней мере, экспериментальную веру в ее присутствие и в способность воли развить большее командование и использование этой Пранической силы. Обязательно должна быть вера, *шрадхи*, в силу и способность разума наложить свою волю на состояние и действие тела, какую имеют те, кто лечат болезни с помощью веры, воли или ментального действия; но мы должны искать этот контроль не только для этого или любого другого ограниченного применения, но и вообще как законную силу внутреннего и большего над внешним и меньшим инструментом. Эта вера подрывается прошлыми привычками нашего разума, нашим фактическим обычным переживанием ее относительной беспомощности в нашей теперешней несовершенной системе и противоположной верой в теле и в физическом сознании. Ведь они тоже имеют собственную ограниченную *шрадху*, которая противостоит идее в разуме, когда он стремится наложить на эту систему закон высшего еще недостигнутого совершенства. Но по мере того, как мы настаиваем и получаем в переживании доказательство этой силы и способности разума, эта вера в разум становится способной закрепиться прочнее и расти в энергии и действенности, а также противоположная вера в теле начинает меняться, допускать то, что она сначала отрицала, и не только принимает в свои привычки это новое ярмо, но и сама призывает это высшее действие. Наконец мы начинаем реализовывать ту истину, что это существо, коим мы являемся, становится или может стать всем, во что оно имеет веру и волю становления, — ведь вера - это только воля, нацеленная на большую истину, — и перестаем устанавливать пределы нашей возможности или отрицать потенциальное всемогущество *Я* в нас, божественной Мощи, работающей через человеческий инструмент. Однако это, по крайней мере как практическая сила, приходит на поздней стадии высшего совершенства.

Прана не только является силой для действия физической и витальной энергии, но и поддерживает ментальное и духовное действие. Поэтому полная и свободная работа пранической Шакти требуется не только

для низшего, но все еще необходимого изменения, но и для свободного и полного действия разума, сверхразума и духа в инструментальности нашей комплексной человеческой природы. В этом главный смысл использования упражнений Пранаямы для контроля витальной силы и ее движений, что составляет такую важную и совершенно необходимую часть определенных систем Йоги. Тем же самым мастерством должен овладеть искатель интегральной Йоги; но он может достичь этого другими средствами, и, во всяком случае, он не должен зависеть от какого-либо физического или дыхательного упражнения для его овладения и поддержания, ведь это сразу же внесет ограничение и подчинение Пракрити. Ее инструментарий должен гибко использоваться Пурушей, но он не должен стать фиксированным контролем Пуруши. Необходимость пранической силы, однако, остается и станет очевидной для нашего само-изучения и переживания. В Ведическом образе праническая сила предстает конем и повозкой воплощенного разума и воли, *вакханой*. Если прана полна силы, быстроты и изобилия всех своих мощностей, тогда разум может идти путями своего действия с полным и беспрепятственным движением. Но если прана увечна, быстро устает, инертна или слаба, тогда ее неспособность накладывается на исполнение воли и деятельность разума. То же самое правило относится и к сверхразуму, когда он впервые приходит в действие. В действительности есть состояния и действия, в которых разум вбирает в себя праническую Шакти, и эта зависимость вообще не чувствуется; но даже тогда там есть сила, хотя и вовлеченная в чистую ментальную энергию. Сверхразум, когда он обретает полную силу, может делать все, что угодно, с пранической Шакти, и мы обнаруживаем, что, в конечном счете, эта сила жизни трансформируется в тип супраментализированной Праны, которая является просто одной движущей силой того большего сознания. Но это относится к поздней стадии Сидхи Йоги.

Затем снова есть психическая Прана, пранический разум или душа желания; это тоже требует собственного совершенства. Здесь также первой необходимостью является полнота витальной способности в разуме, ее сила делать свою полную работу, завладеть всеми побуждениями и энергиями, данными нашей внутренней психической жизни для исполнения в этом существовании, удерживать их и быть средством для осуществления их с силой, свободой, совершенством. Многие вещи, которые нужны нам для нашего совершенства, отваги, мощи воли, эффективной в жизни, все элементы того, что мы сейчас называем силой характера и силой личности, по части их самой полной силы и пружины энергичного действия в очень большой степени зависят от полной психической Праны. Но наряду с этой полнотой должна быть установившаяся радость, ясность и чистота в психическом жизненном существе. Эта динамика не должна быть беспокойной, очень горячей, бурной, судорожно или грубо страстной силой; там должна быть энергия, она должна иметь восторг своего действия, но это должна быть ясная и довольная и чистая энергия, установленный и надежно поддержанный чистый восторг. И в качестве третьего условия своего совершенства, психическая Прана должна быть сбалансирована в совершенной ровности. Душа желания должна изба-

виться от шума, настояния или неровности своих желаний, чтобы эти желания могли быть удовлетворены по справедливости, с верным балансом и правильным образом, и в конечном счете она должна вообще освободить их от характера желания и преобразовать их в побуждения божественной Ананды. С этой целью она не должна ни требовать, ни пытаться навязать себя сердцу, разуму или духу, а должна принимать с сильной пассивной и активной ровностью любое побуждение и команду, приходящую к ней от духа через канал спокойного разума и чистого сердца. И она также должна принимать любой результат импульса, даваемый ей Мастером нашего существа, не зависимо от того, сколь большое наслаждение он дает, пусть даже вообще никакого наслаждения. В то же самое время обладание и наслаждение является законом психической Праны, ее функцией, применением, Свадхармой. Не предполагается умертвить или подавить Прану, сделать ее тупой в восприимчивой к мощи, мрачной, подавленной, увечной, инертной или невыразительной. Она должна иметь полную мощь обладания, довольную силу наслаждения, ликующую мощь чистой и божественной страсти и восторга. Наслаждение, которое она будет иметь, будет в своей сущности духовным блаженством, но таким, которое вбирает в себя и трансформирует ментальную, эмоциональную, динамическую, витальную и физическую радость; поэтому она должна иметь интегральную способность для всего этого, и не должна из-за неспособности или усталости подводить дух, разум сердце, волю и тело. Полнота, ясная чистота и радость, ровность, способность к обладанию и наслаждению является четырехкратным совершенством психической Праны.*

Следующим инструментом, требующим совершенства, является *чита*, и в полный смысл этого выражения мы можем включить эмоциональное и чистое психическое существо. Это сердце и психическое существо человека, пронизанное нитями жизненных инстинктов, является вещью смешанных непостоянных оттенков эмоции и вибраций души, плохих и хороших, счастливых и несчастливых, удовлетворенных и неудовлетворенных, беспокойных и спокойных, интенсивных и смутных. Так возбужденное и наводненное, оно не знает настоящего мира и покоя, не способно на ровное совершенство всех своих сил. С помощью очищения, ровности, света знания, гармонизации воли оно может быть доведено до спокойной интенсивности и совершенства. Первые два элемента этого совершенства — это, с одной стороны, высокая и широкая сладость, открытость, мягкость, спокойствие, ясность, с другой стороны — крепкая и горячая сила и интенсивность. В божественном, не меньше чем в обычном человеческом характере и действии, всегда есть две нити — сладость и прочность, мягкость и сила, *сумья* и *рудра*, сила, которая терпит и гармонизирует, и сила, которая навязывает себя и заставляет, Вишну и Ишана, Шива и Рудра. Эти две силы равным образом необходимы для совершенного действия в мире. Искажением силы Рудры в сердце является бурная страсть, гнев и свирепость и жестокость, суровость, грубость, безжалостность, эгоистическая амбиция и любовь к насилию и доминированию. От

---

* *purnata, prasannata, samata, bhoga-samarthya.*

этих и других человеческих искажений надо избавиться с помощью расцвета спокойного, ясного и сладкого психического существа.

Но, с другой стороны, неспособность силы — это тоже несовершенство. Вялость и слабость, само-потакание, определенная слабохарактерность и безволие или инертная пассивность физического существа являются последними результатами эмоциональной и физической жизни, в которой энергия и сила утверждения были подавлены, обескуражены или убиты. А также не будет полным совершенством иметь только силу, которая лишь терпит, или культивировать только сердце любви, милосердия, терпимости, мягкости, кротости, смирения и снисходительности. Другая сторона совершенства — это сдержанная, спокойная и неэгоистичная мощь Рудры, вооруженная психической силой, энергией сильного сердца, способная поддерживать без робости настоятельное, внешне суровое или даже, если требуется, насильственное действие. Неограниченный свет энергии, сила, могущество, гармонизированная со сладостью сердца и ясностью, способной быть единой с ним в действии, зарница Индры, начинающаяся из сферы нектарных лунных лучей Сомы — вот двойное совершенство. И обе эти вещи — *сумьятва*, *теджас* — должны основывать свое присутствие и действие на прочной ровности характера и психической души, освобожденной от любой непроработанности и любой крайности или дефекта сердца или силы сердца.

Другим необходимым элементом является вера в сердце — вера во вселенское благо и воля к нему, открытость ко вселенской Ананде. Чистое психическое существо имеет сущность Ананды, оно приходит из души восторга во вселенной; но поверхностное эмоциональное сердце одолевается конфликтующими видимостями мира и страдает от многих реакций печали, страха, депрессии, страсти, коротко живущей и частичной радости. Для совершенства требуется ровное сердце, но не только пассивная ровность; должно быть ощущение божественной мощи, созидающей благо за всеми переживаниями, должна быть вера и воля, которая может превратить яд мира в нектар, видеть за враждебностью более счастливое духовное намерение, видеть мистерию любви за страданием, цветок божественной силы и радости в семени боли. Требуется эта вера, *кальяна-шрадха*, чтобы сердце и все открытое психическое существо могло отвечать тайной божественной Ананде и превращать себя в эту истинную изначальную сущность. Эта вера и воля должны сопровождаться и открываться в неограниченную широчайшую и интенсивнейшую способность любви. Ведь главное дело сердца, его истинная функция — это любовь. Это назначенный нам инструмент полного единения и тождества; ведь недостаточно только видеть тождество мира путем понимания, мы должны также чувствовать его сердцем и в психическом существе, и это означает восторг в Одном и во всех существованиях в мире в Нем, любовь Бога и всех существ. Вера сердца в добро и воля к нему основаны на восприятии одного Божественного, присущего всем вещам и ведущего мир. Вселенская любовь должна быть основана на зрении сердца и психического и эмоционального чувства одного Божественного, одного *Я* во всем существовании. Все четыре элемента образуют тогда единство, и тогда даже

мощь Рудры вести сражение ради блага и справедливости будет протекать на базисе мощи вселенской любви. Таково высочайшее и самое характерное совершенство сердца, *према-самартья*.

Последнее совершенство — это совершенство интеллекта и думающего разума, *будхи*. Прежде всего требуется ясность и чистота интеллекта. Он должен быть освобожден от требований витального существа, которое стремится навязать разуму желание вместо истины, от требований беспокойного эмоционального существа, которое старается окрасить, исказить, ограничить и фальсифицировать истину оттенком и формой эмоций. Интеллект также должен быть свободен от собственного дефекта — от инерции мыслящей силы, от препятствующей узости и нежелания открыться знанию, от интеллектуальной недобросовестности в мышлении, от предубеждения и предпочтения, от само-воли в рассудке и от ложной схоластики воли к знанию. Его единственная воля должна сделать себя незапятнанным зеркалом истины, ее сущностью и ее форм, ее мер и связей, стать ясным зеркалом, правильной мерой, тонким и возвышенным инструментом гармонии, интегрального интеллекта. Тогда этот ясный и чистый интеллект сможет стать прозрачной вещью света, чистым и сильным излучением, испускаемым солнцем Истины. Но, опять же, он должен стать не просто интеллектом сконцентрированного сухого или белого света, а быть способным на разнообразие понимания, быть податливым, богатым, гибким, сверкающим со всем пламенем и разнообразием во всех цветах проявления Истины, быть открытым ко всем ее формам. И так вооруженный, он избавится от ограничений, не будет зажатым в той или иной способности или форме или в работе знания, а станет инструментом, готовым и способным к любой работе, требуемой от него Пурушей. Чистота, ясное излучение, богатое и гибкое разнообразие — вот четырехкратное совершенство думающего интеллекта, *вишудхи*, *пракаша*, *викитра-бодха*, *сарвайнана-самартья*.

Обычные инструменты, так усовершенствованные, будут действовать каждый своим образом, без недолжного вмешательства друг в друга, и будут служить беспрепятственной воле Пуруши в гармонизированной тотальности нашего природного существа. Это совершенство должно постоянно расти в своей способности действия, энергии и силе своей работы и в определенном величии охвата полной природы. Тогда инструменты станут готовыми к трансформации в их собственное супраментальное действие, в котором они найдут более полную, объединенную и светлую духовную истину целостной усовершенствованной природы. Средства этого совершенства инструментов мы рассмотрим позднее; а сейчас будет достаточно сказать, что главными условиями являются воля, само-наблюдение, само-знание и постоянная практика, *абхьяса*, само-модификации и трансформации. Пуруша обладает этой способностью; ведь дух внутри всегда может менять и совершенствовать работу своей природы. Но ментальное существо должно открыть этот путь с помощью ясного и внимательного само-наблюдения, открытия себя ищущему и тонкому само-знанию, что дает ему понимание и, в нарастающей степени, мастерство его природных инструментов, неусыпную и настоятельную волю само-модификации и

само-трансформации — ведь Пракрити должна, в конце концов, ответить той воли, какой бы ни была трудность и каким бы ни было начальное или затянувшееся сопротивление, — и верную практику, которая будет постоянно отвергать все дефекты и искажения и заменять их на правильное состояние и правильную и расширенную работу. Аскеза, Тапасья, терпение, преданность и честность знания и воли — все это требуется до тех пор, пока не вмешается большая Мощь, чем наше ментальное *я*, чтобы осуществить более легкую и скорую трансформацию.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XV
Душа-Сила и четырехкратная Личность

Совершенствование обычного разума, сердца, Праны и тела дает нам совершенство только психологической машины, которую мы должны использовать, и создает определенные правильные инструментальные условия для божественной жизни и работ, проживаемых и делаемых с более чистой, более значительной, более ясной силой и знанием. Следующий вопрос — это вопрос Силы, которая влилась в инструменты, *караны*, и того Одного, кто работает ею для своих вселенских целей. Сила, работающая в нас, должна быть явной божественной Шакти, всевышней или вселенской Силой, развуалированной в освобожденном индивидуальном существе, *пара пракрити дживабхута*, которое будет делателем всех работ и мощью этой божественной жизни, *карта*. Тот Один, стоящий за этой силой, будет Ишварой, Мастером всего бытия, с кем все наше существование будет в нашем совершенствовании Йогой одновременно тождества в бытии и единения в разнообразных связях души и ее природы с Божеством, которое находится внутри нас и в ком также мы живем, движемся и имеем свое бытие. Это та Шакти с Ишварой в ней или за ней, чье божественное присутствие и божественный путь мы должны призывать во все наше существо и жизнь. Ведь без этого божественного присутствия и этой более значительной работы не может быть никакой Сидхи сил природы.

Вся деятельность человека в жизни является связью присутствия души и работ, связью Пуруши и Пракрити. Присутствие и воздействие Пуруши представляет себя в природе как определенная мощь нашего бытия, которую мы можем назвать для нашей непосредственной цели душой-силой; и всегда именно эта душа-сила поддерживает все работы мощностей рассудка, разума, жизни и тела и определяет склад нашего сознательного существа и тип нашей природы. Обыкновенный, обычно развитый человек обладает этим в подчиненной, модифицированной, механизированной, затемненной форме в качестве характера и темперамента; но это только самая внешняя матрица, в которой Пуруша, сознательная душа или существо, кажется ограниченным, обусловленным и получившим некую форму с помощью механической Пракрити. Душа вливается в любые матрицы интеллектуального, этического, эстетического, динамического, витального и физического разума и типа, которые принимает развивающаяся природа, и может действовать только тем путем, которым эта сформированная Пракрити снабдила ее, и двигаться в ее узкой колее или по сравнительно широкому кругу. В соответствии с этим человек становится сатвическим, раджасическим или тамасическим, либо обретает

смесь этих качеств, и его характер является лишь чем-то вроде более тонкой окраски души, которая была придана главной явно выраженной деятельности этих смешанных мод его природы. Люди большей силы получают на поверхности больше этой душе-мощи и развивают то, что мы называем сильной или великой личностью, они имеют в себе нечто от Вибхуты, как описывается в «Гите», *vibhutimat sattvam srimad urjitam eva va*, обладают более высокой мощью существа, часто затронутой или иногда наполненной божественным откровением или более чем обычной манифестацией Божества, которое в действительности присутствует во всем, даже в самом слабом и самом затуманенном живом существе, но здесь некая особая сила Божества начинает выходить из-за вуали среднего человечества, и есть нечто прекрасное, притягательное, великолепное или мощное в этих исключительных личностях, которые блистают в своей персональности, характере, жизни и работе. Эти люди также работают в типовом образце своей природной силы в соответствии с ее гунами, но в них есть и нечто совершенно явное и все же не легко анализируемое, что в действительности является прямой мощью *Я* и духа, использующего к глубокой цели матрицу и направление природы. Благодаря этому сама природа поднимается к более высокой ступени своего бытия. Многое в работе этой Силы может казаться эгоистическим или даже извращенным, но все же это касание Божества, даже если оно принимает Дейвическую, Асурическую или Ракшасическую форму, которое направляет Пракрити и использует ее для собственной более значительной цели. Еще более развитая мощь существа выявит настоящий характер этого духовного присутствия, и тогда оно будет видно как нечто безличностное и само-существующее и само-уполномоченное, как сущая душе-сила, отличная от разума-силы, жизни-силы, силы интеллекта, но которая видит их и, даже и следуя до определенной степени схеме их работы, Гуне, типу природы, все же накладывает свой штамп изначального превосхождения, безличности, чистого огня духа, чего-то, находящегося за пределами гун нашей обычной природы. Когда душа в нас свободна, тогда то, что было позади этой душе-силы, выходит во всем своем свете, красоте и величии, в Духе, Божестве, что делает природу и душу человека своим основанием и живым представителем в космическом бытии, действии и жизни.

Божество, дух, проявленный в Природе, появляется в море бесконечного качества, Анатна-гуне. Но исполнительная или механическая Пракрити обладает троекратной Гуной — это Сатва, Раджас и Тамас — так что Ананта-гуна, духовная игра бесконечного качества, модифицирует себя в этой механической природе в эти три типа гун. А в душе-силе в человеке это Божество в Природе представляет себя в качестве четырехкратной действенной Мощи, *caturvyuha*, Мощи к знанию, Мощи к силе, Мощи к взаимности и действенной и продуктивной связи и взаимообмена, Мощи к работе, труду и служению, и ее присутствие отливает всю человеческую жизнь в отношения и внутреннюю и внешнюю деятельность этих четырех вещей. Древнее мышление Индии, осознающее этот четырехкратный тип действующей человеческой личности и природы, сделало из него четыре типа — Брамина, Кшатрия, Вайшью и Шудру — каждого со своим духов-

ным поворотом, этическим идеалом, соответствующим воспитанием, фиксированной функцией в обществе и местом на эволюционной шкале духа. Как всегда, как бывает в случаях, когда мы слишком напираем на внешнюю сторону и механизируем более тонкие истины нашей природы, это стало тяжелой и поспешной системой, несовместимой со свободой, с изменчивостью и комплексностью более тонкого развивающегося духа в человеке. Тем не менее, за этой системой стоит истина, и эта истина имеет существенное значение для совершенствования наших природных сил; но мы должны взять эту систему в ее внутренних аспектах и, прежде всего, в аспекте личности, характера, темперамента, типа души, затем в аспекте души-силы, которая находится за ними и носит эти формы, и, наконец, в аспекте игры свободной духовной Шакти, в которой она находит свою кульминацию и единство за пределами всех мод. Ведь грубая внешняя идея, состоящая в том, что человек рождается как Брамин, Кшатрий, Вайшья или Шудра, и только так, не является психологической истиной нашего существа. Психологический факт состоит в том, что есть четыре действенные мощности и тенденции Духа и исполнительной Шакти внутри нас, и преобладание той или другой в лучше сформированной части нашей личности дает нам наши главные тенденции, преобладающие качества и способности, действенный поворот в действии и жизни. Но все эти четыре качества в той или иной степени присутствуют во всех людях, где-то более проявленными, где-то более скрытыми, где-то развитыми, где-то подавленными или подчиненными, а в совершенном человеке они будут подняты к полноте и гармонии, что в духовной свободе разразится в свободную игру бесконечного качества духа во внутренней и внешней жизни и в само-наслаждающейся созидательной игре Пуруши с его и с мировой Силой Природы.

Самой внешней психологической формой этих вещей является матрица и тенденция природы к определенным преобладающим склонностям, способностям, характеристикам, форме деятельной силы, качеству разума и внутренней жизни, культурной личности и типу. Поворот часто делается к преобладанию интеллектуального элемента и способностей, что способствует поиску и нахождению знания и интеллектуальному творению или формированию идей, занятостью идеями и изучению идей или жизни и информированию и развитию рефлексирующего интеллекта. В соответствии со степенью этого развития получается сначала тип и характер человека активного, открытого, вопрошающего ума, затем появляется интеллектуал и, наконец, мыслитель, мудрец, великий ум знания. Силы души, которые обретают свою видимость благодаря значительному развитию этого характера, личности, душе-типа, это разум света, все более и более открытый ко всем идеям и знанию и к приходам Истины; это жажда и страсть к знанию, к его росту в нас самих, к его передаче другим, к его царству в мире, к царству рассудка и права, истины и справедливости и, на более высоком уровне гармонии нашего большего существа, к царству духа и его вселенского единства и света и любви; это мощь этого света в разуме и воле, которая делает всю жизнь подчиненной рассудку и его праву и истине или духу и духовному праву и истине и подчиняет низшие члены

их большему закону; это уравновешенность характера, изначальное обращение к терпению, ровному размышлению и покою, к рефлексии, медитации, которая сдерживает и успокаивает смятение воли и страстей и способствует высшему мышлению и чистому житию, основывает самоправящий сатвический разум, растет в более и более мягкую, возвышенную, безличностную и универсализированную личность. Таков идеальный характер и мощь души Брамина, жреца знания. Если этот характер не наблюдается сейчас во всех его сторонах, то это из-за несовершенств или искажений типа, приводящих лишь к простой интеллектуальности или любознательности к идеям без этического или другого возвышения, к узкой концентрации на некоторой интеллектуальной деятельности без большей требуемой открытости разума, души и духа, или к самонадеянности и надменности интеллектуала, зажатого в своей интеллектуальности, либо к недейственному идеализму без какой-либо опоры на жизнь, либо к любой другой характерной неполноте и ограничениям интеллектуального, религиозного, научного и философского разума. Это все остановки на пути или временные исключительные концентрации, а полнота божественной души и мощи истины и знания в человеке является совершенством этой Дхармы или Свабхавы, законченным Браминством полных Браминов.

С другой стороны, природа может повернуться к преобладанию силы воли и тех способностей, которые благоприятствуют силе, энергии, отваге, руководству, покровительству, правлению, победе в битве любого рода, созидательному и формирующему действию, мощи воли, которая накладывает свою власть на материал жизни и на волю других людей и заставляет окружающую обстановку принимать те формы, которые Шакти внутри нас стремится наложить на жизнь, либо могущественно действует согласно той работе, которая должна быть сделана, чтобы что-то поддержать или разрушить и расчистить мировые пути, либо выпустить в определенную форму то, что должно быть. Эти способности могут проявляться в той или иной силе или форме, и в соответствии с их степенью и силой получается последовательно простой боец или человек действия, человек само-наложенной активной воли и личности, правитель, завоеватель, лидер, творец, основатель на любом поле активного формирования жизни. Разнообразные несовершенства души и разума вызывают многие несовершенства и искажения этого типа, — это человек простой грубой силы воли, поклонник силы без какого-либо другого идеала или высшей цели, эгоистичная, властная личность, агрессивный неистовый раджасический человек, грандиозный эгоист, Титан, Асур, Ракшас. Но силы души, которым этот тип природы открывается на более высоких своих ступенях, также необходимы, как и силы Брамина, для совершенствования нашей человеческой природы. Крайнее бесстрашие, которое не может запугать никакая опасность или трудность и которое чувствует себя сильным, чтобы встречать и выносить любую атаку человека, судьбы или враждебных богов, динамическая смелость и отвага, которые не уклоняются от приключения или рискованного предприятия, что кажется за пределами человеческой души, свободной от слабости и страха, любовь к чести, которая поднималась бы к высотам высочайшего благородства человека и не

склонялась бы ни к чему малому, низкому, вульгарному или слабому, а поддерживала бы незапятнанным идеал высокой отваги, рыцарства, истины, прямоты, жертвы низшего высшему *я*, помощи людям, непоколебимого сопротивления несправедливости и насилию, само-контроль и мастерство, благородное лидерство, братство воинов и искусство полководца, высокое само-доверие силе, способность, характер и отвага, совершенно необходимые человеку действия — все это составляет тип Кшатрия. Довести эти вещи до их высочайшей степени и придать им определенную божественную полноту, чистоту и величие — таково совершенство тех, кто имеет эту Свабхаву и следует этой Дхарме.

Третий поворот — это тот, который высвобождает практический организующий интеллект и инстинкт жизни производить, обменивать, обладать, наслаждаться, затевать, приводить вещи в порядок и к балансу, тратить себя и обретать, давать и брать, вырабатывать к лучшей выгоде активные связи существования. Во внешнем действии именно эта сила выступает как искусный изобретающий интеллект, профессиональный, коммерческий, индустриальный, экономический, практический и научный, механический, технический и утилитарный разум. Эта природа сопровождается на обычном уровне своей полноты общим характером, являющимся одновременно захватывающим и щедрым, склонным накапливать и хранить, наслаждаться, показывать и использовать, склонным к эффективному использованию мира или своих окружений, но способным и на практическую филантропию, гуманность, упорядоченную благотворительность, способным быть аккуратным и этическим по шаблону, но без какого-либо высокого различения более тонкого этического духа, это разум среднего уровня, не стремящийся к высотам, не великий, чтобы разрушать старые схемы жизни и создавать более благородные, но отмеченный способностью, адаптацией и мерой. Силы, ограничения и искажения этого типа хорошо известны нам в больших масштабах, потому что именно этот дух сотворил нашу современную коммерческую и индустриальную цивилизацию. Но если мы взглянем на более возвышенные внутренние способности и ценности души, мы найдем, что здесь также есть вещи, которые входят в полноту человеческого совершенства. Мощь, которая таким внешним образом выражает себя на наших сегодняшних внешних уровнях — это та, которая выставляет себя в большой жизненной практичности и в своих самых свободных и самых широких свершениях, не ради единства и тождества, являющегося высочайшим достижением знания, или ради мастерства и духовного царствования, являющегося высочайшим достижением силы, но все же ради чего-то, что также существенно для полноты существования, для ровной взаимности и взаимообмена души с душой и жизни с жизнью. Ее силы – это, прежде всего, искусность, *каушала*, которая оформляет закон и подчиняется ему, распознает применение и пределы связей, приспосабливается к установленным и развивающимся движениям, производит и совершенствует внешнюю технику творения, действия и жизни, обеспечивает обладание и переходит от обладания к росту, наблюдает за порядком и старательна в прогрессе и создает большую часть материального существования, его средств и целей;

затем это сила само-траты, искусная в расточительности и искусная в экономии, которая распознает великий закон взаимообмена и копит, чтобы отдать с большим возвратом, увеличивая потоки взаимообмена и продуктивность существования; сила отдачи и обильной созидательной щедрости, взаимной помощи и полезности для других, что в открытой душе становится источником благодеяния, гуманности, альтруизма практического рода; наконец, это сила наслаждения, продуктивного, активного богатства, любящего обильную Ананду существования. Широта взаимности, щедрая полнота связей жизни, широкая само-трата и широкий возврат, обильный взаимообмен между существованием, полное наслаждение и использование ритма и баланса плодовитой и продуктивной жизни — таково совершенство тех, кто имеет эту Свабхаву и следует этой Дхарме.

Другой поворот — это поворот к работе и служению. В древнем индийском порядке это было Дхармой или типом души Шудры, и тип Шудры в этом порядке считался низшим типом. Современная же система ценностей напирает на достоинство работы и видит в ней базис отношений между людьми. В обеих позициях есть своя истина. Ведь эта сила в материальном мире является одновременно необходимым основанием материального существования или, скорее, тем, на чем оно движется, стопой творца Брахмана, в древнем иносказании, и одновременно, в своем первичном состоянии, не возвышенном знанием, взаимностью или силой, той вещью, которая опирается на инстинкт, желание и инерцию. Хорошо развитый душевный тип Шудры имеет инстинкт труда и способность к работе и служению; но труд, в противоположность легкому или естественному действию — это нечто навязанное естественному природному человеку, что он несет на себе из-за того, что без труда он не может обеспечить своего существования или удовлетворить свои желания, и он должен заставлять себя работать или быть принуждаемым работать другими людьми или обстоятельствами. Природный Шудра работает не из чувства достоинства работы или из энтузиазма служения, — хотя это приходит при культивировании его Дхармы, — не как человек знания работает ради радости знания или ради обретения знания, не из чувства чести, не как прирожденный искусный мастер или артист из любви к своей работе или из-за восхищения красотой ее техники, не из-за упорядоченного чувства взаимности или большой полезности, а ради поддержания своего существования и удовлетворения своих первичных потребностей, а когда они удовлетворены, он потакает, если предоставлен самому себе, своей природной праздной лености, той лености, которая присуща всем нам, но которая особенно отчетливо выступает в непринужденном примитивном человеке, в дикаре. Поэтому первичный Шудра рождается скорее для служения, чем для свободной работы, и его характер склонен к инертному неведению, к грубому недумающему само-попустительству инстинктам, к раболепию, нерассуждающему подчинению и механическому исполнению обязанностей, разноображенными праздностью, уклонением, порывистыми протестами, инстинктивной и несведущей жизнью. Древние придерживались того, что все люди в своей низшей природе рождаются как Шудры и только восстанавливаются благодаря этической и духовной

культуре, но в своем высочайшем внутреннем *я* они — Брамины, способные на полный дух и божественность — теория, которая, возможно, не так уж далека от психологической истины нашей природы.

И все же, по мере развития души, именно в этой Свабхаве и Дхарме работы и служения отыскиваются некоторые из самых необходимых и прекрасных элементов нашего самого большого совершенства и ключ к большей части секрета высочайшей духовной эволюции. Ведь силы души, относящиеся к полному развитию этой силы в нас, имеют высочайшее значение, — сила служения другим, воля делать нашу жизнь вещью для работы на пользу Богу и человеку, воля подчиняться и следовать и принимать любое значительное влияние и необходимую дисциплину, любовь, которая освещает служение, любовь, которая не просит ничего взамен, а тратит себя для удовлетворения того, кого мы любим, сила привносить эту любовь и служение в физическое поле, и желание отдать наше тело и жизни, как и нашу душу и разум, волю и способность Богу и человеку, и, как результат, эта воля полной само-сдачи, *атма-самарпана*, которая, будучи перенесенной на духовную жизнь, становится одним из величайших и самых открывающих ключей к свободе и совершенству. В этом заложено совершенство этой Дхармы и благородство этой Свабхавы. Человек не смог бы становиться совершенным и полным, не имей он этого элемента в себе для подъема к своей божественной силе.

Ни один из этих четырех типов личности не может быть полным и законченным даже на собственном поле, если он не приносит в него нечто от других качеств. Человек знания не может служить Истине со свободой и совершенством, если у него нет интеллектуальной и моральной отваги, воли, смелости, силы открывать и покорять новые царства, иначе он становится рабом ограниченного интеллекта, либо слугой или, в лучшем случае, обрядовым священником только признанного знания*, — он не может использовать свое знание наилучшим образом, пока он не обладает адекватным мастерством выработки своей истины для практической жизни, иначе он живет только в идее, — он не может сделать полного посвящения своего знания, пока у него нет духа служения человечеству, Божеству в человеке и Мастеру своего существа. Человек силы должен озарять, возвышать и управлять своей силой с помощью знания, света разума, религии или духа, иначе он становится просто мощным Асуром, — он должен обладать мастерством, которое поможет ему самым лучшим образом использовать и управлять и регулировать свою силу и делать ее созидательной, плодотворной и приспособленной к своим связям с другими, иначе он становится простым гоном сил через поле жизни, штормом, который проходит и разрушает больше, чем строит, — он также должен уметь подчиняться и использовать свою силу на служение Богу и миру, иначе он становится эгоистическим правителем, тираном, грубым принудителем человеческих душ и тел. Человек продуктивного знания и работы должен иметь раскрытость вопрошающего ума, иначе он вращается по кругу своей деятельности без расширяющего роста, он должен иметь от-

---

* Вот, возможно, почему именно Кшатрий, внося свою отвагу, смелость, дух покорения на поле интуитивного знания и духовного опыта, первым открыл великие истины Веданты.

вагу и предприимчивость, должен вносить дух служения в свое обретение и производство, чтобы он мог не только получать, но и давать, не только копить и наслаждаться собственной жизнью, но и постоянно содействовать плодотворности и полноте окружающей жизни, благодаря которой он процветает. Человек труда и служения становится беспомощной «рабочей лошадкой» и рабом общества, если он не вносит в свою работу знание, честь, стремление и мастерство, поскольку только так может он поднять открытый ум, волю и понимающую полезность к более высоким дхармам. Но большее совершенство человека приходит тогда, когда он расширяет себя до такой степени, чтобы включить все эти силы, даже если одна из них может вести остальные, и все больше и больше открывает свою природу в завершенную полноту и универсальную способность четырехкратного духа. Человек не ограничен каким-либо исключительным типом одной из этих дхарм; все эти силы работают в нем сначала в плохо сформированной путанице, но он придает форму той или иной от рождения к рождению, переходит от одной к другой даже в одной и той же жизни и идет к полному развитию своего внутреннего существования. Сама наша жизнь является поиском истины и знания, борьбой и сражением нашей воли с нами самими и окружающими силами, постоянным производством, приспособлением, приложением мастерства к материалу жизни, жертвой и служением.

Все это — обычные аспекты души, пока она вырабатывает свои силы в природе, но когда мы ближе подходим к своему внутреннему *я*, тогда мы также получаем некоторое представление и переживание нечто, что вовлечено в эти формы, а теперь может высвободиться, встать за ними и вести их, как если бы привносилось общее Присутствие или Мощь, чтобы нести на себе работу этой живой и думающей машины. Это сила самой души, осуществляющая контроль и использующая силы природы. Разница состоит в том, что первый способ — личностный в своем роде, ограниченный и определяемый в своем действии и матрице, зависящий от инструментария, но здесь появляется нечто безличностное в личной форме, независимое и само-достаточное даже в использовании инструментария, неопределимое, хотя и определяющее как себя, так и вещи, это нечто, что воздействует с гораздо большей мощью на мир и использует частную силу только как средство коммуникации и воздействия на человека и обстоятельства. Йога само-совершенства выявляет эту силу души и придает ей самый широкий размах, вбирает все четырехкратные силы и бросает их в свободный круг интегрального и гармоничного духовного динамизма. Божество, душа-мощь знания поднимается до высочайшей ступени, для которой индивидуальная природа может быть поддерживающим базисом. Развивается свободный ум света, открытый ко всякого рода откровению, вдохновению, интуиции, идее, различению, мыслящему синтезу; освещенная жизнь разума ухватывает все знание с восторгом нахождения, получения и удержания, с духовным энтузиазмом, страстью или экстазом; мощь света, полная духовной силы, озарения и чистоты работы, проявляет свою империю, *брахма-теджас*, *брахма-варкас*; бездонная стабильность и

беспредельный покой поддерживают все озарение, движение, действие как на некой скале веков, ровно, невозмутимо, недвижимо, *акьюта*.

Божество, душа-мощь воли и сила восходит к некоему подобию обширности и высшей ступени. Абсолютное спокойное бесстрашие свободного духа, бесконечная динамическая отвага, которую никакая опасность, ограничение возможности, стена противостоящей силы не может удержать от продолжения работы или стремления, наложенного духом, высокое благородство души и воли, не затрагиваемое какой-либо малостью или низостью и двигающееся с определенным величием к духовной победе или удаче Богом данной работы через любое временное поражение или препятствие, дух, никогда не подавляемый или сбрасываемый с веры и доверия силе, которая работает в существе — таковы знаки этого совершенства. Здесь также приходит исполнение большего божества, души-мощи взаимности, свободной само-траты и траты дарования и обладания в работе, которая должна быть сделана, щедрой для производства, творения, достижения, обладания, приобретения, используемого возвращения, приходит мастерство, которое соблюдает закон, приспосабливает связь и соблюдает меру, приходит великое принятие в себя из всех существ и свободная выдача из себя всем, божественная империя, обширное наслаждение и взаимный восторг жизни. И, наконец, подходит к совершенству божество, душа-мощь служения, вселенская любовь, которая раздает себя без требования возврата, приходит охват, который берет себе тело Бога в человеке и работает ради помощи и служения, самопожертвования, которое готово нести ярмо Мастера и делать жизнь свободным служением Ему и, под его направлением, служением требованию и нужде его творений, это само-сдача всего существа Мастеру нашего существа и его работе в мире. Эти вещи соединяются, содействуют друг другу и входят друг в друга, становятся одним. Это полное завершение приходит в величайшие души, наиболее способные к совершенству, но должна искаться некая широкая манифестация этой четырехкратной души-мощи, и она может быть достигнута всеми, кто практикует интегральную Йогу.

Это все знаки, но за ними стоит душа, которая таким образом выражает себя в достижении цели природы. И эта душа является исходом свободного *я* освобожденного человека. Это *я* не имеет характера, будучи бесконечным, но несет и поддерживает игру всякого характера, поддерживает нечто вроде бесконечной, единой и все же множественной личности, *ниргуно гуна*, а в манифестации способно на бесконечное качество, *анантагуну*. Сила, которую оно использует, является всевышней и универсальной, божественной и бесконечной Шакти, выливающей себя в индивидуальное существо и свободно определяющей действие для божественной цели.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XVI
Божественная Шакти

Связь между Пурушей и Пракрити, которая всплывает по мере продвижения в Йоге само-совершенства, является следующей вещью, которую мы должны тщательно постичь в этой части Йоги. В духовной истине нашего существа сила, которую мы называем Природой, является силой существа, сознания и воли и, следовательно, силой само-выражения и самотворения *я*, души или Пуруши. Но для нашего обычного разума в неведении и для его переживания вещей сила Пракрити имеет другую видимость. Когда мы смотрим на нее в ее универсальном действии вне нас самих, мы видим ее сначала как механическую энергию в космосе, которая воздействует на материю или на собственные созданные формы материи. В материи она развивает силы и процессы жизни, а в живой материи — силы и процессы разума. Во всех своих операциях она действует с помощью фиксированных законов, и в каждом роде созданных вещей проявляет разнообразные свойства энергии и законы процесса, которые придают свой характер родам или видам и опять же в индивиде развивает без нарушения его закона все второстепенные характеристики и вариации. Именно эта механическая видимость Пракрити занимала современный научный разум и заменила собой весь взгляд на Природу, причем до такой степени, что наука все еще надеется и работает с очень малым успехом к тому, чтобы объяснить все явления жизни законом материи, а все явления разума — законами живой материи. При таком взгляде нет души или духа, и природа не может рассматриваться как сила духа. Тогда, поскольку все наше существование механическое, физическое и ограничено биологическим явлением кратко живущего сознания, а человек является творением и инструментом материальной энергии, то духовная само-эволюция Йоги может быть только заблуждением, галлюцинацией, ненормальным состоянием разума или само-гипнозом. Тогда, в любом случае, она не может быть тем, на что она претендует — открытием вечной истины нашего существа и выходом за ограниченную истину ментального, витального и физического к полной истине нашей духовной природы.

Но когда мы смотрим не на внешнюю механическую Природу в исключение нашей личности, а на внутреннее субъективное переживание человека, ментального существа, тогда наша природа принимает для нас совершенно другую видимость. На уровне ума мы можем верить в чисто механический взгляд даже на наше субъективное существование, но мы не можем действовать на его основе или сделать его достаточно реальным для нашего самопереживания. Ведь мы осознали *я*, которое видится не

тождественным природе, а способным отстоять от нее, способным на открепленное наблюдение, критическое к ней отношение и использование ее, а также на волю, которую мы, естественно, считаем свободной волей; и даже если бы это было заблуждением, мы все еще обязаны действовать на практике так, как если бы мы были ответственными ментальными существами, способными на свободный выбор своих действий, способными использовать или неправильно использовать свою природу и обращать ее к высшим или низшим целям. И даже кажется, что мы боремся как с нашей окружающей, так и с нашей теперешней природой и пытаемся обрести господство над миром, который накладывается на нас и господствует над нами, и пытаемся одновременно стать чем-то большим, чем мы сейчас являемся. Но трудность состоит в том, что мы распоряжаемся, если вообще распоряжаемся, только маленькой частью нас самих, а все остальное — это подсознательное или сублиминальное и находится за пределами нашего контроля, наша воля действует только в малом выборе нашей деятельности; большая часть — это ход механизма и привычки, и мы должны постоянно бороться с самими собою и с окружающими обстоятельствами, чтобы сделать малейшее продвижение или само-улучшение. Кажется, что в нас есть двойное существо: Душа и Природа, Пуруша и Пракрити; они кажутся наполовину в согласии, наполовину в разногласии, Природа кажется наложившей свой механический контроль на душу, душа — пытающейся изменить природу и господствовать над ней. И вопрос в том, в чем заключается фундаментальный характер этой дуальности, и в чем выход из нее.

Объяснение Санкхьи состоит в том, что наше теперешнее состояние управляется двойственным принципом. Пракрити инертна без контакта Пуруши, действует только при соединении с ним и посредством фиксированного механизма своих инструментов и качеств; Пуруша, пассивный и свободный отдельно от Пракрити, становится из-за контакта с ней и из-за санкции на ее работы подчиненным этому механизму, живет в ее ограничении эго-чувства и должен освободиться путем отвода санкции и возвращения к собственному надлежащему принципу. Другое объяснение, созвучное с определенной частью нашего опыта, состоит в том, что в нас есть двойное существо — есть животное и материальное или, выражаясь шире, низшее существо, связанное природой, и есть душа или духовное существо, впутанное разумом в материальное существование или в мировую природу, и свобода приходит благодаря бегству из этих пут: душа возвращается к своим родным планам, либо *я* или дух — к своему чистому существованию. Тогда совершенство души следует искать вовсе не в Природе, а за ее пределами.

Но в сознании, превосходящем наши сегодняшнее ментальное сознание, мы находим, что эта трудность является лишь феноменальной видимостью. Высочайшей и настоящей реальностью существования является единый Дух, всевышняя Душа, Пурушотама, и именно сила бытия этого Духа проявляется во всем, что мы переживаем как вселенную. Эта вселенская Природа является не безжизненным, инертным или несознательным механизмом, а осведомленным о всех своих движениях вселенским Духом.

Этот механизм является только внешней видимостью, а реальность заключена в Духе, созидающем или проявляющем собственное бытие собственной мощью бытия во всем, что есть в Природе. Душа и Природа в нас тоже являются только дуальной видимостью одного существования. Вселенская энергия действует в нас, но душа ограничивает себя эго-ощущением, живет в частичном и отдельном переживании ее работ, использует только чуточку и фиксированное действие ее энергии для своего само-выражения. Кажется, что душа скорее подчиняется этой энергии и используется ею, чем сама использует ее, потому что она отождествляется с эго-чувством, составляющим часть природного инструментария и живет в переживании эго. Эго в действительности приводится в движении механизмом Природы, частью которого оно является, и эго-воля не является свободной волей и не может быть таковой. Чтобы достичь свободы, господства и совершенства, мы должны отойти назад к настоящему *я* и душе внутри нас и достичь тем самым наших настоящих связей с нашей собственной и вселенской природой.

В нашем активном бытии это трансформируется в замену нашей эгоистичной, нашей личной, нашей отдельной индивидуальной воли и энергии на универсальную и божественную волю и энергию, которая определяет наши действия в гармонии со вселенским действием и раскрывает себя в качестве прямой воли и само-направляющей мощи Пурушотамы. Мы заменяем низшее действие ограниченной, невежественной и несовершенной личной воли и энергии в нас на действие божественной Шакти. Мы всегда может открыть себя ко вселенской энергии, потому что она везде вокруг нас и всегда втекает в нас, это то, что поддерживает и снабжает все наше внутренне и внешнее действие и, в действительности, мы не имеем собственной силы в каком-либо отдельном индивидуальном смысле, а имеем только личную формулировку одной Шакти. И, с другой стороны, эта вселенская Шакти находится внутри нас самих, сконцентрированной в нас, ведь вся ее мощь присутствует в каждом индивиде, как и во вселенной, и есть средства и приемы, с помощью которых мы можем пробудить ее большую и потенциально бесконечную силу и освободить ее для ее больших работ.

Мы можем начать осознавать существование и присутствие вселенской Шакти в различных формах ее силы. Сейчас мы осознаем эту силу только как сформированную в нашем физическом разуме, в нервном существе и в телесной коробке, и поддерживающей нашу разнообразную деятельность. Но если мы можем выбраться за пределы этой первой формации путем некоторого освобождения с помощью Йоги скрытых, малоизвестных, сублиминальных частей нашего существования, тогда мы начинаем осознавать большую жизненную силу, праническую Шакти, которая поддерживает и наполняет тело и снабжает всю физическую и витальную деятельность, — ведь физическая энергия является только модифицированной формой этой силы, — и подпитывает и поддерживает также снизу все наше ментальное действие. Эту силу мы чувствуем в нас самих, но мы можем почувствовать ее и вокруг нас и под нами, единую с той же самой энергией в нас, и можем притянуть ее в себя, чтобы увеличить наше

обычное действие или призвать ее влиться в нас. Этот неограниченный океан Шакти и воли вливает в нас столько, сколько мы можем удержать в своем существе. Эту праническую силу мы можем использовать для любой деятельности жизни, тела или разума с гораздо большей и действенной силой, чем та, которой мы распоряжаемся в наших сегодняшних операциях, ограниченных, как всегда, своей физической формацией. Использование этой пранической силы освобождает нас от этого ограничения до той степени, в какой мы способны использовать ее вместо энергии, связанной телом. Она может использоваться так, чтобы направлять Прану более мощно управлять или использовать какое-либо телесное состояние или действие, так чтобы лечить болезнь или избавляться от усталости, и чтобы освободить грандиозное количество ментального усилия и игры воли или знания. Упражнения Пранаямы являются известным механическим средством освобождения пранической энергии и обретения контроля над ней. Они также возвышают и делают свободными психическую, ментальную и духовную энергии, которые обычно зависят от пранической силы по части возможностей своего действия. Но то же самое можно сделать с помощью ментальной воли и практики или с помощью нарастающего раскрытия нас самих к более высокой божественной мощи Шакти. Праническая Шакти может быть направлена не только на нас самих, но и на других или на вещи или на события для любых целей, которые предписывает воля. Ее эффективность безмерна, сама по себе она не ограничиваема, а ограничена только дефектами силы, чистоты и универсальности духовной или другой воли, которая привнесена для того, чтобы опираться на нее; но все же, сколь бы великой и мощной она ни была, это низшая формулировка, связующее звено между разумом и телом, инструментальная сила. В ней есть сознание, присутствие духа, которое мы осознаем, но оно упаковано, вовлечено и занято позывом к действию. Не на это действие Шакти можем мы возложить всю ношу нашей деятельности; мы должны либо применять к нему нашу собственную освещенную личную волю, либо призывать высшее руководство; ведь сама по себе праническая Шакти будет действовать с большой силой, но все еще в соответствии с нашей несовершенной природой и, главным образом, под приводом и направлением жизненной силы в нас, а не в соответствии с законом высочайшего духовного существования.

Обычная сила, с помощью которой мы управляем пранической энергией, это сила воплощенного разума. Но когда мы поднимаемся над физическим разумом, мы можем также подняться над пранической силой к сознанию чистой ментальной энергии, которая является высшей формулировкой Шакти. Так мы осознаем сознание вселенского разума, тесно связанное с этой энергией в нас, вокруг нас и над нами, — над нами, то есть, над уровнем нашего обычного разума, — дающее всю субстанцию и меняющее все формы нашей воли и знания и психического элемента в наших импульсах и эмоциях. Сила этого разума может воздействовать на праническую энергию и накладывать на нее влияние, окраску, форму, характер, направление наших идей, нашего знания, нашего более освещенного волеизлияния и таким образом более эффективно приводить нашу

жизнь и витальное существо в гармонию с нашими высшими силами существа, идеалами и духовными стремлениями. В нашем обычном состоянии эти два существа — ментальное и праническое — и их энергии очень сильно переплетены и сталкиваются друг с другом, так что мы не способны ясно их различать или полностью наложить одно на другое и таким путем эффективно контролировать низший принцип с помощью более высокого и более понимающего принципа. Но когда мы занимаем позицию над физическим разумом, тогда мы можем ясно разделить две эти формы энергии, эти два уровня нашего существа, распутать их действие и действовать с более ясным и более мощным само-знанием и освещенной и более чистой силой воли. Тем не менее, этот контроль не полный, не спонтанный, не суверенный, пока мы работаем с разумом как с нашей главной ведущей и контролирующей силой. Мы обнаруживаем, что ментальная энергия сама является производной, низкой и ограниченной мощью сознательного духа, которая действует только путем изолированных и скомбинированных видений, несовершенных и неполных полусвечений, которые мы принимаем за полный и адекватный свет, и с несоответствием между идеей и знанием и эффективной силой воли. И мы вскоре начинаем сознавать гораздо более высокую мощь Духа и его Шакти, сокрытую или находящуюся выше, сверхсознательную по отношению к разуму или частично действующую через разум, Шакти, по отношению к которой все это является более низкой производной.

Пуруша и Пракрити на ментальном уровне, как и в остальной части нашего существа, тесно связаны друг с другом и в большой степени вовлечены друг в друга, так что мы не способны ясно различить душу и природу. Но в более чистой субстанции разума мы можем легче распознать эту дуальную черту. Ментальный Пуруша по природе собственного родного принципа может открепляться себя, как мы видели, от работ Пракрити, и тогда есть деление нашего существа на сознание, которое наблюдает и может приберегать свою силу воли, и на энергию, полную субстанции сознания, которая принимает формы знания, воли и чувства. Это открепление дает определенную свободу от принуждения души своей ментальной природой. Ведь обычно мы увлекаемся и уносимся в потоке нашей собственной и универсальной активной энергии, частично путающейся в своих волнах, частично поддерживаемой и кажущейся направляющей или, по меньшей мере, двигающей нами самими при помощи собранного мышления и усилия ментальных волевых мускулов.; но теперь есть часть нас самих, самая ближайшая к чистой сущности *я*, которая свободна от этого потока, которая может спокойно наблюдать и до определенной степени выбирать свое непосредственное движение и курс и, до более значительной степени, свое окончательное направление. Пуруша наконец-то может воздействовать на Пракрити наполовину отстраненно, оставаясь сзади или над ней, как возвышающаяся личность или присутствие, *адхьякша*, с помощью силы санкции и контроля, внутренне присущего духу.

То, что мы будем делать с этой относительной свободой, зависит от нашего стремления, нашего представления о связи, которую мы должны иметь с нашим высочайшим *я*, Богом и Природой. Пуруша может исполь-

зовать ее на самом ментальном плане для постоянного само-наблюдения, само-развития, само-манифестации, чтобы санкционировать, отвергать, изменять, привносить новые формулировки природы и устанавливать спокойное и незаинтересованное действие, высший и чистый сатвический баланс и ритм своей энергии, личности, совершенствующейся в сатвическом принципе. Это может доходить только до высочайшего ментализированного совершенства нашего сегодняшнего интеллекта и этического и психического существа, или, осознавая большее в нас, сатвический принцип в нас может делать безличным, универсализировать, одухотворять свое само-сознательное существование и действие природы и достигать либо широкого покоя, либо широкого совершенства одухотворенной ментальной энергии своего существа. Пуруша может также полностью отойти и, отводя санкцию, позволить всему обычному действию разума истощить себя, потратить оставшийся толчок привычного действия и впасть в молчание. Или же это молчание может быть наложено на ментальную энергию путем отвержения ее действия и постоянной команды к спокойствию. Путем подтверждения этой тишины и ментального молчания, душа может перейти в некое невыразимое спокойствие духа и обширное прекращение деятельности Природы. Но душа также может сделать это молчание разума и способность прекращать привычки низшей природы первым шагом к открытию более высокой формулировки, более высокой степенью статуса и энергии нашего существа, и путем восхождения и трансформации перейти в супраментальную мощь духа. И это даже можно сделать, хотя и трудно, без обращения к полному состоянию тишины обычного разума, путем настоятельной и прогрессивной трансформации всех ментальных сил и активностей в соответствующие им большие супраментальные силы и активности. Ведь все в разуме берет свое начало из сверхразума и является ограничением низшей, ищущей на ощупь, частичной или искаженной трансляцией в ментальности нечто из сверхразума. Но ни одно из этих движений не может быть успешно осуществлено только собственной индивидуальной силой ментального Пуруши в нас, и требуется помощь, вмешательство и руководство божественного *Я*, Ишвары, Пурушотамы. Ведь сверхразум является божественным разумом, и именно на супраментальном плане индивид достигает своей верной, интегральной, светлой и совершенной связи со всевышним и универсальным Пурушей и всевышней и универсальной Пара Пракрити.

По мере очищения разума, по мере того, как увеличивается его способность к спокойствию или свобода от поглощенности в собственном ограниченном действии, он начинает осознавать и становится способным отражать, привносить в себя или входить в сознательное присутствие *Я*, всевышнего и универсального Духа, и он также начинает осознавать ступени и силы духа, превосходящие его собственные высочайшие диапазоны. Он начинает сознавать бесконечность сознания бытия, бесконечный океан всей силы и энергии неограничиваемого сознания, бесконечный океан Ананды, само-движимого восторга существования. Он может осознавать только одну из этих вещей, ведь разум может отделять и чувствовать исключительно как отдельный изначальный принцип то, что в более

высоком переживании является неразделимыми силами Одного, либо он может чувствовать их как триединство или сплав, который вскрывает их тождество или достигает его. Разум может начать осознавать это на стороне Пуруши или на стороне Пракрити. На стороне Пуруши это триединство вскрывается как *Я* или Дух, как Существо или как единственно существующее Бытие, как божественный Пурушотама, и индивидуальный Джива может входить в полное тождество с ним в своем безвременном *я* или в своей универсальности, либо наслаждаться близостью, иманентностью, различием без какой-либо пропасти отделения, а также наслаждаться также неотделимо и одновременно тождеством бытия и приносящей восторг разницей связи в активной переживающей природе. На стороне Пракрити на передний план выходит мощь и Ананда Духа, чтобы проявить это Бесконечное в существах, личностях, идеях, формах и силах вселенной, и тогда предстает перед нами божественная Махашакти, изначальная Сила, всевышняя Природа, содержащая в себе бесконечное существование и творящая чудеса космоса. Разум начинает осознавать этот неограниченный океан Шакти или же его присутствие высоко над разумом и изливающим нечто из нее в нас, чтобы составить все то, чем мы являемся, думаем, желаем, делаем, чувствуем и переживаем, либо он сознает все вокруг нас и нашу личность волной океана мощи духа, или ее присутствие в нас и ее действие там, основанное на нашей сегодняшней форме природного существования, но начинающееся свыше и поднимающее нас к более высокому духовному статусу. Разум тоже может подняться и прикоснуться к ее бесконечности, либо слиться с ней в трансе Самадхи, или он может потерять себя в ее универсальности, и тогда наша индивидуальность исчезает, центр нашего действия находится больше не в нас, а либо вне наших воплощений, либо нигде; наши ментальные действия тогда больше не наши собственные, а входящие в эту конструкцию разума жизни и тела из вселенского, вырабатывающие себя и проходящие, не оставляя никакого следа в нас, и эта конструкция тоже является лишь незначительным обстоятельством в космической необъятности. Но совершенство, искомое в интегральной Йоге, заключается не только в том, чтобы быть единым с ней в ее высочайшей духовной мощи и одним с ней в ее вселенском действии, но и реализовывать полноту этой Шакти в нашем индивидуальном существе и природе и обладать этой полнотой. Ведь всевышний Дух составляет одно как Пуруша или Пракрити, сознательное существо или силы сознательного существа, и как Джива в сущности *я* и духа он един со всевышним Пурушей, так и на стороне Пракрити, в мощи *я* и духа он един с Шакти, *пара пракрити дживабхута.* Реализовать это двойное тождество — таково условие интегрального само-совершенства. Джива тогда становится местом встречи игры тождества всевышней Души и Природы.

Чтобы достичь этого совершенства, мы должны начать осознавать божественную Шакти, притягивать ее к себе и призывать ее наполнить всю систему и возглавить все наши действия. Тогда не будет отдельной личной воли или индивидуальной энергии, пытающейся проводить наши действия, не будет ощущения маленького личного *я* в качестве делателя, а также не будет энергии трех гун - ментальной, витальной и физической

природы. Божественная Шакти наполнит нас, возглавит руководство и возьмет на себя все наши внутренние действия, нашу внешнюю жизнь, нашу Йогу. Она возьмет ментальную энергию, свою собственную низшую формацию, и поднимет ее до высочайших, чистейших и самых полных сил понимания, воли и психического действия. Она превратит механические энергии разума, жизни и тела, которые сейчас правят нами, в наполненные восторгом манифестации своей собственной живой и сознательной силы и присутствия. Она проявит в нас и свяжет друг с другом все разнообразные духовные переживания, на которые способен разум. И в качестве вершающей стадии этого процесса она привнесет супраментальный свет на ментальные уровни, превратит вещество разума в вещество сверхприроды, трансформирует все низшие энергии в энергии своей супраментальной природы и поднимет нас в наше гностическое бытие. Шакти раскроется как мощь Пурушотамы, и Ишвара проявится в своей силе сверхразума и духа и станет господином нашего существа, действия, жизни и Йоги.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XVII
Действие Божественной Шакти

Такова природа божественной Шакти, которая является вневременной мощью Божественного, проявляющейся во времени как вселенская сила, созидающая, основывающая, проявляющая и направляющая все движения и работы вселенной. Эта вселенская Мощь сначала видится нами на низших уровнях существования в качестве ментальной, витальной и материальной космической энергии, операциями которой являются все наши ментальные и физические действия. Для нашей Садханы необходимо, чтобы мы до конца осознали эту истину, чтобы избежать гнета ограниченного взгляда эго и универсализироваться даже на этих низших уровнях, где обычно эго правит в полную силу. Увидеть, что это не мы являемся зачинателями действия, а, наоборот, эта Мощь действует в нас самих и в других, что это не «я» и другие являются делателями, а одна Пракрити, что составляет принцип карма-йоги, — это является верным принципом и здесь. Эго-ощущение служит тому, чтобы ограничивать, отделять и разумно разграничивать, составлять большую часть индивидуальной формы, и оно совершенно необходимо для эволюции низшей жизни. Но когда мы хотим подняться к более высокой жизни, мы должны ослабить силу эго и, в конечном счете, избавиться от него — как для низшей жизни было совершенно необходимо развить эго, так и для высшей жизни совершенно необходимо это обратное движение устранения эго. Видение того, что наши действия являются не нашими собственными, а принадлежащими божественной Шакти, работающей в форме низшей Пракрити на низших уровнях сознательного бытия, очень сильно помогает этому изменению. И если мы можем делать это, тогда редеет и ослабевает отделение нашего ментального, витального и физического сознания от соответствующего сознания других; в действительности остаются ограничения ее работ, но эти работы расширяются и вбираются в больший смысл и видение вселенской работы; специализирующие и индивидуализирующие различия Природы остаются для их собственной цели, но они больше не являются тюрьмой. Индивид чувствует свой разум, жизнь и физическое существование единым с существованием других среди всех различий и единым с тотальной мощью духа в Природе.

Это, однако, является только стадией, а не полным существованием. Существование, сколь бы относительно широким и свободным оно ни было, все еще подчинено низшей природе. Сатвическое, раджасическое и тамасическое эго уменьшено, но не устранено; может казаться, что оно исчезло, но оно лишь погрузилось в низших частях действия во вселен-

скую работу гун, остается вовлеченным в них и все же работает скрытным, подсознательным образом и может в любое время протолкнуться на передний план. Поэтому Садхак должен сначала придерживаться идеи и обрести реализацию одного *я* или духа во всем за всеми этими работами. Он должен осознавать за Пракрити одного Всевышнего и вселенского Пурушу. Он должен видеть и чувствовать не только то, что все является самоформированием одной Силы, Пракрити или Природы, но что все ее действие — это действие Божественного во всем, одного Божества во всем, сколь бы ни завуалированного, видоизмененного и как бы искаженного — ведь искажения происходят из-за обращения в низшие формы — из-за передачи через эго и гуны. Воля еще дальше ослабляет открытое и скрытое настояние эго и, если воля тщательно проводится, она может затруднить или сделать невозможным для эго утверждать себя таким образом, нарушающим дальнейший прогресс и препятствующим ему. Эго-ощущение становится, насколько оно вообще вмешивается, чуждым незванным элементом и только каймой тумана старого неведения, висящего на окраине сознания и его действия. И, во-вторых, вселенская Шакти должна быть реализована, должна быть видна, должна чувствоваться и должна быть рождена в могучей чистоте своего высшего действия, своих супраментальных и духовных работ. Это большее видение Шакти позволит нам избежать контроля гун, преобразовать их в их божественные эквиваленты и пребывать в сознании, в котором Пуруша и Пракрити составляют одно и не разделены или скрыты друг в друге иди друг за другом. Тогда Шакти в каждый момент будет очевидна для нас и будет естественно, спонтанно, непреодолимо чувствоваться как ничто иное, кроме как активное присутствие Божественного, форма силы всевышнего *Я* и Духа.

В этом более высоком статусе Шакти раскрывается как присутствие или потенциальность бесконечного существования, сознания, воли, восторга, и когда она так видится и чувствуется, тогда существо поворачивается к ней любым образом, со своим обожанием или своей волей стремления или некоторого рода притяжением меньшего к большему, чтобы знать ее, быть наполненным ею и обладаемым ею, быть единым с ней в ощущении и действии всей природы. Но поначалу, пока мы еще живем в разуме, есть пропасть разделения или двойное действие. Ментальная, витальная и физическая энергия в нас, как и вселенная, чувствуется продуктом всевышней Шакти, но одновременно и низшей, отделенной и в некотором смысле другой работой. Настоящая духовная сила может посылать вниз свои послания или свет и мощь своего присутствия над нами на более низкие уровни, либо может спускаться по случаю или даже для обладания в течение какого-то времени, но тогда она смешивается с низшими работами и частично трансформирует и одухотворяет их, но сама ослаблена или изменена в этом процессе. Есть прерывистое высшее действие или дуальная работа природы. Либо мы находим, что Шакти на время поднимает существо на высший духовный план, а затем опускает его на низшие уровни. Эти колебания могут рассматриваться как природные превратности процесса трансформации от обычного до духовного существа. Эта трансформация, это совершенство не может быть полным с точки

зрения интегральной Йоги, пока не сформировано следующее звено между ментальным и духовным действием и пока более высокое знание не применено ко всей деятельности нашего существования. Это связующее звено является супраментальной или гностической энергией, в которой неисчерпаемая бесконечная мощь всевышнего бытия, сознания, восторга формулируется как приведенная в порядок божественная воля и мудрость, свет и мощь в существе, которая формирует все мысли, всю волю, все чувство, все действие и замещает соответствующие индивидуальные движения.

Супраментальная Шакти может формировать себя в качестве одухотворенного интуитивного света и силы в самом разуме, и это значительное, но все же ментально ограниченное духовное действие. Или же она может полностью трансформировать разум и поднять все существо на супраментальный уровень. В любом случае это первое необходимое условие этой части Йоги — ослабить эго делателя, эго-идею и ощущение собственной мощи действия, начинание действия и контроль над результатом действия, а также поглотить его в ощущении и видении вселенской Шакти, зачинающей, формирующей, обращающей к своим целям действия нас самих и других, а также всех личностей и сил мира. И эта реализация может стать абсолютной и полной во всех частях нашего существа, только если мы сможем иметь это ощущение и видение во всех его формах, на всех уровнях нашего существа и мирового бытия, в качестве материальной, витальной, ментальной и супраментальной энергии Божественного, но все это, все силы всех планов должны быть видены и познаны в качестве само-формулировок одной духовной Шакти, бесконечной в бытии, в сознании и в Ананде. Совсем не обязательно, что эта мощь должна проявиться сначала на низших уровнях в низших формах энергии, а затем раскрыть свою более высокую природу. И если так и происходит — сначала в своей ментальной, витальной или физической универсальности — тогда мы должны постараться не удовлетвориться только этим. Но эта мощь может придти и сразу же в своей высшей реальности, в могуществе духовного великолепия. Тогда трудность будет в том, чтобы вытерпеть и удержать Мощь, пока она не наложит свои руки на энергии низших уровней существа и трансформирует их. Эта трудность будет уменьшаться в той пропорции, в которой мы сможем достичь большей тишины и ровности, *саматы*, и сможем либо осознавать, чувствовать и жить в одном спокойном неизменном *я* во всем, либо осуществлять подлинную и полную сдачу нас самих божественному Мастеру Йоги.

Необходимо всегда помнить о трех силах Божественного, присутствующих во всем живущем. В нашем обычном сознании мы видим эти силы как нас самих: Дживу — в форме эго, Бога — в том представлении, которое мы имеем о Боге, и Природу. В духовном переживании мы видим Бога в качестве всевышнего *Я* или Духа, либо в качестве Бытия, из которого мы вышли и в котором мы живем и движемся. Мы видим Природу в качестве Силы Бога или в качестве Бога, действующего в мире и в нас самих в качестве Силы, Духа в Силе. Тогда сам Джива является этим *Я*, Духом, Божественным, *so'ham*, поскольку он един с Божественным в сущности его бытия

и сознания, но как индивид он является только частью Божественного, *я* Духа, а в своем природном существе — формой Шакти, мощью Бога в движении и в действии, *пара пракрити дживабхута*. Поначалу, когда мы начинаем сознавать Бога или Шакти, трудности нашей связи с ним возникают из-за эго-сознания, которое мы вносим в духовную связь. Эго в нас предъявляет претензии к Божественному, отличные от духовных притязаний, и эти претензии в некотором смысле законны, но пока они принимают эгоистическую форму и в той пропорции, в которой они ее принимают, они открыты ко многим грубостям и значительным искажениям, нагруженным элементом лжи, нежелательной реакции и сопутствующего зла, и эта связь может быть полностью правильной, счастливой и совершенной только тогда, когда эти претензии станут частью духовного притязания и утратят свой эгоистический характер. И, на самом деле, притязание нашего существа к Божественному полностью исполняется только тогда, когда оно перестает быть притязанием, и вместо этого становится исполнением Божественного через индивида, когда мы удовлетворены только этим, когда мы согласны с восторгом тождества в существе, согласны позволить всевышнему *Я* и Мастеру существования делать все, к чему будет воля его абсолютной мудрости и знания через нашу все более и более совершенную Природу. В этом смысл само-сдача индивидуального *я* Божественному, *атмасамарпана*. Она не исключает воли к восторгу тождества, к разделению божественного сознания, мудрости, знания, света, мощи, совершенства, к удовлетворению божественным исполнением в нас, но эта воля, это стремление является нашим, потому что это его воля в нас. Поначалу, пока все еще есть настояние на нашей собственной личности, воля в нас только отражает это, но становится все более и более неотличимой от этого, менее личностной и, в конечном счете, теряет всякую тень отделения, поскольку воля в нас стала тождественной божественному Тапасу, действию божественной Шакти.

И, равным образом, когда мы в первый раз начинаем осознавать бесконечную Шакти над нами, вокруг нас или в нас, тогда импульс эгоистического ощущения толкает нас завладеть ею и использовать возросшее могущество для нашей эгоистической цели. Это самая опасная вещь, ведь она приносит с собой ощущение и некую возросшую реальность великой, иногда - титанической мощи, и раджасическое эго, восторженное в этом чувстве новой грандиозной силы, может, вместо того, чтобы ждать, пока оно не будет очищено и трансформировано, броситься в страстное и нечистое действие и даже на время или частично превратить нас в эгоистического и самонадеянного Асура, использующего данную ему силу на собственные эгоистические, а не божественные цели: но, в конечном счете, этот путь ведет к духовной гибели и материальному краху. И не поможет даже взгляд на себя как на инструмент божественного; ведь, когда вмешивается сильное эго, оно фальсифицирует духовную связь, и под прикрытием делания себя инструментом Божественного, оно, на самом деле, пытается сделать Бога своим инструментом. Единственное средство — это успокоить эгоистические притязания любого рода, постоянно ослаблять личное усилие и индивидуальное напряжение, чего не может избежать

даже сатвическое эго, и, вместо того, чтобы овладеть Шакти и использовать ее на свои цели, позволить Шакти завладеть нами и использовать нас для божественной цели. Этого невозможно достичь сразу же в совершенстве — а также это не может быть безопасным, если мы осознаем только низшую форму вселенской энергии, ведь тогда, как уже говорилось, должен быть некий другой контроль, будь то контроль ментального Пуруши или контроль свыше, — но, все же, это есть цель, которую мы должны ставить перед собой и которая может быть полностью достигнута, когда мы начинаем настоятельно осознавать высочайшее духовное присутствие и форму божественной Шакти. Эта сдача Шакти всего действия индивидуального *я* также является, в действительности, формой настоящей самосдачи Божественному.

Мы видели, что самый эффективный способ очищения — это отойти в ментального Пурушу, занять позицию пассивного свидетеля и наблюдать и познавать себя и работы Природы в низшем, обычном бытии; но в целях совершенствования это можно объединить с волей поднять очищенную природу в высшее духовное бытие. Когда это сделано, Пуруша становится не только свидетелем, но и господином пракрити, *ишварой*. Поначалу может быть не видно, как этот идеал активного само-господства может быть примирен с кажущимся противоположным идеалом самосдачи и становления согласным инструментом божественной Шакти. Но, на самом деле, на духовном плане нет трудности. Джива на самом деле становится господином лишь в той степени, в которой он достигает тождества с Божественным, являющимся его всевышним *Я*. И в этом тождестве и своем единстве со вселенной Джива также един во вселенском *я* с волей, которая направляет все действия Природы. Но, более непосредственно, менее трансцендентно, и в своем индивидуальном действии, он является не механическим, а сознательным инструментом. На стороне Пуруши он един с Божественным и разделяет божественное господство Ишвары. На стороне природы он, в своей универсальности, един с мощью Божественного, тогда как в своем индивидуальном природном существе он является инструментом вселенской божественной Шакти, потому что его индивидуальная сила служит цели вселенской Силы. Как видно, Джива является местом встречи дуального аспекта Божественного, — Пуруши и Пракрити, — и в высшем духовном сознании он становится единым одновременно с обоими этими аспектами, и там он вбирает все божественные связи, порожденные их взаимодействиями. Благодаря этому и возможна дуальная позиция.

Однако, есть возможность достичь этого результата без перехода через пассивность ментального Пуруши, путем более настоятельной и преимущественно динамической Йоги. Либо может быть комбинация обоих этих методов, чередование их и окончательное соединение. И здесь проблема духовного действия принимает более простую форму. Есть три стадии в этом динамическом движении. На первой стадии Джива осознает всевышнюю Шакти, получает ее силу и использует ее под ее направлением, с определенным ощущением подчиненного деятеля, с ощущением меньшей ответственности в действии, — даже, если поначалу может быть

ответственность за результат действия; но и эта ответственность исчезает, поскольку результат видится определенным высшей Силой, и только действие чувствуется частично его собственным. Тогда Садхак чувствует, что хотя это он думает, волит, действует, но и что это божественная Шакти или Пракрити позади него правит и формирует все его мышление, волю, чувство и действие: индивидуальная энергия неким образом принадлежит ему, но все же является только формой и инструментом божественной Энергии. Мастер Силы может быть скрыт от него на некоторое время из-за действия Шакти, либо он может сознавать Ишвару, иногда или непрерывно проявляющегося в нем. В последнем случае для его сознания существует вся торица: он сам как слуга Ишвары, Шакти позади как великая Сила, поставляющая энергию, оформляющая действие, формулирующая результат, Ишвара над ним, определяющий своей волей все действие.

На второй стадии исчезает индивидуальный деятель, но не обязательно приходит какая-либо тихая пассивность; может быть полное динамическое действие, только все делается Шакти. Это ее сила знания принимает форму мысли в разуме; у Садхака нет ощущения, что это он думает, а что это Шакти думает в нем. Воля, чувство и действие также аналогичным образом являются ничем иным, как образованием, операцией, деятельностью Шакти в ее непосредственном присутствии и полном обладании всей системой. Садхак не думает, не волит, не действует, не чувствует, а это мысль, воля, чувство, действие происходит в его системе. На стороне действия индивид исчез в тождестве с универсальной Пракрити, стал индивидуализированной формой и действием божественной Шакти. Он все еще сознает свое личное существование, но как Пуруша, поддерживающий все действие и наблюдающий за ним, сознающий его в своем само-знании и позволяющий своим участием осуществлять божественной Шакти в нем работы и волю Ишвары. Тогда Мастер силы скрыт действием силы, иногда появляется управляющим ею и заставляющим ее работать. Здесь также перед его сознанием предстает вся торица: Шакти, несущая все знание, мышление, волю, чувство, действие для Ишвары в инструментальной человеческой форме, Ишвара, Мастер существования, правящий и подчиняющий все ее действия, а также на самих как душ, и Пуруша ее индивидуального действия, наслаждающийся всеми связями, созданными ее работами. Есть и другая форма этой реализации, в которой Джива исчезает в Шакти и становится единым с ней, и тогда есть только игра Шакти с Ишварой, Махадевы и Кали, Кришны и Радхи, Дэва и Дэви. Это самая сильная из возможных форм реализации Дживы в качестве манифестации Природы, мощи бытия Божественного, *пара пракрити дживабхута*.

Третья стадия наступает с нарастающей манифестацией Божественного, Ишвары во всем нашем существе и действии. Вот когда мы постоянно и непрерывно осознаем его. Он чувствуется в нас как обладатель нашего существа, а над ним — как правитель всех его работ, и эти работы становятся для нас ничем иным, как его манифестацией в существовании Дживы. Все наше сознание является его сознанием, все наше знание — его знанием, все наше мышление — его мышлением, вся наша воля — его волей, все наше чувство — его Анандой и формой его восторга в существе,

все наше действие — его действием. Начинает исчезать различие между Шакти и Ишварой; в нас есть только сознательная деятельность Божественного с великим *я* Божественного позади и вокруг и обладающим этой деятельностью; весь мир и Природа видятся только этим, но здесь эта деятельность стала полностью сознательной, устранена Майя эго, и Джива присутствует только как вечная часть его существа, *амша санатана*, выдвинутая вперед, чтобы поддержать божественную индивидуализацию и живущая теперь исполненной в полном присутствии и мощи Божественного, в полной радости Духа, проявленного в существе. Это высочайшая реализация совершенства и восторга активного тождества; ведь за ее пределами может быть только сознание Аватара, самого Ишвары, принявшего человеческое имя и форму для действия в Лиле.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XVIII
Вера и Шакти

Эти три части совершенства нашей инструментальной природы, общие черты которого мы рассматривали в предыдущих главах, — совершенство интеллекта, сердца, витального сознания и тела, совершенство сил фундаментальной души, совершенство сдачи божественной Шакти всех наших инструментов и действия, — зависят в каждый момент их продвижения от четвертой силы, которая скрыто или явно является опорным пунктом всякого старания и действия — это вера, *шрадха*. Совершенная вера — это согласие всего существа с истиной, видимой им или предложенной к его принятию, и его центральная работа — это вера души в собственную волю быть, достигать и становиться, а также ее представление о *я* и вещах и ее знание, по отношению к которому вера интеллекта, согласие сердца и желание разума жизни обладать и реализовывать являются внешними образами. Эта вера души совершенно необходима для действия существа, и без нее человек не может сделать ни единого шага в жизни, и уж тем более сделать шаг к еще нереализованному совершенству. Это настолько центральная и существенная вещь, что Гита правильно говорит, что какова *шрадха* человека, тем он и становится, *yo yacchraddhah sa eva sah*, и, можно добавить, во что он верит как в возможное для него и к чему он стремится, то он и может создать и стать этим. Есть один род веры, совершенно необходимый в интегральной Йоге и который может быть описан как вера в Бога и в шакти, вера в присутствие и силу Божественного в нас и в мире, вера в то, что все в мире является работой одной божественной Шакти, что все шаги Йоги, ее усилия, старания и падения, как и ее успехи, удовлетворения и победы являются полезными и необходимыми этапами ее работы и что при помощи прочного и сильного доверия и полной само-сдачи Божественному и его Шакти в нас мы можем достичь тождества и свободы, победы и совершенства.

Врагом веры является сомнение, и все же и сомнение полезно и необходимо, потому что нужно, чтобы человека в его неведении и его продвижении к знанию посещало сомнение, иначе он будет продолжать упорствовать в невежественной вере и в ограничениях знания и будет неспособен оторваться от своих ошибок. Эта полезность и необходимость сомнения не полностью исчезает, когда мы вступаем на путь Йоги. Интегральная Йога нацеливается на знание не просто некоего фундаментального принципа, а на познание, гнозис, который приложит себя и покроет всю жизнь и мировое действие, и в этом поиске знания мы выходим на путь еще неисправленной деятельности разума, прежде чем она будет

очищена и трансформирована большим светом: мы несем с собой ряд интеллектуальных верований и идей, которые никоим образом все не являются правильными и совершенными, а также множество идей и предложений встречаются нам потом, требуя нашей веры, так что без сомнения было бы фатально полагаться на всех них и цепляться к ним в той форме, в которой они приходят, не взирая на возможную ошибку, ограничение или несовершенство. И, действительно, на одной стадии Йоги становится необходимым отказываться принимать как определенную и окончательную любую интеллектуальную идею или мнение в любой его интеллектуальной форме и держать его под сомнением, пока ему не будет придано правильное место и светлая форма истины в духовном переживании, освещенном супраментальным знанием. И в еще большей степени это относится к желаниям или импульсам жизненного разума, которые часто должны временно приниматься как непосредственные указатели временно необходимого действия, прежде чем мы будем иметь полное руководство, но не всегда душа должна полностью соглашаться с ними, ведь в конечном счете все эти желания и побуждения должны быть отвергнуты или трансформированы и замещены побуждениями божественной воли, вбирающей и возвышающей движения жизни. На этом пути также необходима вера сердца, эмоциональное доверие, согласие, но они не могут быть надежными проводниками до тех пор, пока они также не будут подняты, очищены, трансформированы и, в конечном счете, замещены светлыми согласиями божественной Ананды, единой с божественной волей и знанием. В ничто из низшей природы от разума до витальной воли не может искатель Йоги вкладывать полную и постоянную веру, а только в духовную истину, силу, Ананду, которые становятся в духовном разуме его единственными проводниками, осветителями и мастерами действия. И все же вера необходима на каждом шаге, потому что она является необходимым согласием души, а без этого согласия не может быть прогресса. Наша вера прежде всего должна придерживаться сущностной истины и принципов Йоги, и если она затемнена в интеллекте, приуныла в сердце, истощилась и исчерпалась постоянным отрицанием и несостоятельностью желаний витального разума, то должно быть нечто в самой сокровенной душе, что цепляется к этой вере и возвращается к ней, иначе мы можем пасть на пути или оставить его из-за слабости и неспособности переносить временное поражение, разочарование, трудность и опасность. В Йоге, как и в жизни, сам человек неутомимо настаивает до самого конца перед лицом любой неудачи и разочарования и всех противостоящих, враждебных и противодействующих событий и сил, и он покоряет их в конце концов и тем самым оправдывает свою веру, потому что для души и Шакти в человеке нет ничего невозможного. И даже слепая и невежественная вера лучше скептического сомнения, которое отворачивается от наших духовных возможностей, или постоянных придирок узкого мелочного критического несозидающего интеллекта, *асути*, который преследует наше усилие своей парализующей неуверенностью. Искатель интегральной Йоги должен покорить оба эти несовершенства. То, чему он дал свое согласие и на что нацелил свой разум, сердце и волю, божественное

совершенство всего человеческого существа, кажется невозможным обычному интеллекту, поскольку это противоречит текущим фактам жизни и еще долго будет противоречить непосредственному опыту, как это и происходит при движении к далеким и трудным целям, и это также отрицается многими, имеющими духовным опыт, но верящими, что наша сегодняшняя природа является единственно возможной природой человека в теле и что только путем отбрасывания земной жизни или даже всего индивидуального существования можем мы достичь либо небесного совершенства, либо освобождения угасания. При преследовании такой цели долго будет обильная почва для возражений, придирок, *асуйи*, того невежественного, но упорно критикующего разума, который правдоподобно базируется на видимостях текущего момента, на скопище установленных фактов и переживаний, отказывается идти за пределы всего этого и сомневается в справедливости всех указателей и вдохновений, которые указывают вперед; и если искатель сдается этим узким внушениям, он либо не достигнет цели, либо будет серьезно и надолго сдержан в своем путешествии. С другой стороны, неведение и слепота в вере является препятствиями к большему успеху, навлекают большое разочарование, связываются с ложными целями и препятствуют продвижению к большим формулировкам истины и совершенству. Шакти в своих работах будет беспощадно бить по всем формам неведения и слепоты, и даже по всему, что неверно и поверхностно полагается на нее, и мы должны верить и цепляться только к спасительной реальности. Большая и широкая духовная и понимающая вера, смышленая с интеллектом того большего разума, который согласен с высшими возможностями — вот характер *шрадхи*, необходимой для интегральной Йоги.

Эта *шрадха* — английское слово «вера» [faith] не адекватно для ее выражения — является на самом деле воздействием из всевышнего Духа, а ее свет — посланием из нашего супраментального существа, которое зовет низшую природу подняться из ее бедного текущего к великому самостановлению и само-превосхождению. И то, что воспринимает это воздействие и отвечает на этот зов, это не столько интеллект, сердце или жизненный разум, сколько внутренняя душа, которая лучше знает истину собственной судьбы и миссии. Обстоятельства, которые в первый раз побуждают нас вступить на этот путь, не являются настоящим указателем на то, что работает в нас. Там видное место могут занимать интеллект, сердце или желание жизни, либо даже более благоприятные случаи или внешние побуждения; но если бы это было всем, тогда не могло бы быть гарантированности нашей верности зову и нашей длительной стойкости в Йоге. Интеллект может оставить идею, которая притягивала его, сердце устает или подводит нас, желание жизненного разума поворачивается к другим целям. Но внешние обстоятельства являются только прикрытием для настоящих работ духа, и если был затронут именно дух, именно внутренняя душа восприняла зов, тогда *шрадха* будет оставаться прочной и будет противодействовать всем попыткам опрокинуть или убить ее. Это не так, что сомнения интеллекта не могут атаковать нас, что сердце не может уставать, а разочарованное желание разума жизни не может потонуть, будучи

исчерпанным на обочине. Иногда, а, возможно, и часто, это почти неизбежно, особенно с нами, сыновьями века интеллектуальности и скептицизма и материалистического отрицания духовной истины, который еще не убрал своих притворных облаков с лика солнца большей реальности и все еще противостоит свету духовной интуиции и сокровенному переживанию. Очень даже могут быть множества тех пытающих затмений, на которые так часто жаловались Ведические Риши: «долгие изгнания, лишения света», и эти затмения могут быть настолько плотными, ночь души может быть настолько черной, что может казаться, что вера окончательно покинула нас. Но через все эти невзгоды дух будет держаться за невидимую опору, и душа вернется с новой силой к своей уверенности, которая была только затемнена, но не угасла, потому что она не может угаснуть, раз уж внутреннее *я* узнало и приняло свое решение.* Божественное всегда держит нас за руку, и если кажется, что оно позволило нам пасть, то это только для того, чтобы поднять нас еще выше. Это спасительное возвращение мы будем переживать столь часто, что отрицания, навеваемые сомнениями, станут, в конце концов, невозможными, и как только основание ровности будет прочно заложено и, уж тем более, как только взойдет солнце гнозиса, тогда исчезнет само сомнение, поскольку придет конец его причине и его пользе.

Более того, требуется не только вера в фундаментальный принцип, вера в идеи, путь Йоги, но и повседневная рабочая вера в силу в нас, ведущую к достижению, в шаги, предпринятые на пути, в духовные переживания, пришедшие к нам, в интуиции, в направляющие движения воли, в побуждения интенсивностей сердца, в стремления и исполнения жизни, являющиеся помощниками на пути, в обстоятельства и стадии расширения природы и стимулы или шаги эволюционной души. В то же время всегда следует помнить, что мы движемся от несовершенства и неведения к свету и совершенству, и вера в нас должна быть свободной от прикрепленности к формам нашего старания и последовательных шагов нашей реализации. В нас есть не только многое, что должно быть поднято, чтобы быть выброшенным и отвергнутым (это битва между силами неведения низшей природы и высшими силами, которые должны заместить их), но и переживания, состояния мышления и чувствования, формы реализации, которые являются полезными и должны быть приняты на пути и которые могут казаться нам на время духовными окончательностями, а впоследствии оказываются переходными шагами, должны быть превзойдены, и рабочая вера, поддерживающая их, должна отойти в интересах больших вещей или более полных и охватывающих реализаций и переживаний, которые заместят их или в которые они вбираются в завершающей трансформации. Для искателя интегральной Йоги не должно быть цепляния к местам отдыха по пути или к домам, стоящим на полпути к цели; он не может быть удовлетворен, пока он не заложит все великие стойкие основания своего совершенства и не пробьется в его обширные и свободные бесконечности, и даже тогда он должен постоянно наполнять себя большими

---

* *самкальпа, вьявасья*

переживаниями Бесконечного. Его продвижение является восхождением от уровня к уровню, и каждая новая высота приносит другие перспективы и откровения многого того, что еще должно быть сделано, *бхури картвам*, пока божественная Шакти, в конце концов, не возьмет на себя все его старания, и он будет только соглашаться и охотно участвовать благодаря тождеству в ее светлых работах. То, что будет поддерживать его через все эти перемены, борьбу, трансформации, которые иначе могли бы расхолаживать и сбивать с толку, — ведь интеллект, жизнь и эмоция всегда слишком цепляются к вещам, привязываются к преждевременным уверенностям и склонны огорчаться и быть нерасположенными, когда вынуждены оставлять то, на чем они покоились, — является прочной верой в Шакти, находящейся за работой, и опорой на руководство Мастера Йоги, чья мудрость не в спешке и чьи шаги через все затруднения разума гарантированы, справедливы и прочны, поскольку они основываются на совершенно охватывающем ведении дел с необходимостями нашей природы.

Прогресс Йоги является продвижением от ментального неведения через несовершенные образования к совершенному основанию и нарастанию знания, и в своих более удовлетворяюще позитивных частях — движением от света к большему свету, и оно не может остановиться, пока мы не заимеем высочайший свет супраментального знания. В этом продвижении движения разума обязательно будут смешиваться с ошибкой, в той или иной пропорции, и мы не должны позволять нашей вере приходить в замешательство из-за вскрытия ошибок или воображать, что из-за того, что верования интеллекта, помогавшие нам, были слишком поспешными и позитивными, то фундаментальная вера в душе была несправедливой. Человеческий интеллект слишком боится ошибки как раз из-за того, что он слишком прикреплен к преждевременному ощущению уверенности и из-за слишком поспешного рвения к позитивной окончательности, в которой, как ему кажется, он охватил знание. По мере того, как нарастает наше само-переживание, мы обнаруживаем, что наши ошибки были даже необходимыми движениями, принесшими с собой и оставившими свой элемент или предложение истины, и помогавшими открытию или поддерживавшими усилия, и что та уверенность, которую мы сейчас должны оставить, все же обладала своей временной справедливостью в продвижении нашего знания. Интеллект не может быть достаточным проводником в поиске духовной истины и реализации, и все же его надо использовать в интегральном движении нашей природы. И поэтому, в то время как мы должны отвергать парализующее сомнение или простой интеллектуальный скептицизм, ищущий интеллект должен быть тренирован, чтобы допустить определенное широкое вопрошение, интеллектуальную честность, не удовлетворенную полуистинами, примесями ошибки или приближениями и, что более позитивно и полезно, допустить совершенную готовность всегда двигаться вперед от уже удержанных и принятых истин к большим корректирующим, вершающим или превосходящим истинам, которые поначалу он был неспособен постичь или, возможно, не склонен был постигать. Совершенно необходима рабочая вера интеллекта, но не суеверное, догматическое или ограниченное верование, прикрепленное к

последовательным предложениям и шагам Шакти, а вера, закрепленная на реальностях, движущаяся от меньших к более завершенным реальностям и готовая сбросить все подмостки и придерживаться только большой и растущей структуры.

Неизменная *шрадха*, вера, согласие сердца и жизни тоже совершенно необходимы. Но пока мы находимся в низшей природе, согласие сердца окрашено ментальной эмоцией, а движения жизни сопровождаются своим хвостом возмущающих или напрягающих желаний, и ментальная эмоция и желание имеют тенденцию баламутить, более или менее грубо или тонко изменять или искажать истину, и она всегда вносит некое ограничение и несовершенство в реализацию истины сердцем и жизнью. Сердце тоже, когда оно задето в своих привязанностях и своих уверенностях, озадачено возвратом к прошлому, падениями и убеждениями ошибки, либо вовлечено в борьбу, которая ожидает зова, чтобы двинуться вперед со своих уверенных позиций, имеет свои терзания, усталости, печали, протесты, отказы, препятствующие прогрессу. Оно должно учиться большей и более надежной вере, дающей вместо ментальных реакций спокойствие или духовное принятие путей и шагов Шакти, что по своей природе является согласием углубляющейся Ананды на все необходимые движения и готовностью оставить старые места стоянки и двигаться всегда вперед к восторгу большего совершенства. Жизненный разум должен дать свое согласие на последовательные мотивы, импульсы, активности жизни, наложенные на него направляющей мощью в качестве помогающих средств или развития природы, а также на последовательные стадии внутренней Йоги, но он не должен прикрепляться или требовать остановки где-либо, а должен всегда быть готовым к тому, чтобы оставить старую настойчивость и принять с той же самой полнотой согласия новые высшие мотивы и активности, и он должен учиться замещать желание широкой и яркой Анандой во всем переживании и действии. Вера сердца и жизненного разума, подобно вере интеллекта, должна быть способна на постоянную коррекцию, расширение и трансформацию.

Эта вера составляет, по сути, секрет *шрадхи* души, и она все больше и больше выносится на поверхность и там удовлетворяется, поддерживается и нарастает благодаря нарастающей уверенности и определенности духовного переживания. Здесь также вера должна быть непривязанной, это должна быть вера, которая ожидает Истины и готова к тому, чтобы менять и расширять свое понимание духовных переживаний, исправлять ошибочные или полуправильные представления о них и получать более озаренные интерпретации, замещать недостаточные интуиции более достаточными, а также сливать переживания, которые в свое время казались окончательными и удовлетворяющими, в более удовлетворяющие комбинации с новым переживанием и большими обширностями и превосхождениями. И особенно в психической области и в других средних областях есть очень большое место для возможности сбивающей и зачастую пленительной ошибки, и здесь даже полезно до определенной степени некоторое количество позитивного скептицизма, и всегда полезна бдительная предосторожность и скрупулезная интеллектуальная честность, но не

скептицизм обычного разума, доходящий до опустошающего отрицания. В интегральной Йоге психические переживания, особенно того рода, что связан с тем, что часто называют оккультизмом и что благоухает чудодейственным, должно быть полностью подчинено духовной истине и должно ждать получения от нее собственной интерпретации, озарения и санкции. Но даже в чисто духовной области есть переживания, которые являются частичными и которые, сколь бы притягательными они ни были, обретают свою полную законность, значение или правильное применение только тогда, когда мы переходим к более полному переживанию. Есть и другие переживания, совершенно верные сами по себе, полные и абсолютные, но если мы ограничим себя ими, то тем самым воспрепятствуем манифестации других сторон духовной истины и покалечим интегральность Йоги. Так, глубокая и поглощающая тишина безличностного покоя, приходящая с успокоением разума, является вещью полной и абсолютной в себе, но если мы остановимся только на этом, мы исключим другого компаньона, не менее великого, необходимого и истинного, — компаньона блаженства божественного действия. Здесь также наша вера должна быть согласием, которое воспринимает все духовное переживание, но с широкой открытостью и готовностью ко всегда большему свету и истине, без ограничивающей прикрепленности и без такого цепляния к формам, которое служило бы помехой движению Шакти к интегральности духовного существа, сознания, знания, мощи, действия и полноты одной и множественной Ананды.

Вера, требующаяся от нас, как в своем общем принципе, так и в постоянном частном приложении, означает широкое и всегда нарастающее и становящееся все более чистым, более полным и более сильным согласие всего существа и всех его частей на присутствие и руководство Бога и Шакти. Вере в Шакти, пока мы не осознали ее и не наполнены ее присутствием, должна обязательно предшествовать или, по меньшей мере, сопровождать ее, прочная и зрелая вера в нашу собственную духовную волю и энергию, как и в нашу силу успешно двигаться к единству, свободе и совершенству. Человеку дается вера в себя, в свои идеи и свои силы, чтобы он мог работать и созидать и подниматься к большим вещам и, в конечном счете, свою силу как стоящее подношение на алтарь Духа. Дух, — говорит Писание, — не завоевывается слабыми, *nayam atma balahinena labhyah*. Всякое парализующее само-разрушение должно быть оставлено, всякое сомнение в наши силы отброшено, ведь это является ложным согласием с немощностью, с воображением слабости и отрицанием всемогущества духа. Сегодняшняя неспособность, сколь тяжелым может ни казаться ее давление, является только испытанием веры и временной трудностью, и сдаваться ощущению неспособности будет нонсенсом для искателя интегральной Йоги, ведь его цель состоит в развитии совершенства, которое уже скрыто присутствует в существе, потому что человек несет семя божественной жизни в самом себе, в своем собственном духе, и возможность успеха вовлечена и подразумевается в его усилии, и победа несомненна, поскольку за ней стоит зов и руководство всемогущей силы. В то же время эта вера в себя должна быть очищена от любого касания рад-

жасического эгоизма и духовной гордыни. Садхак должен всегда хранить в своем уме ту идею, что его сила не является его собственной в эгоистическом смысле, а является силой божественной вселенской Шакти, и что любой эгоизм в ее использовании неизбежно будет служить причиной ограничения и, в конечном счете, препятствием. Безгранична сила божественной вселенской Шакти, стоящая за нашим стремлением, и когда она верным образом призывается, она не может потерпеть неудачу в том, чтобы влиться в нас и устранить любую неспособность и препятствие, сейчас или позднее; ведь время и продолжительность нашей борьбы, хотя они поначалу зависят, инструментально и отчасти, от силы нашей веры и нашего старания, все же, в конечном счете, находятся в руках мудро определяющего тайного Духа, единственного Мастера Йоги, Ишвары.

Вера в божественную Шакти должна всегда подкреплять нашу силу, и когда Шакти становится проявленной, вера в нее должна становиться явной и полной. Нет ничего невозможного для Шакти, — для нее, кто является сознательной Силой и вселенской Богиней, все-созидательной со времен извечных и вооруженной всемогуществом Духа. Все знание, все силы, весь триумф и победы, все мастерство и все работы находятся в ее руках и наполнены сокровищами Духа, всеми совершенствами и силами. Она — Махешвари, богиня всевышнего знания, и она дает нам свое видение всех сортов и широт истины, свою честность духовной воли, покой и страсть своей супраментальной необъятности, свое божество озарения; она — Махакали, богиня всевышней силы, и с ней все могущество и духовная сила и самая сильная строгость Тапаса и готовность к сражению, победе и смеху, *аттахасья*, что составляет свет поражения и смерти и сил неведения; она — Махалакшми, богиня всевышней любви и восторга, и ее дары — это милость духа и очарование и красота Ананды и защита, всякое божественное и человеческое благословение; она — Махасарасвати, богиня божественного искусства и работ Духа, и ей принадлежит Йога, то есть, мастерство в работах, *yogah karmasu kausalam*, а также практичность божественного знания и само-приложение духа к жизни и счастье его гармоний. И во всех своих силах и формах она несет с собой всевышний смысл мастерства вечного Ишвары, скорую и божественную способность на все виды действия, которые могут требоваться от инструмента, а также единство, участвующую симпатию, свободное тождество со всеми энергиями во всех существах и, как следствие, спонтанную и плодотворную гармонию со всей божественной волей во вселенной. Сокровенное чувство ее присутствия и ее сил и удовлетворенное согласие всего нашего существа на работы в нем и вокруг него является последним совершенством веры в Шакти.

А за ней стоит Ишвара, и вера в него является самым центральным делом в *шрадхи* интегральной Йоги. Эта вера, которую мы должны иметь и развивать до совершенства, состоит в том, что все вещи являются работой во вселенских условиях всевышнего само-знания и мудрости, что ничто в нас или вокруг нас не делается понапрасну или без отведенного места и верного значения, что все возможно, когда Ишвара в качестве нашего всевышнего *Я* и Духа возвышает действие и что все, что было сделано

раньше и все, что он сделает после, было и будет частью его безупречного и предвидящего руководства и направлено к достижению нашей Йоги, нашего совершенства и нашей жизненной работы. Эта вера будет становиться все более оправданной по мере того, как будет открываться высшее знание, и мы начнем видеть великие и малые значения, которые ускользали от нашей ограниченной ментальности, и вера будет переходить в знание. Тогда мы увидим вне всякого сомнения, что все происходит согласно одной Воли и что та воля была также мудростью, поскольку она всегда развивает верные выработки в жизни *я* и природы. Высочайшее состояние этого согласия, *шрадха* существа придет тогда, когда мы почувствуем присутствие Ишвары, почувствуем все наше существование, сознание, мышление, волю и действие в его руках и согласимся во всех вещах и в каждой части нашего *я* и природы с прямой, постоянной и завладевающей волей Духа. И это высочайшее совершенство *шрадхи* станет также благоприятной возможностью и совершенным основанием божественной силы: будучи полной, она будет основывать развитие, манифестацию и работы светлой супраментальной Шакти.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XIX
Природа Сверхразума

Цель Йоги состоит в том, чтобы поднять человеческое существо из сознания обычного разума, подчиненного контролю витальной и материальной Природы и полностью ограниченного рождением и смертью во Времени и нуждами и желаниями разума, жизни и тела, поднять его к сознанию духа, свободного в своем *я* и использующего условия разума, жизни и тела в качестве допущенных или само-избранных и само-вырисовывающихся определенностей духа, использующего их в свободном само-знании, в свободной воле и мощи существа, в свободном восторге существа. В этом заключается сущностная разница между обычным смертным разумом, в котором мы живем, и духовным сознанием нашего божественного и бессмертного существа, являющегося высочайшим итогом Йоги. Это радикальное обращение, столь же великое и даже еще большее, чем то изменение, которое сделала эволюционная Природа в своем переходе от витального животного к полностью ментализированному человеческому сознанию. Животное имеет сознательный витальный разум, но какие бы начала чего-то высшего ни проглядывались бы в нем, они являются только первым проблеском, грубым намеком на интеллект, который в человеке распускается в великолепие ментального понимания, воли, эмоции, восприимчивости и рассудка. Человек, поднятый на высоты разума и углубленный его интенсивностями, начинает осознавать в себе нечто великое и божественное, к чему все это стремится, нечто, что находится в пределах его возможностей, но чем он еще не стал, и он поворачивает силы своего разума, свою мощь познания, свою мощь воли, свою мощь эмоции и восприимчивости, чтобы найти это, чтобы охватить и понять все, чем это может быть, стать им и полностью существовать в этом большем сознании, восторге, существе и мощи высочайшего становления. Но то, что он обретает в своем обычном разуме, является только знаком, первичным проблеском, грубым намеком на великолепие, свет, славу и божественность духа внутри себя. От человека требуется полное преображение всех частей его существа в оболочки и инструменты духовного сознания, прежде чем он сможет сделать для себя вполне реальной, постоянной, присутствующей ту большую вещь, которой он может быть и сможет полностью жить в том, что сейчас для него является, в лучшем случае, светлым стремлением. С помощью интегральной Йоги он должен стремиться развиваться и всецело расти в большее божественное сознание.

Йога совершенствования, необходимая для этого изменения, состояла, насколько мы рассматривали ее, из подготовительного очищения мен-

тальной, витальной и физической природы, освобождения от узлов низшей Пракрити, последующей замены эгоистического состояния, всегда подчиненного невежественному и взбаламученному действию души желания, на большую и светлую статическую ровность, которая успокаивает рассудок, эмоциональный разум, жизненный разум и физическую природу и вносит в нас покой и свободу духа, динамическую замену действия низшей Пракрити на действие всевышней и универсальной божественной Шакти под контролем Ишвары, — на действие, чьей полной работе должно предшествовать совершенствование природных инструментов. И все это вместе, хотя еще и не является целой Йогой, составляет уже гораздо большее, чем сегодняшнее обычное сознание, — духовное в своем базисе и движимое большим светом, мощью и блаженством, так что можно было бы легко удовлетвориться достигнутым и думать, что уже сделано все необходимое для божественного преображения.

Однако, по мере роста света, возникает важнейший вопрос: через какую среду божественная Шакти будет действовать в человеческом существе? Только ли всегда через разум и на плане разума или в некоторой большей супраментальной формулировке, более подобающей божественному действию, которая поднимет и заместит ментальную функцию? Если разуму суждено навсегда оставаться единственным инструментом, тогда, хотя мы и будем сознавать более божественную Мощь, зачинающую и проводящую все наше внутреннее и внешнее человеческое действие, но все же эта Мощь должна будет формулировать свое знание, волю, Ананду и все прочие вещи в ментальном образе, и это означает их перевод в более низший тип функционирования, отличный от всевышних работ, родственных божественному сознанию и его Шакти. Разум одухотворенный, очищенный, освобожденный, усовершенствованный в собственных переделах, может максимально близко подходить к правдивому ментальному переводу, но мы обнаружим, что, в конечном счете, это является относительной точностью и несовершенным совершенством. По самой своей природе разум не может совершенно правильно передавать или действовать в объединенной полноте божественного знания, воли и Ананды, потому что он является инструментом для обращения с делениями конечного на базисе деления, и, следовательно, вторичным инструментом и неким делегатом низшего движения, в котором мы живем. Разум может отражать бесконечное, он может раствориться в нем, он может жить в нем благодаря широкой пассивности, он может принимать его предложения и осуществлять их собственным путем, путем всегда фрагментарным, производным и подчиненным большей или меньшей деформации, но сам он не может быть прямым и совершенным инструментом бесконечного Духа, действующим в собственном знании. Божественная Воля и Мудрость, организующая действие бесконечного сознания и определяющая все вещи согласно истине духа и закону его манифестации, является не ментальной, а супраментальной, и даже в своей формулировке, наиболее близкой разуму, столь же превосходит ментальное сознание в своем свете и силе, как ментальное сознание человека превосходит витальный разум низшего творения. Вопрос состоит в том, как далеко усовершенствованное челове-

ческое существо может подняться над разумом, войти в нечто вроде сплавляющего единства с супраментальным и выстроить в себе уровень сверхразума, развитого гнозиса, формой и мощью которого божественная Шакти может напрямую действовать, не через ментальный перевод, а органически в своей супраментальной природе.

Задаваясь вопросом, столь далеким от обычных линий нашего мышления и переживания, необходимо сначала установить, чем является универсальный гнозис или божественный сверхразум, как он представлен в текущем движении вселенной и каковы его связи с сегодняшней психологией человеческого существа. Тогда станет ясно, что хотя сверхразум супрарационален по отношению к нашему интеллекту, а его работы оккультны для нашего охвата и понимания, в нем нет ничего иррационально мистического, и, более того, его существование и проявление является логической необходимостью природы существования, если мы признаем, что не материя или только разум, а дух является фундаментальной реальностью и повсеместно присутствует. Все вещи являются манифестацией бесконечного духа из его собственного бытия, из его собственного сознания и благодаря само-реализующей, само-определяющей, само-исполняющей мощи этого сознания. Можно сказать, что Бесконечное организует силой своего само-знания закон собственной манифестации бытия во вселенной, не только в материальной вселенной, существующей для наших чувств, но и всего, что лежит за ее пределами на любом плане существования. Все организовано Бесконечным не под каким-либо несознательным принуждением, не следуя ментальной фантазии или капризу, но в собственной бесконечной духовной свободе согласно само-истине его бытия, его бесконечных потенциальностей и его воли само-творения из этих потенциальностей, и закон этой само-истины является той необходимостью, которая заставляет созданные вещи действовать и развиваться согласно собственной природе. Интеллект, Логос, который так организует собственную манифестацию, является, очевидно, чем-то бесконечно большим, более расширенным в знании, вынуждающим в само-силе, большим как в восторге своего само-существования, так и в восторге своего активного существа и работ, чем ментальный интеллект, являющийся для нас высочайшей реализованной степенью и выражением сознания. Именно этот интеллект, бесконечный в себе, но свободно организующий и само-определяюще органический в своем само-творении и работах можем мы назвать, для нашей теперешней цели, божественным сверхразумом или гнозисом.

Фундаментальная природа этого сверхразума состоит в том, что все его знание изначально является знанием посредством тождества и единства, и даже когда он делает несчетные кажущиеся деления и отличительные модификации в себе, все же все знание, которое действует в своих работах даже в этих делениях, основывается на и поддерживается и освещается и направляется этим совершенным знанием посредством единства и тождества. Дух един везде, и он знает все вещи как себя самого и в себе, так видит их всегда и поэтому знает их сокровенно, полно, в их реальности, как и в их видимости, в их истине, их законе, знает полный дух и

смысл и образ их природы и их работ. Когда он видит что-либо как объект познания, он видит это все же как себя или в себе, а не как вещь, отличную от себя или отделенную от себя, природу, строение и работу которых он поэтому изначально не знает и должен узнать их, как разум сначала не ведает о своем объекте и должен узнавать его, потому что разум отделен от своего объекта и смотрит на него, чувствует его и встречается с ним как с чем-то отличным от себя и внешним к собственному существу. Ментальное осознание, которое мы имеем о нашем собственном субъективном существовании и его движениях, хотя оно и может указывать, но не является тем же самым, как это тождество и само-знание, потому что то, что оно видит, является ментальными образами нашего бытия, а не сокровенными или целостными, и нам видится только частичное, производное и поверхностное действие нашего *я*, тогда как самые большие и наиболее тайно определяющие части нашего собственного существования оккультны для нашей ментальности. Супраментальный Дух имеет настоящее знание себя и всей своей вселенной и всех вещей, являющихся творениями и самообразами во вселенной, потому что это знание сокровенное и полное.

В этом состоит вторая характерная особенность Сверхразума: его знание настоящее, поскольку оно полное. Прежде всего, у него есть трансцендентное видение, и он видит вселенную не только в универсальных терминах, но и в правильной связи со всевышней и вечной реальностью, от которой он отправляется и которую он выражает. Он знает дух, истину и полный смысл универсального выражения, потому что он знает всю сущностность, всю бесконечную реальность и всю вытекающую постоянную потенциальность того, что отчасти он выражает. Он правильно знает относительное, потому что он знает Абсолют и все свои абсолюты, на которые ссылаются относительности и по отношению к которым они являются частичными, модифицированными или сдержанными образами. Знание всевышнего Сверхразума также универсально и видит все индивидуальное в терминах универсального, как и в собственных индивидуальных терминах и держит все эти индивидуальные образы в их правильной и полной связи со вселенной. Знание всевышнего Сверхразума также тотально в своем взгляде, потому что оно знает каждую вещь в ее сокровенной сущности, из которой вытекает все остальное, в ее тотальности, которая является ее полным образом, и в ее частях, а также во всех ее связях и зависимостях вещей, — как и в связях и зависимостях всех вещей и в самом узле вещи с тотальными сопричастностями и выражениями вселенной.

Разум же, напротив, ограничен и не способен во всех этих направлениях. Разум не может достичь тождества с Абсолютом, даже когда силой интеллекта он постигает эту идею, а может только исчезнуть в нем, впав в обморок или угасание: он может лишь иметь нечто вроде ощущения или намека на определенные абсолюты, которые он с помощью ментальной идеи вкладывает в относительный образ. Он не может охватить вселенную, а только достигает некоторого представления о ней через расширение индивидуального или комбинацию кажущихся отдельных вещей и так видит ее либо в качестве смутной бесконечной или неопределенной или

полу-определенной обширности, либо только во внешней схеме или в сконструированном образе. Неделимое бытие и действие универсального, которое составляет его настоящую истину, ускользает от понимания разума, потому что разум думает о нем аналитически, деля на отдельные единицы, и синтетически, комбинируя эти единицы, но он не может охватить сущностное тождество и мыслить в его терминах, хотя он может достичь некой идеи этого тождества и определенных вторичных результатов. Разум не может верно и детально познать даже индивидуальную и кажущуюся отдельной вещь, потому что он действует тем же самым образом, путем анализа частей и составляющих и свойств и комбинации, при помощи которой он возводит схему, являющуюся лишь внешним образом. Разум может получить намек о сущностной сокровенной истине своего объекта, но не может жить постоянно и светло в этом сущностном знании и работать над остальным изнутри наружу, так чтобы внешние обстоятельства появлялись бы в их сокровенной реальности и смысле в качестве неизбежного результата и выражения и формы и действия духовного нечто, что составляет реальность объекта. И все это, чего не может сделать разум и к чему он может только стремиться и представлять себе, внутренне присуще и естественно для супраментального знания.

Третья характерная черта сверхразума, вытекающая из этой разницы и приносящая нам практическое разделение между этими двумя типами знания, состоит в том, что сверхразум является напрямую сознающей истину, божественной мощью непосредственного, сокровенного и спонтанного знания, является Идеей, ясно содержащей все реальности и не зависящей от указаний или прочих шагов от известного к неизвестному, подобно разуму, являющемуся мощью Неведения. Сверхразум содержит в себе все свое знание, является высочайшей божественной мудростью в вечном обладании всей истиной и даже в своих низших, ограниченных или индивидуализированных формах должен только выявлять из себя скрытую истину, — это восприятие древние мыслители пытались выразить в том, когда они говорили, что все познаваемое является в своем настоящем истоке и природе только памятью внутренне существующего знания. Сверхразум вечно и на всех уровнях сознает истину и существует тайно даже в ментальном и материальном бытии, обозревает вещи и знает их, даже самые темные вещи ментального неведения, и понимает их ход, находится за этим ходом и управляет им, потому что все в разуме вытекает из сверхразума — и так и должно быть, поскольку все вытекает из духа. Все ментальное является лишь частичным, модифицированным, сдержанным или полу-сдержанным образом супраментальной истины, деформацией или выведенным и несовершенным образом большего знания. Разум начинает с неведения и идет к знанию. В действительности, в материальной вселенной, разум появляется из изначального и универсального несознания, являющегося на самом деле инволюцией все-ведающего духа в его собственной поглощенной само-забывшей силе действия; и поэтому разум появляется как часть эволюционного процесса: сначала это витальное чувство к явному ощущению, затем появление витального разума, способного ощущать, затем появление, развивающегося из него, разума

эмоции и желания, сознательной воли, растущего интеллекта. И на каждой стадии появляется большая сдержанная сила тайного сверхразума и духа.

Разум человека, способный на рефлексию и скоординированное исследование и понимание себя, своего базиса и окружения, достигает истины, но на фоне изначального неведения, истины, мучимой постоянным окружающим туманом неуверенности и ошибки. Его уверенности относительны и по большей части сомнительны, либо это гарантированные фрагментарные уверенности только несовершенного, неполного и не сущностного переживания. Разум делает открытие за открытием, обретает идею за идеей, добавляет переживание к переживанию и эксперимент к эксперименту, — но теряя и отвергая и добавляя и восстанавливая по ходу, — и пытается установить связь между всем известным при помощи логических и других последовательностей, серий принципов и их зависимостей, обобщений и их приложения, и делает из своих приспособлений структуру, в которой он может ментально жить, двигаться, действовать, наслаждаться и трудиться. Ментальное знание всегда ограничено в свое пространстве, но и в дополнение к этому разум даже сам выдвигает другие барьеры, допуская с помощью ментального аппарата мнения только определенные части и стороны истины и исключая все остальное, потому что допусти он игру всех идей, дозволь он бесконечности истины, он потерялся бы в несогласованном разнообразии, неопределенной безмерности и был бы неспособен действовать и идти к практическим следствиям и эффективному творению. И даже будучи широчайшим и самым полным, ментальное познание все еще остается непрямым знанием, знанием не вещи в себе, а ее образов, остается системой представлений, схемой указаний, — кроме действительно случаев, когда в определенных движениях он идет за свои пределы, за пределы ментальной идеи к духовному тождеству, но он находит чрезвычайно трудным идти туда, за пределы нескольких изолированных и интенсивных духовных реализаций, либо выводить, вырабатывать или организовывать правильные практические следствия этих редких тождественностей знания. Большая мощь, чем рассудок, требуется для духовного понимания и осуществления этого глубочайшего знания.

Это может делать только сверхразум, сокровенно связанный с Бесконечным. Сверхразум видит напрямую дух и сущность, лик и тело, результаты и действия, принципы и зависимости истины как одно неделимое целое и поэтому может вырабатывать подробные результаты в мощи сущностного знания, вариации духа - в свете своих тождественностей, кажущееся деление - в свете своего единства. Сверхразум — знаток и творец собственной истины, а разум человека — это только знаток и творец в полусвете и полутьме смешанной истины и ошибки, а также творец вещи, которую он видит измененной, переведенной, ослабленной из чего-то большего, чем он сам, и находящейся за его пределами. Человек живет в ментальном сознании между обширным подсознательным, которое для его видения является темным несознанием, и еще более обширным сверхсознательным, которое он склонен принимать за другое, но светлое не-

сознание, потому что его представление о сознании ограничено его собственным средним термином ментального ощущения и интеллекта. Именно в этом светлом сверхсознании находятся пространства сверхразума и духа.

Опять же, сверхразум, поскольку он действует и творит, как и знает, является не только прямым сознанием истины, но и озаренной, прямой и спонтанной волей истины. В воле само-знающего духа нет и не может быть никакого противоречия, деления или различия на волю и знание. Духовная воля является Тапасом или озаренной силой сознательного бытия духа, безупречно осуществляющей то, что внутри нас, и именно эту безупречную работу вещей, действующих согласно их собственной природе, эту безупречную работу энергии, приводящую к результату и событию согласно силе внутри нее, эту безупречную работу действия, пожинающего плоды и события, вовлеченные в его собственный характер и намерение, мы называем, в различных аспектах, законом Природы, Кармой, Необходимостью и Судьбой. Все эти вещи являются для разума работами вне его и над ним, в которые он вовлечен и в которые он вмешивается только со своим дополнительным усилием, которое частично достигает цели и преуспевает, частично подводит и спотыкается и которое даже в достижении в большой степени затмевается или опровергается результатами, отличными от его собственного намерения или, в любом случае, большими и далеко идущими результатами. Воля человека работает в неведении с помощью частичного света или, чаще, с помощью мерцания света, которое вводит в заблуждение не меньше, чем озаряет. Его разум является неведением, старающимся воздвигнуть стандарты знания, его воля — неведением, старающимся воздвигнуть стандарты права, и в результате вся его ментальность является в большой степени домом, поделенным и настроенным против самого себя: идея конфликтует с идеей, воля часто конфликтует с идеалом права или интеллектуального знания. Сама воля принимает различные формы: воля интеллекта, желания эмоционального разума, желания страсти и витального существа, побуждения и слепые или полуслепые принуждения нервной и подсознательной природы, и все это составляет никоим образом не гармонию, а, в лучшем случае, сомнительное согласие среди разногласий. Воля разума и жизни спотыкается в поиске верной силы, верного Тапаса, который может быть полностью достигнут в своем истинном и полном свете и направлении только путем тождества с духовным и супраментальным существом.

Супраментальная же природа, напротив, является верной, гармоничной и единой, там воля и знание являются только светом духа и мощью духа, мощью, проводящей свет, светом, озаряющим мощь. В высочайшей супраментальности они сокровенно слиты вместе и даже не ждут друг друга, а являются одним движением, волей, озаряющей себя, знанием, осуществляющим себя, и вместе — единой струей существа. Разум знает только сиюминутное и живет в изолированном движении, хотя он и пытается вспомнить и удержать прошлое и предвидеть и понуждать будущее. Сверхразум имеет видение всех трех времен, *трикаладашти*; он видит их как неделимое движение и видит также каждое время, содержащее остальные. Он сознает все тенденции, энергии и силы как разнообразную

игру единства и знает их связи друг с другом в едином движении одного духа. Супраментальная воля и действие являются поэтому волей и действием спонтанной само-исполняющейся истины духа, верным и безошибочным движением прямого и тотального знания.

Всевышний и универсальный Сверхразум является активным Светом и Тапасом всевышнего и универсального *Я* в качестве Господина и Творца, кого мы начинаем узнавать в Йоге в качестве божественной Мудрости и Мощи, вечного знания и воли Ишвары. На высочайших планах Бытия, где все известно и все проявляется как существование одного существования, как сознание одного сознания, как само-творение восторга одной Ананды, как истина и сила одной Истины, духовное и интегральное знание проявляется нетронутым и интегральным. И на соответствующих планах нашего собственного бытия Джива разделяет духовную и супраментальную природу и живет в своем свете, мощи и блаженстве. По мере спуска к тому, чем мы являемся в этом мире, присутствие и действие этого самознания сужается, но всегда сохраняет свою сущность и характер, даже когда нет полноты супраментальной природы и ее способа познания, воления и действия, потому что это само-знание все еще живет в сущности и плоти духа. Когда мы прослеживаем нисхождение *я* к природе, мы видим разум в качестве образования, которое отходит от полноты *я*, полноты его света и существа и живет в делении и отклонении, не в теле солнца, а в его ближайших, а затем — в отдаленных лучах. Есть высочайший интуитивный разум, который ближе воспринимает супраментальную истину, но даже он является формацией, скрывающей прямое и большее настоящее знание. Есть интеллектуальный разум, являющийся светлой полупроницаемой крышкой, которая перехватывает и отражает в лучезарно искажающей и сдерживающе модифицирующей атмосфере истину, известную сверхразуму. Есть еще и более низкий разум, построенный на основании чувств, между которым и солнцем знания есть плотное облако, эмоциональный и чувственный туман и пар с проблесками и озарениями тут и там. Есть и витальный разум, закрытый даже от света интеллектуальной истины, а еще ниже, в субментальной жизни и материи, дух полностью вовлекается как в спячку и ночь, в спячку, погруженную и смутную и все острую нервную грезу, в ночь механической сомнамбулической энергии. Благодаря эволюции духа из этого самого низшего состояния мы поднимаемся над низшим творение, вбираем его все в себя и достигаем в своем восхождении только света хорошо развитого ментального разума. Полные силы само-знания и озаренной воли духа все еще находятся за нашими пределами над разумом и рассудком в супраментальной Природе.

Если дух есть везде, даже в материи — в действительности, сама материя является только темной формой духа — и если сверхразум является универсальной мощью вездесущего само-знания духа, организующей всю манифестацию существа, тогда в материи и везде должно присутствовать супраментальное действие и, сколь бы сокрытым оно ни было другим, более низким и более темным видом действия, все же, когда мы посмотрим ближе, мы найдем, что это на самом деле сверхразум организует материю, жизнь, разум и рассудок. И это действительно знание, к которому мы сей-

час движемся. Есть даже достаточно видимое сокровенное действие сознания, сохраняющееся в жизни, материи и разуме, которое явно является супраментальным действием, подчиненным характеру и нужде низшей среды и которое мы называем интуицией из-за его самых очевидных характеристик прямого видения и само-действующего знания, из-за действительного видения, рожденного некой тайной тождественностью с объектом познания. То, что мы называем интуицией, является однако только частичным указанием на присутствие сверхразума, и если мы возьмем это присутствие и мощь в ее самом широком характере, мы увидим, что именно сокрытая супраментальная сила с само-сознающим знанием в ней наполняет все действие материальной энергии. Именно это определяет то, что мы называем законом природы, поддерживает действие каждой вещи согласно ее собственной природе и гармонизирует и развивает целое, которое иначе было бы случайным творением, склонным в любой момент к коллапсу и хаосу. Любой закон природы точен в своих необходимостях процесса, и все же в причине этой необходимости и постоянства своего правила, меры, комбинации, адаптации, он необъясним для нас, сталкивая нас на каждом шагу с мистерией и чудом, и это может быть либо из-за того, что он иррационален и случаен даже в своих регулярностях, либо из-за того, что он супрарационален, потому что его истина принадлежит принципу, большему, чем принцип нашего интеллекта. Этим принципом является супраментал; то есть, скрытой тайной Природы является организация нечто из бесконечных потенциальностей само-существующей истины духа, природа чего полностью очевидна только для изначального знания, рожденного и следующего из фундаментального тождества, постоянного само-восприятия духа. Все действие жизни также носит этот характер, а также все действие разума и рассудка, — рассудка, который первым воспринимает везде действие большего рассудка и закона бытия и пытается передать это собственными понятийными структурами, хотя он не всегда воспринимает, что работает нечто большее, чем ментальный интеллект, интеллектуальный Логос. Все эти процессы в действительности являются духовными и супраментальными в их тайном управлении, но ментальными, витальными и физическими в их видимом ходе.

Внешняя природа, жизнь, разум не обладают этим оккультным действием сверхразума, даже когда они сами обладаемы и принуждены необходимостью, накладываемой им на их работы. Это то, что мы иногда склонны называть интеллектом и волей, работающими в материальной силе и атоме (хотя эти слова звучат ложно, поскольку в действительности это не то же самое, что и наша собственная воля и интеллект), — скажем, это скрытая интуиция само-существования за работой, — но атом и сила не сознают это и являются лишь темным телом материи и мощью, порожденной первым усилием само-манифестации. Присутствие такой интуиции становится более очевидным для нас во всем действии жизни, потому что это ближе к нашей собственной шкале. И по мере того, как жизнь развивает явное чувство и разум, как в животном творении, мы можем более уверенно говорить о витальной интуиции, находящейся за ее операциями и проявляющейся в животном разуме в явной форме инстинкта, — ин-

стинкта, автоматического знания, вселенного в животное, надежного, прямого, само-существующего, само-направялемого, которое подразумевает где-то в существе точное знание цели, связи и вещи или объекта. Интуиция действует в жизненной силе и разуме, но все же поверхностная жизнь и разум не обладают ею и не могут понять, что это такое или контролировать или расширять мощь по своей воле и к своему удовольствию. Здесь мы наблюдаем две вещи: первое, что открытая интуиция действует только для ограниченной необходимости и цели и, второе, что в остальных операциях природы есть двойное действие — одно неопределенное и невежественное действие поверхностного сознания, и другое — сублиминальное действие, подразумевающее тайное подсознательное направление. Поверхностное сознание полно поисков на ощупь, которые скорее увеличиваются, чем уменьшаются по мере того, как жизнь поднимается по своей шкале и расширяется в охвате сознательных сил; но тайное *я*, находящееся внутри, гарантирует, несмотря на поиски на ощупь витального разума, действие природы и результат, требующиеся для этой необходимости, цель и судьбу существа. Это продолжается на все большей шкале вплоть до человеческого разума и интеллекта.

Существо человека тоже полно физических, витальных, эмоциональных, психических и динамических инстинктов и интуиций, но человек не полагается на них так, как животные, — хотя они способны в человеке на гораздо больший размах и большее действие, чем в животном и низшем творении, благодаря большему фактическому эволюционному развитию и еще большей потенциальности развития существа. Человек подавил их, атрофировал их полное и открытое действие, — это не так, что эти способности разрушены, они скорее отброшены в сублиминальное сознание или сдержаны в нем, — и, как следствие, эта часть его существа гораздо меньше уверена в себе, гораздо меньше уверена в направлениях природы человека, гораздо больше действует ощупью и подвержена ошибкам в своем большем диапазоне, чем соответствующая часть животных в их меньших пределах. Это происходит из-за того, что настоящая Дхарма человека и закон его существа — искать большего само-осознанного существования, само-манифестации, больше не затемненной и управляемой непонятой необходимостью, а озаренного, сознающего то, что выражается, и способного дать ему более полное и более совершенное выражение. И, наконец, кульминацией человека должно быть отождествление себя со своим самым великим и настоящим *я* и действие или, скорее, позволение действовать (при условии, что его природное существование является инструментальной формой выражения духа) в спокойной совершенной воле и знании. Его первым инструментом для этого перехода является разум и воля рационального интеллекта, и человек движим зависеть от них в степени их развития для своего познания и управления и давать им контроль над остальной частью своего существа. И если бы разум был высочайшей вещью и величайшим само-достаточным средством *я* и духа, тогда человек мог бы в совершенстве познавать с его помощью и в совершенстве направлять все движения своей природы. Человек не может делать это полностью, потому что его *я* — это нечто большее, чем его разум, и если он ог-

раничит себя рациональной волей и интеллектом, то тем самым он наложит произвольное ограничение как в размахе, так и в типе, на свое саморазвитие, само-выражение, знание, действие, Ананду. Другие части его существа тоже требуют полного выражения в широте и совершенстве *я* и не могут иметь этого, если их выражение меняется в типе и урезается, сокращается и произвольно лепится и механизируется в действие путем негибкой машинерии рационального интеллекта. Божество разума, интеллектуальный Логос, является лишь частичным представителем и заменой большего супраментального Логоса, и его функция заключается в том, чтобы накладывать предварительное частичное знание и упорядочивать жизнь творения, но настоящий, окончательный и интегральный порядок может быть основан лишь духовным сверхразумом при его появлении.

Сверхразум в низшей природе сильнее всего представлен в качестве интуиции, и поэтому путем развития интуитивного разума мы можем сделать первый шаг к само-существующему спонтанному и прямому супраментальному знанию. Вся физическая, витальная, эмоциональная, психическая, динамическая природа человека является поверхностным захватом предложений, которые поднимаются из сублиминального интуитивного само-бытия этих частей, и попыткой обычно на ощупь и зачастую окольным путем выработать их в действии поверхностного воплощения и силы природы, которая не открыто освещена внутренней мощью и знанием. Растущий интуитивный ум имеет лучшие шансы открыть то, что ищут эти низшие части природы и повести их к желаемому совершенству их само-выражения. Сам разум является только особого рода применением, сделанным поверхностным регулирующим интеллектом, предложений, которые в действительности приходят из сокрытой, но иногда и частично открытой и активной мощи интуитивного духа. Во всем действии разума в некой сокрытой или полу-сокрытой точке начинания есть нечто, что не является его творением, а дается ему либо напрямую при помощи интуиции, либо косвенно через некоторую другую часть ума, чтобы разум придал этому интеллектуальную форму и воплотил в интеллектуальном процессе. Рациональное суждение в своих решениях и в механическом процессе логического интеллекта, будь то в своих самых суммарных или наиболее развитых операциях, скрывает, развивая их, настоящее происхождение и родную субстанцию нашей воли и мышления. Величайшие умы — это те умы, в которых эта вуаль протерлась почти до дыр, и есть самая значительная часть интуитивного мышления, которая часто не сомневается, но всегда приносит с собой великое сопутствующее проявление интеллектуального действия. Однако интуитивный интеллект человека никогда не бывает совершенно чистым и полным, потому что он работает в среде разума и сразу же захватывается и обволакивается смешанным веществом ментальности. Интуитивный интеллект еще не выявлен, но развит и усовершенствован, так чтобы быть достаточным для всех операций, проделываемых сейчас другими ментальными инструментами, не натренированными для того, чтобы поднять их и преобразовать их в или заменить их собственными самыми полными, самыми прямыми, надежными и достаточными работами. В действительности это может быть сделано только в

том случае, если мы сделаем интуитивный ум переходным средством для выявления самого тайного сверхразума, ментальным образом которого он является, и для формирования в нашем фронтальном сознании тела и инструмента сверхразума, который позволит *я* и духу проявить себя в собственной широте и великолепии.

Следует помнить, что всегда есть разница между всевышним Сверхразумом всеведающего и всемогущего Ишвары и тем сверхразумом, который может быть достигнут Дживой. Человеческое существо поднимается из неведения, и когда оно войдет в супраментальную природу, оно обнаружит в ней ступени восхождения и должно будет сформировать сначала низшие ступени и сделать ограниченные шаги, прежде чем поднимется к высочайшим вершинам. Там оно будет наслаждаться полным сущностным светом, мощью, Анандой бесконечного *я* благодаря тождеству с Духом, но в динамическом выражении оно должно определять и индивидуализировать себя согласно природе само-выражения, которое трансцендентный и вселенский Дух ищет в Дживе. Именно реализация Бога и выражение Бога является целью нашей Йоги и, особенно, ее динамическая сторона; это божественное само-выражение в нас Ишвары, но при условиях человечества и через обожествленную человеческую природу.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XX
Интуитивный Разум

Изначальной природой сверхразума является само-сознание и всесознание Бесконечного, вселенского Духа и *Я* в вещах, организующего на основании и согласно характеру прямого само-знания собственную мудрость и действенное всемогущество для развернутого и выверенного действия вселенной и всех вещей во вселенной. Можно сказать, что это гнозис Духа, мастер собственного космоса, *атма*, *джнята*, *ишвара*. Как он знает себя, точно также он знает все вещи — ведь все является лишь становлениями его самого — напрямую, полностью и изнутри наружу, спонтанно в деталях и в расположении, каждую вещь — в своей истине и в ее истине и в связи со всеми другими вещами. И аналогичным образом он знает все действия своей энергии в прошлом или причину и обстоятельства манифестации и воздействие или следствия, знает все вещи в бесконечной и в ограниченной потенциальности, а также в выборе подлинных условий и их последовательности в прошлом, настоящем и будущем. Организующий сверхразум божественного бытия будет во вселенной делегированием этого всемогущества и всезнания для цели и внутри диапазона его собственного действия и природы и всего того, что приходит в ее область. Но тогда как в боге это будет прямым и непосредственным делегированием мощи, не ограничиваемой в себе, а ограниченной только в действии, но неизменной в операции, естественной для существа и всегда полной и свободной, то в человеке любое появление сверхразума должно быть постепенным и поначалу несовершенным творением, и для его обычного разума — деятельностью исключительной и сверхнормальной воли и знания.

Прежде всего, сверхразум не будет для человека родной мощью, которой всегда можно наслаждаться без перерыва, а будет тайной потенциальностью, которая должна быть открыта и для которой нет органов в его теперешней физической или ментальной системе: человек должен либо развить новый орган или приспособить или трансформировать существующие органы, так чтобы их можно было использовать для этой цели. Человек должен не просто раскрыть скрытое солнце сверхразума в субликминальной пещере своего тайного существа или стереть облако своего ментального неведения с его лика на духовных небесах, так чтобы оно сразу же засияло в своем великолепии. Задача человека гораздо более комплексна и трудна, потому что он является эволюционным существом, и из-за эволюции Природы, частью которой он является, он был снабжен низшим типом знания, и эта низшая, ментальная мощь знания, из-за на-

стоятельности обычного действия, составляет препятствие для нового образования, превосходящего его собственную природу. Ограниченный ментальный интеллект, освещающий ограниченный разум чувств, и способность, не всегда хорошо используемая для его расширения из-за использования рассудка, являются мощностями, отличающими сейчас человека от всех прочих земных творений. Этот чувственный разум, этот интеллект, этот рассудок, сколь бы адекватным он ни был, являются инструментами, которым человек научился доверять, и с их помощью он заложил определенные основания, которые он не очень-то склонен возмущать, а также с их помощью человек прочертил пределы, вне которых он чувствует все путаницей, неопределенностью и опасным приключением. Более того, переход к более высокому принципу означает не только трудное преобразование всего разума, рассудка и интеллекта, но и, в определенном смысле, обращение всех их методов. Душа, поднявшаяся над определенным уровнем изменений, видит все свои предыдущие операции как низшее и невежественное действие и должна провести другой род работы, которая отправляется от другой стартовой точки и имеет совершенно другой род основания энергии существа. Если бы животный разум был призван сознательно оставить безопасную почву чувственному импульса, чувственного понимания и инстинкта ради рискованного приключения рассуждающего интеллекта, он бы отвернулся от него, встревоженный и не желающий прилагать усилия. Здесь же человеческий разум призван сделать еще большее изменение, и он мог бы посчитать его находящимся за пределами круга своих возможностей и отвергнуть приключение. В действительности, это изменение возможно лишь в том случае, если сознание достигло определенного уровня, и приключение может быть безопасным, только если разум начал осознавать большее *я* внутри, если он очарован Бесконечным и доверяет присутствию и руководству Божественного и его Шакти.

Проблема этого обращения сводится поначалу к переходу через промежуточное состояние и с помощью одной силы, уже работающей в человеческом разуме, которую мы можем распознать как нечто супраментальное в своей природе или, по крайней мере, в своем происхождении, к способности интуиции, мощи, присутствие и работу которой мы можем чувствовать, и мы поражены, когда она действует, ее превосходящей эффективностью, светом, прямым вдохновением и силой, но мы не можем понять или проанализировать ее, как мы понимаем или анализируем работы нашего разума. Разум понимает себя, но не то, что лежит за его пределами, — об этом он может только составлять общий образ или представление; только сверхразум может распознать метод собственных работ. Мощь интуиции действует в нас сейчас по большей части скрытым тайным образом и вовлечена в действие рассудка и обычного интеллекта или, главным образом, завуалирована ими; насколько интуиция показывается в ясном отдельном действии, она все еще носит случайный, частичный, фрагментарный и промежуточный характер. Интуиция бросает внезапный свет, делает светлые намеки или выбрасывает одинокий сверкающий ключ или разбрасывает малое количество изолированных или связанных

прозрений, блестящих различений, вдохновений или откровений, и оставляет разум, волю, ментальное чувство или интеллект делать то, что каждый из них может, либо одаряет их семенем помощи, приходящим из глубин или высот нашего существа. Ментальные силы сразу же начинают захватывать эти вещи и манипулировать ими и использовать их на наши ментальные или витальные цели, приспосабливать их к формам нашего знания, одевать их или пропитывать их ментальным веществом и предложением, зачастую изменяя их истину в этом процессе и всегда ограничивая их потенциальную силу озарения этими добавлениями и этим подчинением запросам низшего посредника, и почти всегда эти вещи делают одновременно слишком мало и слишком много, слишком мало из-за того, что им не дается нужного времени, чтобы они укоренились и распространили свою полную мощь озарения, и слишком мало из-за настояния на них или, скорее, на форме, которую ментальность придает им, исключая большую истину, которую могло бы дать более сознательное использование этой интуитивной способности. Так что интуиция, вмешиваясь в обычные ментальные операции, действует озаряющими вспышками, делающими блестящим пространство истины, но не является ровным светом, надежно освещающим весь круг и царство нашего мышления, воли, чувства и действия.

Сразу же видится, что есть две линии продвижения, которым мы должны следовать: первая линия — это расширять действие интуиции и делать ее более постоянной, более стойкой, регулярной и всеохватывающей, пока она не станет столь сокровенной и нормальной для нашего существа, что она сможет взять на себя все действие, осуществляемое сейчас обычным разумом, и занять свое место во всей системе. Это не может быть полностью сделано до тех пор, пока обычный разум продолжает утверждать свою силу независимого действия и свое вмешательство или свою привычку захватывать свет интуиции и манипулировать им для собственных целей. Высшая ментальность не может быть полной или надежной, пока низший интеллект способен деформировать ее или вносить в нее что-либо из своей примеси. И тогда мы должны либо вообще успокоить интеллект и интеллектуальную волю, как и другие низшие активности, и оставить место только для интуитивного действия, либо мы должны захватить и трансформировать низшее действие постоянным давлением интуиции. Либо должно быть чередование и комбинация этих двух методов, если такой путь более естественен или вообще возможен. Фактический ход и переживание Йоги указывает на возможность нескольких методов или движений, ни одно из которых само по себе не дает на практике полного результата, хотя на первый взгляд может показаться, что каждый должен или может быть адекватным. И когда мы учимся не настаивать ни на одном частном методе как на исключительно правильном и предоставляем целостное движение большему руководству, мы находим, что божественный Господин Йоги уполномочивает свою Шакти использовать в разные времена тот или иной метод, и все - в комбинации, в соответствии с потребностью и поворотом существа и природы.

Сначала может показаться, что самый прямой и правильный путь — это вообще успокоить ум, успокоить интеллект, ментальную и личную волю, разум желания, разум эмоции и ощущения, и в установившейся совершенной тишине позволить *Я*, Духу, Божественному раскрыть себя и предоставить ему озарить существо супраментальным светом и мощью Ананды. И это действительно великая и мощная дисциплина. Именно спокойный и тихий разум с гораздо большей готовностью и гораздо большей чистотой, чем возбужденный и активный разум, открывается Бесконечному, отражает Дух, становится наполненным *Я* и ожидает как освященный и очищенный храм раскрытия Господа всего нашего существа и природы. Также верно, что свобода этого молчания дает возможность большей игры интуитивного существа и допускает с меньшим затемнением и с меньшим шумом ментального поиска и охвата великие интуиции, вдохновения, откровения, всплывающие изнутри или спускающиеся свыше. Поэтому будет грандиозным достижением то, если мы сможем обрести способность всегда, по воле, устанавливать абсолютное спокойствие и молчание разума, свободное от какой-либо необходимости ментального мышления или движения и возмущения и, основываясь на этом молчании, позволять происходить в нас мышлению, воле и чувству только тогда, когда Шакти хочет этого и когда это необходимо для божественной цели. Тогда становится легче изменять образ и характер мышления, воли и чувства. Тем не менее, не факт, что с помощью этого метода супраментальный свет сразу же заменит низший разум и рефлексирующий рассудок. Когда внутреннее действие проходит на фоне этого молчания, даже если тогда это будет, главным образом, интуитивное мышление и движение, то старые силы все еще будут вмешиваться, если не изнутри, то сотнями внушений снаружи, и низшая ментальность будет примешиваться, будет подвергать сомнению, либо препятствовать и пытаться завладеть большим движением и понижать, затемнять, искажать или минимизировать его в своем ходе. Поэтому всегда остается императивной необходимость устранения или трансформации низшей ментальности — либо, возможно, и то, и другое вместе: устранение всего того, что родственно низшему существу, его искажающих происшествий, его умаления ценностей, его искажений субстанции и всего прочего, чему большая истина не может дать прибежища, и трансформация сущностных вещей, которые наш разум получает из сверхразума и духа, но представляет их в образе ментального неведения.

Второе движение — это то, которое естественно приходит к тем, кто начал Йогу с начинанием, более соответствующим пути Бхакти. Для них естественно отвергать интеллект и его действие и прислушиваться к голосу, ждать побуждения и команды, *адеша*, подчиняться только идее, воле и силе Господа внутри них, божественного *Я* и Пуруши в сердце творений, *ишвара сарвабхутанам ардеш.* Это движение, которое должно стремиться делать все более и более интуитивной всю природу, ведь идеи, воля, побуждения, чувства, исходящие из тайного Пуруши в сердце, имеют прямой интуитивный характер. Этот метод созвучен определенной истине нашей природы. Тайное *Я* внутри нас является интуитивным *я*, и это интуитив-

ное *я* расположено в каждом центре нашего существа — в физическом, нервном, эмоциональном, волевом, понятийном или познавательном центрах и в еще более высоких и непосредственно духовных центрах. И в каждой части нашего существа оно развивает тайное интуитивное начинание наших активностей, которые воспринимаются и несовершенно представляются нашим внешним разумом и преобразуются в движения неведения во внешнем действии этих частей нашей природы. Сердце или эмоциональный центр думающего разума желания является самой полной частью в обычном человеке, она собирает воедино или, по крайней мере, воздействует на представление вещей сознанию и является главным центром системы. Именно оттуда Господь, сидящий в центре всех творений, поворачивает их, установленных на машине Природы, с помощью Майи ментального неведения. Тогда возможно, отослав все начинание нашего действия к этому тайному интуитивному *Я* и Духу, вечно присутствующему Божеству внутри нас, и заменяя на его воздействие попытки нашей личной и ментальной природы, добраться от низшего внешнего мышления и действия к другому мышлению и действию, внутреннему и интуитивному, действию высочайше одухотворенного характера. Тем не менее, результаты этого движения не могут быть полными, потому что сердце не является высочайшим центром нашего существа, не является супраментальным центром или напрямую движимым из супраментальных источников. Интуитивное мышление и действие, направленное от сердца, может быть очень светлым и интенсивным, но, вероятно, будет ограниченным, даже узким в своей интенсивности, смешанным с низшим эмоциональным действием и, в лучшем случае, возмущенным и затрудненным, и, в лучшем случае, возмущенным и затрудненным, переданным несбалансированным или раздутым чудодейственным или ненормальным характером в своем действии или, по крайней мере, во множестве сопровождений, что наносит ущерб гармонизирующему совершенствованию существа. Цель нашего усилия к совершенству должна состоять в том, чтобы духовное и супраментальное действие перестало быть чудом, даже частым или постоянным чудом, либо только светлым вмешательством большей, чем наша, силы, чтобы сделать это духовное и супраментальное действие обычным для существа и самой природы и законом всех его процессов.

Высочайшим организующим центром нашего воплощенного существа и его действия в теле является высший ментальный центр, отображаемый йогическим символом в виде тысячелепесткового лотоса, *сахасрара*, и именно на его вершине происходит прямая связь с супраментальными уровнями. Тогда можно предпринять другой и более прямой подход, обращать все наше мышление и действие не к Господу, скрытому в сердечном лотосе, а к завуалированной истине Божественности над разумом и воспринимать все путем некоего нисхождения свыше, нисхождения, которое мы начинаем сознавать не только духовно, но и физически. Сидхи или полное завершение этого движения может придти только тогда, когда мы сможем поднять центр мышления и сознательного действия над физическим мозгом и почувствовать его работу в тонком теле. Если мы можем чувствовать, что мы думаем больше не мозгом, а свыше и вне головы в

тонком теле, то это является надежным физическим знаком освобождения от ограничений физического разума, и хотя это и не будет сразу же полным и само по себе не принесет супраментального действия, ведь это тонкое тело ментальное, а не супраментальное, все же это является тонкой и чистой ментальностью и сделает более легким сообщение с супраментальными центрами. Низшие движения все еще должны приходить, но тогда даже легче сделать быстрое и тонкое различение, сразу же говорящее о разнице, отделяющее интуитивное мышление от низшей интеллектуальной смеси, отделяющее его от ментальных покрытий, отметая простое быстродействие разума, которое имитирует форму интуиции, не являясь ее настоящей субстанцией. Будет легче быстро распознавать высшие планы настоящего супраментального бытия и призывать вниз их силу, чтобы вызвать желаемую трансформацию и преподносить все низшее действие к превосходящей силе и свету, чтобы они могли отвергать и устранять, очищать и трансформировать и выбирать среди низших действий верный материал для Истины, которая должна быть установлена в нас. Это открытие более высокого уровня и все более и более высоких его планов, а также последующее переформирование всего нашего сознания и его действия в их матрицу и в субстанцию их силы и светлую способность оказывается на практике самой большой частью природного метода, используемого божественной Шакти.

Четвертый метод больше подходит развитому интеллекту и думающему человеку. Он заключается в том, чтобы развить интеллект вместо того, чтобы устранять его, но с волей не лелеять его ограничения, а возвышать его способность, свет, интенсивность, степень и силу деятельности, пока он не столкнется с вещами, которые превосходят его, и сможет быть легко поднят и трансформирован в это более высокое сознательное действие. Это движение также основывается на истине низшей природы и входит в курс и движения полной Йоги само-совершенствования. Этот курс, как я описал его, включает возвышение и расширение действия наших природных инструментов и сил, пока они не составят в их чистоте и сущностной полноте предварительного совершенства сегодняшнего обычного движения Шакти, которая действует в нас. Рассудок и разумная воля, Будхи, является величайшей из этих сил и инструментов, естественным лидером всего остального в развитом человеческом существе, самой способной силой в помощи и развитии человеческого существа, самой способной силой в помощи и развитии остальных. Все обычные действия нашей природы используются для большего совершенства, которое мы ищем, предназначены быть обращенными в материал для этого совершенства, и чем выше их развитие, тем богаче подготовка к супраментальному действию.

В ходе Йоги интеллектуальное существо также должно быть взято Шакти и поднято до своих самых полных и самых высоких сил. Возможна последовательная трансформация интеллекта, поскольку все его действия тайно исходят из сверхразума, и каждая мысль и воля содержит некую истину сверхразума, хотя и ограниченную и измененную низшим действием интеллекта. Эта трансформация может быть осуществлена путем снятия

ограничения и устранения искажающего или извращающего элемента. Однако это не может быть достигнуто путем возвышения и расширения только интеллектуальной деятельности; ведь она всегда неизбежно ограничена изначальными внутренне присущими дефектами ментального понимания. Требуется вмешательство супраментальной энергии, которая может осветить и устранить недостатки мышления, воли и чувства. Это вмешательство также не может быть полностью действенным, пока супраментальный план не проявлен и действует над разумом больше не из-за вуали, сколь бы тонкой она ни была, а постоянно в открытом и светлом действии, пока не будет видно полное солнце Истины, и ни одно облако не сможет умерить его великолепия. И не обязательно полностью развивать интеллект в его отдельности, прежде чем привнести вниз это вмешательство или открыть с его помощью супраментальные уровни. Это вмешательство может придти раньше и сразу же развить интеллектуальное действие и обратить его, по мере развития, в более высокую интуитивную форму и субстанцию.

Широчайшее природное действие Шакти сочетает в себе все три метода. Она создает, иногда сначала, иногда позднее, иногда на самой поздней стадии, свободу духовного молчания. Она открывает тайное интуитивное существо внутри самого разума и приучает нас посвящать все свои мысли, чувства, волю и действие Божественному, Великолепию и Мощи, которая сейчас сокрыта в сердце ее алькова. Она поднимает, когда мы готовы, центр своих операций к ментальной вершине, открывает супраментальные уровни и работает двояким образом: действуя сверху вниз, наполняя и трансформируя низшую природу и действуя снизу вверх, поднимая все энергии к тому, что над ними, пока это превосхождение не закончится, и не произойдет интегрального изменения всей системы. Шакти берет и развивает интеллект, волю и другие природные силы, но постоянно привносит интуитивный ум и, затем, истинную супраментальную энергию, чтобы изменить и расширить их действие. Она делает все это не в каком-либо фиксированном и механически неизменном порядке, таком, какой могла бы требовать жесткость логического интеллекта, а свободно и гибко согласно необходимости своей работе и требованию природы.

Первым результатом будет не творение настоящего сверхразума, а организация преимущественно или даже полностью интуитивной ментальности, достаточно развитой, чтобы занять место обычной ментальности и логического рассуждающего интеллекта развитого человеческого существа. Самым заметным изменением будет трансмутация мышления, поднятого и наполненного субстанцией сконцентрированного света, сконцентрированной мощи, сконцентрированной радости света и мощи, а также той прямой точностью, которая отмечает настоящее интуитивное мышление. Этот ум будет давать не только первичные предложения или скорые заключения, но он также будет проводить с тем же самым светом, мощью, радостью, уверенностью и прямым спонтанным видением истины связующие и развивающие операции, проводимые сейчас интеллектуальным разумом. Воля также примет интуитивный характер, будет со светом и мощью приступать прямо к тому, что должно быть сделано, *картавьям*

карма, и с быстрым видением возможностей и фактов расставит комбинации, необходимые для своего действия и своей цели. Чувства также станут интуитивными, охватывающими верные связи, действующими с новым светом и мощью и довольной уверенностью, сохраняя только правильные и спонтанные желания и эмоции, пока еще есть желания и эмоции, а когда они уйдут, замещая их светлой и спонтанной любовью и Анандой, которая сразу же завладевает верной *расой* своего объекта. Все прочие ментальные движения будут аналогичным образом освещены, а также даже пранические движения и движения чувств и сознание тела. И, обычно, будет также и развитие психических способностей, сил и восприятий внутреннего разума и его чувств, не зависящих от внешнего чувства и разума. Интуитивная ментальность будет не только более сильной и более светлой вещью, но и способной на гораздо более обширные операции, чем те, на которые способен обычный разум того же человека до занятия Йогой.

Эта интуитивная ментальность, если она могла бы стать совершенной в своей природе, не смешанной с любым низшим элементом и все же не сознающей собственные ограничения и величие сознания над ней, могла бы образовать другой определенный статус и место остановки, такое как инстинктивный разум животного или рассуждающий ум человека. Но интуитивная ментальность не может быть сделана прочно совершенной и само-достаточной, кроме как путем открытия мощи сверхразума над ней и того, что одновременно вскрывает ее ограничения и делает ее вторичным действием, промежуточным между интеллектуальным разумом и истинной супраментальной природой. Интеллектуальная ментальность все еще является разумом, а не гнозисом. Это действительно свет из сверхразума, но модифицированный и ослабленный веществом разума, в котором он работает, а вещество разума всегда подразумевает базис неведения. Интуитивный разум является все же не широким солнечным светом истины, а постоянной игрой ее вспышек, поддерживающих освещенным базисное состояние неведения или полу-знания и непрямого знания. Пока интуитивный разум несовершенен, он наводнен смесью невежественной ментальности, перемежающей его истину напряжением ошибки. И даже после того, как интуитивный разум достиг большего родного действия, свободного от этой смеси, то из-за того, что вещество разума, в котором он работал, способно вернуться к старой интеллектуальной или низшей ментальной привычки, он все еще подвержен наслоению ошибки, затуманиваю, многим видам рецидива. Более того, индивидуальный разум не живет один и для себя, а живет в общем разуме, и все, что он отверг, выбрасывается в общую атмосферу вокруг него и имеет тенденцию вернуться к нему и наводнить его старыми внушениями и многими побуждениями старого ментального характера. Интуитивный разум, растущий или выросший, должен поэтому постоянно предохраняться от этого вторжения и наноса, быть начеку, чтобы отвергать и устранять примеси, быть занятым тем, чтобы делать все более и более интуитивным все вещество разума, и это может кончиться лишь тогда, когда интуитивный разум будет

освещен, трансформирован и поднят в полный свет супраментального бытия.

Более того, эта новая ментальность в каждом человеке является стадией развития сегодняшней мощи его существа и, сколь бы новым и замечательным ни было это развитие, ее организация находится в пределах определенного круга способностей. Эта новая ментальность, путешествуя за эти границы, — она, в действительности, может ограничиться работой в текущем диапазоне реализованной способности, но природой разума, открытого к бесконечному, является прогресс, изменение и расширение, — склонна вернуться, сколь бы модифицированной она ни была новой интуитивной привычкой, к старому интеллектуальному поиску в неведении, — до тех пор и пока она постоянно не превосходится и не ведется проявленным действием более полной супраментальной светлой энергии. Такова в действительности природа интуитивной ментальности, являющаяся связующим звеном и переходом от сегодняшнего разума к сверхразуму, и, пока этот переход не завершен, иногда есть притяжение вниз, иногда - тенденция вверх, колебание, вторжение и притяжение снизу, вторжение и притяжение свыше, и, в лучшем случае, неопределенное и ограниченное состояние между этими двумя полюсами. Подобно тому, как высший интеллект человека между его животным и обычным человеческим разумом и развивающимся духовным разумом наверху, так и этот первый духовный разум расположен между интеллектуализированной человеческой ментальностью и большим супраментальным знанием.

Природа разума такова, что он живет между полусветом и тьмою, среди вероятностей и возможностей, среди частично схваченных аспектов, среди неуверенностей и полууверенностей: это неведение, хватающееся за знание, старающееся расширить себя и давящее на скрытое тело настоящего гнозиса. Сверхразум живет в свете духовных уверенностей: для человека это знание, открывающее действительное тело собственного родного сияния. Интуитивный разум появляется сначала освещением полусвета разума, его вероятностей и возможностей, его аспектов, его неопределенных уверенностей, его представлений, и расширением истины, скрытой или полускрытой и полупроявленной этими вещами, и в своем высшем действии интуитивный разум является первым привнесением супраментальной истины благодаря более близкой прямоте видения, светлому указанию или памяти знания духа, интуиции или взгляду через ворота тайного универсального само-видения и знания существа. Это первая несовершенная организация того большего света и силы, несовершенная из-за того, что делается в разуме, не основывается как собственный родной субстанции сознания, основывается только на постоянной связи, а не на совершенно непосредственном и постоянном присутствии. Совершенное совершенство лежит за пределами этого, на супраментальных уровнях, и должно основываться на более решительной и полной трансформации ментальности и всей нашей природы.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XXI
Градации Сверхразума

Интуитивный разум является непосредственной трансляцией истины в ментальные термины, наполовину трансформированные сияющей супраментальной субстанцией, трансляцией некоего бесконечного самознания, которое действует над разумом в сверхсознательном духе. Этот дух начинает осознаваться нами как большее *я* одновременно выше нас, в нас и вокруг нас, по отношению к которому наша ментальная, витальная и физическая личность и природа является несовершенной частью или частичным выводом, либо низшим и неадекватным символом, и по мере того, как интуитивный разум растет в нас, по мере того, как все наше существо все больше отливается в интуитивную субстанцию, мы чувствуем нечто вроде полутрансформации наших членов в природу этого большего *я* и духа. Все наше мышление, воля, побуждение, чувство, даже, в конечном счете, наши более внешние витальные и физические ощущения становятся все более и более прямыми передачами духа и начинают составлять более чистую, спокойную, мощную и светлую природу. Это одна сторона этого изменения: другая сторона состоит в том, что все, что еще принадлежит низшему существу, что все еще кажется нам приходящим снаружи или пережитком действия нашей старой низшей личности, чувствует давление этого изменения и все больше стремится модифицироваться и трансформироваться в новую субстанцию и природу. Высшее нисходит вниз и в большой мере замещает низшее, но и низшее изменяется, трансформируется в материал действия и становится частью субстанции высшего существа.

Больший дух над разумом появляется сначала как присутствие, свет, мощь, источник, бесконечное, но то, что мы поначалу можем познать в нем, это бесконечное единство бытия, сознания, силы сознания, Ананды. Все остальное приходит от него, но принимает определенную форму мышления, воли или чувства не над нами, в интуитивном разуме и на его уровне. Либо мы чувствуем и многогранно осознаем великого и бесконечного Пурушу, являющегося вечно живой истиной того бытия и присутствия, великим и бесконечным знанием, что является потенциальным могуществом того света и сознания, великой и бесконечной волей, что является потенциальным могуществом той силы сознания, великой и бесконечной любовью, которая является потенциальным могуществом той Ананды. Но все эти потенциальные могущества известны нам только каким-либо образом, помимо сильной реальности и эффекта их сущностного присутствия, лишь настолько, насколько они транслированы нашему

интуитивному ментальному существу и на его уровне и в его пределах. Однако, по мере того, как мы прогрессируем или растем в более светлое и динамическое единение с тем духом или Пурушей, проявляется и организуется большее действие знания, воли и духовного чувства, и мы распознаем это как истинный сверхразум и настоящую естественную игру бесконечного знания, воли и Ананды. Тогда интуитивная ментальность становится вторичным и низшим движением, ожидающим этой более высокой мощи, отвечающим на все озарения и указания и согласующимся с ними, передающим их низшим членам и, когда эти озарения и указания не появляются или не очевидны, пытающимся временно занять место более высокой силы, подражать ее действию и делать наилучшим образом работу супраментальной природы. Фактически интуитивная ментальность занимает то же место и принимает ту же связь по отношению к более высокой мощи, как на ранней стадии Йоги обычный интеллект занимал место и принимал связь по отношению к ней самой.

Это двойное действие на двух планах нашего бытия укрепляет интуитивную ментальность в качестве вторичной операции и помогает ей изгнать или полнее трансформировать пережитки вторжения или наслоения неведения. И это действие все больше и больше усиливает саму интуитивную ментальность в своем свете знания и, в конечном счете, трансформирует ее в образ самого сверхразума, но сначала, обычно, трансформирует ее в более ограниченное действие гнозиса, когда он принимает форму того, что мы могли бы назвать светлым супраментальным или божественным разумом-пониманием [reason]. Именно в качестве этого божественного разума сам сверхразум может в самом начале проявить свое действие и затем, когда он преобразует разум по собственному образу, он может спуститься и занять место обычного интеллекта и рассудка. Тем временем более высокая супраментальная мощь гораздо большего характера раскрывает себя и берет на себя всевышнее руководство божественного действия в существе. Божественный разум носит более ограниченный характер, поскольку, хотя он и не ментального рода и является операцией прямой истины и знания, но он является делегированной силой для круга целей, больших в свете, но все еще до определенной степени аналогичных целям обычной человеческой воли и разума; все же в больший сверхразум приходит прямое, всецело открытое и непосредственное действие Ишвары в человеческом существе. Должно быть проведено это различие между интуитивным разумом, божественным разумом и большим сверхразумом, а также сделано различие в пределах самих этих градаций, потому что, в конечном счете, это различие становится очень важным. Сначала разум принимает все, что приходит из запредельного, причем без разбора в качестве достаточного духовного озарения и принимает за окончательные даже начальные состояния и первые просвещения, но впоследствии он находит, что остановка на них была бы остановкой на частичной реализации и что следует продолжать идти вверх и расширяться, пока, по крайней мере, не будет достигнута определенная полнота божественной широты и высоты.

Интеллекту всегда трудно ухватить то, что подразумевается под этими супраментальными различиями: ментальные термины, в которых эти различия могут быть переданы, недостаточны или неадекватны, так что эти различия могут быть поняты только после определенного видения или определенных приближений в переживании. Пока что можно дать только несколько намеков. И для начала будет достаточно взять определенные путеводные нити из мыслящего разума; ведь именно там можно открыть некоторые из близлежащих ключей к супраментальному действию. Мышление интуитивного разума проходит полностью благодаря четырем силам, образующим форму истины: это интуиция, которая предлагает свою идею, интуиция, которая различает, вдохновение, которое вносит свое слово и нечто из большей субстанции, и откровение, которое показывает само лицо и тело реальности. Это не то же самое, что и определенные движения ментального интеллекта, которые выглядят аналогичными и легко могут быть спутаны с истинной интуицией в нашем первом переживании. Предлагающая интуиция — это не то же самое, что и интеллектуальная проницательность быстрого интеллекта, а интуитивное различение — не то же самое, что и быстрое суждение рассуждающего интеллекта; интуитивное вдохновение — не то же самое, что и вдохновленное действие воображающего интеллекта, а интуитивное откровение — это не сильный свет чисто ментального быстрого охвата и переживания. Возможно, было бы правильным сказать, что эти активности обычного разума являются ментальными представлениями более высоких движений, попытками обычного разума делать те же самые вещи или имитации, которые интеллект может предложить для функционирования высшей природы. Настоящие интуиции отличаются от этих эффективных, но недостаточных подделок в своей субстанции света, в своей операции и в своем методе познания. Интеллектуальная быстрота зависит от пробужденности базисного ментального неведения ментальным образам и представлениям истины, которые могут быть совершенно законными на их собственном поле и для их собственной цели, но не обязательно надежными по самой своей природе. Появление ментальных образов и представлений истины зависит от предложений, даваемых ментальными и чувственными данными, или от багажа прошлого ментального знания. Интеллект ищет истину как нечто внешнее, как объект, который должен быть найден и запасен как приобретение, а когда это объект найден, интеллект тщательно исследует его поверхности, предложения или стороны. Но это исследование никогда не может дать совершенно полной и адекватной истины. Какими бы позитивными ни казались в свое время обретения интеллекта, они могут быть оставлены в любой момент, отброшены и могут оказаться несостоятельными в свете свежего знания.

Интуитивное же знание, напротив, сколь бы ограниченным оно бы ни было в своем поле и приложении, находится в пределах охвата непосредственной, надежной и, что главное, само-существующей уверенности. В качестве начальной точки или, скорее, в качестве вещи, которую надо осветить и раскрыть в ее истинном смысле, оно может брать данные разума и чувства или же оно может воспламенить цепочку прошлых мыслей и

знания новыми знаниями и исходами, но оно не зависит ни от чего, кроме себя, и может выпрыгивать из собственного поля сияния, независимо от предыдущих предложений или данных, и этот род действия постепенно становится более обычным и добавляет себя к другим, чтобы внести новые глубины и диапазоны знания. В любом случае всегда есть элемент само-существующей истины и ощущение абсолютности происхождения, идущего от знания духа посредством тождества. Именно это раскрытие знания уже тайно присутствует в существе: это не обретение, а нечто, что всегда было там и что раскрываемо. Оно видит истину изнутри и озаряет внутренним видением внешние стороны, и оно также с готовностью гармонизируется — при условии, что мы остаемся интуитивно пробужденными — с любой свежей истиной, которую еще надо достичь. Эти характеристики становятся более выраженными и интенсивными в более высоких, надлежащих супраментальных диапазонах: в интуитивном разуме они не всегда могут распознаваться в своей чистоте и полноте из-за примеси и наслоения ментального вещества, но в божественном разуме и большем супраментальном действии они становятся свободными и абсолютными.

Предлагающая интуиция, действуя на ментальный слой, предлагает прямую и озаренную внутреннюю идею истины, идею, являющуюся ее истинным образом и указателем, пока что не полностью видную, а, скорее, носящую природу яркой памяти о некоторой истине, распознания тайным знанием *я*. Это представление, но живое представление, не понятийный символ, а отражение, которое освещено чем-то из настоящей субстанции истины. Интуитивное различение является вторичным действием, ставящим эту идею истины на ее верное место и в ее верную связь с другими идеями. И пока есть привычка ментального вмешательства и наслоения, интуитивное различение работает также над тем, чтобы отделить ментальное видение от более высокого видения, оторвать низшее ментальное вещество, которое обременяет своей субстанцией субстанцию чистой истины, и трудится к тому, чтобы распутать клубок неведения и знания, лжи и ошибки. И как интуиция носит природу памяти, светлого воспоминания само-существующей истины, так и вдохновение носит природу слышания истины: это непосредственное восприятие самого голоса истины, оно с готовностью приносит слово, которое в совершенстве воплощает ее и несет нечто большее, чем свет идеи; там охватывается некий поток ее внутренней реальности и живое движение ее субстанции. Откровение носит характер прямого зрения, *пратьякша-дашти*, и делает очевидным для ткущего видения вещь в себе, представлением которой является идея. Оно выявляет сам дух, существо и реальность истины и делает ее частью сознания и переживания.

Может показаться, что в фактическом ходе развития супраментальной природы (в предположении, что она следует регулярному ходу) сначала появляются две эти более низшие силы (хотя они не обязательно отделены от действия двух более высоких сил), и по мере того, как они нарастают и становятся обычным действием, они образуют нечто вроде низшего интуитивного гнозиса. Комбинация этих сил необходима для полноты этого гнозиса. Если работает только интуитивное различение,

оно порождает нечто вроде критического озарения, которое воздействует на идеи и восприятия интеллекта и обращает их на себя таким образом, чтобы разум смог отделить их истину от их ошибки. В конечном счете он порождает вместо интеллектуального суждения светлое интуитивное суждение, нечто вроде критического гнозиса: но, вероятнее всего, ему не хватает свежего озаряющего знания, либо оно порождает лишь столько истины, сколько получает в результате отделения ошибки. С другой стороны, если предлагающая интуиция работает сама по себе без этого различения, тогда действительно есть постоянный приток новых истин и нового света, но они легко окружаются и охватываются ментальными наслоениями, и их соединение и связь или гармоническое развитие друг из друга затуманивается или прерывается этим вмешательством. Порождается нормализованная сила активного интуитивного восприятия, но не какой-либо полный и связный разум интуитивного гнозиса. Эта пара восполняет недостатки действия друг друга и строит разум интуитивного восприятия и различения, который может делать работу и больше, чем работу, спотыкающегося ментального интеллекта и делать ее с большим светом, уверенностью и силой более прямого и непоколебимого мышления.

Аналогичным образом две более высокие силы составляют высший интуитивный гнозис. В качестве отдельных сил в ментальности они сами по себе не достаточны без деятельности партнера. Откровение в действительности может представлять реальность, тождественность вещи в себе, и добавлять нечто из большей мощности к переживанию сознательного существа, но ему может не хватать воплощающего слова, выносящей идеи, связанного преследования своих связей и следствий, так что оно может оставаться во владении *я*, но не быть вещью переданной его членами и через его члены. Может быть присутствие истины, но не ее полная манифестация. Вдохновение может давать слово истины и толчок ее динамики и движения, но это не полная вещь и не надежная в своем воздействии без полного откровения всего того, что она несет в себе и светло указывает и без упорядочивания его в его связях. Вдохновленный интуитивный разум является разумом свечений, освещающих многие вещи, которые были во тьме, но этот свет должен быть направлен и зафиксирован в системе стационарных сияний, что было бы постоянной мощью ясно упорядоченного знания. Это более высокий гнозис сам по себе, в своих двух силах, был бы разумом духовного великолепия, живущим слишком много в собственной отдельной области, оказывая, возможно невидимо, свое воздействие на внешний мир, но ему не хватало бы более близкой и повсеместной связи со своими более обычными движениями, которые поставляются более низким идейным действием. Именно объединенное или же сплавленное и унифицированное действие всех четырех сил составляет полный и полностью вооруженный и оснащенный гнозис.

Регулярное развитие будет сначала создавать на достаточно обширной шкале низший предлагающий и критический интуитивный разум, а затем будет развиваться вдохновленная и раскрывающая интуитивная ментальность, хотя будет допускаться и некоторое одновременное проявление всех четырех сил. Затем две низшие силы будут подняты в мощь и

поле вдохновения, и все они начнут действовать как одна гармония, выполняющая объединенное — или, при более высокой интенсивности, неразделимо как один свет, объединяющий — действие всех трех. И, наконец, произойдет аналогичное движение, которое поднимет все три эти силы и сплавит их с раскрывающей мощью интуитивного гнозиса. Но на самом деле в человеческом разуме этот ясный ход развития почти всегда более или менее нарушен, запутан и передается нерегулярно, подвержен рецидивам, неполным достижениям, возвращениям к невыполненным или несовершенно выполненным вещам из-за постоянной смеси и вмешательства существующих движений ментального полу-знания и заграждения вещества ментального неведения. Однако, в конце концов, приходит время, когда этот процесс заканчивается, насколько это возможно в самом разуме, и становится возможной ясная формация модифицированного супраментального света, состоящая из всех этих сил, когда высочайшая ведет остальные или поглощает их в своем теле. На этом этапе, когда интуитивный разум полностью сформирован в ментальном существе и достаточно силен, чтобы доминировать над различными ментальными активностями, если не полностью оккупировать их, становится возможным дальнейший шаг — поднятие центра и уровня действия над разумом и преобладание супраментального понимания [supramental reason].

Первой характерной чертой этого изменения является полное обращение, переворот, можно даже сказать, «с ног на голову» всей деятельности. Сейчас мы живем в разуме и, по большей части, в физическом разуме, но все же не полностью вовлечены, как животные, в физические, витальные и чувственные работы. Наоборот, мы достигли определенного ментального возвышения, откуда мы можем смотреть вниз на действие жизни, чувства и тела, поворачивать на них высший ментальный свет, отражать, судить, использовать свою волю, чтобы модифицировать действие низшей природы. С другой стороны, мы также смотрим с этого возвышения более или менее сознательно на нечто над нами и получаем от него либо напрямую, либо через подсознательное или сублиминальное существо некое тайное сверхсознательное побуждение нашего мышления, воли и других активностей. Процесс этого сообщения завуалирован и затуманен, так что люди обычно не сознают его, кроме как в определенных высоко развитых природах: но когда мы продвигаемся в само-знание, мы находим, что все наше мышление и воля берут свое начало свыше, хотя и формируются в разуме и становятся там открыто активными. Мы сможем совершенно ясно воспринимать это, если мы распутаем узлы физического разума, который связывает нас с инструментом мозга и отождествляет нас с телесным сознанием.

Развитие интуитивной ментальности делает это сообщение прямым, больше не подсознательным или смутным; но мы все еще находимся в разуме, и этот разум все еще смотрит вверх, воспринимает супраментальное сообщение и проводит его на другие члены. Делая так, он уже не полностью творит собственную форму для мысли и воли, которые спустились к нему, но все же он модифицирует, ослабляет, ограничивает их и накладывает на них нечто из собственного метода. Разум все еще получатель и пе-

редатчик мысли и воли, — хотя он теперь не формирует их, кроме как путем тонкого влияния, поскольку он снабжает их или, по крайней мере, окружает их ментальным веществом или ментальной оправой, конструкцией и атмосферой. Однако, когда развивается супраментальное понимание, Пуруша поднимается над ментальным возвышением и теперь уже смотрит вниз на все действие разума, жизни, чувства, тела из совершенно другого света и атмосферы, видит и знает его с совершенно другим видением и, поскольку он больше не вовлечен в разум, со свободным и истинным знанием. Человек сейчас только частично высвобожден из животной инволюции, — ведь его разум частично поднят над жизнью, чувством и телом, а частично погружен в них и контролируем ими, — и он вовсе не освобожден от ментальных форм и границ. Но после того, как человек достигает супраментального возвышения, он освобождается от низшего контроля и, являясь правителем всей природы, — сущностно и изначально только в своем высочайшем сознании, ведь остальное сознание еще надо трансформировать, — но когда это сделано или в той пропорции, в которой это сделано, он становится свободным существом и мастером своего разума, чувства, жизни и тела.

Вторая характерная особенность этого изменения состоит в том, что формирование мысли и воли может теперь происходить полностью на супраментальном уровне, и тем самым закладывается начало полностью светлой и действенной воли и знания. Поначалу свет и сила в действительности не полны, поскольку супраментальное понимание является только элементарной формулировкой сверхразума и поскольку разум и другие члены все еще должны быть преобразованы в матрицу супраментальной природы. Разум больше не действует как кажущийся организатор, формулировщик или судья мысли и воли или чего угодно еще, но он все еще действует как передающий канал и поэтому как приемник и, до определенной степени, исказитель и ослабитель в передаче силы и света, которые приходят свыше. Есть несоразмерность между супраментальным сознанием, в котором Пуруша теперь находится, думает и волит, и ментальным, витальным и физическим сознанием, через которые он должен проводить свой свет и знание. Он живет и видит с идеальным сознанием, но он все еще должен сделать его в более низком *я* полностью практическим и действенным. Иначе он может действовать с большей или меньшей духовной эффективностью только через внутреннее сообщение с другими на духовном уровне и на высшем ментальном уровне, который больше всего затрагивается им, но воздействие ослабляется и тормозится низостью или нехваткой интегральной игры бытия. Это может быть исправлено только сверхразумом, завладевающим и супраментализирующим ментальное, витальное и физическое сознание, — трансформирующим их в матрицы супраментальной природы. Это гораздо легче сделать, если была проделана Йогическая подготовка инструментов низшей природы, о которой я уже говорил; иначе гораздо труднее избавиться от несоответствия или несоразмерности между идеальной супраментальностью и ментальными передающими инструментами — каналами разума, сердца, чувства, нервного и физического существа. Супраментальное понима-

ние может сделать первую и достаточно обширную, хотя и не полную работу этой трансформации.

Супраментальное понимание имеет природу духовной, прямой, само-светлой, само-действующей воли и интеллекта, не ментального, *манас будхи*, а супраментального, *виджняна будхи*. Оно действует теми же четырьмя силами, как и интуитивный разум, но эти силы теперь действуют в изначальной полноте тела, не модифицированными ментальным веществом интеллекта, не занятыми, главным образом, озарением разума, а работают собственным надлежащим образом и для своей собственной родной цели. И из этих четырех сил силу различения вряд ли можно выделить как отдельную силу; она внутренне присуща трем другим и является их собственным определением размаха и связей их знания. В этом понимании есть три возвышения: в первом из них действие того, что мы можем назвать супраментальной интуицией, обретает форму и преобладающий характер, во втором из них быстрое супраментальное вдохновение, а в третьем — обширное супраментальное откровение ведет и придает общий характер, и каждое из этих возвышений поднимает нас к более концентрированной субстанции и к более высокому свету, достаточности и охвату воли истины и знания истины.

Работа супраментального понимания покрывает и идет за пределы всего того, что делается ментальным пониманием, но она начинается с другого конца и имеет соответствующую операцию. Сущностная истина *я* и духа и принцип вещей не являются для духовного понимания абстрактными идеями или тонкими бестелесными переживаниями, которых он достигает в некотором перескакивании собственных границ, а неизменной реальностью и естественным фоном всего своего восприятия и переживания. Оно действует не так, как разум, а прямо раскрывает как общую и тотальную, так и частную истины существа и сознания, духовного и другого ощущения и Ананды, силы и действия, — реальность и явление и символ, действительность и возможность, то, что определяется, и то, что определяет, и все с само-светлой очевидностью. Оно формирует и выстраивает связи мыслей, сил, действий и всего этого друг с другом и приводит их в убедительную и светлую гармонию. Оно включает чувственные данные, но придает им другой смысл в свете того, что стоит за ними, и рассматривает их только как самые внешние знаки: внутренняя истина уже известна его большему чувству. И оно не зависит только от чувственных данных даже на их поле или ограничивается их охватом. Оно имеет собственное духовное чувство и ощущение и оно берет и связывает с ними и данные шестого чувства, внутреннего чувства разума. И оно также берет озарения и живые символы и образы, известные психическому переживанию, и связывает и их с истинами *я* и духа.

Духовное понимание также берет эмоции и психические ощущения, связывает их с их духовными эквивалентами и наделяет их ценностями более высокого сознания и Ананды, из которых они вышли и модификациями которых они являются в низшей природе, а также исправляет их искажения. Аналогичным образом духовное понимание берет движение витального существа и сознания и связывает их с движениями и наделяет

их значениями духовной жизни *я* и ее мощи Тапаса. Духовное понимание берет физическое сознание, освобождает его от тьмы и Тамаса инерции и делает его отзывчивым получателем и чувствительным инструментом супраментального света, мощи и Ананды. Духовное понимание имеет дело с жизнью, действием и знанием подобно ментальной воле и пониманию, но не стартуя с материи, жизни и чувства и их данных и связывая с ними через идею истину более высоких вещей, а, наоборот, оно стартует с истины *я* и духа и связывает с ней через прямое духовное переживание, допускающее все прочие переживания как свои формы и инструменты, вещи разума и души и жизни и чувства и материи. Духовное понимание распоряжается гораздо более широким диапазоном, чем обычный воплощенный разум, заточенный в тюрьму физического чувства, и чем чистая ментальность, даже когда она свободна в собственных диапазонах и действует с помощью физического разума и внутренних чувств. И духовное понимание обладает мощью, которой не обладает ментальная воля и понимание, потому что они не по-настоящему само-определены и не являются изначальным определителем вещей, мощью, трансформирующей все существо во всех частях в гармоничный инструмент и манифестацию духа.

В то же время духовное понимание действует, главным образом, с помощью представительной идеи и воли в духе, хотя оно имеет большую и более светлую истину в качестве постоянного источника, поддержки и ссылки. Следовательно, духовное понимание является мощью света Ишвары, а не самой само-силой его непосредственного присутствия в существе; это его *сурья-шакти*, не целая *атма-шакти* или *пара сва пракрити* работает в духовном понимании. Непосредственная само-мощь начинает свою прямую операцию в более великом сверхразуме и вбирает все, что было до этого реализовано в теле, жизни и разуме и в интуитивном существе и при помощи духовного понимания и формирует все то, что было создано, все то, что было собрано, обращено в вещество переживания и сделано частью сознания, личности и природы ментального существа, в высочайшую гармонию с высшей бесконечной и универсальной жизнью духа. Разум может иметь касания бесконечного и универсального и может отвергать их и даже теряться в них, но только сверхразум может дать возможность индивиду быть совершенно единым в действии с универсальным и трансцендентным Духом.

Здесь всегда и неизменно присутствует одна вещь, та, до которой индивид дорос и в которой он живет всегда, это бесконечное бытие и все то, что видится, чувствуется, познается, существует только как субстанция одного бытия; это бесконечное сознание и все сознающее, действующее и движущееся, что видится, чувствуется, воспринимается, познается, живет как само-переживание и энергия одного бытия; это бесконечная Ананда и все, что чувствуется, видится, познается, воспринимается и живет как форма одной Ананды. Все остальное является только манифестацией и обстоятельством одной этой истины нашего существования. Это больше не просто видение или знание, а само состояние *я* во всем и всего в *я*, Бога во всем и всего в Боге и всего, видимого в качестве Бога, и это состояние теперь не является вещью, предложенной рефлексирующему одухотворен-

ному разуму, а удерживаемой и проживаемой интегрально, всегда присутствующей, всегда активной реализацией в супраментальной природе. Здесь есть мышление, воля и ощущение, а также все то, что принадлежит нашей природе, но все это преобразовано и поднято в более высокое сознание. Все мышление здесь видится и переживается как светлое тело субстанции, светлое движение силы, светлая воля Ананды существа; это не идея в пустом воздухе разума, а переживаемое в реальности и как свет реальности бесконечного бытия. Воля и побуждение аналогично переживаются в качестве настоящей мощи и субстанции Сата, Чита и Ананды Ишвары. Все духовное ощущение и эмоция переживаются как чистая оболочка сознания и Ананды. Само психическое существо переживается как сознательная форма, а витальное существо — как разлив мощи и обладание светом духа.

Действие сверхразума в развитии состоит в том, чтобы проявить и организовать это высочайшее сознание, так чтобы существовать и действовать больше не только в бесконечности свыше с некоторыми ограниченными или завуалированными или низшими и деформированными манифестациями в индивидуальном существе и природе, а по большей части и тотально в индивиде как в сознательном и само-знающем духовном существе и в качестве живой и действующей мощи бесконечного и универсального духа. О характере этого действия, насколько он может быть выражен, уместнее поговорить потом, когда мы будем говорить о Брахманическом сознании и видении. В следующих главах мы будем иметь с ним дело лишь настолько, насколько он касается мышления, воли и психического, а также другого переживания в индивидуальной природе. Сейчас необходимо отметить лишь то, что и здесь есть поле мышления, и воля составляет тройное действие. Духовное понимание поднято и расширено в большее представительное действие, которое формулирует для нас, главным образом, динамическую сторону существования *я* в нас и вокруг нас. Затем есть высшее интерпретирующее действие супраментального знания, больший масштаб, менее настоятельный на фактической стороне, который открывает еще большие потенциальности в пространстве и времени и за их пределами. И, наконец, есть высочайшее знание путем тождества, которое является вратами входа к сущностному само-осознанию и всемогуществу и всезнанию Ишвары.

Однако не следует предполагать, что все эти наложенные стадии отрезаны в переживании друг от друга. Я расставил их в таком порядке, который может быть регулярным порядком восходящего развития, чтобы интеллект мог лучше их понять. Но бесконечное даже в обычном разуме прорывается сквозь его вуаль и через его разграничительные линии нисхождения и восхождения и часто, тем или иным образом, намекает о себе. И пока мы все еще находимся в интуитивной ментальности, вещи над нами открываются и приходят к нам нерегулярным образом, затем, по мере нашего роста, они образуют более частое и более регулярное действие свыше. Эти предвкушения становятся еще большими и частыми, когда мы входим на супраментальный уровень. Универсальное и бесконечное сознание всегда может охватывать и окружать разум, и именно когда оно де-

лает так с определенной непрерывностью, частотой и постоянством, тогда разум легче всего может трансформироваться в интуитивную ментальность, а затем — в супраментальное движение. Тогда, по мере того, как мы поднимаемся, мы все более сокровенно и интегрально врастаем в бесконечное сознание, и оно более полно становится нашим собственным *я* и природой. И также, с другой стороны, есть низшая сторона существования, которая тогда могла бы показаться не только над нами, но и совершенно чуждой нам, но все же, даже когда мы живем в супраментальном бытии и даже когда вся природа сформирована в ее оболочке, то это не обязательно отрезает нас от знания и чувства других, кто живет в обычной природе. Более низкое или более ограниченное может иметь трудность в понимании и чувствовании более высокого, но более высокое и менее ограниченное всегда может, если пожелает, понять низшую природу и отождествиться с ней. Всевышний Ишвара также не отчужден от нее; он знает, живет, отождествляет себя со всем и все же не подчинен реакциям и не ограничен в своем знании, мощи и Ананде пределами разума, жизни и физического бытия во вселенной.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XXII
Супраментальное Мышление и Знание

Переход от разума к сверхразуму означает не только замену на больший инструмент мышления и знания, но и изменение и преобразование всего сознания. Развивается не только супраментальное мышление, но и супраментальная воля, ощущение, чувство, супраментальная замена всем активностям, которые сейчас используются разумом. Все активности проявляются в разуме сначала как нисхождения, вторжения, послания и откровения превосходящей силы. По большей части они смешиваются с обычными действиями разума и не легко отличимы от них в нашей первой неопытности, кроме как благодаря своему превосходящему свету, силе и радости, так что разум, усиленный или возбужденный их частым приходом, ускоряет собственное действие и имитирует внешние характеристики супраментальной деятельности: его собственные операции становятся более быстрыми, светлыми, сильными и позитивными, и разум даже достигает нечто вроде имитирующей и часто ложной интуиции, которая старается быть светлой, прямой и само-существующей истиной, но не является ею на самом деле. Следующим шагом является формирование светлого ума интуитивного переживания, мышления, воли, чувства, ощущения, из которого постепенно устраняются вплетения меньшего разума и имитирующая интуиция: это процесс очищения, *шудхи*, необходимый для нового формирования и совершенствования, *сидхи*. В то же время есть раскрытие над разумом источника интуитивного действия и все более организованное функционирование истинного супраментального сознания, действующего не в разуме, а на собственном высшем плане. В конце концов, супраментальное сознание втягивает в себя интуитивную ментальность, которую оно создало в качестве своего представителя, и возглавляет всю деятельность сознания. Этот процесс постепенный, и он долгое время пестрит примесью и необходимостью вернуться к низшим движениям, чтобы исправить и трансформировать их. Более высокая и более низкая мощь действуют иногда поочередно, — сознание спускается с достигнутых высот на предыдущий уровень, но всегда с некоторым изменением, — а иногда и вместе и с некоего рода взаимной ссылкой. В конечном счете разум становится интуитивизированным и существует только как пассивный канал для супраментального действия; но и это состояние не идеально и представляет, кроме того, все же определенное препятствие, потому что более высокое действие все еще должно пройти через тормозящую и ослабляющую сознательную субстанцию — субстанцию физического сознания. Финальная стадия этого изменения придет тогда,

когда сверхразум займет и супраментализирует все существо и обратит даже витальную и физическую оболочки в свои формы, откликающиеся, тонкие и преисполненные его сил. Тогда человек полностью становится сверхчеловеком. Это, по крайней мере, естественный и интегральный процесс.

Следует идти полностью за границы сегодняшних пределов, чтобы попытаться достичь чего-то подобного адекватному представлению о целостном характере сверхразума; и невозможно дать полное представление, поскольку сверхразум несет в себе не только единство, но и величие и множественности бесконечного. Все, что требуется сейчас сделать, это представить некоторые характерные особенности с точки зрения фактического хода преображения в Йоге, с точки зрения связи с действием разума и с принципом некоторых явлений этого изменения. Фундаментальная связь состоит в том, что все действие разума является выводом из тайного сверхразума, хотя мы и не знаем этого, пока не начинаем узнавать свое более высокое *я*, и оно тянет из этого источника все истинное и ценное. Все наши мысли, волеизлияния, чувства, представления, ощущения имеют в себе или в своих корнях элемент истины, который зачинает и поддерживает их существование, однако в действительности они могут быть искаженными или ложными, а за ними есть большая неохваченная истина, которая, если они смогут схватить ее, скоро сделает их объединенными, гармоничными или, по крайней мере, относительно полными. В действительности, однако, такая истина, которую они имеют, уменьшена в размахе, деградирована в более низкое движение, поделена и фальсифицирована дроблением, поражена неполнотой, испорчена искажением. Ментальное знание всегда является не интегральным, а частичным знанием. Оно постоянно добавляет деталь к детали, но ему трудно связать правильно все детали; его целостности также являются не настоящими, а неполными целостностями, которыми оно стремится заменить более реальное и интегральное знание. И даже если ментальное сознание достигает некоторого рода интегрального знания, оно все еще будет неким сведением вместе, ментальным и интеллектуальным выстраиванием, искусственным единством, а не сущностным и настоящим тождеством. Если бы это было всем, то разум мог бы достичь некоторого полуотражения и полутрансляции интегрального знания, но радикальный недуг все еще состоял бы в том, что это была бы не настоящая вещь, а только, в лучшем случае, интегральное представление. То, чем ментальная истина всегда обречена быть, является интеллектуальным, эмоциональным и чувственным представлением, не прямой истиной, не истиной себя в своей плоти и сущности.

Сверхразум может делать все, что делает разум, — представлять и комбинировать детали, а также то, что можно назвать аспектами или подчиненными целостностями, — но делает он это другим образом и на другом базисе. Сверхразум действует не так, как разум, вносящий элемент отклонения, ложное расширение или навязанную ошибку, и даже когда сверхразум дает частичное знание, он дает его в надежном и точном свете, и всегда позади сознания есть подразумеваемая или открытая сущностная

истина, от которой зависят аспекты и подчиненные целостности. Сверхразум имеет также силу представления, но эти представления не интеллектуального рода, они наполнены плотью и субстанцией света истины в ее сущности, они являются ее носителями, а не подменой. У сверхразума есть такая бесконечная мощь представления, и это божественная мощь, по отношению к которой ментальное действие является чем-то вроде падшего представителя. Представляющий сверхразум имеет более низкое действие, о котором я уже говорил как о супраментальном понимании [supramental reason], это действие ближе всего к ментальному, и в это действие ментал может быть легче всего поднят, а также есть более высокое действие в интегральном сверхразуме, которое видит все вещи в единстве и бесконечности божественного сознания и само-существования. Но на любом уровне действие сверхразума коренным образом отличается от соответствующего ментального действия, это прямое, светлое, надежное действие. Вся низость разума происходит из-за того, что он является действием души после ее падения в незнание и неведение, и душа пытается вернуться к само-знанию, но делает это все еще на базисе незнания и неведения. Разум является неведением, пытающимся познавать, или это неведение, получающее выводное знание: это действие Авидьи. Сверхразум всегда является расширением внутренне присущего и само-существующего знания; это действие Видьи.

Второе различие, которое мы переживаем, это большая и спонтанная гармония и единство. Все сознание едино, но в действии оно принимает множество движений, и каждое из этих фундаментальных движений имеет много форм и процессов. Формы и процессы сознания разума отмечены нарушающим гармонию и запутывающим делением и отделенностью ментальных энергий и движений, в которых изначальное единство сознательного разума вовсе не появляется или появляется только без памяти о самом себе. Мы постоянно обнаруживаем в своей ментальности конфликт или путаницу и потребность комбинации различных мыслей или же потребность подлатать комбинацию, и то же самое наблюдается в разнообразных движениях нашей воли и желания и в наших эмоциях и чувствах. Опять же, наше мышление, наша воля и наше чувство не находятся в состоянии естественной гармонии и унисона друг с другом, а действуют в своей отдельной силе даже тогда, когда они должны действовать вместе, и зачастую в конфликте или, до некоторой степени, в расхождении. Есть также неравное развитие одного в ущерб другому. Разум — это вещь разногласий, в которой для целей жизни устанавливается нечто вроде практического выстраивания, а не удовлетворяющее согласие. Разум пытается достичь лучшего выстраивания, нацеливается на лучший контроль, рациональную или идеальную гармонию, и в этой попытке он является делегатом или заменой сверхразума и пытается делать то, что только сверхразум может делать по своему праву: но, в действительности, разум не способен полностью контролировать остальную часть существа, и обычно есть значительная разница между рациональной или идеальной гармонией, которую мы создаем в наших мыслях, и движением жизни. Даже, в лучшем случае, выстраивание, делаемое разумом, всегда несет в себе что-

то искусственное и наложенное, ведь, в конечном счете, есть только два спонтанных гармоничных движения: гармоничное движение жизни, являющееся несознательным или, в большой степени, подсознательным движением, гармонией, это гармония, которую мы находим в животном творении и низшей Природе, и есть гармоничное движение духа. Человеческое состояние — это состояние перехода, усилия и несовершенства между одним и другим, между природной и идеальной или духовной жизнью, и оно полно неопределенного поиска и беспорядка. Это не так, что ментальное существо не может найти или, скорее, сконструировать нечто вроде относительной гармонии на собственный лад, но эта гармония не может оставаться устойчивой из-за побуждения духа. Человек обязывается Мощью внутри себя быть тружеником более или менее сознательной само-эволюции, которая приведет его к само-мастерству и само-знанию.

Сверхразум в своем действии является, напротив, вещью единства, гармонии и внутренне присущего порядка. Поначалу, когда давление свыше падает на ментальность, это не реализуется, и даже на время может возникнуть противоположное явление. На это есть несколько причин. Прежде всего, может быть возмущение, даже расстройство, порождаемое воздействием большей едва ли измеримой мощи на низшее сознание, которое не способно отвечать ей органически или даже, возможно, выносить ее давление. Сам факт одновременной и все же нескоординированной деятельности двух совершенно разных сил, особенно если разум настаивает на собственном пути, если он упрямо или насильственно пытается извлечь выгоду из сверхразума вместо того, чтобы сдаться ему и его цели, если он не достаточно пассивен и послушен высшему руководству, тогда это может привести не только к великому возбуждению мощи, но и возросшему беспорядку. Вот почему совершенно необходима предварительная подготовка и долгое очищение, чем полнее, тем лучше, и успокаивающая пассивность разума, спокойно и сильно открытого духу.

Опять же, разум, привыкший действовать в границах, может пытаться супраментализировать себя на какой-нибудь одной из энергий. Он может развить значительную мощь интуитивного полусупраментализированного мышления и знания, но воля может оставаться нетрансформированной и вне гармонии с этим частичным полусупраментальным развитием мыслящего разума, и остальная часть существа, эмоциональная и нервная, также может продолжать оставаться в той же степени, или более, не исправленной. Или же может быть очень большое развитие интуитивной или сильно вдохновленной воли, но не быть соответствующего поднятия мыслящего разума или эмоционального и психического существа, либо оно может быть лишь в той степени, чтобы не полностью препятствовать действию воли. Эмоциональный или психический разум может пытаться интуитивизировать и супраментализировать себя, и до большой степени он может преуспеть в этом, и все же при этом мыслящий разум обычно остается бедным в своем веществе и тусклым в своем свете. Может быть развитие интуитивности в этическом или эстетическом существе, но остальное существо может оставаться почти тем же самым, что и было. В этом причина частого расстройства или од-

носторонности, которую мы отмечаем в гениях, поэтах, артистах, мыслителях, святых или мистиках. Частично интуитивизированная ментальность может принимать видимость гораздо меньшей гармонии и порядка вне своей особой деятельности, отличной от деятельности высокоразвитого интеллектуального разума. Необходимо интегральное развитие, всецелое обращение разума; иначе действие будет действием разума, использующего супраментальный приток для собственной выгоды и в собственной оболочке, и это позволяется для немедленного достижения ближайшей цели Божественного в существе и может даже считаться стадией, достаточной для индивида в одной конкретной жизни: но это состояние несовершенства, а не полной и успешной эволюции существа. Однако, если есть интегральное развитие интуитивного разума, тогда большая гармония начнет закладывать свое основание. Эта гармония будет отличаться от той, что порождается интеллектуальным разумом и действительно может не легко восприниматься или, если она и чувствуется, то может быть непонятной логическому человеку, поскольку она не достигается или анализируется ментальным процессом. Это будет гармония спонтанного выражения духа.

Как только мы поднимемся над разумом к сверхразуму, эта начальная гармония будет замещена большим и более интегральным единством. Мысли супраментального понимания встречаются вместе и понимают друг друга и подпадают под естественное устройство, даже когда они стартовали с совершенно противоположных мест. Движения воли, конфликтующие в разуме, находят в сверхразуме свое правильное место и связь друг с другом. Супраментальные чувства также открывают собственную родственность и впадают в естественное согласие и гармонию. На более высокой стадии эта гармония усиливается по направлению к единству. Знание, воля, чувство и все остальное становятся одним движением. Это единство достигает своей величайшей полноты в высочайшем сверхразуме. Эта гармония, единство неизбежны из-за того, что базисом в сверхразуме является знание и, особенно, само-знание, знание *я* во всех его аспектах. Супраментальная воля является динамическим выражением этого само-знания, супраментальное чувство является выражением светлой радости *я*, а все остальное в сверхразуме — частью этого одного движения. На своем высочайшем пике оно становится нечто большим, чем то, что мы называем знанием; там есть сущностное и интегральное само-осознание Божественного в нас, его бытия, сознания, Тапаса, Ананды, и все является гармоничным, объединенным, светлым движением того одного существования.

Супраментальное знание не является первично или сущностно ментальным знанием. Интеллект считает, что он не знает вещь до тех пор, пока он не свел ее осознание в термины мышления, то есть, пока не привел ее в систему представительных ментальных понятий, и этот род знания обретает свою самую решающую завершенность, когда он может быть вложен в ясную, точную и определенную речь. Верно, что разум черпает свое знание из, главным образом, разнообразных впечатлений, начинающихся с витальных и чувственных впечатлений и поднимающихся к ин-

туитивным, но эти впечатления принимаются развитым интеллектом только в качестве данных и кажутся ему неопределенными или смутными сами по себе, пока их не вынуждают передать все свое содержимое мышлению и пока они не займут свое место в некоторой интеллектуальной связи или в упорядоченной последовательности мышления. Опять же верно, что есть мышление и речь, которые являются скорее предположительными, чем определенными, и они несут на собственный лад большую потенциальность и богатство содержания, и этот род мышления и речи уже находится на грани интуитивного: но все же и здесь есть требование интеллекта выявить в ясной последовательности и связи точное интеллектуальное содержание этих предложений, и пока это не сделано, интеллект не чувствует себя удовлетворенным, не чувствует, что его знание полное. Мышление, трудящееся в логическом интеллекте, это то, которое, как обычно кажется, лучше всего организует ментальное действие и придает разуму ощущение надежной определенности, уверенности и полноты в знании и использовании знания. Ничто из этого вообще не истинно для супраментального знания.

Полнее всего и надежнее всего сверхразум знает благодаря не мышлению, а тождеству, благодаря чистому осознанию само-истины вещей в *я* и при помощи *я*, *атмани атманам атмана*. Лучше всего я обретаю супраментальное знание, становясь одним с истиной, одним с объектом знания; супраментальное удовлетворение и интегральный свет есть больше всего тогда, когда нет деления на познающего, знание и познанное, *джнята*, *джнятам*, *джнаям*. Я вижу вещь известной не как объект вне себя, а как себя или как часть моего вселенского *я*, содержащуюся в моем наиболее прямом сознании. Это ведет к самому высокому и самому полному знанию; мышление и речь, будучи представителями, а не прямым владением в сознании, являются для сверхразума меньшей формой, и мысль, если она не наполнена духовным осознанием, становится в действительности уменьшением знания. Ведь тогда эта мысль, предполагая, что она является супраментальной мыслью, является только частичной манифестацией большего знания, существующего в *я*, но не присутствующего для непосредственного активного сознания. На высочайших диапазонах бесконечного вообще нет необходимости в мышлении, потому что все будет переживаться духовно, в непрерывности, в вечном обладании и с абсолютной прямотой и полнотой. Мышление является только средством частичного проявления и представления того, что сокрыто в большем само-существующем знании. Этот всевышний род знания в действительности не будет возможен для нас в полном диапазоне и степени, пока мы не сможем подняться через множество ступеней сверхразума к тому бесконечному. Но все же, по мере того, как супраментальная мощь возникает и расширяет свое действие, нечто из этого высочайшего способа познания появляется и растет, и даже члены ментального существа, по мере того, как они становятся более интуитивными и супраментализованными, все больше развивают соответствующее действие на своем собственном уровне. Есть нарастающая мощь светлого витального, психического, эмоционального, динамического и другого отождествления со всеми вещами и

существами, которые не являются объектами нашего сознания, и эти превосхождения отдельного знания приносят с собой много форм и средств прямого знания.

Супраментальное знание или переживание посредством тождества несет в себе как результат или как вторичную часть себя супраментальное видение, которому не требуется поддержка в виде образа, оно может конкретизировать то, что для разума является абстрактным, и имеет характер зрения, хотя его объектом может быть невидимая истина того, что имеет форму, или истина бесформенного. Это видение может придти раньше любого тождества, как разновидность предшествующей эманации света из нечто, либо может действовать несвязным с ним как отдельная сила. Тогда истина или известная вещь не полностью или пока что не едина со мной, а является объектом моего знания: но все же это объект, субъективно видимый в *я* или, по крайней мере, даже если он еще отделен и объективизирован для познающего, видим с помощью *я*, не через какой-либо промежуточный процесс, а благодаря прямому внутреннему охвату или проникновению и обволакивающему светлому контакту духовного сознания со своим объектом. Именно об этом светлом охвате и контакте, являющемся духовным видением, *дришти*, — «парсьяти», постоянно говорят Упанишады как о духовном знании, употребляя выражение «он видит»; и о *Я*, постигающем идею творения, они говорят «он видел» вместо «он думал», что мы могли бы ожидать. Для духа это то же самое, что и глаза для физического разума, и имеешь ощущение процесса, аналогичного зрению, но более тонкого. Как физическое зрение может представлять для нас текущее тело вещей, о котором мышление имеет только знак или ментальное описание, и они становятся для нас одновременно реальными и очевидными, *пратьякша*, так и духовное зрение превосходит знаки или представления мышления и может сделать *я* и истину всех вещей присутствующей для нас и напрямую очевидной, *пратьякша*.

Чувство может дать нам только поверхностный образ вещей, и требуется нацеливание мысли, чтобы наполнить и осведомить образ; но духовное зрение способно представить нам вещь в себе и всю истину о ней. Провидцу не требуется помощь мысли как средства познания, но он может использовать ее как средство представления и выражения, — мысль для него является меньшей силой и используется для вторичной цели. Если требуется дальнейшее расширение знания, оно может придти к нему посредством нового видения без более медленных мыслительных процессов, являющихся средством поддержки ментального поиска и познавания истины, — подобно тому, как мы тщательно изучаем глазом то, что ускользнуло от нашего первого наблюдения. Это переживание и знание благодаря духовному видению является вторым в прямоте и величии супраментальных сил. Это нечто гораздо более близкое, глубокое и охватывающее, чем ментальное видение, потому что оно выходит прямо из знания посредством тождества, и оно обладает тем достоинством, что мы можем сразу же перейти от видения к тождеству, как и от тождества к видению. Так что, после того, как духовное видение видело Бога, *Я* или Брахмана, душа может войти в *Я*, Бога и Брахмана и стать одним с этим.

Интегрально это может быть сделано на супраментальном уровне или над ним, но в то же время духовное видение может принимать ментальные формы, которые могут помочь идти к этому отождествлению своим путем. Ментальное интуитивное видение или одухотворенное ментальное зрение, психическое видение, эмоциональное видение сердца, видение в чувственном разуме составляют части Йогического переживания. Если эти видения чисто ментальные, тогда они могут но не обязаны, быть истинными, ведь разум способен как на истину, так и на ошибку, как на истинное, так и на ложное представление. Но по мере того, как разум становится более интуитивным и супраментализированным, эти силы очищаются и корректируются более светлым действием сверхразума и сами становятся формами супраментального и истинного зрения. Можно заметить, что супраментальное видение приносит с собой дополнительное и завершающее переживание, которое может быть названо духовным слышанием и касанием истины, — ее сущность и, через это, ее важность, — то есть, есть охват ее движения, вибрации, ритма, и есть охват ее близкого присутствия, контакта и субстанции. Все эти силы подготавливают нас стать одним с тем, что таким образом стало ближе к нам через знание.

Супраментальное мышление является формой знания посредством тождества и развитием, в идее, истины, представшей перед супраментальным видением. Это тождество и видение дают истину в ее сущности, дают ее плоть и ее части в едином взгляде: мышление транслирует это прямое сознание и непосредственную мощь истины в идею-знание и волю. Мышление не добавляет и ему не требуется добавлять ничего нового, оно только воспроизводит, подчеркивает, движется вокруг тела знания. Однако там, где тождество и видение еще не полны, у супраментального мышления есть большая задача, и оно вскрывает, истолковывает или вспоминает то, что тождество и видение еще не готовы дать, как если бы это было памятью души. И там, где эти большие состояния и силы все еще завуалированы, мышление выходит на передний план и подготавливает и, до определенной степени, осуществляет частичный разрыв вуали или активно помогает ее устранению. Поэтому в развитии из ментального неведения в супраментальное знание это озаренное мышление часто, хотя не всегда первым, приходит к нам, чтобы открыть путь видения или же оказать первую поддержку растущему сознанию тождества и его большему знанию. Мышление также является эффективным средством коммуникации и выражения и помогает восприятию или закреплению истины будь то в субстанции нашего разума и существа или разума и существа других. Супраментальное мышление отличается от интеллектуального не только из-за того, что является прямой идеей истины, а не представлением истины неведению, — это истина сознания духа, всегда представляющая себе собственные верные формы, *сатьям* и *ртам* Веды, — а благодаря своей сильной реальности, плоти света и субстанции.

Индивидуальное мышление очищает и поднимает к утонченной абстракции; супраментальное же мышление, по мере своего подъема, приводит к большей духовной конкретности. Мысль интеллекта представляет себя нам в качестве абстракции из чего-то, схваченного чувственным ра-

зумом и как бы поддерживаемого в пустоте и тонком воздухе неосязаемой силой интеллекта. Она должна прибегнуть к использованию мощи разума к воображению, если хочет сделать себя более конкретно чувствуемой и видимой чувством души и видением души. Супраментальное мышление, наоборот, всегда представляет идею в качестве светлой субстанции бытия, светлого вещества сознания, принимающего значимые формы, и поэтому оно не создает такого ощущения пропасти между идеей и реальностью, какое мы склонны чувствовать в разуме, а само является реальностью, это идея реальности и плоть реальности. Оно приводит к явлению духовного света, отличного от интеллектуальной ясности, к большей реализующей силе и светлому экстазу. Это интенсивно ощущаемая вибрация бытия, сознания и Ананды.

Супраментальное мышление, как уже указывалось, имеет три возвышенности своей интенсивности: одна — возвышенность прямой мысли-видения, вторая — возвышенность интерпретирующего видения, указывающего на и подготавливающего большую раскрывающую идею-знание, третья — возвышенность представительного видения, обычно напоминающего знанию духа ту истину, которая более непосредственно призывается более высокими силами. В разуме это мышление принимает форму трех обычных сил интуитивной ментальности, — предлагающей и различающей интуиции, вдохновения и мышления, имеющего природу откровения. Они соответствуют трем возвышенностям супраментального бытия и сознания и, по мере того, как мы поднимаемся, низшее поднимается до высшего и вбирается в него, так что на каждом уровне воспроизводятся все три возвышенности, но всегда в сути мышления преобладает тот характер, который принадлежит свойственной тому уровню форме сознания и духовной субстанции. Необходимо иметь это в виду, ведь иначе ментальность, взирая на диапазоны сверхразума, как они раскрывают себя, может подумать, что она обрела видение высочайших высот, тогда как перед ее переживанием предстал только высочайший диапазон низшего восхождения.

Есть и речь, супраментальное слово, в котором высшее знание, видение или мышление могут облекать себя внутри нас для своего выражения. Сначала это может спускаться как слово, послание или вдохновение, которое нисходит на нас свыше или может даже казаться голосом *Я* или Ишвары, *вани*, *адеш*. Затем это слово теряет этот отдельный характер и становится обычной формой мышления, когда оно выражает себя в форме внутренней речи. Мышление может выражаться без помощи какого-либо предполагающего или развивающего слова и только — но все же совершенно полно, явно и с полным содержанием — в светлой субстанции супраментального восприятия. Когда мышление не столь явно, оно может помогать себе путем внутренней речи, которая посещает его, чтобы выявить его полный смысл. Либо мышление может приходить не как молчаливое восприятие, а как речь, само-рожденная из истины и полная по собственному праву и несущая в себе собственное видение и знание. Тогда это раскрывающее, вдохновленное или интуитивное слово, либо это слово еще большего рода, способное нести бесконечное намерение или предло-

жение более высокого сверхразума и духа. Это слово может выражаться на языке, используемом сейчас для выражения идей, восприятий и импульсов интеллекта и чувственного разума, но оно использует этот язык другим образом и с интенсивным выявлением интуитивных или раскрывающих смыслов, на которые способна речь. Супраментальное слово проявляется внутренне со светом, мощью, ритмом мышления и ритмом внутреннего звучания, что делает его естественным и живым телом супраментального мышления и видения, и оно выливается в язык, хотя внешне и такой же, как и язык ментальной речи, но все же другой язык, не такой, какой используется для передачи ограниченного интеллектуального, эмоционального или чувственного смысла. Супраментальное слово формируется и слышится в интуитивном разуме или сверхразуме, и сначала не требуется, чтобы оно легко вошло в письмо (что может произойти только в некоторых высоко одаренных душах), но и это легко может быть сделано, когда физическое сознание и его органы станут готовы, и это составляет часть необходимой полноты и мощи интегрального совершенства.

Диапазон знания, покрываемый супраментальным мышлением, переживанием и видением, будет соразмерен всему тому, что открыто человеческому сознанию, не только на земле, но и на всех планах. Однако оно будет все больше действовать обратным образом по сравнению с ментальным мышлением и переживанием. Центром ментального мышления является эго, личность индивидуального мыслителя. Супраментальный же человек, напротив, будет думать больше со вселенским разумом или он даже может подниматься над ним, и его индивидуальность будет скорее сосудом излучения и сообщения, чем центром, к которому будут сходиться вселенское мышление и знание Духа. Ментальный человек думает и действует в радиусе, определяемом малостью или значительностью его ментальности и ее переживания. Диапазоном супраментального человека будет вся земля и все, что находится за ней на других планах существования. И, наконец, ментальный человек мыслит и видит на уровне своей текущей жизни, хотя, возможно, и с направленным вверх стремлением, и его взгляд блокируется со всех сторон. Его главный базис знания и действия — настоящее с некоторым представлением о прошлом и плохо-охваченным воздействием от его давления и слепой взгляд в будущее. Он базируется прежде всего на текущих фактах земного существования и фактах внешнего мира, — с которыми он обычно привык связывать девять десятых, если не все свое внутреннее мышление и переживание, — затем на фактах более поверхностной части своего внутреннего существа. По мере того, как растет его разум, человек свободнее идет за эти пределы к потенциальностям, которые возникают из них и выходят за их пределы; его разум имеет дело с большим полем возможностей: но это, по большей части, приносит ему полную реальность лишь в той степени, в которой они связаны с текущими действительностями и могут быть реализованы здесь, сейчас и попозже. Если он вообще стремится видеть суть вещей, он видит ее лишь как продукт своих текущих фактов, в связи с ними и в зависимости от них, и поэтому он видит их постоянно в ложном свете или в

ограниченной мере. Во всех этих отношениях супраментальный человек должен исходить из противоположного принципа видения истины.

Супраментальное существо видит вещи свыше в больших пространствах и в высочайшем из пространств бесконечного. Его взгляд не ограничен точкой зрения настоящего, а может видеть в непрерывности времени или с позиции над временем в нераздельностях Духа. Оно видит истину в надлежащем порядке: сначала в сущности, затем в потенциальных возможностях, которые вытекают из сущности, и только в последнюю очередь — в текущих фактах. Сущностные истины для его взгляда являются само-существующими, само-виденными, их доказательство не зависит от той или иной текущей действительности; потенциальные истины — это истины силы существа в себе и в вещах, истины бесконечности силы, и они реальны помимо их прошлой или настоящей реализации в той или иной текущей действительности или в привычных поверхностных формах, которые мы принимаем за целостность Природы; текущие действительности являются для него только выбором из потенциальных истин, которые он видит, от которых он зависит и которыми он ограничен. Тирания текущего, тирания непосредственного диапазона фактов, непосредственного побуждения и требования действия больше не имеет власти над его мышлением и волей, и поэтому супраментальное существо способно иметь большую силу воли, основанную на большем знании. Оно видит вещи не так, как они видятся на уровнях, окруженных джунглями текущих фактов и явлений, а свыше, не снаружи, судя по их поверхностям, а изнутри, видя из истины их центра; поэтому оно ближе к божественному всеведению. Оно волит и действует с доминирующей высоты и с более продолжительным движением во времени и с большим диапазоном возможностей, поэтому оно ближе к божественному всемогуществу. Его бытие не зажато в последовательность моментов, а имеет полную силу прошлого и видимо протягивается в будущее; не зажато в ограниченном эго и личном разуме, а живет в свободе вселенского, в Боге и во всех существах и во всех вещах; не в тусклой плотности физического разума, а в свете и бесконечности духа. Оно видит душу и разум только как мощь и движение, а материю — только как производную форму духа. Все его мышление будет того рода, который проистекает из знания. Супраментальное существо воспринимает и принимает вещи феноменальной жизни в свете реальности духовного бытия и мощи динамической духовной сущности.

Поначалу, в начале обращения в этот больший статус, мышление будет продолжать двигаться кроткое или долгое время, в той или иной степени, по линиям разума с большим светом и нарастающими полетами и пространствами и движениями свободы и превосхождения. Впоследствии свобода и превосхождение начнут преобладать; обращение взгляда мышления и превращение метода мышления будет происходить в различных движениях мыслящего разума, одном за другим, будучи подверженным каким угодно трудностям и возвращениям к старому, пока, наконец, оно не претерпит полную трансформацию. Как правило, супраментальное знание будет организовываться сначала и с большей легкостью в процессе чистого мышления и знания, *джняны*, потому что здесь у человеческого

разума уже есть направленная вверх тенденция и здесь он наиболее свободен. Затем и с меньшей легкостью оно будет организовано в процессе прикладного мышления и знания, потому что там разум человека одновременно больше всего активен и больше всего связан и привержен своим низшим методам. Последним и самым трудным покорением, поскольку сейчас оно является полем догадок и вообще пустое, будет знание всех трех времен, *трикаладшти*. Во всех трех будет один и тот же характер духа, видящего и волящего прямо над и вокруг, и не только в теле, которым он обладает, и будет одно и то же действие супраментального знания посредством тождества, супраментального видения, супраментального мышления и супраментального слова, отдельно или в объединенном движении.

Таким тогда будет общий характер супраментального мышления и знания, и это будет его главными силами и действием. Остается рассмотреть его частный инструментарий, то изменение, которое сверхразум сделает в различных элементах сегодняшней человеческой ментальности, а также специальные активности, которые придадут мышлению его содержание, мотивы и данные.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XXIII
Супраментальные инструменты - процесс мышления

Сверхразум, божественный гнозис, не является чем-то полностью чуждым нашему теперешнему сознанию: это высший инструментарий духа, м все операции нашего обычного сознания ограничены и являются низшими производными супраментала, потому что они являются пробами и построениями, исходящими из истинной и совершенной, спонтанной и гармоничной природы и действия духа. Соответственно, когда мы поднимаемся от разума к сверхразуму, то новая мощь сознания не отвергает, а поднимает, расширяет и преобразует операции нашей души, разума и жизни. Она возносит их и придает им вечно бо́льшую реальность их мощи и исполнения. Она также не ограничивается трансформацией поверхностных сил и действия разума и психических частей и жизни, а также проявляет и трансформирует те редкие мощности и ту бо́льшую силу и знание, соответствующие нашему сублиминальному *я*, что кажется сейчас нам вещами оккультными, очень психическими, ненормальными. Эти вещи становятся в супраментальной природе вовсе не ненормальными, а совершенно естественными и нормальными, не отдельно психическими, а духовными, не оккультными и странными, а прямым, простым, внутренне присушим и спонтанным действием. Дух не ограничен подобно пробужденному материальному сознанию, и сверхразум, когда он завладевает пробужденным сознанием, он дематериализирует его, освобождает его от его пределов, преобразует материальное и психическое в природу духовного существа.

Как уже раньше говорилось, ментальная деятельность, которая быстрее всего готова организоваться, носит природу чистого идейного знания. На более высоком уровне она трансформируется в истинную *джняна*, супраментальное мышление, супраментальное видение, супраментальное знание посредством тождества. Сущностное действие этого супраментального знания описывалось в предыдущей главе. Однако также необходимо увидеть, как это знание работает во внешнем приложении, и как оно обращается с данными существования. Оно отличается от действия разума, прежде всего, в том отношении, что оно естественно работает с теми операциями, которые для разума являются высочайшими и самыми трудными, действуя в них или на них сверху-вниз, а не со стесненным напряжением разума или с ограничением его собственными и низшими уровнями. Высшие операции не зависят от низшего содействия, а, скорее, низшие операции зависят от высших не только в своем руководстве, но и в

своем существовании. Поэтому низшие ментальные операции не только изменяются в своем характере в ходе трансформации, но и делаются полностью подчиненными. И высшие ментальные операции тоже меняют свой характер, потому что, будучи супраментализированными, они начинают получать свой свет из высочайшего, из само-знания или бесконечного знания.

С этой целью обычное действие мышления разума можно рассмотреть как состоящее из трех движений. Первый разум, самый низкий и самый необходимый для ментального существа в теле — это разум привычного мышления, который основывает свои идеи на данных, поставляемых чувствами и поверхностными переживаниями нервного и эмоционального существа, а также на привычных представлениях, сформированных восприятием, внешней жизнью и окружением. Этот разум привычки имеет два движения: одно — рода постоянной скрытой тенденции механически возвращающейся мысли, всегда повторяющей себя в одном и том же круге физического, витального, эмоционального, практического и суммирующего интеллектуального представления и переживания, другое — более активно работающее над всем новым переживанием, которое разум обязан допустить, и сводящее его к формам привычного мышления. Ментальность среднего человека ограничена этим разумом привычки и очень несовершенно движется вне его круга.

Второй род мыслительной деятельности представляет разум прагматической идеи, который поднимает себя над жизнью и сознательно действует как посредник между идеей и жизненной силой, между истиной жизни и истиной идеи, еще не проявленной в жизни. Он берет материал из жизни и строит из него и на нем созидательные идеи, становящиеся динамическими для дальнейшего развития жизни: с другой стороны, он получает новую мысль и ментальное переживание с ментального плана или, более существенно, из идеи-мощи Бесконечного, и сразу же обращает ее в ментальную идею силы и мощь для текущего бытия и жизни. Вся истина этого разума прагматической идеи направлена к действию и переживанию, как к внутреннему, так и внешнему: ко внутреннему, выбрасывающему себя наружу для цели более полного удовлетворения реальности, и ко внешнему, вбираемому во внутренее и возвращаемому наполненным новым знанием и измененным для свежих формаций. На этот ментальном уровне мышление интересно для души только или, главным образом, как средство для большего диапазона действия и переживания.

Третья ступень мышление открывает в нас чистый идейный разум, который незаинтересованно живет в истине идеи, в стороне от какой-либо необходимой зависимости от своей ценности для действия и переживания. Это разум обозревает данные чувств и поверхностные внутренние переживания, но только для того, чтобы найти идею, истину, свидетелем которой он является, и свести их в термины знания. Он наблюдает за созидательным действием разума в жизни тем же самым образом и для той же самой цели. Он занят знанием, вся его цель — иметь восторг формирования идей, поиска истины, усилия знать себя, мир и все, что может лежать за его собственным действием и действием мира. Этот идейный

разум — высочайшее достижение интеллекта, действующего для себя, типично, в собственной силе и для собственной цели.

Человеческому разуму трудно верно скомбинировать и гармонизировать три эти движения интеллекта. Обычный человек живет, главным образом, в разуме привычки, обладает сравнительно слабым действием созидательного и прагматического разума и испытывает большую трудность в использовании или вообще во вхождении в чисто идейную ментальность. Созидательный прагматический разум обычно слишком занят собственным движением, чтобы свободно и незаинтересованно двигаться в атмосфере чистого идейного порядка и, с другой стороны, часто недостаточно хорошо понимает реальности и препятствия, накладываемые привычной ментальностью, а также недостаточно хорошо понимает другие движения прагматического мышления и действия, отличные от тех, в которых он сам заинтересован. Чисто идейная ментальность имеет тенденцию конструировать абстрактные и произвольные системы истин, интеллектуальные деления и идейные доктрины, и он либо упускает прагматическое движение, необходимое для жизни, и живет только или, главным образом, в идеях, либо не может действовать с достаточной силой и прямотой на поле жизни, и рискует быть оторванным от мира практической и привычной ментальности или быть слабым в нем. Делается согласование некоторого рода, но тирания преобладающей тенденции служит препятствием целостности и единству мыслящего существа. Разуму не удается быть надежным мастером и господином даже собственной тотальности, потому что секрет этой тотальности лежит за его пределами в совершенстве *я*, свободном и потому способном на бесконечную множественность и разнообразие, а также кроется в супраментальной мощи, только которая привносит в природное совершенство органическое множественное движение единства *я*.

Сверхразум в своей полноте обращает весь порядок мышления разума. Он живет не в феноменальном, а в сущностном, в *я*, и видит все как бытие *я* и его мощи, формы и движения, и все мышление и процесс мышления в сверхразуме также должны носить этот характер. Все его фундаментальное творение идей является передачей духовного знания, которое действует посредством тождества со всем бытием, и переводом супраментального видения. Поэтому сверхразум движется, главным образом, среди вечных, сущностных и универсальных истин *я*, бытия и сознания, а также среди бесконечной мощи и восторга бытия (не исключая все то, что кажется не-бытием нашему теперешнему сознанию), и все его частное мышление берет начало из этих вечных истин и зависит от их мощности; но оно также чувствует себя на месте, имея дело с бесконечными аспектами и приложениями, последовательностями и гармониями истин бытия Вечного. Поэтому оно живет на высоте со всем тем, достижение и открытие чего требует усилия действия чисто идейного разума, и даже на самых низших диапазонах сверхразума эти вещи для его светлой восприимчивости являются присутствующими, близкими или легко охватываемыми и доступными.

Но тогда как высочайшие истины или чистые идеи являются абстракциями для идейного разума, поскольку разум живет частично в феноменальных и частично в интеллектуальных конструкциях и должен использовать метод абстрагирования, чтобы достичь более высоких реальностей, то сверхразум живет в духе и, следовательно, в самой субстанции того, что эти идеи и истины представляют, или, скорее, фундаментально являются, и верно реализует их, не только мыслит, но и в акте мышления чувствует и отождествляется с их субстанцией, и для него они находятся среди самых субстанциональных вещей, которые могут быть. Истина сознания и сущностного бытия является для сверхразума самим веществом реальности, боле сокровенной и, можно сказать, плотнее реальной, чем внешнее движение и форма бытия, хотя и они являются для него движением и формой реальности, а не иллюзией, как это представляется определенному действию одухотворенного разума. Для сверхразума идея также является реальностью-идеей, веществом реальности сознательного бытия, полным мощи для субстанциональной передачи истины и, поэтому, для творения.

И, опять же, тогда как чистый идейный разум стремится строить произвольные системы, являющиеся ментальными и частными построениями истины, то сверхразум не связан каким-либо представлением системы, хотя он в совершенстве способен представлять, выстраивать и конструировать в живой субстанции истины для прагматических целей Бесконечного. Разум, когда он освобождается от своих исключительностей, систематизаций, прикрепленности к собственным построениям, теряется в бесконечности бесконечного, ощущает его хаосом, даже если и светлым хаосом, не способен больше формулировать и поэтому мыслить и решительно действовать, поскольку все, даже самые разные или противоречащие вещи, указывают на некую истину в этой бесконечности, и все же ничто, о чем он может мыслить, не является полностью верным, и все его формулировки рушатся под тестом новых предложений от бесконечного. Разум начинает смотреть на мир как на фантасмагорию, а на мышление — как на хаос сверкания из светлого неопределимого. Разум, атакованный необъятностью и свободой супраментала, теряет себя и не находит прочной опоры в необъятности. Сверхразум же, напротив, может в своей свободе строить гармонии мышления и выражения бытия на прочной почве реальности, одновременно придерживаясь своей бесконечной свободы и наслаждаясь в своем *я* бесконечной необъятностью. Все, что он мыслит, как и все, что он делает и чем он живет, принадлежит истине, действительности, необъятности, *сатьям*, *ртам*, *брхат*.

Результатом этой полноты является то, что нет деления или несовместимости между свободным творением сущностных идей, соответствующему чистому творению идей разума, свободному, неограничиваемому, незаинтересованному, и творением созидательных, прагматических идей, творением целенаправленным и определенным. Бесконечность бытия естественным образом приводит к свободе гармоний становления. Сверхразум всегда ощущает действие как манифестацию и выражение *Я*, а творение — как раскрытие Бесконечного. Все его созидательное и прагма-

тическое мышление является инструментом становления *я,* мощью озарения для этой цели, промежуточным звеном между вечной тождественностью и бесконечной новизной и разнообразием неограничиваемого Бытия и его само-выражения в мире и в жизни. Именно это сверхразум постоянно видит и воплощает, и тогда как его идейное видение и мышление интерпретируют ему неограничиваемое единство и разнообразие Бесконечного, чем он является благодаря вечному тождеству, и в чем он живет во всей своей мощи бытия и становления, есть также постоянно особое созидательное мышление, связанное с действием бесконечной воли, Тапаса, мощи бытия, которая определяет то, что он будет представлять, проявлять или создавать из бесконечности в ходе Времени, что он будет делать — здесь и сейчас или в любом диапазоне Времени или мира — из вечного становления *я* во вселенной.

Сверхразум не ограничен этим прагматическим движением и не принимает его за всю истину своего *я* или Бесконечного частичное движение или полный поток того, чем он так становится, и создает в своем мышлении и жизни. Он не живет также в том, чем он является и мыслит и не действует отдельно в текущем или только на одном плане бытия; он не питает свое существование только текущим или непрерывной последовательностью мгновений, чьи биения мы называем настоящим. Он не видит себя только как движение Времени или созидание во времени, либо как творение вечного становления. Он осознает безвременное бытие за пределами манифестации, по отношению к которому все является манифестацией, он сознает то, что вечно даже во Времени, он сознает множество планов существования; он сознает прошлую истину манифестации и значительную истину бытия, которая еще будет проявлена в будущем, но уже существует в само-взгляде Вечного. Он не принимает за единственную истину прагматическую реальность, являющуюся истиной действия и изменения, а видит ее в качестве постоянной реализации того, что вечно реально. Он знает, что творение, будь то плана материи, жизни, разума или сверхразума является и может быть только само-определенной презентацией вечной истины, раскрытием Вечного, и он сокровенно осознает предсуществование истины всех вещей в Вечном. Это видение обуславливает все его прагматическое мышление и итоговое действие. Творец в нем является выборочной мощью провидца и мыслителя, само-строитель — мощью само-провидца, само-выражающаяся душа — мощью бесконечного духа. Он творит свободно, и все более надежно и явно, исходя из той свободы, из бесконечного *я* и духа.

Поэтому он не заключен в своем особом становлении или зажат в своем круге или курсе действия. Он открыт, определенным образом и до той степени, которой не может достичь разум, истине других гармоний созидательного становления, даже когда он выдвигает определенную волю, мышление и действие. Когда он вовлечен в действие, носящее природу борьбы, в замещение прошлого или иного мышления, формы и становления тем, что ему назначено проявить, он знает истину того, что он замещает и исполняет ее даже при замещении, как и знает истину того, что он замещает. Он не ограничен и не связан своим проявлением, выбором,

прагматическим сознательным действием, но одновременно он обладает всей радостью специально созидательного мышления и выборочной точности действия, Анандой истины форм и движений как собственного становления, так и становления других. Все его мышление и воля жизни, действия и творения, богатая, многогранная, фокусируя истину многих планов, освобождена и озарена безупречной истиной Вечного.

Созидательное или прагматическое движение супраментального мышления и сознания приносит с собой действие, которое соответствует действию привычной или механической ментальности, но все же носит совершенно другой характер. То, что создается, является самоопределением гармонии, и вся гармония разворачивается по видимым или заданным линиям и несет с собой постоянную пульсацию или ритмическое возвращение. Супраментальное мышление, организуя гармонию проявленного существования супраментального бытия, основывает ее на вечных принципах, наводит ее на верные линии истины, которая должна быть проявлена, держит звучащим как характерные ноты возвращения постоянных элементов в переживании и действии, которые необходимы для составления гармонии. Есть порядок мышления, цикл воли, стабильность в движении. В то же время его свобода препятствует ему быть зажатым в канавку привычного действия с механическим вращением вокруг ограниченного запаса мыслей. В отличие от привычного разума он не отливает все новое мышление и переживание в фиксированную привычную оболочку мышления, беря ее за свой базис. Его базис, на который все ссылается, находится выше, *упари будхне*, в обширности *я*, во всевышнем основании супраментальной истины, *будхне ртасья*. Его порядок мышления, его цикл воли, его стабильное движение действия не кристаллизируется в механизм или принятое правило, а всегда живо в духе, не живет в исключительности или враждебности по отношению к другому сосуществующему или возможному порядку и циклу, а черпает подпитку из всего, с чем соприкасается, и усваивает это для собственного принципа. Это духовное усвоение осуществимо, поскольку все соотносится с безмерностью *я* и его свободного видения свыше. Порядок супраментального мышления и воли постоянно воспринимает свыше новый свет и мощь и не испытывает трудности в принятии их в свое движение: он, будучи свойственным порядку Бесконечного, даже в своей стабильности движения является неописуемо податливым и пластичным, способным воспринимать и передавать связи всех вещей друг с другом в Одном, способным всегда выражать все больше и больше из Бесконечного, способным выражать собственным образом все то, что действительно выразимо из Бесконечного.

Так что там нет разногласия, несоответствия или трудности настройки в комплексном движении супраментальной *джняны*, а есть простота в комплексности, обеспеченная легкость в многостороннем изобилии, которяа вытеакет из спонтанной надежности и тотальности самознания духа. Препятствия, внутренняя борьба, разногласие, трудность, несоразмерность частей и движений остается при трансформации разума в сверхразум лишь пока продолжается действие, влияние или давление разума, настаивающего на собственных методах построения, либо его про-

цесс построения знания или мышление и воля действия на фундаменте первичного неведения сопротивляется ходу сверхразума, организующего все как светлую манифестацию *я* и его внутренне присущего и вечного само-знания. Таким путем сверхразум , действуя как представительная, интерпретирующая, раскрывающая императивная мощь знания духа посредством тождества, обращая свет бесконечного сознания свободно и безгранично в субстанцию и форму реальности-идеи, созидая из мощи сознательного бытия и мощи реальности-идеи, стабилизируя движение, которое подчиняется своему собственному закону, но все же является гибким и пластичным движением бесконечного, использует свое мышление и знание и волю, идентичную в субстанции и свете со знанием, чтобы организовывать в каждом супраментальном существе его собственную верную манифестацию одного *я* и духа.

Действие супраментальной *джняны*, так основанной, очевидно, превосходит действие ментального разума, и мы должны увидеть, что заменит разум при супраментальной трансформации. Думающий разум человека находит свое самое ясное и характерное удовлетворение, как и самый точный и эффективный принцип организации, в рассуждающем и логическом интеллекте. Верно, что человек не управляется и не может управляться как в своем мышлении, так и действии, исключительно одним разумом. Его ментальность переплетенным образом подчинена объединенному, смешанному и запутанному действию рассуждающего интеллекта и двух других мощностей: интуиции, в действительности, только полусветлой в человеческой ментальности, действующей позади более видимого действия разума или завуалированной и измененной в действии обычного интеллекта, и жизненного разума ощущения, инстинкта, импульса, который в собственной природе является видом смутной вовлеченной интуиции и подпитывает интеллект снизу своими первыми материалами и данными. И каждая из этих мощностей на собственный лад является сокровенным действием духа, действующего в разуме и жизни, и имеет более прямой и спонтанный характер и непосредственную мощь для восприятия и действия, чем рассуждающий интеллект. Но все же ни одна из этих сил не способна организовать для человека его ментальное существование.

Жизненный разум человека, — его инстинкты, его импульсы, — не является и не может быть само-достаточным и преобладающим как в более низком творении. Жизненный разум охвачен интеллектом и глубоко изменен им даже там, где развитие интеллекта не совершенно и сам жизненный разум наиболее ярко выступает. Жизненный разум в человеке утратил большую часть своего интуитивного характера, хотя и стал несказанно богаче в качестве поставщика материалов и данных, но он больше не является вполне самим собой и больше не непринужден в своем действии из-за того, что он наполовину рационализован, зависит, по крайней мере, от некоторого внедренного элемента, однако туманен в рассуждении или в интеллектуальной деятельности и не способен действовать к благой цели без помощи интеллекта. Корни и место совершенства жизненного разума находятся в подсознательном, из которого он появился, и дело человека — расти в ощущении все более и более сознательного зна-

ния и действия. Человек, поворачивающийся к управлению своего существа жизненным разумом, становится либо иррациональным и хаотическим, либо тупым и слабоумным и утрачивает сущностный характер человечества.

С другой стороны, корни и место совершенства интуиции находятся в супраментале, который для нас сверхсознателен, и в разуме интуиция не имеет чистого или организованного действия, а сразу же смешивается с действием рассуждающего интеллекта, является не совсем собой, а ограничена, фрагментарна, разбавлена и нечиста, а также зависит от логического разума по части упорядоченного использования и организации своих предложений. Человеческий разум никогда вполне не уверен в своих интуициях, пока они не увидены и не подтверждены суждением рационального интеллекта: именно там он чувствует себя хорошо обоснованным и надежным. Человек, преодолевающий рассудок, чтобы организовать свое мышление и жизнь с помощью интуитивного разума, уже превосходил бы свою типичную человечность и был бы на пути к развитию сверхчеловечества. Но это может быть сделано только свыше: ведь всякая попытка снизу выльется только в другой род несовершенства, поскольку там ментальный рассудок является необходимым фактором.

Рассуждающий интеллект является промежуточным звеном между жизненным разумом и еще не развитой супраментальной интуицией. Его дело — это дело посредника: с одной стороны он должен расширить жизненный разум, сделать его сознательным и управлять и регулировать, насколько возможно, его действие, пока Природа не станет готовой развить супраментальную энергию, которая завладеет жизнью и озарит и сделает совершенными все ее движения, обращая ее смутно интуитивные движения желания, эмоции, ощущения и действия в духовно и светло спонтанную манифестацию *я* и духа. С другой стороны, миссия рассуждающего интеллекта — брать лучи света, сходящего свыше и трансформировать их в термины интеллектуальной ментальности, а также принимать, изучать, развивать, интеллектуально использовать интуиции, которые проскальзывают через барьер и нисходят в разум из сверхсознания. Рассуждающий интеллект делает это до тех пор, пока человек, все более и более интеллектуально сознавая себя, свое окружение и свое существо, не осознает также, что на самом деле он не может узнать эти вещи с помощью разума, а может сделать лишь их ментальное представление.

Однако в интеллектуальном человеке разум имеет тенденцию игнорировать ограничения своей мощи и функции и пытается быть не инструментом и посредником, а заменой *я* и духа. Самоуверенный благодаря успеху и преобладанию, благодаря относительному величию собственного света, он считает себя главным и абсолютным, уверен в собственной полной истине и достаточности и пытается стать абсолютным правителем разума и жизни. Он не может успешно делать это, поскольку по части собственной реальной субстанции и существования он зависит от интуиции более низкой жизни и от скрытого сверхразума и его интуитивных посланий. Ему может только казаться, что он преуспевает, потому что он сводит все свое переживание к рациональным формулам и слеп по отношению к

настоящей природе мышления и действия позади себя и к бесконечному обращению, которое разрушает его формулы. Избыток разума делает жизнь только искусственной и рационально механической, лишает ее спонтанности и витальности и препятствует свободе и распространению духа. Ограниченный и ограничивающий ментальный разум должен становиться пластичным и гибким, открытым к своему источнику, должен воспринимать свет свыше, превосходить себя и переходить путем эйтаназии трансформации в плоть супраментального понимания. Между тем, ему дается мощь и могущество для организации мышления и действия на типично человеческой шкале, промежуточной между подсознательной мощью духа, организующей жизнь животных, и сверхсознательной мощью духа, которая, по мере ее осознания, может организовать существование и жизнь духовного сверхчеловечества.

Характерной мощью разума в его полноте является логическое движение, обеспечивающее себя, прежде всего, всеми доступными материалами и данными путем наблюдения и выстраивания, затем воздействующее на них для итогового знания, обретаемого, обеспечиваемого и расширяемого первым использованием рефлексирующих сил, и, наконец, убеждающее себя в правильности результатов при помощи более тщательного и формального действия, более бдительного, взвешенного, строго логического, которое проверяет, отвергает или принимает их согласно определенным надежным стандартам и процессам, развитым при помощи рефлексии и переживания. Поэтому первым делом логического разума является правильное, тщательное и полное обозрение доступного материала и данных. Первым и самым доступным полем данных, открытым нашему познанию, является мир Природы, физических объектов, ставших внешними по отношению к нашему познанию из-за отдельного действия разума, мир вещей, не являющихся нами самими и поэтому только косвенно познаваемых толкованием наших чувственных переживаний, наблюдением, накопленным опытом, заключением и рефлексирующим мышлением. Другим полем является наше собственное внутреннее существо и его движения, которые естественным образом известны благодаря внутренне действующему ментальному ощущению, интуитивному восприятию и постоянному переживанию и благодаря рефлексирующему размышлению над данными нашей природы. Даже по отношению к этим внутренним движениям разум действует лучше всего и знает их наиболее правильно путем открепления себя и рассматривания их достаточно безличностно и объективно — это движение, которое в Йоге знания заканчивается во взгляде на наше активное существо как на тоже не-я, как на механизм Природы, подобный остальному мировому существованию. Знание других мыслящих и сознательных существ находится между этими двумя полями, но обретается также косвенно, путем наблюдения, путем переживания, при помощи различных средств связи и, затем, путем рефлексии и вывода, в значительной степени основанного на аналогии, исходящей из нашего знания и нашей природы. Другим полем данным, которое разум должен наблюдать, является его собственное действие и действие всего человеческого понимания, ведь без этого изучения он не может быть уверен в пра-

вильности своего знания или в верности метода и процесса. Наконец, есть и другие поля познания, данные которых не так легко достаются и которые требуют развития необычных способностей, — это открытие вещей и диапазонов существования за видимостями физического мира, и открытие тайного *я* или принципа бытия человека и Природы. С первым полем логический разум может пытаться иметь дело, принимая к рассмотрению все доступные данные, тем же самым образом, как он имеет дело с физическим миром, но обычно он мало расположен иметь с ними дело, находя более легким вопрошать и отрицать, и его действие здесь редко когда уверено или эффективно. Второе поле он обычно пытается раскрыть с помощью конструктивной метафизической логики, основанной на аналитическом и синтетическом наблюдении явлений жизни, разума и материи.

Операция логического разума одна и та же во всех этих полях данных. Сначала интеллект копит запас наблюдений, ассоциаций, восприятий, представлений, понятий, делает более или менее очевидным выстраивание и классификацию связей и вещей согласно их похожести или различию, и работает над ними путем наращиваемого запаса и постоянного добавления идей, воспоминаний, воображений, суждений; главным образом, это и оставляет природу деятельности нашего познания. Есть нечто вроде природного расширения этой познавательной деятельности разума, продвигающегося под действием собственного импульса, есть эволюция, которой содействует все более обдуманная культура, есть увеличение способностей, обретаемых культурой, становящихся в свою очередь частью природы, по мере того, как они устанавливаются в более спонтанное действие, — результатом является развитие не характера и сущностной мощи интеллекта, а степени его мощи, гибкости, разнообразия способностей, утонченности. Есть исправление ошибки, накопление надежных идей и суждений, представление или образование свежего знания. В то же время возникает необходимость более точного и уверенного действия интеллекта, которое будет устранять поверхностный характер этого обычного метода интеллекта, проверять каждый шаг, тщательно и строго изучать каждое заключение и сводить действие разума к хорошо основанной системе или порядку.

Это движение развивает законченный логический разум и доводит до кульминации остроту и мощь интеллекта. Более грубое и более поверхностное наблюдение замещается или дополняется тщательным анализом все процессов, свойств, элементов, энергий, составляющих объект или связанных с ним, и синтезное построение объекта в целом добавляется или, в большой степени, замещает природное представление разума об объекте. Объект более точно отличается от всех других, и в то же время происходит более полное раскрытие его связей с другими объектами. Есть фиксирование подобия или одинаковости и родства, а также расхождений и различий, что приводит, с одной стороны, к восприятию фундаментального единства бытия и Природы и аналогичности и непрерывности их процессов, с другой стороны, — к более ясному восприятию и классификации различных энергий и видов существ и объектов. Накопление и упо-

рядочивание материалов и данных познания доводится до того совершенства, которое только возможно для логического интеллекта.

Память является совершенно необходимым помощником разума сохранять его прошлые наблюдения, есть память индивида, но есть и память расы, будь то в искусственной форме накопленных записей или в общей памяти расы, сохраняющей свои обретения с каким-либо постоянным повторением и возобновлением, и есть элемент, не достаточно оцененный — это латентная память, которая под давлением различного рода стимулов может повторять в новых условиях прошлые движения познания для суждения о них благодаря возросшей информации и возросшему пониманию. Развитый логический ум приводит в порядок действия и ресурсы человеческой памяти и тренирует ее, чтобы наилучшим образом использовать ее материалы. Человеческое суждение естественным образом работает над этими материалами двумя путями: путем более или менее быстрого и суммирующего комбинирования наблюдений, вывода, созидательного и практического заключения, проницательности, непосредственной идеи, — это в большой степени попытка разума работать спонтанным образом с прямотой, которая может быть надежно достигнута только благодаря более высокой способности интуиции, ведь в разуме она производит много ложного доверия и ненадежной уверенности, — а также путем более медленного, но, в конечном счете, более надежного поиска, рассмотрения и проверки суждения, которое развивается в осмотрительное логическое действие.

Как память, так и суждение помогает воображению, которое, в качестве функции познания, предлагает возможности, в действительности не представленные или оправданные другими мощностями, и открывает дверь к новым перспективам. Развитый логический интеллект использует воображение для предложения нового открытия и гипотез, но тщательно и полностью проверяет его предложения путем наблюдения и скептического или добросовестного суждения. Он также настаивает на проверке, насколько это возможно, всего действия самого суждения, отвергает поспешное заключение в пользу упорядоченной системы дедукции и индукции и обретает уверенность во всех своих шагах и в справедливости, непрерывности, совместимости, согласия своих выводов. Слишком формализованный логический разум препятствует, но свободное использование целостного действия логического интеллекта может, скорее, поднять определенное действие непосредственного прозрения, подтянуть самое близкое приближение разума к более высокой интуиции, но оно не дает безусловной гарантии. Усилие логического разума всегда направлено к тому, чтобы при помощи открепленного, незаинтересованного и тщательно основанного метода избавиться от ошибки, предубеждения, ложного доверия разума и достичь надежных определенностей.

И если бы этот тщательно разработанный метод разума был бы действительно достаточен для истины, тогда не требовался бы никакой более высокий шаг в эволюции знания. В действительности, он увеличивает опору разума на себя и на мир вокруг себя и служит великой и неотрицаемой пользе: но он никогда не может быть уверен, дают ли ему его данные

каркас реального знания или только каркас, полезный и необходимый для человеческого разума и воли в его собственной текущей форме действия. До него все больше доходит, что знание явлений увеличивается, но знание реальности ускользает от этого работящего процесса. Должно придти время, и оно действительно приходит, когда разум осознает необходимость призвать себе на помощь и полностью развить интуицию и весь великий диапазон сил, что лежат скрытыми за нашим смутным использованием слова и неопределенным восприятием его смысла. В конце разум должен открыть, что эти силы могут не только помочь и сделать законченным, но даже и заменить его собственное соответствующее действие. Это будет началом открытия супраментальной энергии духа.

Сверхразум, как мы видели, поднимает действие ментального сознания к интуиции и в интуицию, создает промежуточную интуитивную ментальность, не достаточную в себе, но большую в силе, чем логический интеллект, и затем поднимает и трансформирует и ее в истинное супраментальное действие. Первым хорошо организованным действием сверхразума в восходящем порядке является супраментальное понимание [supramental reason], не высший логический интеллект, а непосредственно светлая организация сокровенно субъективного и сокровенно объективного знания, высший *будхи*, логический или, скорее, это логос, Виджняна. Супраментальное понимание делает всю работу рассуждающего интеллекта и делает гораздо больше, но с большей силой и иным образом. Тогда интеллект вбирается в более высокий диапазон мощи знания, и при этом ничто не теряется, а дальше возвышается, расширяется в охвате, трансформируется в мощи действия.

Для описания этого действия не достаточно обычного языка интеллекта, ведь должны использоваться одни и те же слова, указывающие на определенное соответствие, но в действительности означающие другое. Так, сверхразум принимает определенное действие чувств, использующее физические органы, но не ограниченное ими; это вещь, которая по своей природе является формой сознания и контактом сознания, но ментальная идея и переживание чувства не может дать представления о сущностном и характерном действии этого супраментального сознания чувства. Мышление в супраментальном действии также отличается от мышления ментального интеллекта. Супраментальное мышление чувствуется в своем базисе как сознательный контакт или единение или тождество субстанции существа незнающего с субстанцией существа познанной вещи, а его образ мышления — как мощь осознания *я*, раскрывающая через встречу или тождество, потому что она несет его в себе, определенное знание формы содержимого, действия, значения объекта. Поэтому и наблюдение, память, суждение означают в сверхразуме совсем другое, чем в процессе ментального интеллекта.

Супраментальное понимание наблюдает все, что наблюдает интеллект — и гораздо больше; оно делает, так сказать, вещь, известную полю перцептуального действия, определенным образом объективной, что побуждает всплыть ее природу, характер, качество, действие. Но это не та искусственная объективность, с помощью которой разум в своем наблю-

дении пытается вытеснить элемент личной или субъективной ошибки. Сверхразум видит все в *я*, и поэтому его наблюдение должно быть субъективно объективным и гораздо более близким, хотя и не тем же самым, что и наблюдение наших собственных внутренних движений, рассматриваемых как объект знания. Сверхразум видит не в отдельном личном *я* или его силой, и поэтому он не должен остерегаться элемента личной ошибки: ошибка встречается только тогда, пока все еще остается ментальный субстрат или ментальная окружающая атмосфера, которая может набрасывать свое влияние, или пока сверхразум все еще действует путем нисхождения в разум с целью его изменения. И эта ошибка изгоняется только путем нарастающей спонтанности супраментального различения и постоянного возвышения собственной энергии. Сознание сверхразума является космическим сознанием, и именно в этом *я* вселенского сознания, в котором живет индивидуальный познающий и с которым он более или менее объединен, он держит перед собой объект познания.

Познающий является свидетелем в своем наблюдении, и может показаться, что эта связь подразумевает отличие и разницу, но дело в ом, что это не полностью отдельная разница, и она не приносит исключительную идею о наблюдаемой вещи как о совершенно не *я*, как в ментальном видении внешнего объекта. Всегда есть базисное чувство тождества с познанной вещью, ведь без этого тождества не может быть супраментального знания. Познающий, неся объект в своем универсализированном *я* сознания как вещь, удержанную перед его пунктом свидетельского видения, включает ее в собственное более широкое существо. Супраментальное наблюдение является наблюдением вещей, с которыми мы едины в бытии и сознании и которые мы способны познать даже так, как мы знаем самих себя, силой того тождества: акт наблюдения является движением и выявлением скрытого знания.

Следовательно, прежде всего, есть фундаментальное единство сознания, большего или меньшего в силе, более или менее полно и непосредственно открывающего свое содержание знания в соответствии с нашим прогрессом и подъемом и интенсивностью жизни, чувства и видения в супраментальных диапазонах. Как результат этого фундаментального единства, между познающим и объектом познания устанавливается поток или мост сознательного соединения и, как следствие, устанавливается контакт или активное сознание, позволяющее видеть, чувствовать, ощущать супраментально то, что следует познать в объекте или о нем. Иногда этот поток или мост соединения не ощущается в данный момент, а замечаются лишь результаты этого контакта, но он в действительности всегда есть, и по памяти мы можем осознать, что он всегда был: по мере того, как мы растем в сознании, это становится постоянным фактором. Необходимость в этом потоке или мосте соединения отпадает тогда, когда фундаментальное тождество становится полным активным тождеством. Этот процесс является базисом того, что Патанжали называет *самьяной*, концентрацией, направлением или сосредоточением сознания, с помощью чего, как он говорит, можно начать осознавать все то, что находится в объекте. Необходимость концентрации становится малейшей или вообще

исчезает, когда растет активное тождество; светлое сознание объекта и его содержимого становится более спонтанным, обычным, не требующим усилий.

Возможны три движения супраментального наблюдения этого рода. Прежде всего, познающий может проецировать себя в сознании на объект, чувствовать свое познание в контакте или при обволакивании объекта или при проникновении в него, и тем самым он начинает осознавать то, что он должен познать. Либо познающий может с помощью контакта начать, осознавать то, что находится в объекте или принадлежит ему, как, например, мысль или чувство, исходящее от объекта познания и входящие в познающего, занявшего позицию наблюдателя. Либо познающий может просто знать в себе с помощью некоего супраментального познания в своей позиции наблюдателя без какого-либо такого проецирования или входа. Начальной точкой и видимым базисом наблюдения может быть присутствие объекта для физических и иных чувств, но для сверхразума это совсем не обязательно. Вместо этого может быть внутренний образ или просто идея от объекта. Простая воля знать может доставлять супраментальному сознанию необходимое знание, — или, возможно, воля самого объекта познания быть известным.

Тщательно разработанный процесс аналитического наблюдения и синтетического построения, принятый логическим интеллектом, не является методом сверхразума, и все же в нем есть соответствующее действие. С помощью прямого видения и без какого-либо ментального процесса сбора по кусочкам сверхразум различает особенности вещи: форму, энергию, действие, качество, ум, душу, и он также видит с равной прямотой и без какого-либо построения значимую тотальность, на которую указывают эти особенности. Он также видит сущностность, Свабхаву, вещь в себе, по отношению к которой тотальность и особенности являются манифестацией. И опять же, сверхразум видит, будь то отдельно или через сущностность или Свабхаву, одно *я*, одно существование, сознание, мощь, силу, базисным выражением чего он является. В какое-то время он может наблюдать только частности, но целостное при этом подразумевается, и наоборот, — например, тотальное состояние ума, из которого возникает мысль или чувство, — и познание может стартовать с одного или другого, и благодаря непосредственному внушению проходить к подразумеваемому знанию. Сущностность аналогичным образом подразумевается в целом и в каждой особенности или во всех особенностях, и может быть тот же самый быстрый или непосредственный альтернативный или чередующийся процесс. Логика сверхразума отличается от логики разума: сверхразум всегда видит *я* как оно есть, а целое и особенности — как последующую манифестацию этой мощи и ее активное выражение. Это является неизменным порядком в полноте супраментального сознания и постижения. Все восприятие единства, аналогичности, разницы, родственности, уникальности, достигаемое супраментальным разумом, созвучно этому порядку и зависит от него.

Это наблюдающее действие сверхразума применяется ко всем вещам. Его взгляд на физические объекты не является и не может быть только

поверхностным или внешним взглядом, даже когда он сконцентрирован на внешних сторонах. Сверхразум видит форму, действие, свойства, но одновременно он сознает качества или энергии, *гуны*, *шакти*, передачей которых является форма, и он видит их не в качестве следствия или вывода из формы или действия, а чувствует и видит их прямо в существе объекта и вполне живо, — можно сказать, с тонкой конкретностью и чистой субстанциональностью, — в качестве формы или чувственного действия. Сверхразум также осознает сознание, которое манифестирует в качестве, энергии, форме. Он может чувствовать, знать, наблюдать, видеть силы, тенденции, импульсы, вещи, абстрактные для нас, так же непосредственно и живо, как те вещи, которые мы сейчас называем видимыми и чувствуемыми. Тем же самым образом сверхразум наблюдает личности и существа. В качестве начальной точки или первого указания сверхразум может брать речь, действие, внешние знаки, но он не ограничен ими и не зависит от них. Он может знать, чувствовать и наблюдать само *я* и сознание другого, может либо переходить к нему непосредственно через знак, либо, в своем более мощном действии, отталкиваясь от знака, вместо поиска знания внутреннего существа через свидетельство внешнего выражения, понимать все внутреннее выражение в свете внутреннего существа. Даже в этом случае, полностью, супраментальное существо знает собственное внутреннее существо и природу. Сверхразум также может действовать с равной мощью и наблюдать с прямым переживанием то, что скрыто за физическим порядком; он может двигаться на других планах, отличных от материальной вселенной. Он знает *я* и реальность вещей посредством тождества, благодаря переживанию единства или контакту единения и видения, видящего и осознающего мышления и познания, зависящего от этих вещей или выводимых из них, и его мыслительное представление истин духа является выражением видения и переживания этого рода.

Супраментальная память отличается от ментальной, она является не накапливанием прошлого знания и переживания, а постоянным присутствием знания, которое может быть вынесено вперед или, что более характерно, оно может предложить себя тогда, когда требуется: эта память не зависит от внимания или сознательного повторения, ведь вещи прошлого, которые в действительности не были известны или не наблюдались, могут быть призваны из скрытности благодаря действию, которое, все же, в сущности, является воспоминанием. Особенно на определенном уровне все знание представляет себя как воспоминание, потому что все в нераскрывшемся или внутренне присущем состоянии находится в *я* сверхразума. Будущее, подобно прошлому, представляет себя знанию в сверхразуме в качестве памяти о предизвестном. Воображение, трансформированное в сверхразуме, действует, с одной стороны, как мощь истинного образа и символа, всегда образа или указания некой ценности или важности или другой истины бытия, с другой стороны — как вдохновение или интерпретирующее видение возможностей и потенциальностей, не менее истинных, чем фактические или реализованные вещи. Это расставляется по своим местам либо благодаря родственному интуитивному или интерпретирующему суждению, либо при помощи суждения, внутренне присущего

в идеи образа, символа или потенциальности, либо благодаря высочайшему откровению того, что находится за образом или символом, либо того, что определяет потенциальное и фактическое и их связи и, возможно, не принимает их во внимание и превосходит их, накладывая окончательные истины и всевышние уверенности.

Супраментальное суждение действует неотделимо от супраментального наблюдения или памяти, внутренне присущим в качестве прямого видения или постижения ценностей, значений, предшествовавшего, последствий, связей и т.д.; либо оно вытекает из наблюдения как светлая обнажающая идея или предложение; либо суждение может предшествовать, не зависимо от какого-либо наблюдения, и затем вызываемый и наблюдаемый объект подтверждает истину идеи. Но, в любом случае, супраментальное суждение достаточно само по себе для собственной цели, доказательно само по себе и, в действительности, для своей истинности не зависит от какой-либо помощи или подтверждения. Есть логика супраментального понимания, но ее функция состоит не в том, чтобы проверять или критически изучать, поддерживать и доказывать, либо обнаруживать и устранять ошибку. Ее функция состоит в том. чтобы просто связывать знание со знанием, открывать и использовать гармонию и устройство и связь, организовывать движение супраментального знания. Она делает это не при помощи какого-либо формального правила или построения следствий, а путем прямого, живого и непосредственного видения и размещения соединения и связи. Все мышление в сверхразуме имеет природу интуиции, вдохновения или откровения, и всякий недостаток знания восполняется дальнейшим действием этих сил; ошибка предотвращается действием спонтанного и всетлого различения; движение идет всегда от знания к знанию. Оно не рационально, а супрарационально, — оно полновластно делает то, что ментальное разумение может делать лишь с запинками и несовершенно.

Невозможно хорошо описать диапазоны знания над супраментальным пониманием, вбирающие это понимание и превосходящие его, а также сейчас нет необходимости пытаться сделать это. Достаточно сказать, что этот процесс более достаточен, интенсивен и велик в свете, императивен, мгновенен, охват активного знания шире, способ ближе к знанию посредством тождества, мышление более окутано светлой субстанцией самоосознания и все-видения, и более очевидно независимо от любой другой низшей поддержки или помощи.

Следует напомнить, что эти характеристики не полностью применимы даже к самому сильному действию интуитивной ментальности, а видимы там только в своих первых проблесках. А также они не могут быть полностью или чисто очевидными, пока супраментальность только формируется со скрытым течением, является смесью или окружением ментального действия. Только когда ментальность превзойдена и впала в пассивное молчание, только тогда может произойти полное раскрытие и полновластное и интегральное действие супраментального гнозиса.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XXIV
Супраментальные чувство

Всем инструментам, всем активностям ума соответствуют определенные мощности в действии супраментальной энергии, и там они возвышены и преображены, но имеют обратный порядок приоритета и необходимой важности. Как есть супраментальное мышление и сущностное сознание, так есть и супраментальное чувство. Чувство, по существу, является не действием физических органов, а контактом сознания со своим объектом, *самждняной*.

Когда сознание существа полностью отошло в себя, оно сознает только себя, собственное бытие, собственное сознание, собственный восторг существования, собственную сконцентрированную силу существа, и все эти вещи оно сознает не в их формах, а в их сущности. Когда сознание выходит из этого само-погружения, оно начинает осознавать или освобождает или развивает из этого само-поргужения свои деятельности и формы бытия, сознания, восторга и силы. Затем и на супраментальном плане, первичное осознание все еще остается рода, родственного самоосознанию духа и полностью характерного для него, это само-знание одного и бесконечного; это знание, которое исчерпывающе знает все свои объекты, формы и активности благодаря осознанию их как собственное *я*, знает их абсолютно благодаря осознанию их единства в *я* с собственным бытием. Все другие пути познания проецируются из этого знания посредством тождества, являются его частями и движениями или, во всяком случае, зависят от него по части своей истины и света, затрагиваемы и поддерживаемы им даже на их собственном отдельном пути действия и ссылаются на него открыто или неявно как на авторитет и источник.

Деятельность, находящаяся ближе всего к этому сущностному познанию через отождествление, является большим охватывающим сознанием, особенно характерным для супраментальной энергии: оно вбирает в себя всю истину, идею и объект познания и видит их одновременно в их сущности, тотальности и частях или аспектах — это *виджняна*. Его движение является тотальным видением и охватом; это охват и видение *я* знания; и оно держит объект сознания как часть *я* или составляет с ним одно, это единство, спонтанно и непосредственно реализованное в акте познания. Другая супраментальная деятельность ставит знание посредством тождества скорее на задний план и больше напирает на объективность познанной вещи. Его характерное движение, спускаясь в ум, становится источником особенной природы нашего ментального знания, интеллекта, это *праджняна*. В уме действие интеллекта развивает, с самого начала, отде-

ление и отличие между познающим, знанием и известным; но в сверхразуме его движение все еще происходит в бесконечном тождестве или, по меньшей мере, в космическом единстве. Только, *я* знания доставляет себе восторг, отдаляя объект сознания от более непосредственной близости изначального и вечного единства, но всегда в себе, и познавая его снова другим путем, так чтобы установить с ним разнообразие связей взаимодействия, которые составляют столь многочисленные второстепенные струны в гармонии игры сознания. Движение этого супраментального разумения [supramental intelligence], *праджняна,* становится подчиненным, третьестепенным действием супраментала, для полноты которого [действия] требуется мысль и слово. Первичное же действие, из-за того, что оно имеет природу знания посредством тождества или исчерпывающего охвата в сознании, является полным в себе и не нуждается в этих средствах формулирования. Супраментальное разумение имеет природу видения истины, слышания истины и памяти истины и, хотя оно определенным образом достаточно само по себе, все же оно чувствует себя более богато исполненным посредством мысли и слова, что придает ему плоть выражения.

Наконец, четвертое действие супраментального сознания завершает разнообразие возможностей супраментального познания. Оно еще дальше подчеркивает объективность познанной вещи, отводит ее от позиции переживающего сознания и снова приближает его путем объединяющего контакта, осуществляемого либо в непосредственной близости, касании, единении, либо, менее близко, через мост или связывающий поток сознания, о котором уже говорилось ранее. Именно соприкосновение существования, присутствий, вещей, форм, сил, деятельностей, но соприкосновение их в веществе супраментального бытия и энергии, не в делениях материи и не через физические инструменты, порождает супраментальное чувство, *самджняну*.

Ментальности, еще не знакомой с природой супраментального чувства благодаря расширенному переживанию, трудно ее понять, потому что наше представление о действии чувства определяется ограниченным переживанием физического разума, и мы полагаем, что фундаментальной вещью в действии чувства является впечатление, оказываемое внешним объектом на физический орган зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса, и что дело разума, сегодняшнего центрального органа нашего сознания, заключается только в том, чтобы воспринимать физическое впечатление и его первую трансляцию, и таким путем сознавать объект. Чтобы понять супраментальное изменение, мы должны, прежде всего, осознать, что даже в физическом процессе ум является единственным настоящим чувством: его зависимость от физических впечатлений является результатом условий материальной эволюции, а не фундаментальной и обязательной вещью. Ум способен на зрение, не зависящее от физического глаза, способен на слышание, не зависящее от физического уха, и точно также обстоит дело со всеми другими чувствами. Ум также способен на осознание, действующее посредством того, что кажется нам ментальным впечатлением, вещей, не передаваемых или даже не предполагаемых посредством физи-

ческих органов, — к открытию связей, событий, форм и действий сил, которых не могут засвидетельствовать физические органы. Тогда, начиная сознавать эти более редкие мощности, мы говорим об уме как о шестом чувстве, но на самом деле он является единственным настоящим органом чувств, а все остальное — это не более чем его внешние приспособления и вторичные инструменты, хотя из-за зависимости ума от них они сделались его ограничителями и императивными и исключительными передатчиками. Опять же, мы должны осознать — и это труднее всего допустить для наших представлений о материи — что сам ум является только характерным инструментом чувств, но вещь сама по себе, чувство в его чистоте, *самджняна,* существует позади и за пределами ума, который оно использует, и является движением *я*, прямой и изначальной деятельностью бесконечной мощи его сознания. Чистое действие чувства является духовным действием, а чистое чувство само является мощью духа.

Духовное чувство способно познавать своим собственным характерным путем, отличным от супраментального мышления или понимания, либо от духовного охвата, *виджняны*, либо знания посредством тождества, оно способно познавать какие угодно вещи, вещи материальные и то, что для нас не материально, все формы и то, что бесформенно. Ведь все является духовной субстанцией бытия, субстанцией сознания и силы, субстанцией восторга; и духовное чувство, чистая Самджняна, является контактом, субстанциональным осознанием сознательным существом его собственной расширенной субстанции *я* и всего того, что имеет бесконечную или универсальную субстанцию. Мы можем знать не только путем сознательного тождества, духовного охвата *я*, принципов и аспектов, силы, игры и действия, путем прямого духовного, супраментального и интуитивного мыслящего знания, путем духовного и супраментального озаренного чувства сердца, любви, восторга, но также и иметь в самом буквальном смысле чувство — чувство-знание или ощущение — духа, *я*, Божественного, Бесконечного. Состояние, описываемое Упанишадами, в котором всегда видишь, слышишь, чувствуешь, осязаешь, ощущаешь Брахмана и только Брахмана, поскольку все вещи стали для сознания только этим и не имеют другого, отдельного или независимого существования, не является простым оборотом речи, а является точным описанием фундаментального действия шестого чувства, духовным объектом чистой Самджняны. И в этом изначальном действии, — для нашего переживания в преображенном, возвеличенном, бесконечно блаженном действии чувства, прямом прочувствовании внутри, вокруг, где угодно, *я*, чтобы охватить и прикоснуться и ощутить все, что есть в универсальном бытии, — мы можем начать осознавать самым подвижным и блаженным образом Бесконечное и все то, что есть в нем, путем сокровенного контакта нашего бытия со всем бытием, всем, что есть во вселенной.

Действие супраментального чувства основывается на этой верной истине чувства; это организация этого чистого, духовного, бесконечного, *самджняна*. Сверхразум, действуя через чувства, чувствует все как Бога и в Боге, все как проявленное касание, зрение, слух, вкус, обоняние, все как чувствуемую, видимую, непосредственно переживаемую субстанцию и

мощь и мощь и энергию и движение, игру, проникновение, вибрацию, форму, близость, давление, вещественные взаимообмен Бесконечного. Для его ощущения ничто не существует независимо, и все чувствуется как одно бытие и движение, и каждая вещь не отделима от остальных и как бы имеет в нем все Бесконечное, все Божественное. Это супраментальное ощущение обладает прямым чувством и переживанием не только форм, но и сил и энергии и качества в вещах, а также божественной субстанции и присутствия внутри них и вокруг них, в которую они открываются и расширяют себя в своем тайном тонком *я* и элементах, расширяя себя в тождестве в неограничиваемое. Для супраментального чувства ничто не является но-настоящему конечным: оно основано на чувстве всего в каждом и каждого во всем: его чувственное определение, хотя и более точное и полное, чем ментальное, не создает стен ограничения; это океаническое или воздушное чувство, в котором все частное чувственное знание и ощущение является волной или движением , либо брызгами или каплей, которая все же является концентрацией всего океана, неотделимой от всего океана. Его действие является результатом расширения и вибрации существа и сознания в супер-небесном эфире света, эфире мощи, эфире блаженства, Ананде Акаши Упанишад, что является матрицей и составляющей вселенского выражения *я*, — здесь, в теле и в разуме, переживаемой только в ограниченных расширениях и вибрациях, — и средой его истинного переживания. Это чувство даже в самой низкой своей мощи является светлым с раскрывающим светом, который несет в себе тайну той вещи, которую он переживает, и может поэтому быть стартовой точкой и базисом всего остального супраментального знания, — супраментального мышления, супраментального понимания и охвата, сознательной тождественности, — а на своем высочайшем плане или в своей самой полной интенсивности действия оно открывается в эти вещи или содержит и одновременно освобождает их. Оно сильно со светлой мощью, которая несет в нем силу самореализации и интенсивной и бесконечной эффективности, и поэтому это чувство-переживание может быть стартовой точкой побуждения для созидательного или исполняющего действия духовной и супраментальной воли и знания. Оно восторжено мощным и светлым восторгом, который делает его, делает все чувство и ощущение ключом к или сосудом божественной и бесконечной Ананды.

Супраментальное чувство может действовать в собственной мощи и независимо от тела, физической жизни и внешнего разума, и оно также выше внутреннего разума и его переживаний. Оно может осознавать все вещи в любом мире, на любом плане, в любом образовании вселенского сознания. Оно может сознавать вещи материальной вселенной даже в трансе Самадхи, осознавать их так, как они есть или кажутся физическому чувству, даже другие состояния переживания, чисто витального, ментального, психического, супраментального представления вещей. В пробужденном состоянии физического сознания оно может представлять нам вещи, сокрытые от ограниченной восприимчивости или находящиеся за пределами диапазона физических органов: удаленные формы, сцены и события, вещи, которые вышли из физического существования или которых

еще нет в физическом существовании, сцены, формы, события, символы витального, психического, ментального, супраментального, духовного миров, и все это — в их реальной или существенной истине, как и в их видимости. Супраментальное чувство может использовать все другие состояния чувственного сознания и их соответствующие чувства и органы, добавляя им то, чего они не имеют, исправляя их ошибки и восполняя их недостатки: ведь супраментальное чувство является источником всех других чувств, которые являются лишь низшими выводами из этого более высокого чувства, этой истинной и неограничиваемой *самджняны*.

2

Подъем уровня сознания от разума к сверхразуму и последующая трансформация существа из состояния ментального к состоянию супраментального Пуруши должна приносить с собой, чтобы быть полной, трансформацию всех частей природы и всех ее активностей. Весь разум не просто превращается в пассивный канал супраментальных активностей, в канал их нисхождения в жизнь и тело и канал их вытекания или сообщения с внешним миром, материальным существованием, — это только первая стадия процесса, — но разум и сам супраментализируется вместе со всеми своими инструментами. Есть соответствующее изменение, глубокая трансформация в физическом чувстве, супраментализация физического зрения, слуха, осязания и т.д., что создает или открывает для нас совершенно другой взгляд, не просто взгляд на жизнь и ее смысл, но и взгляд на материальный мир и все его формы и аспекты. Сверхразум использует физические органы и подкрепляет их способ действия, но он и развивает позади них внутренние более глубокие чувства, которые видят то, что скрыто от физических органов, и дальше трансформирует новый взгляд, слух и т.д., сотворенные путем облачения их в оболочку сверхразума и его способы чувствования. Это изменение не берет ничего из физической истины объекта, а добавляет к ней супрафизическую истину и убирает благодаря снятию физического ограничения элемент лжи в материальном способе переживания.

Супраментализация физического чувства приносит на своем поле результат, аналогичный тому, который мы переживаем при трансмутации мышления и сознания. Например, как только зрение меняется под воздействием супраментального видения, глаз обретает новое и преобразованное видение вещей и мира вокруг нас. Его зрение приобретает необычайную полноту и непосредственную и объемлющую точность, в которой каждая деталь вырисовывается одновременно в полной гармонии и живости, подразумеваемой Природой в объекте и своей реализации идеи в форме, исполненной в триумфе вещественного бытия. Это так, как если бы глаз поэта и артиста заменил смутное или тривиальное невидящее обычное зрение, но этот глаз особенно одухотворенный и возвеличенный, — как если бы действительно это было зрение всевышнего божественного Поэта и Артиста, которое мы разделяем и в котором нам дано полное видение его истины и намерения в его устройстве вселенной и каждой вещи

во вселенной. Есть неограниченная интенсивность, которая делает все видимое откровением великолепия качества, идеи, формы и цвета. Тогда кажется, что физический глаз несет в себе дух и сознание, которое видит не только физический аспект объекта, но и душу качества в нем, вибрацию энергии, свет, силу и духовную субстанцию, из которой он сделан. Тогда через физическое чувство к полному сознанию чувства, находящемуся внутри и позади видения, приходит откровение души виденной вещи и вселенского Духа, выражающего себя в этой объективной форме собственного сознательного бытия.

В то же время есть тонкое изменение, которое заставляет зрение видеть в некоем четвертом измерении, характером чего является определенная внутренность, видение не только поверхностной и внешней формы, но и того, что наполняет ее и тонко распространяется вокруг нее. Материальный объект становится для этого зрения чем-то отличным от того, что мы сейчас видим, не отдельным объектом на фоне или в окружении остальной части Природы, а неотъемлемой частью и даже, тонким образом, выражением единства всего того, что мы видим. И это единство, которое мы видим, становится не только для более тонкого сознания, но и для простого чувства, для самого озаренного физического зрения, единством тождества Вечного, единством Брахмана. Ведь для супраментального видения материальный мир и пространство и материальные объекты перестают быть материальными в том смысле, в котором мы сейчас, основываясь исключительно на показаниях наших ограниченных физических органов и физического сознания, которое смотрит через них, воспринимаем их в качестве нашего грубого восприятия и понимаем их в рамках нашего представления о материи. Материальный мир и материальные объекты теперь видятся в качестве самого духа в форме себя и в сознательном расширении. Все есть единство — тождество, не затрагиваемое множественностью объектов и деталями — содержащееся в сознании и при помощи сознания в духовном пространстве, и вся субстанция является там сознательной субстанцией. Это изменение и эта тотальность способа видения приходит благодаря превышению ограничений нашего сегодняшнего физического чувства, потому что мощь тонкого или психического глаза была вселена в физический глаз, а в эту психологическую мощь видения, в свою очередь, было вселено духовное зрение, чистое чувство, супраментальная Санджняна.

Все другие чувства претерпевают аналогичную трансформацию. Все, что слышит ухо, раскрывает тотальность своей плоти звука и значения звука, а также все тона вибрации звука, а также раскрывает единственному и полному звучанию качество, ритмическую энергию, душу звука и его выражение одного вселенского духа. Есть такая же внутренность, уход чувства в глубины звука и нахождение там того, что наполняет его и расширяет его в единство с гармонией всего звучания не в меньшей степени, чем с гармонией всего молчания, так что ухо всегда прислушивается к Бесконечному в его слуховом выражении и голосе его молчания. Для супраментализированного уха все звуки становятся голосом Божественного, рожденного в звучание, и ритмом созвучия вселенской симфонии. И здесь

тоже есть та же самая полнота, живость, интенсивность, раскрытие *я* услышанной вещи и духовное удовлетворение *я* в слышании. Супраментальное осязание также соприкасается или воспринимает касание Божественного во всех вещах и знает все вещи в качестве Божественного через сознательное *я* при контакте: и здесь также есть та же самая полнота, интенсивность, раскрытие всего того, что находится для переживающего сознания в касании или за ним. Происходит аналогичная трансформация и других чувств.

Одновременно происходит открытие новых мощностей во всех чувствах, расширение диапазона, растягивание физического сознания до невообразимой способности. Супраментальная трансформация также расширяет физическое сознание далеко за пределы границ тела и позволяет ему с совершенной конкретностью воспринимать на расстоянии физический контакт вещей. И физические органы становятся способными служить каналами для психического и других чувств, так что мы можем видеть физические побуждения глазом того, что обычно открывается только в ненормальных состояниях и открывается психическому видению, слышанию или другому чувственному познанию. Именно дух или внутренняя душа видит и чувствует, но и само тело и его мощности одухотворены и прямо разделяют переживание. Все материальное ощущение супраментализировано и начинает осознавать, непосредственно и с физическим участием и, наконец, в единстве с более тонким инструментарием, силы и движения физических, витальных, эмоциональных, ментальных вибраций вещей и существ и чувствует всех их не только духовно или ментально, а физически в *я* как движения одного *я* во многих этих телах. Стена, которую ограничения тела и его чувств построили вокруг нас, разрушается даже в теле и чувствах, и вместо этого есть свободное сообщение вечного тождества. Все чувство и ощущение наполняется божественным светом, божественной мощью и интенсивностью переживания, божественной радостью, восторгом Брахмана. И даже то, что сейчас для нас является разногласием и раздором чувств, происходит в универсальном согласии вселенского движения, открывает свою *расу*, значение, устройство и, благодаря восторгу в намерении в божественном сознании и своей манифестации своего знания и Дхармы, своей гармонии с тотальным *я*, своему месту в манифестации божественного существа, становится прекрасным и счастливым для переживания духа. Все ощущение становится Анандой.

Воплощенный разум в нас обычно осознает только через физические органы и только их объекты и субъективные переживания, которые, как кажется, начинаются с физического переживания и берут только их, как бы ни отдельно, в качестве своего основания и строительного шаблона. Все остальное, все то, что содержится в физических данных, не является их частью или подразумевается ими, кажется воплощенному разуму скорее воображением, чем реальностью, и только в ненормальных состояниях он открывается другим видам сознательного переживания. Но, в действительности, позади есть грандиозные диапазоны, которые мы можем начать осознавать, если откроем двери внутреннего существа. Эти диапазоны уже действуют там и известны нашему сублиминальному *я*, и многое

даже из нашего поверхностного сознания непосредственно проецируется оттуда и, без нашего на то знания, воздействует на наше субъективное переживание вещей. Позади есть диапазон независимых витальных или пранических переживаний, сублиминальных по отношению к поверхностному действию витализированного физического сознания. И когда эти сублиминальные диапазоны открываются или действуют каким-либо образом, тогда для нашего пробужденного разума проявляются явления витального сознания, витальная интуиция, витальное чувство, не зависящее от тела и его инструментов, хотя оно может использовать их в качестве вторичной среды и записывающего инструмента. Можно полностью открыть этот диапазон, и когда мы это делаем, мы находим, что его операция является операцией сознательной жизненной силы, индивидуализированной в нас и контактирующей со вселенской жизненной силой и ее операциями в вещах, событиях и личностях. Разум начинает сознавать сознание жизни во всех вещах, откликается на них через наше сознание жизни с непосредственной прямотой, не ограниченной обычным сообщением через тело и его органы, не ограниченной записями его интуиций, становится способным переживать существование как трансляцию вселенской Жизни или Праны. То поле, которое витальное сознание и витальное чувство в первую очередь осознают, является полем не форм, а, непосредственно, полем сил: его мир — это мир игры энергий, а форма и событие ощущаются только вторично как результат и воплощение энергий. Разум, работая через физическое чувство, может только построить взгляд и знание этой природы в качестве идеи в интеллекте, но он не может выйти за пределы физической трансляции энергий, и поэтому у него нет реального или прямого переживания истинной природы жизни, нет фактической реализации жизненной силы и жизненного духа. Только путем открытия этого другого уровня или глубины переживания внутри и путем допуска к витальному сознанию и витальному чувству разум может получить истинное и прямое переживание. Но даже и тогда, пока переживание происходит на ментальном уровне, оно ограничено витальными терминами и их ментальными передачами, и есть затемненность даже в этом большем чувстве и знании. Супраментальная трансформация суправитализирует витал, раскрывает его в качестве динамики духа, делает полное открытие и истинное раскрытие всей духовной реальности позади и внутри жизненной силы и жизненного духа и всей его духовной, как и ментальной и чисто витальной истины и значения.

Сверхразум при своем нисхождении в физическое существо пробуждает, если оно уже не пробуждено предшествующей йогической Садханой, сознание, — завуалированное или смутное в большинстве из нас, — которое поддерживает и формирует витальную оболочку, *прана коша*. Когда это сознание пробуждено, мы больше не живем только в физическом теле, а живем также в витальном теле, которое пронизывает физическое и обволакивает его и чувствительно к воздействиям иного рода, к игре витальных сил вокруг нас и приходящих к нам из вселенной или от отдельных личностей или групп, либо от вещей или с витальных планов и миров, находящихся позади материальной вселенной. Эти воздействия мы

чувствуем даже сейчас по их результату и в определенных касаниях и влияниях, но вообще не чувствуем или очень слабо чувствуем их источник и их приход. Пробужденное сознание в праническом теле сразу же чувствует их, осознает проникающую витальную силу, отличную от физической энергии, и может тянуть из нее, чтобы нарастить витальную силу и поддержку физических энергий, может иметь дело непосредственно с симптомами и причинами заболеваний посредством витального притока или направления пранических токов, может осознавать витальную и витально-эмоциональную атмосферу других, и иметь с ней дело, наряду с массой других явлений, которые не чувствуются нашим внешним сознанием или туманны для него, но теперь становятся осознанными и ощущаемыми. Пробужденное сознание остро сознает душу жизни и тело жизни в нас и в других. Сверхразум поднимает это витальное сознание и витальное чувство, ставит его на верное основание и трансформирует его путем раскрытия жизненной силы в качестве самой мощи духа, динамизированной для близкой и непосредственной операции на тонкой и грубой материи и через них, а также для формирования и действия в материальной вселенной.

Первый результат этого изменения состоит в том, что рушатся ограничения нашей индивидуальной жизни, и мы больше не живем с личной жизненной силой, или, как правило, не с ней, а в энергии вселенской жизни и благодаря ней. Все это — вселенская Прана, которая приходит постоянно струящейся в нас и через нас, поддерживает там постоянный динамический вихрь, неотделимый центр своей мощи, вибрационную станцию накопления и сообщения, постоянно наполняет ее своими силами и изливает их в деятельность на мир вокруг нас. Опять же, эта жизненная энергия чувствуется нами не просто как витальный океан и его потоки, а как витальный путь, форма, тело и разлив сознательной вселенской Шакти, и эта сознательная Шакти раскрывает себя как Чита Шакти Божественного, Энергия трансцендентного и вселенского *Я* и Пуруши, по отношению к кому наша универсализированная индивидуальность становится инструментом и каналом. В результате мы чувствуем себя едиными в жизни со всеми другими и едиными с жизнью всей Природы и всех вещей во вселенной. Есть свободное и сознательное сообщение витальной энергии, работающей в нас, с той же самой энергией, работающей в других. Мы осознаем их жизнь как свою собственную или, по меньшей мере, касание и давление или передающиеся им движения нашего жизненного существа, и наоборот. Витальное чувство в нас становится мощным, интенсивным, способным выдержать все малые и большие, мельчайшие или грандиозные вибрации этого мира жизни на всех его планах физических и супрафизических, витальных и суправитальных; это витальное чувство вибрирует со всем своим движением и Анандой и осознает все силы и открыто им. Сверхразум завладевает всем этим великим диапазоном переживания и делает его светлым, гармоничным, переживаемым не смутно и фрагментарно и не подверженным ограничениям и ошибкам из-за ментального неведения, а раскрывает его, и каждое его движение, в его истине и полноте мощи и восторга, и направляет великие и теперь уж едва ли ограничиваемые мощности и способности жизненной динамики на все

диапазоны, согласно простой и все же сложной, крайней и спонтанной и все же безупречно замысловатой воли Божественного в нашей жизни. Сверхразум делает витальное чувство совершенным средством познания жизненных сил вокруг нас, а также совершенным каналом реакций активной жизненной силы, работающей через нас в качестве инструмента самопроявления.

3

Явления этого витального сознания и чувства, это прямое ощущение и восприятие отклика на игру более тонких, чем физические, сил, зачастую без разбора относят к психическим явлениям. В определенном смысле это пробуждение психического, внутренней души, сокрытой сейчас, полностью перекрытой или частично покрытой поверхностной деятельностью физического разума и чувств, которое выносит на поверхность погруженное или сублиминальное внутреннее витальное сознание, а также внутреннее или сублиминальное ментальное сознание и чувство, способное воспринимать и переживать непосредственно не только жизненные силы и их игру, их продукты и явления, но и ментальный и психический миры, и все они содержат ментальные активности, вибрации, явления, формы, образы и этого мира, а также способное устанавливать прямую связь между разумами без помощи физических органов и без ограничений, которые они накладывают на наше сознание. Однако есть два различных вида действия этих внутренних диапазонов сознания. Первый вид действия — это более внешняя и путанная деятельность пробужденного сублиминального разума и жизни, которая препятствуется и подчиняется более грубым желаниям и иллюзиям разума и витального существа и ослабляется несмотря на свой более широкий диапазон переживания, мощи и способности из-за грандиозной массы ошибки и искажений воли и знания, наполненных ложными внушениями и образами, ложными и искаженными интуициями и вдохновениями и импульсами, причем последние зачастую развращенные и извращенные, а также ослабляются вмешательством физического разума и его помрачений. Это низшая деятельность, к которой весьма склонны ясновидящие, медиумы, спиритисты, оккультисты, искатели мощностей и Сидх и к которой особенно относятся предупреждения об опасностях и ошибках этого рода поисков. Искатель духовного совершенства должен как можно быстрее пройти эту опасную зону, если он не может полностью избежать ее, и правилом безопасности здесь будет не прикрепляться ни к одной из этих вещей и делать духовный прогресс одной-единственной настоящей целью и не доверять другим вещам, пока разум и душа жизни не очистятся, и свет духа и сверхразума или, по меньшей мере, духовно озаренного разума и души не прольется на эти внутренние диапазоны переживания. Ведь когда разум успокоен и очищен, и чистое психическое освобождено от настояния души желания, тогда эти переживания не содержат какой-либо серьезной опасности, — кроме, конечно, опасности ограниченности и определенного элемента ошибки, что не может быть полностью устранено, пока душа переживает и

действует на ментальном уровне. Ведь тогда есть чистое действие истинного психического сознания и его мощностей, есть восприятие психического переживания, чистого в себе и свободного от еще больших искажений, хотя и подчиненного ограничениям представляющего разума, и способного на высокое одухотворение и свет. Однако полная сила и истина могут придти только в ходе открытия сверхразума и супраментализации ментального и психического переживания.

Диапазон психического сознания и его переживаний почти неограничиваемый, и разнообразие и комплексность его явлений почти бесконечные. Здесь могут быть отмечены только некоторые широкие линии и главные черты. Первой и наиболее выдающейся является деятельность психических чувств, из которых обычно больше всего развито зрение, и оно первым проявляется с какой-либо широтой, когда рвется вуаль поглощения в поверхностном сознании, которая препятствует внутреннему видению. Но все физические чувства имеют соответствующие им силы в психическом существе, есть психический слух, осязание, обоняние, вкус: в действительности сами физические чувства являются только проекцией внутреннего чувства в ограниченную и направленную наружу операцию в явлениях грубой материи и через них. Психическое зрение характерно воспринимает образы, которые сформированы в тонкой материи ментального и психического эфира, *читакаша*. Эти образы могут быть транскрипциями или впечатлениями о физических вещах, личностях, сценах, событиях, обо всем, что есть, было или будет, либо может быть в физической вселенной. Эти образы видятся самыми разнообразными способами и при самых разных условиях; в Самадхи или в пробужденном состоянии, и в последнем случае с закрытыми или открытыми телесными глазами, спроецированными на или в физический объект или среду, либо видимыми как бы материализованными в физической атмосфере или только в психическом эфире, раскрывающем себя через эту более грубую физическую атмосферу; видимыми через сами физические глаза в качестве вторичного инструмента и как бы в условиях физического видения или только благодаря психическому видению и независимо от связей нашего обычного зрения с пространством. Настоящим агентом всегда является психическое зрение, и эта мощь указывает на то, что сознание более или менее пробуждено, периодически или обычно и более или менее совершенно, в физическом теле. Таким образом можно увидеть транскрипции или впечатления о вещах на любом расстоянии, превышающем дальность физического зрения, либо образы прошлого или будущего.

Кроме этих транскрипций или впечатлений психическое видение воспринимает мысленные образы и другие формы, порожденные постоянной деятельностью сознания в нас самих или в других человеческих существах, и, в соответствии с характером этой деятельности, это могут быть образы истинных или ложных, либо смешанных вещей, частично истинных, частично ложных, и могут быть также простыми оболочками и представлениями или образами, вдохновленными временной жизнью и сознанием и, возможно, несущими в себе тем или иным образом некоторого рода благотворное или пагубное действие, либо некое желаемое или

невольное воздействие на наши разумы или витальные существа, либо, через них, даже на тело. Эти транскрипции, впечатления, мысленные образы, жизненные образы, проекции сознания могут также быть представлением или творением не физического мира, а витального, психического или ментального миров за пределами нас, виденных в наших собственных разумах или спроецированных от других человеческих существ. И подобно тому, как есть психическое видение, самые высшие и обычные проявления которого называются ясновидением, так есть и психический слух и психическое осязание, вкус, обоняние — яснослышание, ясночувствование являются самыми внешними проявлениями, — с точно таким же диапазоном на собственный лад, с теми же самыми полями, манерой, условиями и разнообразиями своих явлений.

Эти и другие явления порождают непрямой, представительный диапазон психического переживания; но психическое чувство обладает также силой приведения нас в более прямое сообщение с земными или супраземными существами через их психическое *я* или их психические тела, либо даже в сообщении с вещами, ведь вещи тоже имеют психическую реальность, а также души или присутствия, поддерживающие их, которые могут сообщаться с нашим психическим сознанием. Самые заметные из этих более мощных, но более редких явлений — это те, которые присущи силе экстериоризации нашего сознания для различного рода действия, иного, чем в физическом теле, для связи в психическом теле или некой эманации и воспроизводства его, чаще всего, хотя это вовсе и не обязательно, во время сна или транса, а также для установления связей или сообщений самыми различными средствами с обитателями другого плана существования.

Всегда есть непрерывная шкала планов сознания, начиная с психического и иных поясов, прикрепленных к земному плану и зависящих от него, и проходящих через по-настоящему независимые витальные и психические миры и миры богов и высочайшие супраментальные и духовные планы существования. И эти планы, на самом деле, всегда действуют на наше сублиминальное *я*, оставаясь неизвестными нашему пробужденному разуму, но со значительным воздействием на нашу жизнь и природу. Физический разум составляет только малую часть нас, и есть гораздо более значительный диапазон нашего существа, в котором присутствие, влияние и силы иных планов активно воздействуют на нас и помогают вылепит наше внешнее существо и его активности. Пробуждение психического сознания позволяет нам начать осознавать эти силы, присутствия, влияния в нас и вокруг нас; и хотя в нечистом или невежественном и несовершенном уме этот нераскрытый контакт таит свою опасность, но он также дает нам возможность, если его правильно использовать и направлять, перестать быть подчиненными этим мирам и стать их мастером, сознательно завладеть внутренними тайнами нашей природы. Психическое сознание вскрывает это взаимодействие между внутренним и внешним планами, этим миром и иными мирами, частично благодаря осознанию, которое может быть самым постоянным, необъятным и живым, их влияний, внушений, сообщений для нашего внутреннего мышления и сознательно-

го существа и благодаря способности реагирования на них там, частично также через различного рода символические, транскрибированные или представительные образы, представленные для различных психических чувств. Но также сеть возможность более прямого, конкретно чувствуемого, почти материального, иногда действительно материального сообщения — кажется возможной полная, хотя и временная физическая материализация — с мощностями, силами и существами иных миров и планов. Может быть даже полное разрушение пределов физического сознания и материального существования.

Пробуждение психического сознания высвобождает в нас прямое использование разума в качестве шестого чувства, и эта мощь может быть сделана постоянной и обычной. Физическое сознание может лишь сообщаться с умами других или знать события мира вокруг нас через внешние средства, знаки и указания; при этом за пределами этого ограниченного действия лишь смутно и по случаю используются более прямые способности разума, бедный диапазон предчувствий, интуиций и сообщений. Наши умы в действительности постоянно воздействуют на умы других и подвержены в свою очередь их воздействию через скрытые потоки, которые мы не осознаем, и мы не знаем и не контролируем эту деятельность. Психическое сознание, по мере своего развития, заставляет нас осознавать громадную массу мыслей, чувств, внушений, волеизлияний, толчков, влияний разного рода, которые мы получаем от других или посылаем другим, либо поглощаем из общей атмосферы ума и бросаем их туда. По мере того, как психическое сознание развивается в силе, точности и ясности, мы становимся способными отслеживать источник этих движений или непосредственно чувствовать их происхождение и передавать и сознательно направлять наши собственные послания. Становится возможным осознавать, более или менее точно и отчетливо, действие умов будь то физически близких к нам или удаленных, понимать, чувствовать и отождествлять себя с их темпераментом, характером, мыслями, чувствами, реакциями, будь то благодаря психическому чувству или прямому ментальному восприятию, либо благодаря очень чувствительному и зачастую интенсивно конкретному восприятию их в нашем уме или на его записывающей поверхности. В то же время, мы можем начать осознавать свое внутреннее *я*, и тогда поверхностные умы других, если они достаточно чувствительные, осознают наше собственное внутреннее ментальное или психическое *я* и податливы к его мыслям, внушениям, влияниям, либо даже перебрасывают его влияние или активный образ в их субъективное, даже в их витальное и физическое существо, чтобы оно работало там как помогающая, формирующая или доминирующая мощь и присутствие.

И этим силам психического сознания не нужно иметь большего, и зачастую они и не имеют, чем ментальная польза и значение, но психическое сознание также может использоваться с духовным смыслом, светом и намерением в нем для духовной цели. Это может быть сделано благодаря духовному замыслу и использовано в нашем психическом взаимообмене с другими, и это в большой степени благодаря психо-духовному взаимообмену мастер Йоги помогает своему ученику. Знание нашей внутренней

сублиминальной и психической природы, знание их мощностей, присутствий и воздействий, а также способность сообщения с другими планами и их силами и существами также может использоваться для более высокой цели, чем ментальная или мирская цель, для обладания и господства надо всей нашей природой и для превосхождения промежуточных планов на пути ко всевышним духовным высотам существа. Но самое прямое духовное использование психического сознания заключается в том, что чтобы сделать его инструментом контакта, сообщения и единения с Божественным. Мир психо-духовных символов с готовоностью открывается для нас, нам становятся доступными озаренные, могучие и живые формы и инструменты, которые могут быть сделаны средствами раскрытия духовных значений, поддержкой для нашего духовного роста и эволюции духовной способности и переживания, средством к обретению духовной мощи, знания и Ананды. Мантра является одним из этих психо-духовных средств, одновременно символом, инструментом и звучащей плотью для божественной манифестации, и тот же самый род носят образы Божества и его личности или силы, используемые при медитации или для поклонения в Йоге. Раскрываются великие формы или тела Божественного, через которые он проявляет свое живое присутствие, и благодаря их посредству мы можем легче сокровенно познавать его, восхищаться им и отдавать себя ему и входить в различные Локи, миры его обитания и присутствия, где мы можем жить в свете его бытия. Его слово, команда, Адеш, присутствие, касание, руководство может придти к нам через наше одухотворенное психическое сознание и, в качестве тонко конкретных средств передачи от духа, психическое сознание может дать нам скрытую связь и близость к нему через все наши психические чувства. Эти и многие другие духовные использования психического сознания и чувства, хотя они и способны на ограничение и искажение, — ведь все вторичные инструменты из-за нашей ментальной способности исключительного само-ограничения могут быть также средством частичной реализации, хотя одновременно они мешают более интегральной реализации, — несут величайшую пользу на дороге к духовному совершенству и затем, освобожденные от ограничения наших умов, трансформированные и одухотворенные, они вносят элемент богатой детали в духовной Ананде.

Подобно физическому и витальному, психическое сознание и чувство также способно на супраментальную трансформацию и обретают благодаря ей собственную интегральную полноту и значение. Сверхразум завладевает психическим существом, спускается в него, преобразует его в оболочку собственной природы и возвышает его до части супраментального действия и состояния, супра-психического существа Виджняна Пуруши. Первым результатом этого преобразования является основание явлений психического сознания на их истинном фундаменте путем привнесения в него постоянного чувства, полной реализации, надежного обладания тождеством нашего разума и души с разумами и душами других, а также разумом и душой вселенской Природы. Ведь всегда воздействие супраментального роста состоит в том, чтобы универсализировать индивидуальное сознание. Подобному тому, как супраментальное сознание за-

ставляет нас жить, даже в нашем индивидуальном витальном движении и его связях со всем вокруг нас, со вселенской жизнью, точно также оно заставляет нас думать и чувствовать, хотя и через индивидуальный центр или инструмент, с универсальным разумом и психическим существом. Это ведет к двум важным результатам.

Во-первых, явления психического чувства и ума утрачивают фрагментарность и несвязность или же трудную регулировку и зачастую довольно искусственный порядок, который преследует их даже больше, чем он преследует нашу более привычную ментальную деятельность на поверхности, и они становятся гармоничной игрой вселенского внутреннего ума и души в нас, допускают их истинный закон и правление формы и связи и вскрывают их верные значения. Даже на ментальном плане можно достичь путем одухотворения разума некоторой реализации тождества души, но оно никогда по-настоящему не полное, по крайней мере, в своем приложении, и не обретает этого настоящего и полного закона, формы, связи, полной и безупречной истины и точности своих значений. И, во-вторых, деятельность психического сознания утрачивает весь характер ненормальности, исключительности, нерегулярности и даже опасно сверхнормального действия, зачастую принося потерю опоры на жизнь и возмущение или ущерб другим частям существа. Деятельность психического сознания обретает не только собственный верный порядок внутри себя, но и верную связь с физической жизнью на одной стороне и с духовной истиной существа на другой стороне, и все становится гармоничной манифестацией воплощенного духа. Это всегда зачинающий сверхразум содержит в себе истинные ценности, значения и связи других частей нашего существа, и его развертывание является условием интегрального обладания нашим *я* и природой.

Полная трансформация приходит благодаря определенному изменению не просто положения или уровня нашего рассматривающего сознательного *я* или даже его закона и характера, но также и всей субстанции нашего сознательного существа. Пока это не сделано, супраментальное сознание проявляется над ментальной и психической атмосферой существа, — в которой физическое уже стало подчиненным и до большой степени зависимым методом выражения нашего *я*, — и оно посылает вниз мощь, свет и влияние, чтобы озарить его и преобразовать. Но только когда субстанция низшего сознания изменена, мощно наполнена, чудесно трансформирована, поглощена большей энергией и ощущением бытия, *махин*, *брхат*, по отношению к которому она является выводом и проекцией, только тогда мы имеем совершенное, полное и настоящее супраментальное сознание. Субстанция, сознательный эфир существа, в котором ментальное или психическое сознание и ощущение живет, видит, чувствует и переживает — это нечто более тонкое, более свободное, более пластичное, чем субстанция и эфир физического разума и чувства. Пока над нами господствует атмосфера физического разума, психические явления могут казаться нам менее реальными, даже галлюционными, но чем больше мы приспосабливаемся к психическому и эфиру бытия, в котором оно живет, тем больше мы начинаем видеть большую истину и чувство-

вать более духовно конкретную субстанцию всего, чему является свидетелем большая и более свободная мощь переживания. Более того, физическое может казаться для себя нереальным и галлюционным — но это преувеличение и новая сбивающая исключительность из-за смещения центра и изменения действия разума и чувства — или, в любом случае, оно может показаться менее сильно реальным. Однако, когда психическое и физическое переживания хорошо сочетаются в их истинном балансе, тогда мы живем одновременно в двух взаимодополняющих мирах нашего существа, каждый из которых имеет собственную реальность, но психический мир при этом вскрывает все то, что находится за физическим, взгляд и переживание души предшествует, освещает и объясняет физический взгляд и переживание. Супраментальная трансформация снова меняет всю субстанцию нашего сознания; она вносит эфир большего бытия, сознания, чувства, жизни, который, в свою очередь, убеждает психическое в недостаточности и заставляет казаться неполной реальностью и только частичной истиной всего того, чем мы становимся и чему мы являемся свидетелями.

Все переживания психического принимаются и поддерживаются в действительности в супраментальном сознании и его энергии, но они наполняются светом большей истины, субстанцией большего духа. Психическое сознание сначала поддерживается и освещается, затем наполняется и занимается супраментальным светом и мощью и раскрывающей интенсивностью его вибраций. Какое бы преувеличение, какая бы ошибка, рожденная из-за изолированной сферы действия, какое бы недостаточно озаренное впечатление, личное внушение, сбивающее влияние и намерение либо другая причина ограничения или искажения ни вмешивалась бы в истину ментального и психического переживания и знания, она вскрывается и исправляется, либо исчезает, не в силах устоять в свете самоистины — *сатьям*, *ртам* — вещей, личностей, событий, указаний, представлений, свойственных этой большей обширности. Все психические сообщения, транскрипции, впечатления, символы, образы получают свое истинное значение, занимают свое верное место, ставятся в надлежащую связь. Психическое понимание и ощущение озаряется супраментальным чувством и знанием, их явлениями, промежуточными между духовным и материальным мирами, начинают автоматически раскрывать собственную истину и значение, а также ограничения своей истины и значения. Образы, представленные внутреннему зрению, слуху, ощущению всех видов, занимаются или удерживаются в большей и более светлой массе вибраций, большей субстанции света и интенсивности, что приносит в них то же самое изменение, какое происходит в вещах физического чувства — большую тотальность, точность, вскрывающую силу чувственного знания, переносимого в образе. И, наконец, все поднимается и вбирается в сверхразуме и делается частью бесконечного светлого сознания, знания и переживания супраментального существа, Виджняна Пуруши.

Состояние существа после этой супраментальной трансформации будет во всех частях сознания и знания состоянием бесконечного и космического сознания, действующего через универсализированного индивиду-

ального Пурушу. Фундаментальной мощью будет осознание тождества, знания посредством тождества, — тождества бытия, сознания, силы бытия и сознания, восторга бытия, тождества с Бесконечным, Божественным, со всем тем, что есть в Бесконечном, со всем тем, что является выражением и манифестацией Божественного. Это осознание и знание будет использовать в качестве средств и инструментов духовное видение всего того, что знание посредством тождества может основать: супраментальную идею реальности и мышление природы прямого мысленного видения, мысленного слышания, мысленной памяти, которая вскрывает, интерпретирует или представляет осознанную истину всех вещей, а также внутреннюю истину речи, которая его выражает, и, наконец, супраментальное чувство, которое обеспечивает связь контакта в субстанции существа со всеми вещами и личностями, мощностями и силами на всех планах существования.

Супраментал не будет зависеть от инструментария чувства, к примеру, как физический разум зависит от показаний наших чувств, хотя он будет способен делать их стартовой точкой для более высоких форм познания, как он будет также способен проходить прямо через эти более высокие формы и делать чувство только средством формирования и объективного впечатления. Супраментальное существо одновременно трансформирует и вбирает в себя сегодняшнее мышление разума, преобразованное в гораздо большее знание посредством тождества, знание посредством тотального охвата, знание посредством сокровенного восприятия детали и связи, всего прямого, непосредственного, спонтанного, всего выражения уже существующего вечного знания *я*. Супраментальное существо вбирает, трансформирует, супраментализирует физическое чувство, шестое чувство способностей разума и психическое сознание и чувство и будет использовать их в качестве средства крайней внутренней объективности переживания. Ничто не будет по-настоящему внешним по отношению к нему, ведь оно будет переживать все в единстве космического сознания, которое будет его собственным, переживать единство бытия бесконечного, которое будет его собственным бытием. Супраментальное существо будет переживать материю, не только грубую материю, но и тонкую и самую тонкую, в качестве субстанции и формы духа, будет переживать супраментализированный разум в качестве средства или канала познания духа, будет переживать сверхразум в качестве бесконечного *я* знания и мощи знания и Ананды знания духа.

Часть четвертая
ЙОГА САМО-СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ГЛАВА XXV
К супраментальному видению времени

Все бытие, сознание, знание движется, тайно для нашего сегодняшнего поверхностного сознания, и открыто, когда мы поднимаемся за его пределы к духовным и супраментальным диапазонам, между двумя состояниями и силами существования: между состоянием безвременного Бесконечного и состоянием Бесконечного, развертывающегося в себе и организующего все вещи во времени. Эти два состояния противоположны друг другу и не совместимы друг с другом только для нашей ментальной логики с ее постоянным стесняющим спотыканием вокруг ложной концепции противоречий и конфронтации вечных противоположностей. В действительности, как мы находим, когда мы видим вещи со знанием, основанном на супраментальном тождестве и видении и мыслим с великой, глубокой и гибкой логикой, соответствующей тому знанию, эти два состояния предстают только сосуществующим и сопутствующим статусом и движением одной и той же истины Бесконечного. Безвременное Бесконечное держит в себе, в своей вечной истине бытия, за пределами этой манифестации, все то, что проявляется во Времени. Его временное сознание также является бесконечным в себе и поддерживает в себе одновременно в видении тотальностей и частностей, в видении мобильной последовательности или в мгновенном зрении и тотальном стабильном видении или целостном зрении то, что кажется нам прошлым, настоящим и будущим.

Сознание безвременного Бесконечного может быть принесено нам различными путями, но чаще всего оно накладывается на нашу ментальность путем своего отражения и мощного впечатления, либо делается присутствующим для нас как нечто над разумом, нечто, о чем ментальность осведомлена, к чему она поднимается, но во что она не может войти, потому что сама живет только в ощущении времени и в последовательности моментов. Если наш сегодняшний разум, нетрансформированный супраментальным воздействием, пытается войти в безвременное, он должен либо раствориться и потеряться в трансе Самадхи или же, оставаясь пробужденным, он чувствует себя распыленным в Бесконечном, где, возможно, есть ощущение супрафизического пространства, необъятность, безграничное расширение сознания, но нет *я* времени, движения времени и порядка времени. И если тогда ментальное существо все еще механически сознает вещи во времени, оно все же не способно иметь с ними дело на собственный лад, не способно установить истинную связь между безвременным и вещами во времени и не способно действовать и изъявлять

волю из этого неопределенного Бесконечного. Тогда для ментального Пуруши остается лишь механическое действие инструментов Пракрити, продолжающееся силой старого побуждения и привычки или продолженное введением прошлой энергии, *прарабдха*, либо остается действие хаотическое, неурегулированное, нескоординированное, это путанный осадок энергии, которая больше не имеет сознательного центра.

С другой стороны, супраментальное сознание основывается на всевышнем сознании безвременного Бесконечного, но при этом оно обладает тайной развертывания бесконечной Энергии во времени. Оно может либо занять свою позицию в сознании времени и держать безвременное бесконечное в качестве фона всевышнего и изначального бытия, откуда оно воспринимает все свое организующее знание, волю и действие, либо оно может, центрируясь в своем сущностном бытии, жить в безвременном, но жить и в манифестации во времени, которое оно чувствует и видит как бесконечное и как то же самое Бесконечное, и может выявлять, поддерживать и развивать в одном то, что оно божественно содержит в другом. Поэтому его сознание времени будет отличаться от сознания времени ментального существа, не будет бесконечно уноситься потоком мгновений и цепляться за каждое мгновение как за приостановку и быстро исчезающую опору, а будет основываться, во-первых, на своей вечной тождественности за пределами перемен во времени, во-вторых, на одновременной вечности Времени, в которой прошлое, настоящее и будущее существую вечно вместе в само-знании и само-мощности Вечного, в-третьих, на тотальности взгляда на три времени как на одно движение, единственно и неделимо виденное даже в последовательности стадий, периодов, циклов, и, наконец, — и это только в инструментальном сознании, — на пошаговой эволюции мгновений. Поэтому оно будет обладать знанием трех времен, *трикаладшти*, — что древние считали высшим знанием провидца и Риши, — не как ненормальной силой, а как обычным способом знания времени.

Это объединенное и бесконечное сознание времени и это видение и знание находятся во владении супраментального существа в его собственном всевышнем регионе света и полны только на высочайших уровнях супраментальной природы. Но при восхождении человеческого сознания через поднимающий и преобразующий эволюционный — то есть, самораскрывающийся, само-развивающийся, постепенно самосовершествующийся — ход Йоги, мы должны учесть три последовательные состояния, которые должны быть превзойдены, прежде чем мы сможем двигаться на высочайшем уровне. Первое состояние нашего сознания, то, в котором мы сейчас движемся, это разум неведения, который поднялся из несознания и незнания материальной Природы, — невежественный, но способный искать знание и находить его, по меньшей мере, в серии ментальных представлений, которые могут быть сделаны ключами к настоящей истине и, все более и более утончающийся и озаряющийся и делающийся прозрачным благодаря воздействию, проникновению и нисхождению света свыше, он подготавливает интеллект к открытости способности истинного познания. Вся истина является для этого разума вещью,

которой он изначально не обладает и должен был и должен еще обрести, вещью, внешней по отношению к себе, которую он должен собрать путем переживания или путем следования определенным установленным методам и правилам исследования, вычисления, приложения открытого закона, интерпретации знаков и намеков. Само его знание подразумевает предшествующее незнание; он — инструмент Авидьи.

Второе состояние сознания возможно только для человеческого существа, и обретается оно путем внутреннего освещения и трансформации разума неведения; это то состояние, в котором разум ищет свой источник знания скорее внутри, чем снаружи, и становится для собственного чувства и само-переживания, какими угодно средствами, разумом не изначального неведения, а само-забывшего знания. Разум сознает, что знание о всех вещах скрыто внутри него или, по крайней мере, где-то в существе, но как бы завуалированным и забытым, и знание приходит к нему не как вещь, добытая снаружи, а всегда тайно присутствовавшая внутри него и сейчас вспоминаемая и одновременно становящаяся известной как истинная, — каждая вещь на своем собственном месте, в своей степени, манере и мере. Такова позиция к познанию, даже когда поводом к знанию служит некое внешнее переживание, знак или указание, потому что это только повод, и уверенность разума в истине познанного зиждется не на внешнем указании или доказательстве, а на внутреннем подтверждающем свидетельствовании. Истинный разум является вселенским внутри нас, а индивидуальной является только его проекция на поверхность, и поэтому это второе состояние сознания мы имеем либо тогда, когда индивидуальный разум идет все больше внутрь и всегда сознательно или подсознательно близок и чувствителен к касаниям вселенской ментальности, в которой все содержится, воспринимается, способно быть проявленным или, еще более мощно, когда мы живем в сознании вселенского разума с личной ментальностью только в качестве проекции, отличающей границы, или переключателя для связи с поверхностью.

Третье состояние сознания — это состояние разума знания, в котором все вещи и все истины воспринимаются и переживаются как уже присутствующие и непосредственно достижимые путем внутреннего света на них, как когда обращаешь свой взгляд на вещи в комнате, уже знакомые и известные, — хотя эти вещи не всегда находятся в поле зрения, потому что видение не внимательно к ним, — и отмечает их как объекты предсуществующего знания. Отличие от второго само-забывшего состояния сознания состоит в том, что здесь нет ни необходимого усилия, ни поиска, а есть просто поворот или открытие внутреннего света на любое поле зрения, и поэтому это не припоминание вещей забытых и само-скрытых от разума, а светлое представление вещей уже присутствующих, готовых и доступных. Это последнее состояние возможно только путем частичной супраментализации интуитивной ментальности и ее полной открытости к любой и всякой связи из супраментальных диапазонов. Этот разум знания в своей сущности является мощью потенциального всемогущества, но в своей фактической работе на уровне ума он ограничен своим диапазоном и своей областью. Этот характер ограничения относится и к самому

сверхразуму, когда он спускается на ментальный уровень и работает в более низкой субстанции ментальности, хотя и на собственный лад и в теле мощи и света, и этот характер остается даже в действии супраментального понимания [supramental reason]. И только высшая супраментальная Шакти, действующая в собственных диапазонах, чья воля и знание работают всегда в безграничном свете и со свободной способностью неограничиваемого расширения знания, подвержена только таким ограничениям, которые само-накладываются на нее для ее собственных целей и ее собственной волей духа.

Человеческий разум, развивающийся в сверхразум, должен пройти через все эти стадии, и в своем восхождении и расширении он может переживать множество изменений и разнообразную расстановку сил и возможности сознания времени и знания времени. Поначалу человек в разуме неведения не может ни жить в сознании бесконечного времени, ни распоряжаться какой-либо прямой и настоящей силой знания тройного времени. Разум неведения живет не в неделимой непрерывности времени, а последовательно в каждый момент времени. Он имеет смутное ощущение непрерывности *я* и сущностной непрерывности переживания, имеет ощущение, источником которого является более глубокое *я* внутри нас, но поскольку он не живет в этом *я*, то он и не живет в настоящей непрерывности времени, а только использует это смутное, но все же настоятельное осознание в качестве фона, поддержки и уверенности в том, что иначе было бы для него постоянным, лишенным базы потоком его бытия. В практическом действии разума неведения его единственной опорой, отличной от его положения в текущем моменте, является линия, оставленная позади в прошлом и сохранившаяся в памяти, масса впечатлений, отложенных предыдущим переживанием и, на будущее, уверенность регулярности переживания и сила неопределенного предсказания, основанная частично на повторяющемся переживании и хорошо обоснованном выводе и частично на воображаемом построении и догадках. Разум неведения полагается на определенное основание или элемент относительных или моральных определенностей, но по части всего остального он имеет дело, главным образом, с вероятностями и возможностями.

Это из-за того, что разум в Неведении живет в моменте и движется от часа к часу подобно путешественнику, который видит только то, что близко и видимо вокруг его непосредственного местоположения и смутно припоминает, через что он прошел ранее, но все за пределами его непосредственного зрения не видно и не известно, и он еще должен обрести переживание этого. Поэтому человек в своем само-неведении, движущемся во времени, существует, как видели буддисты, только в последовательности мыслей и ощущений и внешних форм, представленных для его мышления и чувства. Только его текущее мгновенное *я* реально для него, его прошлое *я* мертво, либо постоянно растворяется или сохраняется в памяти, результате и впечатлении, его будущее полностью не существует или находится только в процессе создания или подготовки рождения. И мир вокруг него подчинен тому же правилу восприятия. Только его фактическая форма и итог событий и явлений присутствует и вполне реален

для него, его прошлое больше не существует или удерживается только в памяти и записи и настолько, насколько оно оставило свои мертвые памятники или все еще продолжает существовать в настоящем, а будущее пока еще вовсе не существует.

Однако следует заметить, что если бы наше знание настоящего не было бы ограничено нашей зависимостью от физического разума и чувства, то этот результат не был бы совершенно неизбежным. Если мы могли бы осознавать все текущее, все действие физических, витальных, ментальных энергий, работающих в данный момент, тогда, возможно, мы смогли бы увидеть и их прошлое, вовлеченное в них и их латентное будущее или, по меньшей мере, перейти от текущего к прошлому и будущему знанию. И при определенных условиях это могло бы породить ощущение настоящей и вечно-присутствующей непрерывности времени, живой позади и впереди, так и непосредственной, и дальнейший шаг мог бы перенести нас в вечно присутствующее ощущение нашего существования в бесконечном времени и в нашем безвременном *я*, и его манифестация в вечном времени тогда могла бы стать реальной для нас, и мы также смогли бы чувствовать безвременное *я* позади миров и реальность его вечной манифестации мира. В любом случае, возможность другого рода сознания времени, отличного от того, что мы имеем сейчас, возможность развития другого сознания, чем то, что свойственно физическому разуму и чувству, и разрушающего нашу заключенность в моменте и в разуме неведения с его ограничением ощущения, памяти, вывода и предположений.

В действительности, человек не удовлетворяется тем, чтобы жить только в настоящем времени, хотя именно это он делает с самой тяготеющей живостью и настоятельностью: он движим смотреть на «до» и «после», знать как можно больше о прошлом и пытаться заглянуть, насколько возможно и сколь бы ни туманно, в будущее. И в этом усилии он имеет определенных помощников, некоторые из которых зависят от его поверхностного ума, тогда как другие открыты к указаниям из другого сублиминального или сверхсознательного *я*, которое имеет большее, более тонкое и более уверенное знание. Его первым помощником является разум, идущий от причины к следствию и отслеживающий причину по следствию, открывая тем самым закон энергий и их выверенный механический ход, предполагая вечную одинаковость движений Природы, фиксируя ее временные меры и таким путем вычисляя прошлое и будущее на основе науки общий линий и выверенных результатов. Определенный ограниченный, но достаточно поразительный успех был достигнут на этом пути в области физической Природы, и могло бы показаться, что тот же самый метод может быть применим и к движениям разума и жизни и что, во всяком случае, только этот метод является единственно надежным средством человека на любом поле. Но на самом деле явления витальной и, тем более, ментальной природы в очень большой степени ускользают от средств вывода и вычисления, поскольку они не подчиняются какому-либо установленному закону, подобно фиксированному закону в области физического знания: такой закон может быть применим там только к ограниченному кругу упорядоченных событий и явлений, а во всем остальном мы

остаемся там, где и были — посреди смешанной массы относительных уверенностей, неопределенных вероятностей и невычислимых возможностей.

Это из-за того, что жизнь и разум вносят значительную тонкость и сложность движения, и при этом каждое реализованное движение несет в себе комплекс сил, и даже если бы мы смогли распутать все это, все, что просто реализовано и находится на поверхности или близко к ней, от нас все еще ускользало бы все остальное, смутное и скрытое, — скрытые и все же мощные содействующие причины, скрытые движения и мотивирующие силы, неразвернутые возможности, невычисленные и невычисляемые шансы вариации. Наш ограниченный интеллект оказывается здесь не в состоянии точно и уверенно, как на физическом поле, перейти от точной причины к точному следствию, то есть, от данного видимого ряда существующих условий к неизбежному выводу или к обязательно предшествовавшим условиям. Именно по этой причине предсказания и предвидения человеческого интеллекта постоянно расстраиваются и опрокидываются событиями, даже когда учитываются самые широкие данные и тщательно просматривается широчайший спектр возможностей. Жизнь и разум являются постоянным потоком возможностей, вмешивающимся между духом и материей, и на каждом шаге вносится, если и не бесконечное, то неопределенное количество возможностей, и этого достаточно для того, чтобы сделать ненадежным и относительным всякое логическое вычисление. Но, в дополнении к этому, за ними правит всевышний фактор, невычислимый человеческим разумом, — это воля души и тайного духа, причем воля души неопределимо изменчива, гибка и неуловима, а воля духа бесконечно и непостижимо императивна, и если и обязывается, то только собою и волей Бесконечного. Поэтому только путем отхода от поверхностного физического разума к психическому и духовному сознанию может стать полностью возможным видение и знание тройного времени, превосхождение нашего ограничения точкой зрения и обзором мгновения.

Тем не менее, есть двери, открывающиеся из внутреннего на внешнее сознание, что делает потенциально возможной проявляющуюся по случаю, но надежную мощь прямого ретро-видения прошлого, широчайшего обозрения настоящего и предвидения будущего. Прежде всего, есть определенные движения чувственного разума и витального сознания, носящие этот характер — из которых один вид движений, наиболее поражающий наше восприятие, был назван предчувствием. Эти движения — суть инстинктивные восприятия, смутные интуиции чувственного разума и витального существа; они, подобно всему инстинктивному в человеке, были подавлены, стали редкими или были дискредитированы как ненадежные нарастающей деятельностью ментального интеллекта. Если дать волю этим движениям, они смогли бы развивать и поставлять данные, не доступные обычному разуму и его чувствам. Но сами по себе они еще не были бы совершенно полезными или надежными указателями, пока их темнота не была бы освещена интерпретацией и руководством, которых не может дать обычный интеллект и не может обеспечить более высокая интуиция. Следовательно, интуиция является вторым и более важным средством из

доступных нам, и, действительно, интуиция может дать нам и иногда действительно дает нам совет и руководство на этом трудном поле. Но, действуя в нашей сегодняшней ментальности, она подчинена неопределенности в операции, несовершенна в своей работе, затемнена ложными имитирующими движениями воображения и подверженного ошибкам ментального суждения и постоянно охватывается, смешивается и искажается обычным действием разума с его постоянной подверженностью ошибке. Чтобы расширить и сделать надежной эту возможность работы более высокого светлого интеллекта, потребовалось бы образование организованной интуитивной ментальности, очищенной от этих недостатков.

Человек, столкнувшийся с этой неспособностью интеллекта и все же жаждущий знания будущего, стал прибегать ко внешним средствам: к приметам, гаданию, снам, астрологии и многим другим сходным данным для знания прошлого и будущего, что в менее скептические времена формулировалось в виде правдивых наук. Отрицаемые и дискредитированные скептическим разумом, эти науки все еще существуют, притягивая наши умы и придерживаясь собственной позиции, поддерживаемые желанием, легковерием и предрассудками, но также и частыми, хотя и несовершенными свидетельствованиями, в претензиях которых мы обретаем определенную меру истины. Более высокое психическое знание показывает нам, что в действительности мир полнится множеством систем соответствий и указаний, и что эти вещи, сколь бы неправильно не использующиеся человеческим интеллектом, могут на своем месте и при верных условиях дать нам реальные данные супрафизического знания. Однако, очевидно, что только интуитивное знание может открыть и сформулировать их, — ведь на самом деле именно интуитивный и психический разум изначально сформулировал эти пути познания, — и на практике будет найдено, что только интуитивное знание, не простое использование традиционной или случайной интерпретации, либо механического правила и формулы, может гарантировать правильное объяснение этих законов. В противном случае, схваченные поверхностным интеллектом, они склонны обратиться в густые джунгли ошибки.

Истинное и прямое знание или видение прошлого, настоящего и будущего начинается с открытия психического сознания и психических способностей. Психическое сознание — это то, которое сейчас часто называют сублиминальным *я*, тонким *я* или *я* сновидения в терминах индийской психологии, и его диапазон потенциального знания, почти бесконечный, как это было отмечено в последней главе, включает очень большую мощь и множество сил прозрения как в возможности, так и определенные действительности прошлого, настоящего и будущего. Его первой способностью, той, которая скорее всего привлекает внимание, является мощь видения с помощью психического чувства образов всех вещей в пространстве и времени. Проявляемая ясновидцами, медиумами и пророками, эта особая способность, ограниченная, хотя зачастую точная и четкая в действии, не подразумевает никакого развития внутренней души, духовного существа или высшего интеллекта. Это дверь, открытая по случаю, врожденным даром или некоторого рода давлением между пробужденным и

сублиминальным разумом и дающая доступ только к поверхности или окраинам сублиминального разума. Все вещи в определенной мощи и действии вселенского разума представляются образами — не только визуальными, если можно так сказать, но и слуховыми и прочими — и определенное развитие тонких или психических чувств делает возможным, — если нет вмешательства конструирующего ума и его воображений, если, другими словами, не вплетаются искусственные или фальсифицирующие образы, если психическое чувство свободно, искренне и пассивно, — восприятие этих представлений или транскрипций с совершенной точностью и позволяет не столько предсказывать, сколько видеть прошлое и будущее в правильных образах настоящего за пределами диапазона физических чувств. Точность этого рода видения зависит от придерживания изложения виденной вещи, и попытка вывести, интерпретировать или каким-либо иным образом выйти за пределы визуального знания может привести к большой ошибке, если одновременно нет сильной психической интуиции, тонкой и чистой, либо нет высшего развития светлого интуитивного интеллекта.

Более полное открытие психического сознания ведет нас далеко за пределы этой способности видения при помощи образов и дает нам доступ, в действительности, не к новому сознанию времени, а ко многим путям знания тройного времени. Сублиминальное или психическое *я* может приносить назад или проецировать себя в прошлые состояния сознания и переживания и предвидеть или даже, хотя это реже, сильно проецировать себя в будущие состояния сознания и переживания. Оно делает это путем временного вхождения или отождествления своего существа или своей мощи переживаемого знания либо с постоянствами или представлениями прошлого и будущего, которые поддерживаются в сознании вечного времени позади нашей ментальности или выбрасываются вечностью сверхразума в неделимую непрерывность видения времени. Либо оно может вызывать прошлое из подсознательной памяти, где оно всегда латентно, и давать ему в себе живую форму и нечто вроде возобновленного памятного существования, и равным образом оно может вызывать его из глубин латентности, где оно уже одновременно в существе, и аналогичным образом формировать для себя и переживать будущее. При помощи некоего психического мысленного видения или интуиции души оно может — это не то же самое, что и более тонкое и менее конкретное мысленное видение светлого интуитивного интеллекта — предвидеть или предузнавать будущее или передавать эту интуицию души в прошлое, которое ушло за вуаль, и восстанавливать его для знания в настоящем времени. Оно может развить символическое видение, которое передает прошлое и будущее через видение мощностей и значений, принадлежащим супрафизическим планам, но достаточно мощных для творения в материальной вселенной. Оно может чувствовать намерение Божественного, ум богов, все вещи и их знаки и указания, которые спускаются на душу, а также определять сложное движение сил. Оно также может чувствовать движение сил, которые представляют или отвечают на давление — насколько это может восприниматься как давление и действие — существ ментального, витального и

иных миров, которые имеют отношение к нашим жизням. Оно может собирать все виды указаний событий в прошлом, настоящем и будущем. Оно может воспринимать перед своим зрением эфирное писание, *акаша-липи*, которое содержит запись всех вещей прошлого, записывает происходящее в настоящий момент и выписывает будущее.

Все эти и множество других сил скрыты в нашем сублиминальном существе, и они могут быть вынесены на поверхность с пробуждением психического сознания. Знание наших прошлых жизней, — будь то прошлых состояний души, личностей, мест действий, происшествий, связей с другими, — а также знание прошлых жизней других, прошлого мира, будущего, существующих сейчас вещей, которые находятся за пределами диапазона наших физических чувств или за пределами охвата любыми средствами познания, открытыми поверхностному интеллекту, интуиция и впечатление не только о физических вещах, но и о работе прошлого, настоящего и будущего разума и жизни и души в нас самих и в других, знание не только этого мира, но и иных миров или планов сознания и их манифестаций во времени, их вмешательство, работа и воздействие на землю и на воплощенные на земле души и на их судьбы — все это открыто для нашего психического существа, потому что оно близко к сокровенным сообщениям вселенского, не поглощено только, или главным образом, непосредственным и не зажато в узкий круг чисто личного и физического переживания.

В то же самое время эти силы страдают из-за того недостатка, что они никоим образом не свободны от склонности к путанице и ошибке, и особенно низшие диапазоны и более внешние работы психического сознания подвержены опасным влияниям, сильным иллюзиям, путанице, извращению и искажающим внушениям и образам. Очищенный разум и сердце, а также сильная и тонкая психическая интуиция могут делать многое, чтобы защитить от искажения и ошибки, но даже самое высокоразвитое психическое сознание не может быть абсолютно обезопасено от этого, пока психическое не озарено и не поднято более высокой силой и не затронуто и не укреплено светлым интуитивным умом, который, в свою очередь, поднялся к супраментальной энергии духа. Психическое сознание не получает свое временное знание из непосредственного жития неделимой непрерывности духа, и оно не обязано проводить совершенное интуитивное различение или абсолютный свет более высокого сознания истины. Подобно разуму оно получает свои временные восприятия только частично и детально, оно открыто ко всевозможным внушениям, и поскольку его диапазон знания шире, чем у разума, то и более разнообразны и источники его ошибок. И из прошлого приходит не только то, что было, но и то, что могло бы быть или пыталось быть, но чему не удалось стать; из настоящего на него напирает не только то, что есть, но и то, что может быть или хочет быть; из будущего его посещают не только вещи, которые будут, но и предложения, интуиции, видения и образы возможностей разного рода. И всегда также есть возможность ментальных конструкций и ментальных образов, смешивающихся с настоящей истиной вещей в представлениях психического переживания.

Приход к поверхности сокровенных сообщений сублиминального *я* и деятельность психического сознания имеют тенденцию обращать разум неведения, с которого мы начали, все больше, но несовершенно, в разум само-забывшего знания, постоянно озаряемого сокровенными сообщениями и подъемами из внутреннего существа, *антаратман*, лучами от все еще сокрытого осознания его целого *я* и бесконечного содержания, и из осознания — представляющегося здесь в качестве некой памяти, воспоминания или выявления — внутренне присущего и перманентного, но скрытого знания прошлого, настоящего и будущего, которое всегда переносится вечным духом внутри себя. Но воплощенный, как и мы, и основанный на физическом сознании, разум неведения все еще продолжает существовать как обусловливающее окружение, вмешивающаяся мощь и ограничивающая привычная сила, препятствующая и смешивающаяся с новой формацией или выступающая, даже в моменты большого озарения, как пограничная стена и сильный субстрат, который навязывает свои неспособности и ошибки. И чтобы исправить этот сохраняющийся дефект, сначала требуется развить мощь светлого интуитивного интеллекта, видящего истину времени и его событий, как и другую истину посредством интуитивного мышления, чувства и видения и распознающего и изгоняющего вторжение ошибки своим природным светом различения.

Все интуитивное знание приходит более или менее напрямую из света само-осознающего духа, входящего в разум, духа, скрытого за разумом и сознающего все в себе и во всем их *я*, всезнающего и способного озарять невежественный и само-забывший разум будь то редкими или постоянными вспышками, либо устойчивым втекающим светом. Все это включает то, что было, есть или будет во времени, и это всезнание не ограничено, не затруднено и не сбито с толку нашим ментальным делением во времени, как и идеей и переживанием умершего и больше не существующего и плохо припоминаемого или забытого прошлого, а также еще не существующего и потому непознаваемого будущего, что так императивно для разума неведения. В соответствии со своим ростом интуитивный разум может принести с собой способность знания времени, которая приходит к нему не из внешних намеков, а изнутри вселенской души вещей, ее вечной памяти о прошлом, ее неограниченным удержанием вещей настоящего и ее сохранением или, как это было парадоксально, но верно сказано, ее памятью о будущем. Но поначалу эта способность работает спорадически и неопределенно и не организованным образом. По мере роста интуитивного знания появляется больше возможностей распоряжаться использованием этой способности и до определенной степени регуляризировать ее работу и разнообразные движения. Может установиться приобретенная мощь распоряжаться материалами, а также главное или детальное знание вещей в тройном времени, но обычно это формируется как особая или ненормальная мощь, а обычное действие ментальности или большая его часть все еще остается действием разума неведения. Очевидно, что это является несовершенством и ограничением, и только когда эта мощь займет свое место в качестве обычного и естественного действия полностью интуитивизированного ума, только тогда там может быть совершенство спо-

собности знания тройного времени, насколько это вообще возможно в ментальном существе.

Только путем постепенного вытеснения обычного действия интеллекта, обретения полной и тотальной опоры на интуитивное *я* и последующей интуитивизации всех частей ментального существа разум неведения может быть более успешно, если пока что не полностью, замещен разумом само-содержащего знания. Но, что особенно требуется для этого вида знания, это прекращение ментальных построений, выстраиваемых на фундаменте разума неведения. Разница между обычным и интуитивным разумом состоит в том, что обычный разум, ища во тьме или, по большей части, с помощью своих мерцающих факелов, во-первых, видит вещи только такими, как они представляются в его свете и, во-вторых, когда он не знает, он конструирует с помощью воображения, неуверенного вывода, других своих средств и приспособлений вещи, которые он легко принимает за истину: теневые проекции, туманные сооружения, нереальные продолжения, обманчивые предвидения, возможности вероятности, которые замещают уверенность. Интуитивный разум ничего не строит таким искусственным образом, а делает себя получателем света и позволяет истине проявиться в себе и организовать собственные построения. Но пока есть смешанное действие и позволяется действие ментальных конструкций и воображений, эта пассивная открытость интуитивного разума высшему свету, истинному свету, не может быть полной и не может надежно преобладать, и поэтому не может быть прочной организации знания тройного времени. Именно из-за этого препятствия и смешения мощь видения времени, взгляда назад, взгляда вокруг и взгляда вперед, которая иногда отмечает озаренный разум, является не только ненормальной мощью среди других (а не частью самой текстуры ментального действия), но и случайной, очень частичной и часто искаженной необнаруженной примесью или само-поддерживающимся вмешательством ошибки.

Вмешивающиеся ментальные конструкции бывают, главным образом, двух типов: первые и самые искажающие — это те, которые проистекают из напряжения воли, претендуют на то, чтобы видеть и определять, вмешиваясь со знанием и не позволяя интуиции быть пассивной к свету истине и быть ее безучастным и чистым каналом. Личная воля, принимая будь то форму эмоций и желаний сердца, либо витальных желаний, сильных динамических волеизлияний или волевых предпочтений интеллекта, является очевидным источником искажения, когда все это пытается, как оно обычно и пытается и не без успеха, наложить себя на знание и заставить нас принять то, что мы хотим или волим, за то, что было, есть или должно быть. Ведь они либо препятствуют действию истинного знания, либо захватывают его, если оно вообще преподносит себя, затем выворачивают его и делают получившуюся деформацию оправдательным базисом для массы плохо слепленной лжи. Личная воля должна быть либо оставлена, либо ее предложения должны держаться на своем месте, пока всевышняя ссылка не будет сделана на высший безличностный свет, и затем предложения личной воли должны быть одобрены или отвергнуты согласно той истине, которая приходит из более глубокого или более вы-

сокого источника, чем разум. Но даже если личная воля удерживается в подчинении, и разум готов к восприятию, истинное знание может атаковаться и обкладываться внушениями со стороны всех видов сил и возможностей, которые борются в мире для реализации и приходят представляющими вещи, брошенными ими в поток их воли быть в качестве истины прошлого, настоящего или будущего. И если разум представляет себя этим самозванным внушениям, принимает их самооценки, не отстраняет их или не соотносит их со светом истины, тогда неизбежно то же самое извращение или искажение истины. Есть возможность полностью исключить волевой элемент и сделать разум молчаливым и пассивным регистратором высшего светлого знания, и в этом случае становится возможным гораздо более точное восприятие интуицией времени. Однако интегральность бытия требует и действия воли, а не только неактивного познания, и поэтому большим и более совершенным решением будет постепенно заменять личную волю универсализированной волей, которая не настаивает ни на чем, что не чувствуется его надежной интуицией, вдохновением или откровением того, что должно исходить из того высшего света, в котором воля едина со знанием.

Второй вид ментального построения принадлежит самой природе нашего разума и интеллекта и его обращению с вещами во времени. Все здесь видится разумом как сумма реализованных действительностей с их прошлым и с их естественными последствиями, как некая неопределенность возможностей и, возможно, хотя в этом нет уверенности, и некая определенное нечто позади: воля, судьба или Мощь, которая отвергает одни возможности и допускает или вызывает другие. Поэтому его построения делаются частично из выводов из фактического материала, как прошлого, так и настоящего, частично из умышленного или воображаемого и предположительного отбора и комбинирования возможностей и частично из убедительного рассуждения, предпочитаемого суждения или настоятельной созидательной воли интеллекта, которая пытается зафиксировать из массы действительностей и возможностей определенную истину, которую она стремится открыть или определить. Все это, что совершенно необходимо для нашего мышления и действия в разуме, должно быть исключено или трансформировано, прежде чем интуитивное знание сможет заиметь шанс организовать себя на прочном базисе. Эта трансформация возможна, потому что интуитивный разум должен делать ту же самую работу и покрывать то же самое поле, но с другим обращением с материалом и с другим освещением их значимости. Это исключение возможно, потому что все на самом деле содержится в сознании истины свыше, и успокоение разума неведения и полная восприимчивость не находится за пределами нашего круга, в котором интуиции, нисходящие из сознания истины, могут восприниматься с тонкой или строгой точностью, и все материалы знания видятся на их верном месте и в истинной пропорции. На практике окажется, что оба метода будут использоваться поочередно или вместе, чтобы вызвать переход от одного рода ментальности к другому.

Интуитивный ум, имея дело с движением тройного времени, должен правильно видеть в мысленном чувстве и видеть три вещи: действительности, возможности и императивы. Прежде всего, есть развитое первичное интуитивное действие, которое видит, главным образом, поток последовательных действительностей во времени, даже как обычный разум, но с непосредственной прямотой истины и спонтанной точностью, на которую не способен обычный разум. Интуитивный ум видит, прежде всего, путем восприятия, мыслительного действия, мыслительного чувства, мыслительного видения, которое сразу же распознает силы, воздействующие на личности и вещи, мысли, намерения, побуждения, энергии, воздействия в них и вокруг них, те, что уже были сформулированы в них и те, что находятся в процессе формирования, а также те, что приходят или готовы придти в них или на них из окружения или из тайных источников, не видимых для обычного разума; он различает их путем быстрого интуитивного анализа, свободного от поиска или труда или путем синтезного тотального взгляда на комплекс этих сил, он отличает эффективные от неэффективных или частично эффективных и видит также тот результат, который возникает. Таков интегральный процесс интуитивного видения действительностей, но есть и другие процессы, менее полные в своем характере. Ведь может быть развита сила видения результата без какого-либо предыдущего или одновременного восприятия работающих сил, либо эти силы могут быть видны лишь впоследствии, а сразу же становится известны только результат. С другой стороны, может быть частичное или полное восприятие комплекса сил, не неуверенность в определенном результате, либо только медленное достижение или относительная уверенность. Таковы стадии в развитии способности тотального и объединенного видения действительности.

Этот вид интуитивного знания не является полностью совершенным инструментом знания времени. Это знание обычно живет в потоке настоящего времени и правильно видит от мгновения к мгновению только настоящее время, непосредственное прошлое и непосредственное будущее. Верно, что оно может проецировать себя назад и правильно воспроизводить прошлое действие благодаря той же самой мощи и процессу, либо проецировать себя вперед и правильно воспроизводить нечто в более отдаленном будущем. Но для обычной мощи мысленного видения это является более редким и более трудным усилием, и обычно для использования этого само-проецирования требуется помощь и поддержка психического видения. Более того, оно может видеть только то, что будет достигнуто при ненарушаемом ходе развития действительностей, и его видение больше не действует, если некий непредвиденный прорыв сил или вмешивающаяся мощь нисходит из областей большей потенциальности, меняя комплекс условий, а это то, что постоянно происходит при действии сил в движении времени. Оно может помочь себе путем восприятия вдохновений, которые озаряют для него эти потенциальности, а также путем восприятия императивных откровений, которые указывают на то, что является решающим в них и в их последствиях, и двумя этими силами корректировать ограничения интуитивного ума действительности. Но спо-

собность этого первого интуитивного действия обращаться с этим большим источником видения никогда не является вполне совершенной, как это всегда должно происходить с более низкой силой при ее обращении с материалами, данными ей из большего сознания. Характерным ее действием всегда должно быть существенное ограничение видения из-за его упора на поток непосредственных действительностей. Однако можно развить разум светлого вдохновения, которому будет ближе большая потенциальность движений времени и который будет яснее видеть отдаленные вещи и одновременно будет вбирать в себя, в свой более сверкающий, более широкий и мощный свет, интуитивное знание действительностей. Этот вдохновленный разум будет видеть вещи в свете больших потенциальностей мира и будет отмечать поток действительности как отбор и результат из массы мощных возможностей. Однако если его не будет посещать достаточно откровенное знание императивов, тогда он будет подвержен колебанию или подозрению, выбирая между разнообразными потенциальными линиями движения, либо даже может отходить от линии окончательной действительности и следовать другой, еще не применимой последовательности. Императивное откровение свыше будет помогать смягчать это ограничение, но здесь опять же будет трудность низшей силы, имеющей дело с материалами, данными ей из богатства более высокого света и силы. Но также можно развить разум светлого откровения, который, вбирая в себя эти два более низких движения, видит то, что определяется за игрой потенциальностей и действительностей, и наблюдает их в качестве своего средства развертывания своих императивных решений. Интуитивный разум, так составленный и получающий помощь из активного психического сознания, может распоряжаться очень примечательной мощью знания времени.

В то же время будет найдено, что это все еще ограниченный инструмент. Прежде всего, он будет представлять лучшее знание, работающее в веществе разума, брошенное в ментальные формы и все еще подчиненное ментальным условиям и ограничениям. Он всегда будет опираться, главным образом, на последовательность текущих моментов как на основание для своих шагов и на последовательность знания, сколь бы далеко оно ни забегало вперед или отходило назад, — он будет двигаться в потоке Времени даже в своем более высоком раскрывающем действии и не будет видеть движение свыше или в стабильностях вечного времени с их большими диапазонами видения, и поэтому он будет всегда связан вторичным и ограниченным действием и определенным ослаблением, оговорками и отностиельностями в своих действиях. Более того, его знание будет не обладанием в себе, а восприятием знания. В лучшем случае вместо разума неведения будет создан разум само-забывшего знания, постоянно получающий напоминания и озаряемый из латентного само-осознания и всеосознания. Диапазон, размах, обычные линии действия этого знания будут меняться согласно его развитию, но оно никогда не будет свободным от самых сильных ограничений. И это ограничение будет оставлять лазейку для все еще существующего подсознательно или в окружении разума неведения вновь утвердить себя, вторгаться, действуя там, где интуи-

тивное знание отказывается или не способно действовать и принося снова с собой свою путаницу, смешение и ошибку. Единственно надежным средством тогда будет отказ от попытки узнать или, по крайней мере, приостановка усилия познания, пока высший свет не спустится и не расширит его действие. Такое самоограничение трудно для разума и, если его слишком настоятельно применять, оно может ограничить рост искателя. С другой стороны, если позволить снова появиться разуму неведения и позволить ему искать в собственной спотыкающейся несовершенной силе, тогда может происходить постоянное колебание между этими двумя состояниями, либо смешанное действие двух сил вместо определенного, хотя и относительного совершенства.

Выход из этой дилеммы заключается в большем совершенствовании, по отношению к которому формация интуитивного, вдохновленного и раскрывающего разума является только подготовительной стадией, и это совершенство приходит путем постоянного вливания и нисхождения супраментального света и энергии во все ментальное существо и постоянного подъема интуиции и ее сил к их источнику в открытых великолепиях супраментальной природы. Тогда есть двойное действие: действие интуитивного разума, осознающего, открытого и постоянно соотносящего свое знание со светом над собой для поддержки и подтверждения, и действия света, самого созидающего высочайший разум знания, — действительно само супраментальное действие во все более трансформированном веществе разума и при все менее настоятельном подчинении ментальным условиям. Так формируется более низкое супраментальное действие, разум знания, всегда стремящийся превратиться в истинный сверхразум знания. Все более определенно исключается разум неведения, и его место занимает разум само-забывшего знания, озаренный интуицией, и сама интуиция, более совершенно организованная, становится способной отвечать все большему и большему требованию. Нарастающий разум знания действует как промежуточная мощь, и, по мере того, как эта мощь формируется, она работает над разумом неведения, трансформирует или замещает его и ведет к дальнейшему изменению, которое вызывает переход от разума к сверхразуму. Именно здесь начинает происходить перемена в сознании времени и знании времени, которая находит свою основу, полную реальность и значимость только на супраментальных уровнях. Поэтому работы этой мощи могут стать более понятными в связи с истиной сверхразума: ведь разум знания является только проекцией и последним шагом в восхождении к супраментальной природе.